

И зачем я только в это ввязался? Сидел бы себе где-нибудь на отшибе, ни о чем не ведал. Так нет! Встрял по самое не балуй! На самое острие! Всей этой политической фигни. И теперь я сам — политик. Только как же хочется обратно, в поле, чтобы ветер в волосах, и...

Москва... величественная, и красивая. Вся такая в... огнях, словно в блестках, в перламутре и золоте. Живёт своей жизнью, и ничего не ведаёт. А у меня тут труп! — отвернулся я от стекла окна, сквозь которое любовался городом, и повернулся к креслу, по которому растёкся киселём человек.

Хотя, человек ли? Ну, не в смысле биологии, а в смысле природы характера. Все же...

— Её зовут Нина Николаевна Сом, — заговорил вошедший в помещение человек, мой помощник, что притащил дело на труп — работает в кремле уже два года. Особых отметок не имеет. Порядочна, прилежна...

— Значит её готовили давно и держали на «особый» случай. — ответил я, и вновь вернулся к лицезрению далёкого города сквозь тонкое стекло.

— Либо использовали в тёмную.

— Тоже возможно, но на вряд ли. — ухмыльнулся я не поворачиваясь, и увидев сомнение на лице человека в отражении окна, решил пояснить — Она хорошо играла, но её выдавали глаза. Человек, не ведающий, не знающий, что в стакане яд, не будет смотреть на «обычную воду» с таким первобытным страхом.

— Значит все-таки агент. — захлопнул папку с делом на уже мёртвую прислугу мой помощник, и ещё и мой полный тёзка, и взглянул на развалившийся в кресле труп.

Я тоже на него взглянул, не отворачиваясь от окна. Хотя, че там смотреть? Мёртвая девушка, лет тридцати. Покрасневшее, как от жара, лицо, запрокинутая назад голова, застывшая в том положении, в котором я её оставил, выпавший язык, и вывалившиеся из глазниц красные глаза.

То ещё зрелище! А я... немного сглупил.

Ну... притащила мне секретарша воды в стакане... вообще-то, это конечно палевно! Не моя секретарша, да еще и в стакане! Но у неё была достойная отмаза, мол соседний кабинет, передаёт тебе привет! И учитывая, что этот кабинет, работает так же, как и я, до самого поздно — до утра! А его хозяин, видит во мне, почти что свою дочку... я бы даже поверил! Да вот только от воды этой... за километр пахло не водой.

Не знаю, что там была за дрянь, но просто плеснуть ею в лицо этой подлой девчонки было достаточно, чтобы она чуть ли не мгновенно сдохла, от отказа нервной ткани. Яд просочился сквозь слизистую глаз сразу в мозг, и тот скопытился прежде чем я успел сообразить.

Стакана этой дряни хватило бы не то, что на слона, но даже на меня! От пары плотков я бы скопытился столь же стремительно, как и она, не успев что-либо предпринять. А если бы не умер... стал бы инвалидом. С мёртвым мозгом.

Очень мощная дрянь! Явно не из соседнего хоз. мага, где продают крысиный яд! А я... тот еще debil, что взял и плеснул им в лицо главного свидетеля — исполнителя! Наивно веря, что если эту хню прозрачную не пить, эффекта и не будет.

— Что говорят эксперты? — проговорил я, обращаясь к отражению в стекле окна.

— Помилуйте, Александра Николаевна! Они только начали! — взмолился мой помощник, тоже Александр, и тоже Николаевич. — раньше утра их ждать не стоит.

— Так уж... — буркнул я, заметив узкую полоску света, вдалеке, на горизонте.

— Следующего утра. — вздохнул мой собеседник.

— Что ж они такие не расторопные. — пробурчал я недовольно, и развернулся в сторону двери, чтоб выйти прочь из кабинета.

Выйти, и дать кому-нибудь разгон! А то ведь столько энергии зря пропадет... но столкнулся взглядами с людьми в форме, заходящими в мой кабинет сразу всей толпой. СБ! Видимо, они закончили приватную беседу с хозяином соседнего кабинета, и решили поговорить со мной. Тоже, не менее приватно.

Так, кто у них тут главный? Ага! Вот этот, самый рослый... ну, сейчас я ему голову-то осеменю... Не зря ж меня тут назначили главным по «особым» вопросам! Уж точно, не для того, чтобы всякие... полковники! Блин... вопросами пичкали.

Или для этого? Ведь если так подумать, я здесь, в кремле, по сроку, работаю по меньше, чем эта «девочка с ядом», что меня желала в моём же кабинете хлопнуть. А с того момента — взглянул я вновь, на златоглавую Москву, что молодое солнце, уж осветило своими предрассветными лучами, окрасив всё в багровые тона — как мы со спецназом и морским десантом, брали эти укрепления, под грохот выстрелов из танка, прошло уже без малого шесть лет.

Мир изменился, и сильно. Бессмертные больше не тайна за семью печатями. И больше не то, пред чем все трепещут. Нас научились убивать! Что, впрочем, не умоляет нашей боевой мощи, и звания «человек-армия». И скорее даже приумножает нашу ценность.

Магмойды вообще не тайна, а даже обыденность. Каждый день, в новостях сообщают об одном или двух происшествии с ними. Сбитые на подлете, или бое где-нибудь на пустыре во имя их энергетических ядер. Даже целый телеканал есть, что ежедневно крутит ролики со сражениями с тварями, показывает это же в прямом эфире. Ну или кто-нибудь по ту сторону экрана начинает философствовать на эту же тему. В общем, делают деньги на злободневном.

Что не особо удивительно, хотя бы уж от того, что с раскрытием правды нас опередили. Америка сразу поняла, что мы планируем делать сразу после референдума, и сделала сенсацию сама. Причем настолько умело, что нам только и оставалось, что поаплодировать, и присоединится к веселию, дабы не остаться за бортом, и не стать мощенью для мира, но уже по объективной причине.

Так что деньги вокруг тварей... крутятся не малые. И тут дело не только в шоу бизнесе. Но всё это вещи от меня далекий.

Я слаб! По меркам бессмертных. И ценен, по меркам человека. Я не могу участвовать в сражениях — не пустят, не дадут! Да и желающих — вагон. Люди и сами по себе играючи справляются с тварями, не говоря уж о помощи бессмертных.

Так что нынче мой удел — сидеть по кабинетам. Точнее сказать — ездить! По крайней мере так было в начале. Когда почти раздробленную на куски страну, требовалось сшить обратно воедино. А кто это должен делать?... естественно не я один! Но это адская работа, и, наверное, я один, кто продержался столь долго и не сдох.

И то, потому что бессмертный, и то, потому что пролежал потом год в больнице, киселем, собирая уже себя обратно. Не стоило все же забивать на всё, даже на свое тело, на контроль над ним, во имя высвобождения лишних ресурсов мозга для стратегического планирования.

Но тогда иного пути просто не было.

И вот, вернув себе обратно целостность плоти, и желая наконец отдохнуть и покоятся на лаврах — страна то, типо, восстановилась! Я оказался здесь, в кремле, главным по особым вопросам. Меня особо то никто и не спрашивал, хочу я им быть, или нет, просто сказали:

«завтра, на работу!» Даже не уточнив, что будет, если не приду, типо «сама догадаешься!».

И почему со мной так поступили, я тоже понимаю — бардак у них тут то еще.

— То есть вы...

— Знаете, что я вам скажу, полковник — поднял я вои глаза на собеседника, упертого, но бестолкового.

Заглянул ему в его бесстыжие глаза, и ухмыльнулся. Грустно так, печально. Если это, главнюк из СБ кремля — то у нас большие проблемы!

— И что же, Сашенька вы нам поведаете? — ухмыльнулся в ответ СБешник, чья голова уже распухла, но беременной еще не стала.

— Очень интересное содержание нашей беседы. Например, что в вашем табельном — бросил взгляд я на спрятавшуюся под левой рукой полковника кобуру — не хватает патрона. Вы забыли его в оружейке. — ухмыльнулся, глядя как дернулся оппонент — Вашему сыну пять лет, а вашей дочери четыре года. Вы обожаете дочь, и недолюбливаете сына, считая его недостаточно сообразительным для своего возраста. Меня же вы тихо ненавидите, потому как я на неё похожа, и в глубине души, вы знаете, что в реальности все наоборот — сын то гений, а вот дочка не очень. А еще жена у вас, кхм, — шмыгнул я носом — бревнышко.

— Ты... — прошипел покраснений служивый, но я поднял пальчик, показывая, что желаю договорить, а мы тут все не в тех отношениях, когда можно просто так прерывать собеседника.

— Вы уже давно думаете гульнуть на сторону, но будучи честным семьянином, не...

— Заткнись. — прошипел СБшник, опуская взгляд, и сжимая кулаки, старясь взять себя в руки.

Ладно, выдержка у него есть, а значит — он не безнадежен!

— Вот этот вот всё, — сменил я ехидный голос на серьезный — я узнал, просто слушая ваши вопросы. Я не залазил к вам в голову, как вы могли подумать, и не читал вашего личного дела пред тем как вы сюда пришли. Я вообще вас впервые вижу, хотя все же не могу сказать, что не слышал о вас ранее. Все же слухи, эх, — вздохнул я печально, понимая, что это вообще-то плохо — ходят даже по кремлю. Но всё, что я вам сейчас сказал, я узнал просто слушая ваши вопросы. А что вы обо мне узнали, задавая их? — заглянул вновь в глаза человеку, что сам их на меня поднял.

Человеку, что понял, что на допросе тут был он, а не я. Что даже вопросами, что он задавал, я манипулировал. И что осознал, чтобы он сейчас не сказал, это будет частью моего плана, и я извлеку из этого выгоду.

— Думаю, мы закончили. — проговорил он громко, и тоном начальника, будь то допрос, всегда был сугубо односторонним, и ничем не прерывался.

И ушел, словно победитель, забрав с собой и всех своих ребят, что до этого, подпирали стенки по углам. Так бы они пошмонали бумажки в моих шкафах и на столе, но... не имеют право! Так что были лишь декором, для создания авторитета.

Впрочем, не факт, что на этом все кончилось. Покушение было, тело лет тридцати все еще здесь, так что так просто это все не закончится, и трясти будут всех доступных еще ой как долго. И это правильно. Главное, чтобы в СБ все же были люди поумнее того паренька с древесной женой.

— А ведь вы его обманули. — проговорил мой помощник, запуская в кабинет группу санитаров, что наконец явилась по тело.

— Ага. — буркнул я, вновь вернувшись к окну, где багровый уже сменился золотым.

Я не умею читать людей по разговорам! А тем более — по их вопросам. Не пойму ни капельки, даже если мне объяснят... зато я знаю тех, кто так умеет! И знаю, что такие должны быть в нашей службе безопасности. А у меня... а у меня есть нюх.

— Что значит «не можете»?! — рявкнул я в трубку старого телефонного аппарата, кипя от возмущения — Мне что, сам... Вот то-то же — произнес уже спокойней, тут же остывая — ЧТО ЗНАЧИТ «ЗАВТРА»?! — но ненадолго — Да я, блин, вам что тут?!.. Даже блин тоже тут сижу! Какие нафиг «одиннадцать часов»?! Иначе лично шкуру спущу! И поверь мне — усмехнулся я лукаво — это не пустое обещание.

И положил трубку, продолжая ухмыляться, представляя, как моего собеседника там передергивает от собственной фантазии. Я конечно суров, но...

— Эх... — вздохнул, и взглянул на заваленный бумагами стол.

И эта ночь обещает быть долгой! А когда было иначе? Я тут уже полгода сплю по четыре часа в неделю, разгребая бардак, и наводя порядок. И ни конца, ни края, пока не наблюдаю. А всё дело в... саботаже.

— Надо проветрится.

Пойти куда-нибудь прогуляться! Воздухом подышать... вспомнить беззаботную юность, когда я по подворотням бегал, упырей гонял! А не вот этот вот всё, бумажное. Вопроснеотлагательное, канализационно решательное... не, ну я же не главный сантехник города, чтобы решать, где новые очистные сооружения строить! Почему этот вопрос вообще сюда попал?! С печатями и на гербовой бумаге...

Надо проветрится.

— Двухсотый, ответьте триста сороковому. — приговорила рация-наушники, в неслышимом человеческим ухом диапазоне.

Видавшее виды устройство. Свежеокрашенное, но всё равно страшненькое. Глубокие «ссадины» краской не скрыть. Да и функционал устройства... уже не торт. Как наушники оно уже не работает. Динамики сдохли! И теперь издают только птичий скрежет, что ясен одному лишь мне. Микрофон тоже давно отжил своё, и теперь эта штука может работать только как ларингоскоп, болтаясь у меня на шее. И я порой даже не до конца понимаю. Как это все работает. Как-то вроде и так как всегда, и не так в тоже время.

— Двухсотый слушает. — отозвался я, птичьим скрежетом, хрипя гортанью как могу.

Начав тут же вслушиваться в то, что мне там вещают в ответ. Ничего хорошего! Ну, как обычно...

— Да, поняла... а без меня, чё, ни как? — вздохнул, взглянув на часы, и уже зная, что мне ответят — Ясно, буду через сорок минут.

Ведь еще успеваю на метро до закрытия! Правда дела бумажные придется отложить — бойтесь своих желаний! Теперь вот тащится на самый дальний край Москвы... в какую-то подворотню. Ведь там обнаружили «нечто», обязательно требующее «моего участия».

— Эх... — вздохнул, и потеревил свой многострадальный ошейник — Менять пора.

Вот только это не так просто! Система защиты, встроенная в этот агрегат, делает его совершенно неремонтопригодным! И может это и хорошо, ведь в этом деле безопасность в приоритете! Но, будучи прототипом, качеством изделие не смогло похвастаться, начав отказывать довольно рано, пусть и по периферии.

И его бы просто заменить целиком! Но невозможность вклиниться в систему из вне, есть часть системы защиты. А это означает, что нельзя просто заменить двухсотый номер! Он

будет утерян навсегда. А вместе с ним и все сто номеров, в плоть до двести девяносто девятого. Все их рации станут пустышками, если уничтожить мою. Такая вот, уязвимость системы.

И мне бы положить свой агрегат на полочку, что бы он работал чисто как ретранслятор, авось так дольше проживет, но я кажется, просто прирос к этим наушникам, сделав их частью себя. Не хочу их менять, не желаю.

Открываю окно, выпрыгиваю с шестого этажа. Приземляюсь не очень удачно — несмотря на замедленное падение и амортизационную подушку из света, ногам пришлось погасить уж слишком много энергии. Как итог — треснула берцовая кость. Хоть она у меня и не из кальция сделана!

Тренироваться надо больше, придурок! Или же не прыгать с парашютов — не по статусу это мне! Не по статусу! Чай не маленькая девочка. Хотя...

Обмен любезностями с охраной, что знает меня в лицо, марш-бросок до станции — само то, для травмированной костяшки! Лишь бы совсем не лопнула. А вообще, можно было бы попасть в метро и через туннели кремля, или обойти охрану тупо перепрыгнув стену — но зачем? Лучше я пройду через парадный вход, как белый человек.

Или обычный — всего на всего младший лейтенант милиции. У меня даже корочка есть! Настоящая! И погоны при мне... при мне же? Не потерял? Не, на месте... Только вот форму уже изрядно помятая, и пыльная, будь то я её в чулане год прохламил. Хотя на самом деле просто вторую неделю не снимал. Некогда было. Готовился, к одному мероприятию.

Охранник у турникета благодушно кивает завидев меня, знак приветствия, и немного уважения. Пусть для него я и всего на всего вчерашний кадет, но милиция нынче снова в моде, от того и страж порядка эскалатора и посылает мне свои лучи благорасположения.

Не сильно то большие, но и я не генерал! Опускаю монетку в щель, и проскакиваю на самодвижущие ступени лестницы, идущей глубоко под землю. Она почти пуста! Лишь почти внизу, на много ступеней ниже, стоит одинокий типчик в кожаной куртке. Кажется, он почти спит, и скоро ему придется либо свалится со ступеней мордой книзу, или же познакомится с Марь Ивановной — дежурной по эскалатору внизу. А она баба с норовом!

Но мне некогда ждать, я пускаюсь вниз, брэнча подошвою подкованных сапог по ступеням, выбивая марш. На ходу отряхиваясь от пыли, и вообще, приводя себя в гражданский вид, насколько это конечно возможно.

В прибывшем составе, занимаю местечко в уголке. Хоть и вечер, а скорее уже ночь, пассажиров в вагоне предостаточно, и это не только «поздние гуляки». Хотя, скорее кто угодно, но только не они. Не на этой ветке, не сейчас — всего час назад закончилась третья смена на одном из предприятий, соединённых с сетью метрополитена именно этой веткой. А еще через час начнет работать «утренняя кухня».

Вернее, часы работы у кухни иные, с четырех! Но ведь еду еще надо приготовить! А это — не один час времени, да и метро с двух до четырех не работает — пути путейцам тоже нужно когда-то осматривать.

Так что народу тут хватает! В отличии от следующей ветки, на состав которой я вынужден пересест, чтобы добраться до цели. До её конечной, до конца! Там как бы жилой массив, старый уютный район, где люди уже спят. И хоть я и старался как мог, разгрузить часы пик транспортной сети, и загрузить иное время, забив пустые вагоны... селится людям по определенному шаблону не в моей власти. Да и в Москве я недавно обитаю. Да и власть моя, условная.

И разве что крупные предприятия вняли моим рекомендациям. Просто от того, что до мелких у меня боюсь руки никогда не дойдут. Но даже текущий результат, в виде резкого сокращения длины пробок в час пик, меня вполне устраивает.

О! А это еще кто такие?! — выпучил я глаза на вошедшую в пустой вагон компаньшу из двух парней и девки. Точнее, их половую принадлежность можно определить лишь примерно, ведь одежда на всех троих, как из одного комплекта — спортивные костюмы! И это в наш век и время... да в моем городе!? На спортсменов то они, явно не тянут... и выглядят прям как в старые, не добрые.

И пахнет от них соответственно — водкой и куревом, потом и нестиранной одеждой, пропитавшейся пивом. В сумме делая мой нос бесполезным. Что в принципе и неважно — у них и так на лицах все написано. Зашли в пустой вагон чтобы... а ведь он и не пустой! Здесь, помимо меня, спрятавшегося в уголке, есть еще один «прячущийся», спящий в противоположном углу седобородый дед.

Хотели грабануть старика? Ведь его то они заметили сразу! И зашли целенаправленно! А меня не заметили — я слился темно-синей формой милиции с такого же цвета кожей сиденья!

О! Заметили! И им явно не понравились мои лейтенантские пагоны. «Девчушка» юркнула за одного из парней, показав, что она не так уж и пьяна, второй «парень» плюхнулся на лавку с видом «отключился», хотя не факт, что просто притворился. Ну а единственный оставшийся стоять, с вызовом уставился на меня.

— Че уставился?! Отброс... — прошипел он, и харкнул прямо на пол вагона.

Нарушение! — прогремел колокол в моем сознании — изрыгать телесные жидкости в общественных местах запрещено!

И кажется, на моей посуровевшей физиономии он прочел все верно, и сжал кулаки, как кажется, намереваюсь дать мне в глаз, несмотря на разделяющие нас расстояние. Подойти, и дать...

Но прячущаяся за ним модам, перестала прятаться, и кой-чего нашептала на ушко своему охраннику. Отчего кулаки того тут же разжались, а «бессознательное» тело рядом перестало притворяться, и бросила короткий взгляд на старика.

Девка вновь шепнула своему дружку немалую похабщему, и тот скривился от отвращения, глядя на меня. И не снимая эту маску, проговорил:

— Ну и сколько тебе платят, а?

А причем тут деньги?! — даже опешил я, начав усиленно хлопать глазами.

— Ну, за отсос? — продолжил он, уже с похабной усмешкой, показывая соответствующее движение руками.

Я — все так же усиленно моргал, прибывая в легком ступоре.

Длинный перегон закончился, и на время остановки, говорливый молодой алкаш заткнулся. Не ответив на мой незаданный вопрос, откуда он здесь такой вообще взялся!? Ведь я таких давно не видел! Повывелись! Повывел! Еще до того, как загнал себя в больничку, плавать в ванне с физраствором. А тут их аж целых три! И видно чувствуют себя вольготно — вон какие рожи наглые!

Ну а в момент, как поезд тронулся, решил продолжить гнать свою пургу, подойдя поближе. Игнорируя моё все прогрессирующее офигевание, которое я, впрочем, решил оставить при себе.

— Так сколько? Может я больше дам, а? Ты же любишь деньги? Или тебе важна лишь

длина?

— Или ширина? — ехидненько проговорила девица, тем не менее выставляя дружка впереди себя, а сама наполовину прячась за его рукой.

— Ага, жир! — усмехнулся парень, чувствуя поддержку за спиной и делая еще шаг ко мне поближе, в то время как его дружок, не забывая притворяться спящим, подсел к старичку поближе.

— Толстые, потные, пенисы! — проворковала мелкая пьяненькая пигалица, с нехилым таким вождедением, заставив меня хлопать ресницами с удвоенной силой.

Почти истерично дума я о том, что тут вообще происходит!? И что я, как бы давненько не делал рейдов по станционным нарядам милиции! Совсем мух не ловят, ленивцы сонные!

И тут же одернул себя — на них же не написано, что воры! Да и алкоголь выдает только запах, а никак не рожи — они скорее усталые, чем пьяные. И одежда, скорее просто слегка потрепанная, грязная, без перехода грани, чем пропитанная пивом и нестиранная. Вполне нормальный вид в общем! Из далека, да не приглядываясь.

Да и походка, благодаря совместным усилиям шести ног, вполне себе твердая! А каждого не обнюхаешь, от них не столь сильно разит, чтобы обычный человек учуял не принюхиваясь. Человек все же не собака, а собаки натасканы на более важные вещи — оружие, наркотики и взрывчатка.

Так что... увы, но спускать палкана на транспортную милицию из-за такой вот мелочи не стоит, ведь это будет просто блажью — обидели бедненького меня! Оскорбили, унизили, оплевали... А никак не рациональным решением. Да и обидели ли?

— Эй, слыш! Ты меня вообще слышишь?! Э! Але! Прием.

— Слышу — отозвался я, вновь внимательно взглянув на уже совсем близко стоящих воришек.

Совсем молодые! Лет шестнадцать-семнадцать! Не больше! И если так подумать — они младше даже моего текущего тела! Сильно младше... И небось... жившие за печкой, ничего в жизни не видя. За мамкиными-папкиными спинами, за мной, и всеми прочими, кто оберегал детство наших граждан.

Политикой не интересующиеся, а что-либо крупное и страшное на нашей территории, происходило уже достаточно давно, что бы такие как они тогда могли хоть что-то понимать. И что их толкнуло на темную дорожку? Не уж то жир? Иль есть какой-то конкретный подстрекатель?

Скорее всего второе. Всегда так было. Но нет, жалости у меня к ним не будет — третий кадр уже подсел почти в упор к дедку, и сунул руку ему под пиджак.

— На меня смотри, урод! — проорал во всю глотку разговорчивый, и вздумал схватить меня за волосы.

Легко останавливаю его руку на пол пути, хватом за запястье.

— Проблемы? — приподнимаю бровь, глядя в полные ярости глаза.

— Су... — матюгается бандит, и решает заехать мне в глаз второй конечностью, в то время как уже что-то сообразившая девица, начала паническое бегство.

Кулак вражины недолетает до моего лица — дернув его запястье в сторону одновременно с его замахом — ну кто же бьет с замахом в наши дни?! — я лишил его состояния равновесия, просто уронив на жесткий пол меж сидений вагона. И его удар... а он вообще состоялся?! Хотя да, и он из-за всего, даже потянул себе связки!

— Ааа!

Точно потянул! А девка тем временем добежала до своего дружка, что уже без всякой скрытности и церемоний, в открытую шмонает спящего пенсионера.

— И как вам нестыдно?! — проговорило я, глядя на них суровым взглядом.

Что, эффекта не возымело — на меня даже не обратили внимание.

— Отойди от него, и без глупостей! — начал я движение в их сторону, оставив лежать стонущего и оказавшего почему-то не в состоянии подняться на ноги человека позади.

Эффект оказался противоположным — девка, а теперь я уже уверен, что она это она, уж слишком красноречивы половые маркеры в запахе страха, исходящего от неё — начала требовать у третьего члена их трио быть по расторопней, чем скорее мешала, а не помогала. И уж тем более — не ускоряла процесс грабежа. Разве может его ускорить постоянное дерганье за рукав? Да и дед может проснуться от её громкого шёпота.

Минуточку! — замер я как истукан, в то время как поезд, въехал на станцию. — а почему это с той стороны пахнет страхом сразу от трех людей? Деду то чего боятся?! И...

Состав прибыл на станцию, и я, понял, что эти двоя сейчас сбегут на перрон. И мне придется их догонять уже там! А потом ждать другой поезд... не говоря уже об оформлении бумаг, беседы со станционным нарядом, и прочей волоки с разбирательством. И в итоге напрочь выпаду из графика! Хотя, наверное — уже, ведь всей этой поездке в нем никогда не было.

Метнулся к вжавшейся в дверь меж вагонами девице, не столько к ней, сколько к двери на перрон, отсекая от вероятного пути побега. Драться, а вернее, бить, этих детишек, сейчас, у меня нет никакого желания. Разве что стукнуть разок... да сложить в уголок. Чтобы не возится с бумагами, передавая их властям, а просто оставить перепившие тела отдыхать в вагоне — с них хватит получить и за это.

Но дверь с шипением открылась в тот же миг, что я её достиг, и внутрь бодрым шагом, заскочили два сержанта. Осмотрели помещение, их осмотрели в ответ... девка завизжала, тыкая в меня пальцем, воришка отсел от своей жертвы, что почему-то расслабилась, а я... устави́лся на милицейских при исполнении, немного сверху вниз.

— Будьте добры, объясните, что тут произошло? — проговорил один из сержантов, взглянув вглубь вагона, где валялся стонущий еще один человек.

Глава 2 — Мутанты

ГррР! Сколько времени потерял! Сколько... какие-то непонятливые менты попались! Объяснительную напиши, и покажи, и Расскажи... и по пять раз по кругу! Может все-таки спустить собаку на них при следующей проверки? За излишнюю подозрительность! И бюрократию. Особенно за второе, и то, что они меня вообще не слушали! Поразительное умение пропускать любую информацию мимо ушей.

— И чем им моя корочка не понравилась? — пробубнил я беззвучно, шлепая берцами по лужам меж рельс, идя по перегону, — Корка, как корка! У них — такие же! А то, что я не выгляжу на двадцать лет, хотя по сути уже на год старше этого возраста — ну забыл лицо подправить! Забыл! Да и силы на это, честно, тратить не хочется. Но вот чем им уши то мои, не понравились?! — дернул я себя за кончик уха — Ай... Вообще в толк не возьму!

— Эх... О! — увидел я, табличку пикета.

И понял, что уже почти пришёл. Один поворот направо, потом... меня встречают! А я всего то чуть-чуть от хоженных путей то отошел! Что-то... видать заждались уже, раз пошли встречать.

Бойцы меня знают в лицо. Его я давно уже не меняю! Не до того! Лишь изредка подправляю, что бы возраст скорректировать. И вообще, стараюсь как можно реже трогать установленные полгода назад настройки. Ведь я сейчас... несколько не тот, что был шесть лет назад.

Короткое приветствие, и мы идем в глубины столичных подземелий, почти полностью погружаясь во мрак. Приборы ночного виденья сильно выручают! Хотя для меня тут и не так уж темно — через каждые полсотни-сотню метров горит дежурное освещение, ведь это не брошенные туннели, а просто редко используемое. Тут даже вон кабели какие-то тянутся.

Собственно, в них и причина, почему спецназ тут обитает среди ночи. В них, в утечке электроэнергии где-то тут, и исчезновение с планов за время безвластия нехилого такого куска бокового туннеля, где в советское время была лаборатория по изучению гидродинамического распада водорода. Или чего-то подобного, я точно уже и не помню.

А еще в пропаже где-то тут бригады ремонтников, что должна была найти и разобраться с завышенным сопротивлением на участке цепи.

— «Пух», «Пух» — сдавленно прозвучали выстрелы через глушитель в исполнении одного из бойцов, что целился зачем-то в пол.

Тоже мне способ заявить о себе! — скривился я.

— Еще одна? — подал голос командир группы, он же — позывной триста сороковой.

— Ага! — ответил ему стрелявший — Далеко они расползлись!

И произвел еще два выстрела куда-то в темноту.

— Ух, тыж, шорт! Живучая! — короткая перебежка и еще один демаскирующий нас всех «пульк» из пистолета в исполнении безмянного бойца — Готова! — произносит он жизнерадостно, и подняв нечто расстрелянное с пола, тащит поближе к нам.

Ну... крыса! Очень большая, и уродливая. Размером с домашней кошкой! Беззубая, вся в каких-то странных нарывах, и с длинными когтями, что, наверное, ей даже бегать то нормально не дают. А еще она дергается, несмотря на три здоровенных дыры в её туше, сквозь которые вместе с кровью неторопливо вываливаются наружу плохо пахнущие внутренние органы.

А еще — протянул я руку к этой твари, что дёрнувшись всем телом разом, окончила свои мучения на этом свете — от неё веет чем-то! Чем-то похожим, знакомым... и заставляющим инстинкты внутри меня, просыпаться от долгой спячки.

Инстинкты охотника!

— Вы из-за этого меня сюда позвали? — отдернул я руку от мертвой вонючки, обращаясь к триста сороковому, всем видом намекая, что я о странных тварях в подземке мог бы и в отчете прочитать.

— В том числе. Хотя они и представляют нехилую угрозу коммуникациям, а главное — их людскому персоналу, ведь эти твари вполне в состоянии быть угрозой неожиданному подобному человеку, но главное сейчас не это. Главное — их источник. — сказал командир группы, и взглянул на меня, ожидая реакции — я приподнял бровь — Мы его нашли.

— Отлично! Веди!

— Думаю, вы и сами знаете где это — та самая лаборатория.

— Так и знала! — буркнул я беззлобно — Если что-то с карт те гады изымали, значит там что-то, что нам не понравится.

И за годы мы таких мест зачистили уже очень, очень много! И боюсь, их еще не так уж мало осталось по подземельям нашей необъятной родины. И радуется лишь то, что большинство из них, в виду обрывков цепочки поставок, уже давным-давно заброшены, и не функционируют. Чуть ли не с первых месяцев восстановления единства.

Лаборатория оказалось на своём месте. Там, где она и должна была быть согласно всем старым ветхим чертежам. Пряталась за неприметными стальными дверьми, коих в этих туннелях как грязи, и за которыми может быть все что угодно — от еще одного проходного туннеля, до кладовки или распред-устройства электропроводки.

Здесь же... нехилых таких размеров помещение, размером, наверное, со школьный спортзал. Железными, и гипсокартонными перегородками поделенное на зоны, и прячущая бетон стен под листами нержавеющей стали. В некоторых местах уже отвалившихся, ввиду попадания по ним пуль и взрывов гранат и подстволок.

Так и хочется сказать — а по аккуратней не могли, а?! Тут же... все в хламину изувечено! И даже входная дверь, скрученная в бантик, выглядит целее, чем некоторые стены! Но глядя на кровавые ошметки и тела бывших работников этого научного центра, валяющиеся рядом с ними горки оружия, и расположение дыр в обшивке стен, становится ясно, что столь круто мазали вовсе не мои ребята.

— Потери? — тут же озвучил я свои опасения.

— Кабана подстрелили — выдал командир, а сидящий у горки оружия мужик поднял руку. — осколочный в живот, и пулевое в ногу.

— Фигня, царапина командир! — отозвался сам раненный на это — Недели две, и буду как новый!

Я выразительно посмотрел на триста сорокового — почему в больницу не оттащили подранка?!

— Док его уже заштопал, так что действительно все в норме. — ответил на мой взгляд глава группы, но видя, что я все так же пялюсь, добавил — Здесь к слову, можно сказать, полноценная операционная есть! Пойдемте. — и повел меня в соседнее помещение, то, что отгорожено от основного объёма зала уцелевшей гипсовой перегородкой.

К слову, дверь из туннеля коммуникаций тоже когда-то была отделена от основного зала тамбуром из пластика, да и дверей тут было как минимум три, но от них всех остался

только мусор, хрустящий словно печенюшки под подошвой наших сапог.

Да и сама лаборатория эта, была скорее БИО, чем по исследованию гидро чего-то там. Уж слишком много тут пробирок с чем-то явно биологическим, микроскопов и медицинского оборудования, чтобы считать её чем-то иным.

А еще — трупов — чуть не запнулся я о голову одного из бывших работников этого заведения, войдя за провожатым в одно из смежных помещений, что оказалось неинтересным коротким коридором.

А вот труп напротив, весьма интересный! Его обращённая в фарш с костями грудная клетка, слегка окровавлена, и нехило опалена, и приправлена черной гарью, словно молотым перцем. Ему в грудь в упор... выпустили пол рожка из автомата! Зачем?

— Док говорит — поймал мой взгляд командир штурмовой группы — что здешние сотрудники перед началом штурма приняли какой-то стимулятор, сделавший их конченными, незнающими страха утырками. Мой косяк — почесал он своё предплечье — мы слишком долго ходили вокруг да около, прежде чем решились на штурм. Хотели мирно...

— А в итоге горы трупов... — процедил я, — ну ладно хоть сами не подставились. А то бы было... совсем печально. А эти как понимаю все сдохли? — взглянул я на бойца, поднявшись от тела, и триста сороковой кивнул в ответ — Ну туда им и дорога! — пнул я тушку, и пошел дальше по коридору — Чем они тут занимались выяснили?

— Примерно.

— Примерно?

— Вы же видели крыс? Они от сюда родом. Но детали производства пока не ясны. Нужны специалисты по профилю.

Короткий путь по коридору, дальняя дверь слева — а тут и правда настоящая операционная! Даже вроде как стерильная! По крайней мере оборудования для кварцевой обработки, и хорошая вентиляция присутствует. Надо бы выяснить, куда она выходит. А еще тут есть пара дырок в стене в соседнее помещение, явно непредусмотренные проектом. Судя по всему — стреляли оттуда сюда, а не наоборот, пробив навывлет кирпичную кладку в пол кирпича.

А еще тут есть «док», по клички «Уж», с задумчивым видом осматривающий оборудование.

— О! А вот и наши полтора метра ярости пожаловали! — заметил он наше, моё, появление в данном помещении.

— Слушай Уж, а ты ведь и себя в случае чего зашить сумеешь, да? — ответил я совсем беззлобно, но мужичка проняло, и он прикусил язык от греха подальше. — Что тут у тебя?

— Результаты вскрытия образцов — махнул он на стол с россыпью бумаг — Оборудование для транспонтологии — махнул на прибор, который до этого изучал — ничего необычного в целом, если не считать того, что все это дорого стоит и часто ломается.

— Значит, у наших «друзей» были регулярные поставки? — вынес я главное из сказанного.

— Определенно! Хоть большинство изделий здесь еще советского производства, и представляют из себя пусть и хорошо сохранившиеся, но рухлядь, вот этот вот зажим, к примеру, — достал он из стоящего неподалёку шкафчика какие-то ножнички — точно не может быть старше годовалого возраста.

— Иии... с чего такие выводы? — произнес я, взяв данные «ножницы» в руки, и внимательно осмотрев, так и не нашел на них даты изготовления.

— А их делать начали не более полугода назад! — развел руками «мистер врач» широко улыбаясь — Новинка индустрии, если можно так сказать.

Я посмурнел — плохо! Очень плохо! Значит у нас безопасность дырявая как решето! По крайней мере в этом районе города! Придется опять устраивать облавы... и блин, как жаль, что штурм прошел так громко! Теперь ни о какой засаде не может идти и речи! И как вообще ловить этих поставщиков — не ясно абсолютно.

— Хотя не это главное. — сказал носитель змеиного позывного, когда я закончил изучать ничего мне так и насказавшею железяку — Пойдемте. — и вышел туда, откуда мы пришли.

Зашел в смежное с операционной помещением, откуда собственно и стреляли в стену. Комнату с лестницей, идущую куда-то на уровень ниже текущей плоскости. Комнату, где был еще один хорошо так расстрелянный труп, приправленный собственным автоматом сверху. Как видно извлекать оружие из этой каши никто не рискнул.

— Док, а что они приняли то, не разобрался? — сказал я, кивнув на тело.

— Согласно быстрому анализу, благо оборудование не пострадало — кивнул Уж на противоположную часть коридора — Это был еще советский стимулятор Бз-38-Д.

— Сильно просроченная бзэдеха — сплюнул триста сороковой, все так же топя рядом со мной в полном боевом облачении.

— Именно! — кивнул в знак согласия док, и начал спуск по лестнице вниз — Мы нашли достаточное количество неиспользованных ампул, чтобы быть в этом уверенными. Правда эффект от древности стимулятора неожиданный: вместо банального притупления чувства страха, и ощущения «а мне все равно», просрочка им этот страх наглухо отрубил, ввела в состояние адреналиновой ярости и наглухо отключила мозги.

— Наркоманы и то так не воюют. — пробурчал командир недовольно.

— Да, они хотя бы целятся — отозвался на это дело врач, и многозначительно посмотрел на своего командира — А не стреляют тупо куда-то туда.

— Зато нариков хотя бы убить попроще! А эти... чем-то похожи на собственных творений...

— А вот собственно и они. — произнес Уж, пропуская нас сквозь массивную дверь, в которую уперлась лестница, и указал на верхушку не хилых таких размеров колодца, торчащего из пола посреди помещения, что как понимаю, находится как раз под главным залом данной незаконной лаборатории.

Колодец, метров пять-шесть глубиной. Вертикальная шахта, идущая куда-то под землю! Чем-то похожая на ту, в которой в далёком Новосибирске держали магмойда. Только больше! Собственно — магмойдом и похоже! Только тут он тоже больше! И еще и пронзен железными копьями, что и не думают плавиться, лишая его тушку возможности двигаться.

Впрочем, даже не будь там копей, он бы всё равно не смог двигаться, ведь эта тварина, размером с небольшого бычка, довольно плотно запихана в металлический стакан из неизвестного материала, что от контакта с тварью, и не подумал нагреваться.

В отличии от внешних стенок колодца! Ведь железный стакан с тварью, не вставлен прямо в землю, а расположен посреди другого, еще более большого колодца, и даже он не конечен. Эдакая матрешка! Один стакан из неизвестного металла, внутри колодца, так же металлического, обвитого снаружи стальными трубками, словно паровой котел, и что стоит посреди шахты, отделяющей землю от своего внутреннего пространства банальными чугунными метрополитеновскими тьюбингами.

И судя по всему, трубки средней секции матрешки, не собирают жарот магмойда во имея движения паровых турбин, а напротив, тратят энергию на охлаждение этого всего, и предотвращения перегрева конструкции. И где-то там, внизу, явно работает компрессор.

Впрочем, если это охлаждение, то куда тогда девается тепло?!

Ну а в узком пространстве меж стаканом с тварью и колодцем с трубками на внешней стороне, бегают и ползают, истошно крича, конвульсия в агонии и пожирая друг друга, крысы. Не обычные, но и не те, представителя которых мне показывал боец в туннеле по пути сюда. Прибывающие где-то на полпути до этого.

— Что это за... — прошипел я сквозь зубы, обуреваемый злостью и желанием действовать.

Спавшие долгое время инстинкты Силы, неожиданно проснулись все разом, ощутив своего природного врага в такой непростительной близости. Неожиданно ощутив! Ведь только спустившись на этот этаж, я начал что-то чувствовать. И только заглянув в стакан, дойдя до него по решетчатому полу над колодцем с крысами, понял — тварь прямо тут!

Что-то поглощает его излучение, экранирует, не даёт выйти наружу. Что-то... неуловимо опасное, и столь же вездусущее как энергия твари, разлито в воздухе на этом минус первом этаже, притупляя мои чувства.

Эти трубки, идущие по периметру, как охлаждение...

— Туда же можно спустится? — заметил я ступени лестницы внутри шахты сквозь кусок толстого стекла, установленного тут, словно смотровое окошко.

— Да, конечно — отозвался триста сороковой, и потянув за рукоятку, поднял массивную створку с поддержкой гидроподъёмника.

Док тем временем продолжил пялиться на резвящихся внизу зверушек, что явно стали несколько активнее, с момента моего появления высоко над ними. Магмойд тоже ощутил присутствие рядом своего природного врага, прибавив жару, от чего крысам... стало совсем уж некомфортно.

Лестница оказалось куда более широкая, и комфортная, чем казалась сквозь толщу смотрового окна. Удобные ступени, плавный ход, ведущий вокруг всего внешнего периметра колодца винтом, вдоль трубок. По ней можно с комфортом и тяжести таскать! Хоть до самого нижнего уровня, ниже, даже стакана или колодца с крысами. И думаю я теперь знаю, где проводились эти гидротехнические испытания во времена, когда данная лаборатория занималась тем, для чего и строилась.

Лестница увела меня под землю, на добрых девять метров. — трех этажный дом! Внизу обнаружился труп — удивительно целенький! Всего-то пара дырочек. В белом халате... но с пистолетом.

А еще тут не чувствуется излучения магмойда от слова совсем, зато излучения той иной, второй энергии, ощущается куда сильнее. А еще, при желании, можно залезть под стакан с «экспонатами». Тут довольно много места, что я о своим метр шести десятью роста, хожу не нагибаясь в сапогах. Тут расположено какое-то оборудование, насосы, компрессор, звук которого я слышал еще наверху, подтверждая мою теорию и... еще тут есть нечто, на чем с боку красуется желтый треугольник.

Не БИО угроза, но... тоже, что-то знакомое. Что-то, что я точно видел. Точно! В рентген кабинете! И на самом рентген аппарате... РАДИАЦИЯ! Она тут...

— Этот, кстати, был адекватным, — произнес триста сороковой, указывая на труп на последних ступенях — но мы с психу...

— НАЗАД! — рявкнул я, выползая из-под стакана — Живо вверх! — и боец, пусть и замешкав на мгновение, метнулся выполнять приказ — Уж! — рявкнул я вверх, подгоняя сзади командира группы своим телом — Отойди от колодца! РАДИАЦИЯ!

Сверху донеслась приглушенная брань, а когда мы поднялись, дока там уже и след простыл. Так что закрыв крышку в «погребка», поспешили удалиться и сами, за толстую, обшитую свинцом дверь минус первого этажа и без того подземной лаборатории.

— Я надеюсь, ты сдавал сперму в спермобанк? — проговорил я, обращаясь к начальнику группы, как только массивная дверь закрылась, отсекая от нас смертоносное излучение — Потому как самому детей тебе иметь уже не светит.

Триста сороковой — смачно выругался.

Глава 3 — Девять грамм

Обратно, до дома, кремля, я добрался тем же способом, что и до лаборатории — на метро! Только уже после его открытия в четыре утра. Без происшествий, в бойкой компании ранних пташек. Только вот эти «пташки», оказались сурового вида мужиками! Бородатыми, косматыми, и поперек себя шире. Из-за чего невеликое число людей на вагон, ощущалось как не хилая такая толпа.

И в их компании я чувствовал себя некомфортно! З — зависть! И Б — боязнь, что я плохо отмыл своё тело от нахваченных в подземной лаборатории радионуклидов, из-за чего у составивших мне компанию мужчин могут в будущем возникнуть проблемы.

Ведь я, в отличие от своих бойцов, не стал дожидаться спецов по излучениям, и проходить полноценную дегазацию. Просто помылся в душе, который там был, и переоделся в шмотки, которые там нашел. Вещи явно не моего размера, но белый халатик все скрасил. Выглядел я, как понимаю, пациентом, сбежавшим из психушки.

Но метрополитеновцы то ладно! Мимо них публика и похлеще щеголяет! Иногда все же попадаясь в лапы санитаров. А вот охрана кремля, другой разговор! У них работа... такая. Проверять все подозрительное! Поэтому я мимо них и не пошел, сиганув через забор, преодолел второй, нашел открытую форточку... и напугал до чертиков, министра финансов.

— Нет! Нет! НЕЕЕТ! — заорал он, маша руками как пропеллером, и выбежал прочь из своего кабинета в одном ботинке и одном носке.

Он видимо только пришел, а тут... зря он взял себе кабинет на первом этаже! Ой зря... он конечно просторный — оглядел я эти хоромы, сравнимые с актовым залом школы, но зато форточка...

В кабинет заглянула секретарша. Взбледнула с лица, и удалилась, аккуратно закрыв за собой дверь.

А ведь я хотел без шума и пыли! Придется валить обратно, пока не поздно. И добыть где-нибудь шмотки, в которых не стыдно зайти через парадный вход. Вернее, в которых меня не будут принимать за восставшего из мертвых — я халатик где-то солидолом перепачкал.

— Сегодня, корпорацией Тойота Групп, миру был представлен первый в мире автомобиль, с так называемым «вечным двигателем».

Ну вот и дождались. — подумал я, услышав голос диктора из телевизора, и на секунду заглянул в комнату охраны, откуда и вещал этот «голубой экран». Захотелось все же самому увидеть, этот чудо агрегат.

Внешне — ничего необычного! Да, крутая спортивного вида тачка, но... а что такого особенного, в очередной «крутой спортивной тачке»?! Их же каждый год по пять штук выпускают! По пять видов! А уж сколько штук производят ежегодно каждого вида, я не ведаю. Никогда не интересовался, и это вообще не моя забота.

Хоть бы подкапотное пространство показали! Раз так пантуетесь! Впрочем, мир ждал эту тачку уже много лет. С тех самых пор, как людям открылась правда о магмойдах и камнях, что добываются с них. То есть лет пять как.

— Как заверяет производитель, данный автомобиль, имеет запас хода без техобслуживания, в поистине невероятные — полтора миллиона километров!

— Не, ну это они загнули! — озвучил мои мысли на счет такого запаса один из чаевничающих в комнате отдыха охранников — Хотя... — скривился он, глядя на экран — Эти могут...

— Ты просто цену на этот агрегат еще не слышал! — толи поддержал, толи вставил спичку другой сторож, поедаящий зефир, не глядя на экран.

— Да, да, цена там будет...

— Начальная цена аукциона за первую модель вечного автомобиля, — тем временем огласил диктор, стоящий на фоне этого ничем не примечательным спорт кара — один миллиард долларов США!

— Скока!?! — воскликнул тот, что с чаем.

— П-хе-эхе-ке! — подавился тот, что с зефиром.

А я, свалил из комнаты. Услышав на последок донесшиеся из телевизора, откуда-то там, «с задних рядов», громогласный возглас на английском: ПОКУПАЮ! Что в прочем, и не удивительно — полтора миллиона спорткарного кайфа без дозаправки... это реально стоит тех денег, что озвучили япошки миру. И не факт, что запусти они такие авто в серию, цена на них сильно упадет. Да и статус первой вечной машины в мире, всегда останется с ней.

Только вот она не вечная ни хрена! Впрочем, все это знают. И про износ деталей трения, от которого никуда не деться. И о старение эмали обмоток электродвигателей, если и не знают, то догадываются. И о том, что источник энергии этой чудо-машины конечен. Хотя все же его заменят на новый куда раньше, чем он полностью истощится. Ведь его мощность упадет, и уже не будет отвечать требованиям «машины для кайфа».

Но все же... эту тачку реально ждал весь мир вот уже не первый год. С тех пор, как миру объявили, что магмойды, не просто угроза инопланетного вторжения, и враг, желающий нам всем смерти, но и источник ресурса, позволяющего делать подобные этой машине вещи.

— Привет пап. — проговорил я в трубку телефона, самого обычного, квартирному, ведь и беседа планируется быть такой же и с таким же абонентом.

На обычные житейские темы, обычной семьи.

— Ага, работаю. Дааа... эт точно. Бардака только много! Да, согласна. А у тебя как? Как жизнь, как мама? Как... о! Да, давай! Мелкий привет! Да знаю я, что ты не мелкий! Не для меня всё равно всегда будешь мелким. Да-да. Даже когда станешь больше меня. Не отвертись — улыбнулся я искренней улыбкой, слыша звонкий мальчищичей голос, преодолевающий расстояние в тысячи километров при помощи почти магического устройства телефона — Ага. Как учеба то там, а мелкий? Мелкий, мелкий! Хахах... Ладно, давай маму! Да что я его обижал то? Да так. — ухмыльнулся я, и украдкой утер слезы.

Слезы счастья, умиления, радости. Они все живы, здоровы, в порядке, достатке и безопасности. И ради этого я готов горбатиться тут до конца своих дней! Да, мы не настоящая семья, я не настоящий! Но вот мои чувства... банального долга, за все, что они мне сделали. Ответственности за их судьбы. И заботы, как о части самого себя, хотя бы как о тех, в чьих телах есть частичка меня, причем буквально. Это всё настоящее. Не фальшивка и не картон.

— Как у него учеба то там? Не, ну это ж хорошо, мам! Да ладно тебе! Я тоже тебя люблю. Давай папу. Пап, ты это... ты не переживай, со мной тут все пучком! И не давай переживать маме! Слышишь! Да Ваньке пофиг, и это и к лучшему. Хех, да. Ладно все, давай. Если что — звони. Да, в любое время. Ты знаешь. Давай, пока... Эх. — вздохнул, услышав на том конце гудки, и положил трубку телефона.

Они далеко, но это и к лучшему. Я их теперь очень редко вижу, но возможно, это тоже плюс. Хотя бы уж потому, что вижу я их редко не от того, что кто-то из них, или же я сам, болтается в больнице. Они живы здоровы, и это точно плюс. Как и то, что отец отошел от дел.

Не выдержал, не сумел. Не сдюжил. Не хватило ему сил, и даже его здоровье в конце концов сложило лапки. И когда он загремел в больницу с подозрением на онкологию... я осознал, если не снизит темп — он трупик через полгода, как бы я не старался.

И я подговорил врачей, чтобы они не говорили бате про онкологию, ведь тогда он точно решит драться до конца, чтобы и умереть на работе. И тогда еще почти целую «бригаду заговорщиков», в лице нашего мастера скрывается от чужих глаз стоя на виду, вместе с любителем меня потрошить из Новосибирска, тоже подговорил. Дабы они уговорили батю на время взять отпуск, свалив его заботы на меня... что собственно меня в последствии самого чуть на перерождение не сослало.

И так, семья воссоединилась! Хотя им все равно недолго то и осталось — прижал я руку к своей груди, прикрывая глаза. Но больше, чем я думал изначально. Но главное, что они всё это время, проводят вместе, семьей. Живя нормальной жизнью! А я... бессмертный!

И я все равно их иногда навещаю! — достал я из внутреннего кармана пиджака, свежую фотографию нашего маленького счастья. — и выглядят отменно.

Шрам отца зажил, когда я подмешал ему в кровь три литра своей. Теперь его лицо, больше не похоже на уродливую маску! Хотя он несколько пополнил. Но это не та полнота, что жир! Просто перестал быть столь сухим сморчком, что жилы да кости. А стал... красавцем! Нормальным мужчиной!

Мать напротив, похудела. Но учитывая её прошлые габариты... это сделало её явно краше! Не модель, но явно спортивная женщина! Хотя она спортом сама не желает заниматься с далёкого детства, мои органы внутри неё... давят ей на мозги! Они у неё там так разрослись за время жизни внутри её тела, еще до того, как я загремел в больницу с «синдромом киселя», что имели всё шансы уничтожить саму женщину. Её личность, её разум. Если бы я не взял тогда контроль... я бы получил второе тело, по качеству не сильно лучше предыдущего.

А так... как там это называют? Фитоняша? Сердце, печень, почки, поджелудочная, и даже часть кишечника, и костного мозга, все это сильно давит на оставшуюся часть, заставляя тело держать в форме, даже если разум против этого. Вплоть до лунатизма.

Зато она красиво выглядит! И этого не отнять! Спортивная дама, которой и не скажешь, что уж пятый десяток пошел. Идеальная пара со своим мужем. У которых такой же идеальный сын. Пацан..., впрочем, вполне обычный! Как и вся наша семья, если считать, что дочке на фотке пятнадцать. Именно на такой возраст я делал своё лицо, когда приезжал к ним погостить месяц назад, и когда была сделана эта фотография.

Молодая счастливая семья.

Да за что мне все это?! — вздохнул я в сердцах, читая очередной документ.

Сначала, неудачное покушение, исполненное таким дебильным методом. Меня, пытались отравить! Нет, ладно, оно, покушение, могло бы иметь все шансы на успех! Более чем, стакан я ведь даже уже схватил, и уже поднес ко рту... просто не до того было, сидел вот так же как сейчас, документики читал.

«Нюх», «нюх», нет, вода в бутылочке, вроде не отравлена.

Сидел, и вполне мог храпнуть той неведомой бурды, что способна убить даже меня. Киты науки до сих пор там над ней корпят, пытаюсь разобраться, что это за хня. Химический состав то они уже давно поняли, но... там в общем, своя атмосфера.

Потом... крысы. Как вообще это возможно?! И не то, что сама природа создания этих тварей не ясна никому, кроме их создателей, и даже не то, зачем их создавали, а то, как они это все провернули прямо у нас под носом!? Не зря говорят, прячь на самом видном месте. Зато благодаря ним, ФСБ отловила нехилую такую сеть наркоторговцев, что занималась торговлей дурью прямо посреди метрополитена. Которых крышивали стационарные отделы милиции, и которые использовали с виду мирных старичков как ходячие закладки. И сам факт этого всего, пугает не меньше лаборатории тварей.

А теперь вот! — пожаткал я бумажку в своих руках, словно готовясь подтереться.

— Да за что мне всё это...

— Что-то не так? — поинтересовался мой помощник «по представительным вопросам», по имени Александр.

Что вошел ко мне без стука, ибо имеет право, и встал подле стола, с задумчивым видом глядя на мою страдальческую мордашку.

— Вот. — подал я ему бумагу, что он взял с невероятным достоинством.

У него вообще талант, выглядеть солидно! А-ля аристократ! Начальник! Потому я его и держу как главного помощника, гоняя вместо себя туда, где нужен достойный уважения представительский вид, а не маленькая девочка.

Хотя... я вообще-то не обязан всегда выглядеть маленькой девочкой!

— Награждение... и что такого? — поднял он взгляд от бумаги ко мне.

— Ты место, место посмотри!

— Генеральная ассамблея...

— А теперь дату и время! Смекаешь? Нет! Это будет в прямом эфире! По трем каналам! Там будет куча народу!.. — начал тихонько закипать я — достойные уважения люди! Президент, министры... я, посреди всего этого бедлама... героя получаю. Они издеваются, да?! — выпучил я глаза, глядя на своего помощника.

— Да почему...

— Да тыж... да... ну... — утратил я слава, пуча глаза еще сильнее — понимаешь ведь... я, и...

— После всего того, что вы... — заговорил мой собеседник, все так же ничего не понимая.

— Издеваешься, да? — сдуся я, начав говорить спокойно и размеренно — Да меня в лицо знает человек пятьдесят! Ладно, — поправился я, понимая, что преуменьшаю — Сотня! Но тем не менее, тебя и то проще...

— У-у. — помотал он головой — Тут написано АлександрА!

— Подправим! — вытащил я из-под бумаг тонкое лезвие.

— Тут подправите, а в остальных бумагах?

— Ты меня недооцениваешь. — растёкся я в ехидной улыбке.

Ведь иначе правда будет странно, если высшую награду, получит какая-то девчонка. Даже если я натяну на себя самую возрастную свою личину, бабы лет тридцати, с ростом я все равно ничего не сделаю. А как начнут перечислять «мои заслуги», так... у...

— Вы зря так себя принижаете. — вновь подал голос помощник.

— Понимаешь, дело не в том, что я кого-то занижаю, а в том, что я все годы работы в правительстве, оставался где-то глубоко в тени, ни разу не сверкнув во свете. И вообще, по-честному, думал, что меня скорее вздернут, чем к награде представят.

— Власть сменилась, и новая метла...

— Да уж пятый раз за последние пять лет! Народ, поди, уже устал от этой каши...

— Народ не замечает, ведь на верху — все те же люди, а внизу, все стабильно. — проговорил он, выразительно глядя на меня.

— Ага. — поддакнул я, оторвавшись от буквы на гербовой бумаге.

Пока министры уже пятый раз за последние семь лет перетасовываются, пока парламент меняется всем составом ровнёхонько каждый год, а в думе вообще творится черти что, большинство чиновников на местах, реально что-то решающих, а не просто, думающих, остаются все теми же, какими были еще во времена развала. Теми людьми, что умудрялись удерживать свои регионы на плаву несмотря ни на что. Или же были назначены на эти посты сразу после всего, если в регионе так и не нашлось человека, что бы смог потянуть на себе все заботы родимого края. Новых глав тех мест, где ситуация была совсем плачевной.

Зачастую они, не имеют каких-то реально важных титулов. Ни меры, ни князья, просто какие-то не приметные люди, с незыблемым авторитетом. И именно на этом, личном авторитете, все и держалось какое-то время. Что до, что после. И попытка их сдвинуть равносильна попытке подвигать скалу! Вот только они увы, нередко сами отходят от дел, устав от всего.

Их нельзя назвать идеальными людьми или идеальными правителями! Нет, не в коем рази! Нередко у них есть свои тараканы, и размером со слона. Но без них все рискует рухнуть в тар тары. А даже воруя, без возможности сливать средства за бугор как в бездонную пропасть, они не в силах все разграбить, и в итоге трудятся на благо общества и страны. Как и понимают, что сила кроится именно в единстве, а потому и подчиняются, но не тем людям, что думают дорваться до власти, получив вожделенный мандат, а тем, кто реально страной заправляет.

Только вот в последнем сейчас и стоит вся заковырка: наша организация... развалилась. Большинство людей, помогавших прогнать из страны интервенцию, вообще ушла, убежала! Прочь от дел, как только «выполнила миссию» и силы НАТО отступили прочь с наших земель. А те, что остались, довольно быстро спеклись, ведь работа лидера — тяжкий труд! Что способен сломать любую ломовую лошадь, на себя подобное взвалившею.

И я даже не знаю, кто у нас сейчас там остался. Кто оставался последним! Я, или Тень? Он вроде, и сейчас «где-то тут», и имеет нехилое влияние, но что-то как-то особо не во что не вмешивается. А все ведь может рухнуть в одночасье! И те скалы, могут быть взорваны, ровно в тот миг, как до прилезших во власть уже после всего, и жаждущих её, дойдет, что они ничего на самом деле не решают. Или камень может просто сказать «старость», рассыпавшись мелкой крошкой, что уже происходило, и было больно для страны, из-за начавшейся анархии и обнаружением, что все проблемы региона оказывается разруливал какой-то неприметный старичок.

Мы так и не смогли набрать нормальный состав ни министров, ни иных людей гос аппарата, и все висит над пропастью вот уже шесть лет, несмотря на то, что страна успешно выкарабкалась из кризиса, и вновь встала на ноги. И для народа кажется, что стабильность наконец наступила.

Ведь наверху, президент, так же не менялся все это время! Пошел на второй срок,

будучи вновь выбранным. Выдвинутым когда-то, как красивая безвольная марионетка, сильно далекая от политики, но приглянувшаяся народу. Всех устроившая, когда иные кандидаты, были либо слишком конфликтны к одной из рвущих страну на части сил, либо тупо открестились от роли верховного, не пожелав себе такой судьбы.

И он не решает ничего напрочь! Его к власти, так, сказать, не допустили! У него нет своих людей! А разные движения внутри страны, даже стремящиеся к благому будущему, но видящие его по-своему, уже начали обретать определенную форму. Люди стали разбредаться по лагерям, переставая играть в одиночек, обретая реальную власть.

И без единого центра, все эти коммунисты, монархисты, лево центристы, запросто могут устроить стране новую неразбериху с анархией! Если они перестанут грызться меж собой в парламенте, а начнут тянуть одеялко... оно же лопнет! — И я убрал руку с лезвием подальше от наградного листа.

— И в этом ваша заслуга! — тем временем продолжил помощник, а моя рука как-то сама собой, вернулась обратно.

— Ага, в том, что периферия не зависит от центра. — усмехнулся, начав царапать листочек.

— Именно! Именно благодаря вам, страна никак не связано с тем бардаком и дележкой власти, что уже который год, царит тут, в кремле.

Как и в том, что это собственно вообще произошло. Не стоило нам просто пускать все на самотек, сразу, как «достигли цели», переключаясь с проблем бюрократических, на физические. Но другого выхода тогда просто не было.

— Знаю, но именно поэтому на награждение я не явлюсь. Пусть крутятся там как хотят, а я сыта по горло всей этой политикой. Год в неё не окуналась, и еще столько же не окуналась бы. У меня вон, и своих дел по горло! — потряс я лежащими рядом с наградным листом бумагами. — Крысы в подzemке, что непонятно как теперь излавливать. Новый штамп гриппа, что подозрительно летален. Финны на границе опять усами танков шевелят, хоть и боятся после прошлого прилета рыпаться. Поляки силы к границе стягивают, видимо все же яйца у них лишние завелись. Не говоря уже о турках, подмявших под себя грузин да армян, и уже раззявившая пасть на Дагестан. И по стройкам то надо бы пробежаться! Как там идут успехи с северным путем, знаешь, нет? — собеседник помотал головой — То-тоже! — воскликнул я, и тут же сдулся под молчаливым взглядом помощника, говорящем лучше сотен слов — Да, ты прав, я по уши в политике, даже если её старательно не касаюсь. В монастырь что ль уйти?

— Тогда страна рухнет. — каким-то подозрительно спокойным голосом проговорил Николаевич.

Голосом, каким обычно сообщают о неудачной операции, или умершем близком родственнике.

— Блин.

— Все же она сейчас держится на трех китах, и одной черепахе.

— Считаешь меня черепахой? На слона то я явно не тяну!

— Александр Николаевич? — донеслось от входа в кабинет, и мы синхронно повернули голову туда.

Скривив гримасы, и выдавив из себя, презренное «А?!», пытаюсь понять, кто это там такой наглый, вошел ко мне без стука.

У входа обнаружилась миловидная девушка лед тридцати. В строгой юбке, в белой

блузке, с галстуком, и стопкой бумаг в руках. И на меня, хозяина кабинета, она даже и не смотрит.

— Вас вызывает к себе господин президент. — проговорила она, глядя на моего помощника не мигая, и сочтя воцарившееся молчание за «да, иду», точно так же как наше возмущенное «А!?» за «да, слушаю», удалилась, забыв за собой закрыть вторые, внутренние, двери кабинета.

— Это тебя. — мотнул головой в сторону входа мой помощник.

— Почему собственно меня?! Тебя ж позвали! — удивился я такому повороту событий.

— Потому что я как раз оттуда! И президент лично просил тебя пригласить к себе.

— А почему ты тогда только сейчас об этом говоришь? — захлопал я глазами в недоумении.

— Потому что награда... — вытащил он из-под моих рук, злосчастный листок, что отнял у меня столь много, непростительно много! Времени, отвлёк от всего, и вообще, заставил заниматься непростительной фигней.

— И сделай лицо посolidнее! К президенту все-таки идешь! — крикнул мне в след тезка, видя, что я собираюсь идти на приём с физиономией не ребенка, но подростка.

— Лень. — буркнул я дереву уже закрывшейся двери.

Правда дойти до кабинета верховного я не успел. Стоило мне сделать лишь шаг в его направлении, как наушники на моих плечах, хранившие степенное молчание, вдруг ожили, и заголосили разными голосами, требуя к себе внимания.

— Двухсотый на связи, докладывайте!

А дальше стало совсем уже не до президента.

— Что!? КОГДА!? ДА... фигасе. ДА, узнать все, что можете! Границу на уши поставить! И агентуру тоже. Да хоть проходные! Поднять все части по боевой! Вообще всё! Да, естественно! А вы что, до сих пор не?!... Да вы! Конечно! Размазать уже должны были всё в хлам! Ну что, что... так, минутку! — заметил я прошедшего прямо мимо меня, как мимо столба, сопровождаемого парой замов, министра обороны.

— Вы в курсе, что произошло сегодня утром? — подрезал я его, нагло обогнав «по встрече» — В Магнитогорске! — уточнил я, видя, что министр не до конца понимает, о чем это я. — люди погибли! — добавил, видя, что его не проняло, но он явно в курсе случившегося.

Естественно он в курсе! Он министр обороны! Он должен быть в курсе о таком! Да блин! Даже журналисты наверняка уже все в теме! Ведь уже прошло более шести часов с момента ЧП! Просто у меня не настолько много людей, что бы мне, даже о таком, докладывали мгновенно. Да и я б, наверное, свихнулся...

— Конечно я в курсе. — сурово проговорил этот главный военный дядька — Отойди, ты мешаешь. — и решил меня просто отодвинуть, для продолжения движения по маршруту.

И я ему это даже позволил. Обратив внимание на то, что двигается он куда бодрее, чем обычно. Не бегом конечно, не по чину, но явно спеша. Значит все же...

— И что? Шесть часов прошло, а вы только думаете, что делать? — крикнул я ему в след, впрочем, удалится он от меня успел лишь на два шага. — У нас город обстреляли, между прочем!

— Двухсотый! — вновь ожила рация на моей шее. — Это... твои родители ведь жили на Чкаловской пятнадцать?

А зам министра тем временем шепнул что-то остановившемуся министру, на дрогой

стороне «улицы» объявилась уже знакомая мне девочка «я не стучу», чья кипа бумаг заметно похудела, а другой зам вояки, ткнулся в свои бумаги, начав что-то там листать, ища какой-то особенный документ.

Я же тем временем продолжил вещать, шепнув на ходу в свой ларингоскоп короткое «да» и не услышав ничего в ответ.

— Есть жертвы! Разрушения! — продолжал голосить я в слух, глядя на главного по обороне — Фактически нам...

— Ты же понимаешь, что мы не можем действовать опрометчиво? — заговорил министр, и развернулся ко мне лицом, а не стучащая девчонка, заметила меня, однако решила проигнорировать столь незначительную персону — Возможны провокации, возможны... недопонимания.

— С человеческими жертвами? — приподнял я бровью.

— Возможно и такое — подал голос зам, копающийся в бумагах. — Жизнь...

— Что говорит Казахстанская сторона? — проигнорировал я зама, обращаясь к главному, но ответил мне все тот же зам, а сам министр решил, что аудиенция закончена, и что он и так опаздывает, припустив с удвоенной скоростью.

— Ясно, тоже думают, что сказать? — обратился я уже к говорливому заму, решив, что он возможно знает даже больше своего начальника. — На такие...

— Мы не можем. — произнёс собеседник, желая оборвать меня на полу фразе, но я тем ни менее продолжил:

— Мы должны реагировать...

— Мы не можем.

— ...мгновенно,

— Мы не можем.

— ...и жестко.

— Мы не можем, действовать необдуманно и на эмоциях. Казахстан — союзная страна! И это могло быть просто... случайностью. — пожал он плечами.

А тем временем девица с бумагами поздоровалась с министром обороны, очень, очень широко при этом улыбаясь. А позади меня, из одного из кабинетов, вышел еще один министр, что, поправив пиджак, принял у своего помощника папку с бумагами, принявшись их изучать прямо на ходу. Двигаясь в нашу сторону. Или иначе — туда же, куда отправился предыдущий министр.

А наушники на моей шей, что как показалось, просто умерли после моего короткого ответа, сломались и больше не подают признаков какого-либо функционирования, вновь ожили, но вместо речи оттуда послышалось только какое-то невнятное шебаршение.

— Просто случайность, да? — зашевелил я бровями, глядя на не своего зама. — Ракетой по городу, с пяти машин, да?

— Ну, или провокация. Что даже наиболее вероятно. Попытка рассорить союзные государства...

— Это... — все же заговорила «человеческим» голосом рация на моей шее, начав говорить одновременно с замом министра. — Соболезную. От дома ничего не осталось. Прости, я не хотел бы быть вестником дурных новостей, и тем, кто пугает почем зря, но...

— Эй! Ты меня слышишь! Понятно, ты для себя уже все решила... с шашкой на голо... здрасти — поздоровался зам с прошедшими мимо людьми, а из моего кабинета тем временем вышел уже мой помощник, с пакетом, доверху набитым пустыми

полиэтиленовыми бутылками, да так и застыл у входа, не ожидая меня тут увидеть.

А я же, всплыл из своих мыслей. Ведь все же, мои ребятки ошиблись. И моих родителей в том доме похоже не было. Или были, но они живы, почти здоровы, хоть и напуганы, так что не важно. Ведь ощущения их состояния сквозь расстояние, можно охарактеризовать как «обычное, житейское», на которое я никогда не обращаю внимание.

— В мире, всё не решается грубой силой, — продолжил вещать о своем зам министра, что как раз и должен решать все силой, пусть и не грубой — иначе бы мы давно бы уже не существовали как страна. Да и вот предположим... — взглянул он зачем-то на часы, и скорчил недовольную морду, от того, что там увидел — как вообще, у тебя всё это в голову умещается?

— Всё очень просто. Нас атаквали? Мы должны атаковать в ответ. Да, знаю, зло, порождает зло — поднял руку, не дав вновь себя перебить, а за моей спиной встал мой помощник, отставив пакет с мусором прямо подле двери. — Но здесь дело не в зле, а в неминуемости возмездия. Вся доктрина современной политики на этом строится! Невозможность победить, а лишь взаимное уничтожение! Иначе бы все давно друг другу в глотки бы по надрезали. Если бы мы не устроили финнам новую резню на Ладогге, они бы не удовлетворились Карелией, отжали бы у нас Питер и дальше пошли. Если бы не бой под смоленском, поляки бы возможно уже были бы тут.

А пока я это говорил, в коридоре стало многолюдно. Откуда-то вывалилась целая толпа людей службы безопасности кремля, и просто «охранников», что как бы тоже часть СБ, но не совсем. И которые всей дружною толпой, заметив меня, стали уж больно целеустремлёнными.

— Эй, слышишь... — проговорил я тем временем в рацию, нарушая всякую субординацию и говоря явно не по «протоколу».

— Да, двухсотый.

— Действуйте по плану. Найдите виновных. И сделайте так, чтобы никого впредь даже мысли не возникло стрелять в сторону наших границ даже из водяного пистолетика. Иначе нам и нынешние границы не удержать.

— Да, двухсотый.

— Эй! Александра! Что это значит!? — вывалился вперед всей толпы охраны уже знакомый мне полковник — почему твои люди, берут под контроль ракетные части на границе, и поднимают пол страны по боевой тревоге!?

— Вообще-то этот вопрос не в юрисдикции СБ. — ответил я в слух, тем временем шепча неслышимое в своё уникальное средство связи:

— Внимание всем! Говорит двухсотый! Ввожу в силу протокол семнадцать, четырнадцать, двенадцать, ноль шесть.

— Зато в моей! — посуровел зам министра обороны.

— Повторяю! Вступает в силу протокол семнадцать, четырнадцать, двенадцать, ноль шесть!

— Арестовать её!

— На каком основании?! — преградил дорогу силовикам мой помощник.

— По подозрению в государственной измене! — проговорило еще одно действующее лицо из СБ, с такими же погонами полковника, но зато сединами на висках.

— Ребята... — произнес я неслышимое, но наушники у меня уже отобрали.

— Не сопротивляйся, хуже сделаешь.

— Вы снова в подполье...

Глава 4 — Ракеты выстрелили сами

— Что значит «ракеты выстрелили сами»?! Как это вообще понимать?! — проорал в трубку министр обороны, багровея от ярости и злости — Что значит «у них смогли, а у нас что, не могут!?» под трибунал пойдете! Всей частью! Что значит с... найти виновных! Я лично с ними разберусь! — проорал он, став уже реально красным, и с силой опустив такую же красную трубку на столь же красный телефон.

— Распоясались совсем! Ракеты у них, «сами стреляют»! Вообще от рук отбились! Управы на них нет. — плюхнулся он в кресло, рядом со столом, понимая, что день явно не задался с самого утра.

Ведь уже с утра, его разбудило сообщение о том, что Магнитогорск, один из городов южного Урала, подвергся обстрелу с казахстанской стороны. И все бы ничего, да инцидент случился рано утром, а снаряды, угодили в плотную жилую застройку. Два дома, просто перестали существовать! А число жертв... уже насчитывает две сотни.

Казахи... оборались по полной. Еще и с заявлением, хоть каким-то! Тянули как могли, из-за чего и российская сторона не могла сделать хоть какое-то заявление. Ну не объявление же это войны, в самом то деле? В общем, у них там бардак по хлеще нашего.

Но теперь и у нас, пушки сами стреляют... и как это вообще понимать? Ладно хоть со стороны союзников обошлось без потерь — ракеты упали тупо где-то в поле. Зато по этому вопросу заголосили в эфир они почти мгновенно, заседая и требуя ответа.

— Еще и девка эта, Александра... тфу! Хотя кто вообще сказал, что в ружье всю оборону государства подняла именно она? — задумался министр, и тут один из телефонов на столе, вновь вдруг зазвонил.

Опять казахи? Нет! Этот телефон... никак не может быть связан со случившимся. Ведь где флот, а де степи Казахстана?

— Господин министр? Говорит вице Адмирал черноморского флота...

И этот звонок не принес радости министру. Ведь жизнерадостный адмирал, представляющий только-только пришедший в божеский вид флот черноморский, во много благодаря перебазированию кораблей с северных гаваней, в жизнерадостной же манере, поведал, что они тоже, в полной боевой готовности.

— Они что там все, свихнулись что ли? И собрались развязать войну?! И с кем! Да из-за чего...

Казахи всегда были союзниками России. Когда-то больше, когда-то меньше. И когда русские выгнали со своих территорий Америку и НАТО, они поспешили сделать тоже самое. Под шумок, да чтоб не отставать. И когда русские, сами начали охотиться на магмойдов на своих территориях, казаки решили сделать тоже самое. Дать русским охотиться и на их территориях тоже.

Две упущенные группы тварей, то количество, которого вполне хватило неглупым парням из степи, чтобы понять, что сами они с ними не справятся. Ведь тварей, что обычно ликвидируются одним взводом с РПГ, при поддержке танка в керамике, пришлось уничтожать при помощи авиации и точек. Что дорого, и глупо.

Пусть, они так и не поняли, почему данных тварей так боятся все бессмертные, ведь для авиации они все — лишь мишени! Зато они поняли, что «один взвод и без проблем», это

опытные, стрелянные ребята, а вовсе не вчерашние пастухи в количестве роты. И что «керамическая броня на танке», это не просто плитку на него на клей наклеить.

Да кто вообще такое придумал?!

Однако, и упускать такой куш, что-то неприемлемое. Видеть, как русские наживаются на их земле... как ценнейшие камешки, покупаются у них, за жалкие девяносто процентов от их рыночной стоимости... все это сравни пытки!

Поэтому, они выжидают, и набираются опыта. Наблюдают, учатся... подкупают. Приглашают инструкторов, в том числе из-за океана. Одалживают, не собираясь возвращать, у братского народа оружия и оборудование, для совместного дела, и проводят учения. Совместные, и личные.

И вот, во время одного из таких учений, какие-то балбесы, напутали запад с востоком! В результате чего, ракеты, вместо полигона, улетели куда-то вглубь русской территории. За что те, в долгу не остались, шамальнув в ответ, по этому самому полигону...

Наверное, учение все же можно считать успешными? Ведь цели то поражены! Да и когда еще миру удастся увидеть, как работает тяжелый огнеметный комплекс с кассетным зарядом по жилой застройке на пределе дальности? Неплохо, надо сказать работает! Вполне неплохо. Хотя разлет все же огромен, а эффективность приемлемая, только за счет количества зарядов в ракете. Да и оружие, предназначенное для уничтожения небронированных магмойдов плохо справляется с железобетоном.

Но награждать стрелков все же не стоит. Точно не стоят, иначе они так и не научатся пользоваться компасом. — генерал армии гордого Казахстана, чья грудь увешана наградами явно не за пустые слова, улыбнулся своим мыслям, и пригубил еще немного, дорого иракского напитка.

— Божественный нектар!

Не зря его Джон, инструктор, что натаскивает его ребят на уничтожение вземных тварей, так нахваливал в приватной беседе, пока они поедали шашлык из барашка, запивая кумысом. Кумыс, впрочем, тоже был не плох. — вновь ухмыльнулся генерал, вытаскивая из-под кресла бурдюк с этим напитком, в то время как за окном, мелькнули две тени.

Генерал никогда не видел лично, как охотятся бессмертные. И не увидел. Ведь он умер до того, как те, попались ему на глаза. А утром, часть еще не скоро поняла, что флаг на флагштоке, какой-то странный. Вот прям совсем...

***

Мои родители живы я это чувствую. Все же, в них часть меня, от того я их пусть и отстраненно, но ощущаю их как часть себя. Матерью даже при желании даже мог бы... нет, об этом лучше не думать.

Однако, их состояние тяжелое. И я не понимаю — почему? Десять часов назад, я бы описал их состояние как «нормальное». Страх, волнение, адреналин. Легкий дефицит кислорода в крови и..., наверное, на этом все.

Ах, да! Батя руку сломал! А у матери шишка на башке вскочила. Хотя я не уверен, есть там шишка, или просто головой ударилась. Все же голова, то место в её теле, куда я отчаянно не пускал свои ткани. Но кровопотери нет, она явно в сознании, а значит — все в порядке! А отцу рука — фи! Ерунда! Правда я не знаю, правая, или левая?

Было.

Так было тогда! Поэтому я особо то и не переживал. За них. А вот за честь родины очень даже переживал! Ведь нам удалось удерживать страну на плаву все эти годы только зачет резких ответов на провокации! Действиями, которые не позволяют врагу считать нас слабыми, и заставляют бояться даже смотреть в сторону наших границ. Не то что устраивать «провокации».

А тут... Покушение на наш город! На наших людей! Ракетный огонь! И если мы не ответим за подобное... да нас и так порой считают слабовольными свои же люди! Ведь мы не раз и не два шли на уступки западу во имя выживания! А уж после подобного... и я понимаю, если бы «добрые соседи» сами пришли, покаялись, слезно попросив прощения у наших жителей, чего явно не случилось.

Но это все было тогда! Сейчас же... я заперт в камере. Довольно комфортабельной, надо сказать! Тут даже сок, хм, яблочный, вместо воды! И первое, второе, третье, вместо баланды! Если бы не изоляция от внешнего мира и полное незнание тешущей ситуации, можно было бы тут и прописаться на время.

Неужто город повторно обстреляли?! Да быть того не может! Но почему тогда все вдруг стало так плохо?! И как... как новые снаряды прорвались сквозь поднятое по тревоге ПРО?! Не уж то... солдатики решили, что всё это игра!? Что вдруг, ракету мы собьем, а она рухнет, на чей-то домик?! И проблемы будут...

Тфу! Ну по крайней мере возмездие за это будет уже мгновенным! Там сейчас мои ребята, и они... у них не дрогнет пальчик, нажать на кнопку пуска, обрушив на горе стрелков кару неминуемую.

Так все должны думать! Так всегда должно происходить! Сначала ответка по тому, кто покусился на НАШЕ, а потом уже разговоры приговоры, и поиски виноватого. Таким путем мы смогли выжать прошедшие шесть лет напряженного бытия! Когда весь запад сыпал нас крошку из зубной эмали, но боялся рыпнуться, боялся посылать своих солдат на смерть. И перебарывал свои, внутренние проблемы и протесты по этому вопросу.

Да и даже с моральной стороны вопроса — в чем проблема дать ответ на зло? Ведь в любом случае за пусковыми установками сидят люди военные, и ликвидация их, не тоже самое, что убийство гражданских. Они должны были думать, прежде чем делать выстрел, а мы лишь делаем хук в ответ на удар под дых.

А если же нет, если они не думали, или тем более — пусковую установку у них стырили цыгане... чтож, они сами виноваты! А нам должны быть только лишь благодарны.

Но что там с матерью!? И с отцом... она... совсем плоха! И еле держится. Он... пока норм, но на самой грани этого понятия. Его пульс, какой-то излишне большой... даже слишком! Но это все что я могу сказать о его состоянии. У меня слишком мало влияния на его тело. А мать...

Что... кровоизлияние в мозг?! Как я раньше...

— Отец! — прокричал я, схватился за сердце, и упал на пол с комфортабельных нар комфортабельной кремлевской тюрьмы.

— КАК?! — выпучил я глаза, глядя в пустоту — ПОЧЕМУ!?!... я не могу это остановить!

Кровь... стремительно покидает его тело! Как от большой раны! Как от потери обеих ног... но ноги на месте! Что!? Почему!? почему...

Еще один удар его сердца, и он умирает...

Как...

Я остался с матерью один...

Миг.

И сердце маменьке заходится в каком-то беззвучном крике. Ускоряется пульс, до запредельных для человека четырёхсот ударов в минуту...

И в печень прилетают настоящие ошметки головного мозга.

Еще мгновенье.

И я остаюсь один.

Совсем один.

В мгновенье, потеряв сразу двух дорогих мне родственников.

Как? Что? Почему? — звучат вопросы в голове, но в душе лишь пустота. Я остался один. Вновь. Опять. В который раз.

Щелкает замок двери камеры, стальной, тяжелой, единственный атрибут настоящих каземат, не считая узких бойниц зарешетчатых окон.

— Вас хотят видеть. — вежливо проговаривает человек, внимательно следя за моей реакцией.

В то время как я, уже поднявшись с пола на ноги, задвигаю прочь, в самый дальний угол, оказавшиеся настоящими фальшивые эмоции.

— Господин президент. — сказал я, обращаясь к спине стоящего у окна человека, сразу как попал внутрь шикарных апартаментов.

Впрочем, по меркам кремля и текущего времени, вполне себе скромные. Как говорится, ни золота, ни драгоценностей.

— Александра. — сказал президент, мазнув по мне ничего незначащим взглядом, задернул шторы. — Оставьте нас.

— Но... — проговорил один из моих конвоиров, желая что-то возразить, но понял все, по одному лишь мимолетному взгляду. — Мы будем за дверью.

— И вы тут — обернулся я на кресло за входными дверьми, где вольготно расположился один хорошо мне знакомый «старичок».

— Дааа... тебя не проведешь. — сказа мистер Тень, почему-то глядя не на меня, а на президента.

— Я думала вы потерялись.

— Дадут мне потеряться... — как-то страдальчески проговорил он, по-прежнему не отрываясь смотря на хозяина кабинета.

Что, по-прежнему, сохранял молчание, самолично доставая из шкавчика мармелад, да лимонад.

— А где док? Адмирал? Чтобы уж как в старые добрые... — оглядел я кабинет по кругу, выискивая до боли знакомые персоны.

Особенно слово боль хорошо ассоциируется с первым. Любителем меня поковырять. А «старые добрые», жаждет надавит на сердце.

— Док, все там же, ковыряет куски тебя — произнес Тень, приняв угощение от президента. — Ну а Адмирал... разве не ты ему еще сегодня утром звонила, с криком «боевая тревога»? — усмехнулся мужчина — в общем, он тоже там же где и всегда. И я, наверное, тоже пойду. — наконец взглянул он на меня, и решил подняться с насиженного места, глотая мармеладину не жуя.

— Так, стопе. — остановил его я — Сначала объясни, что Я тут делаю.

— Помнишь, шесть лет назад — сел обратно мистер тень.

— Меня тогда с вами не было. — подал наконец голос хозяин кабинета, приземлившись в соседнее кресло.

— Да, тебя не было. — перевел на него взгляд Тень — Ты тогда вообще был далёким от политики человеком.

— Очень далёким.

— Ага.

— И хотел бы и им и остаться!

— Ну да, тебя потому и выдвинули в президенты. Ведь ты выглядел человеком, которым легко будет управлять.

— К сожалению, не только выглядел. — вздохнул президент и взглянул на меня. — И так и было, до недавнего времени. Моя аморфность, вышла всем боком!

— Да, мы это не предусмотрели. — покивал головой Тень, выражая своё полное согласие словам «коллеги».

Правда не ясно, коллеги по какому цеху?!

— Вы отошли от дел! Все разом! — сказал я, что думаю по этому поводу, но увы, не столь беспристрастно как хотелось бы, и эмоции, прорезались наружу — И вся ваша структура власти, сложилась во внутрь словно карточный домик!

— Да, ты права. — покивали мужчины почти синхронно — Но ты осталась. — ткнул в меня пальцем тот, чье настоящее имя, наверное, теперь уже никто не знает — Ты, позволила стране продержатся вовремя перемены власти! Ты...

— Не я одна. — перебил его я, припоминая, сколько людей учувствовало в контроле над ситуацией, и разгребании бардака.

И сколько из них погибло в процессе. Порой по глупости, а когда и героически. В подворотне тупо от нарика, или в перестрелке с бандой. В автомобильных катастрофах, от рака, пули в голову, истекли кровью.... Банановой кожуры! И за последних даже отомстить нормально не получилось, ведь такие люди, способные так убивать, нужны и нам самим.

— Фуф, понятно, что не одна! — развел руками собеседник — Никто не одинок! И ни одному человеку, даже бессмертному, — сделал он, многозначительную паузу во фразе, дабы я понял всю глубину сказанного — не под силу сдвинуть горы. Но вместе, коллективом... — сжал он кисть в кулак пред моим носом, что костяшки побелели, и что бы я их понюхал. — В общем, слушай — вдруг стал резко серьёзным. У тебя сейчас два пути. Первый — жест на сидящего рядом и поедающего мармелад человека.

Президента-марионетку, которой похоже решил что-то поменять в своей жизни, уж больно решительное его лицо, а глаза, больше не пытаются смотреть как бы сквозь окружающих. Глаза человека, что явно что-то замышляет! И которому для этого, как видно нужны свои люди.

— Я набираю свою команду — проглотив мармелад не жуя заговорил этот человек — Я больше не буду безвольной куклой, лишь наблюдающей со стороны, как различные силы, пытаются вновь порвать страну на части. И пусть некоторые из них, скорее добро, чем зло, их несогласованные друг с другом действия, скорее подобны праведнику, ведущему за собой в ад.

— Второй, — вновь взял слово Тень — я могу сделать тебе любые документы, какие только захочешь, даже заграничные, а со сменой внешности у тебя проблем не возникнет. То есть — ты просто отходишь от дел, как того давно и хотела. Но имей ввиду! — чуть повысил он голос, видя, что я желаю уже согласиться, не дожидаясь пока он договорит — За тобой

никогда не прекратится охота. И она даже более глобальная, чем за любым другим бессмертным, и ты это знаешь. И мы более не сможем гарантировать безопасность твоей семьи.

— Они... мертвы. — проговорил я в ответ на это ледяным голосом, сохраняя беспристрастный pokerфейс на лице.

— Оу... соболезнаем. — сказал президент, у которого как бы тоже есть имя, Федор Афанасьевич, и с некоторой заминкой, похлопал меня по плечу.

— Погоди... — выронил он же, через мгновение, отстранился прочь, и если бы не стена позади кресла, отодвинулся бы подальше вместе с креслом — они же ведь — и взглянул на своего «приятеля» в соседнем мягком стуле, что совсем недавно так это живенько общался, а сейчас вдруг нацепил такой же как у меня, непроницаемый pokerфейс — Они же ведь... — и вновь перевел взгляд на меня.

— Да, они там жили. Как раз в тех домах, что обстреляли. Но нет, боевую тревогу я поднял не из-за этого, тогда я еще не знал, что они там умерли. Это просто стратегия войны, стратегия взаимного уничтожения. Вы должны знать это не хуже меня. И кстати: повторных обстрелов не было? — Тень, сохраняя не проницаема маску, помотал головой — Значит они умерли под завалами, примерно десять минут назад.

Мужики моего посыла не поняли. «Как я мог узнать!?!» — так и читалось на их... на лице президента, а Тень... слишком хорошо себя контролирует, что бы по нему можно было хоть что-то понять. Но думаю, вопрос у него такой же.

— И если вы думаете, что я как-то подозрительно спокойна — то это вы зря. Мне охота поубивать здесь всех. — проговорило я абсолютно спокойным голосом, от чего спокойней никому не стало — Но я не буду этого делать — и я заметил рядом еще одно кресло, и поспешил уволиться туда.

— Так вот, господин президент — вновь заговорил я, разместившись в уютном кресле и переведя дух — как вы себе представляете, мою персону, в вашей команде?

— А! — очнулся он от каких-то своих дум — Весь кабинет министров в твоём распоряжение! Можешь выбирать любое кресло!

— Ты как вообще себе это представляешь?!

— Нормально он себе это представляет. — подал голос сидящий рядом мужчина — Ты недооцениваешь свою известность, и слухи о себе. В узких кругах ты очень знаменита — проблем не будет.

— А люди?

— Ну...

— С ними даже проще! — вновь заговорил хозяин кабинета — Мы сможем сделать из тебя символ...

— Секс символ Саша! — скривился я.

— Эт тоже — вновь заговорил скрывающий личность — Я знаю, ты можешь делать своё тело достаточно взрослого вида, и с сексуальностью думаю проблем тоже не возникнет после нужных тренировок.

— Думаю, это излишне. — не поддержал такой настрой президент — Ведь тогда все решат, что должность досталась ей не по праву.

— Да, тогда...

— Ох, куда я опять ввязываюсь! — простонал я, весьма громко, сосредоточив взгляды на себе — Покой мне, наверное, будет только в другом мире! — произнес обращаясь к потолку,

и опустил взгляд на собеседников — Ох, ладно друзья. Вы тут за меня уже все решили, и спорить я с вами не буду. Но сначала нам нужно разобраться, какого буя, наши союзники, обстреливают наши города. И почему, медведь вас задери, мы по этому поводу, выказываем лишь какое-то вялое «неодобрение».

Президент, открыл было рот, но тут же его захлопнул, задумавшись над поставленным вопросом. А Тень... сохранил на роже непроницаемую маску, что, впрочем, стала уже не столь непроницаемой как была, и сквозь неё, едва-едва, проступила злорадная ухмылка.

Он уже все знает! Даже то, чего еще не знаю я.

Что ж, кремлевским арестантом я побыл совсем недолго. Нелепые обвинения сняли, наушники вернули — а ведь падлы просекли, что это не прибор для музыки! Личные вещи тоже на родину возвратили — бумажник с тремя жетонами на метро, и десятью рублями мелочью, кхык, кхык! Даже копеечку не тронули!

Мои требования тоже все выполнили, решив разобраться с должностью после, а сейчас предоставив борт номер один чуть ли не в собственность. К месту происшествия все равно целая комиссия чапает, и им всем нужно на чем-то лететь. Так что тут полно народу, в том числе и прожигающий меня взглядом министр обороны, но я занял президентскую кабинку! Потому и в собственность.

— Ох, наконец-то отосплюсь! — сказал я по громче, во все услышанье, разваливаясь в удобном кресле, хотя конечно же спать и не собирался — в камере отоспался!

Для начала, связался со своими ребятами, отменяя протокол подполья и тишины. Хотя если так подумать, а мои ли это ребята? Или все-таки Тени? Ведь все оборудование, снаряга, деньги, база... нет, люди при этом все равно мои. Половина из них о существовании этого мужчины, скрывающего своё я, и не знают вовсе.

Зато как минимум половина из всех, хорошо знает Нинель! Ведь они проходили проверку мозгов у её персоны. А она, эта мозгоправка хренова, моя ли? Учитывая, что на меня она не работает уже года три. Да и до этого мне её подогнали, а я её просто подправил. Использовал. А потом её у меня изъяли обратно, чтобы использовать как ходячий полиграф! И она там... ожирела!.. хотя я и не понимаю, как это вообще возможно, с телом бессмертного. И на неё все сложнее и сложнее чем-либо надавить, дабы заставить работать! А сил у неё, все меньше и меньше, что в прочем, не удивительно. Сила зависит от силы. И если заплыть бездельным соком, то не будет ни той, ни той.

Но все же, мои люди — это мои люди! И возможно, мне и не стоило возвращать их обратно на их места, выводя обратно из подполья столь быстро и резко, но все же не думаю, что все, что было в кабинете президента — лишь спектакль. Что все это нужно было лишь для того, чтобы я отменил свой секретный приказ.

Как и не думаю, что есть третья сила, что решит убрать меня сразу после того, как я это сделаю. Да и кто меня подслушает? Хотя я, наверное, когда-нибудь поплачусь за свою самоуверенность. Радует лишь то, что мои ребята, далеко не дурни, и если получив приказ спрятаться, ещё могут сбежать с работы, то вот уж получив приказ вернуться, точно не будут возвращаться сию же секунду всем строем. Изобразят запой, опохмел, и просто больные животы! Так что вычислить их будет сложно.

Зато, услышав меня вновь в эфире, мои парни рассказали мне много чего интересного. О двух пустых ракетах, упавших посреди казахского полигона. Того самого, куда должны были отстреляться сами казахи. И именно упавших! Как бревнышки. Ребятки вообще хотели, чтобы брёвнышки были с дерь... какашками внутри, но побоялись, что пока все желающие будут какать, момент может быть упущен.

Про взрыв склада боеприпасов в казахской части, той самой, к которой были приписаны зазвездившиеся в инциденте машины и в расположение которой они же и вернулись ровнехонько к моменту взрыва.

Экипаж этих машин, оказались теми еще долоёбами! Как, впрочем, и половина той

части. А вторая — просто наркоманы или алкоголики. Они, расположили склад с горючим, прямо рядом со складом взрывчатого, и там же рядом, стояла ТЭЦ, и мастерская с горячим цехом.

В общем, в конец окуев от наблюдаемого, мои ребятки, решили избавить страдальцев от страдания, стыбрив со склада взрывчатки всего-то две чеки. Мелкое хулиганство! Рвануло так, что на расстоянии километр, почудилось будь то крылья отрасли! И сильно радовались, что посреди окружающей степи, не нашлось ни одного залетного столба.

А немножко ранее, другие ребятки, нашли того, кто собственно был ответственен за всё случившееся мероприятие. Он оказался довольно далеко, как от места проведения, так и от части, засева всего-то на пол пути до Астаны. И им по чему-то, сейчас даже до конца не ясно, имел ли он, какое-то внятное участие к случившемуся, или нет? Просто все бумаги, и допрошенные нарики из установок, все сослались именно на его персону.

И... я не знаю, и знать не хочу! Как можно выпотрошить человека так, чтобы он развеялся на флагштоке аки влаг, но... к тому моменту, к утру, как в далёкой части прогремел ужасной мощи взрыв, командующий учений, уже развивался на ветру. А бессмертных Александр, пообещал мне «фоточку при встрече». Что-то желание с ним видится у меня совсем отпало.

— Так, стоп, я не понял. — разложив всю информацию «по полочкам», произнес я, понимая, что кое что не сходится — как вы узнали о том, что виновен именно этот командующий до того, как проникли в часть?!

— Ну мы ведь сначала тех контуженных с установок допросили. — ответила мне рация на это — Они кстати не скрывались. И вообще, чуть ли не зигзагами пёрли вдоль наше границы к себе домой. Словить их было даже делом принципа! А потом... всё совсем пошло как в анекдоте! Половине сказали, что они обкурились и надо домой. Вместо других, сами нарядились в форму, заехали в часть как к себе домой. Нас на въезде никто ни о чем не спросил, вообще не встретив даже. Лишь потом, заметив стоящими на ногах, немного отчитали за неумение чтения карт, отправив картошку чистить. И это было бы даже смешно! Если б вместо картошки, не обнаружился бы батат.

— В общем, командир, они там все контуженные! — заговорил в трубке иной голос, когда первый замолчал — И вообще не ясно, как они до сих пор друг друга и себя сами не убили! Мы лишь ускорили процесс! Иначе на это было просто больно смотреть!

— И страшно — вновь подал голос первый голос — Вдруг они в следующий раз север с югом напугают?

— Вот он пятнадцатый дом. — указал мне на до сих пор дымящееся руины офицер милиции, проводив за отцепление.

Периметр огородили то они как положено! Хотя не знаю даже плюс это или минус — мародёрить тут вряд ли кто будет. И соседние, так же поврежденные дома, расселили. И это, наверное, все же плюс, но такой, сомнительный. Не знаю насчет укуренности, но залп вышел поразительно метким, и досталось только пятнадцатому, что разрушен полностью, и стоящему за ним семнадцатому, что наполовину. А вот «несчастливому» тринадцатому, повезло до ужаса, и ни один снаряд, ракета или осколок, в его так и не угодил. Хотя все они пролетели чётенько над его кровлей.

По дуге, над нынче усыпанной осколками, а тогда совсем пустой — пять утра! Детской

площадкой, и в первые три этажа панельного дома. Их просто уничтожили! И домик, хоть его торцевые стены были фактически не повреждены, лишившись всех опор внутри, сложился в середину.

После чего произошли еще два пуска в эту же область, но уже гораздо менее прицельные, словно шрапнелью прошедшийся по району, осыпав округ мини зарядами, сравнимы с начинкой огнемёта «Шмель». И больше всего тут досталось стоящему за семнадцатым, дому под номером пятнадцать.

Тот домик тоже сложился, но лишь на половину. Причем, по вдоль, а не поперёк. Фасада нет, но внутри помещения не особо пострадали, и даже видно весящее посреди чьё-то ванны бельё. Ну а в остальных... побиты стекла, опалены стены, рубероид с кровли сгорел... Трупы на балконе! Не знаю, что люди делали там в такую рань.

Естественно, уже давно потушенные пожары, как в домах, так и во дворах, и десяток сгоревших машин. Ах, ещё есть полностью уничтоженный магазин в километре от сюда! Куда угодила последняя, наголову больная, ракета, даже не взорвавшись толком, но всё там разметав.

И это все не мои слова! И не мои догадки! ФСБ уже наковыряло видеозаписи, на которой остались навеки запечатлены столь ужасное события. Где без войны как на войне. Качество пленки конечно ущербное, все же это был новомодный, но довольно дешёвый, авто видеореги­стратор, но представление о случившемся обеспечивает исчерпывающие. И я уже видел эту запись.

Руины... спасатели естественно уже преступили к разбору завала, и естественно, они это начали не сегодня, а почти сразу после происшествия. Правда в ручную, без применения тяжелой техники. Опасаются обрушения. Считают, глядя на высоту завала, что первый этаж еще может быть цел! Но я, как тот, кто видел пленку, что-то в этом сильно сомневаюсь.

Впрочем, там реально могут быть большие пустоты в которых действительно могут находиться уцелевшие жители! Высота завала как бы намекает. Так что — спасатели действуют грамотно. Вот только моих родичей там уже нет. Они... все мертвы. И родители, и... брат. Ведь там, где не выжили двое взрослых, слабому ребенку уж точно не спастись.

— Все что хотела, я увидела. — проговорил я, покидая зону отцепления, и кивая офицеру при исполнении.

И тут же заметил направившегося ко мне какого-то... клерка, с бумажками, в очках и пиджачке, и образом пай-мальчика, да на побегушках. Сквозь который я с трудом узнал одного из своих ребят. Нюх помог! Ведь что внешность, что походка, у него явно совсем иная чем должна быть — моя школа! Моя! Аж гордость распирает. Ведь по сути, двести тридцатый, и изменил то в себе «три морщинки» да два движения, что собственно и являлись маркером опознания человека, при отсутствии «лупы», и лампы допросной.

— Что слышно от казахстанской стороны? — заговорил я не здороваясь.

— Молчат. Они вообще с сегодняшнего утра как воды в рот набрали, хотя вчера полдня визжали о наших ракетах на своём полигоне.

— А об своих ракетах посреди нашего города что говорили?

— Случайность... — выдохнул «клерк» обреченно.

— Ясно. Если вновь что-нибудь пикнут, надо будет уронить им ракету, случайно, на Астану.

— Хи... — с трудом подавил смешок подчинённый — Д-далековато.

— Да, ты прав — надо будет озадачить нужных людей — задумался я, на мгновение, и

взглянув на его одежду и очки — А ты че такой?..

— Да вот... хе, на работу устроился. Ха-ха-хах. Вчера. — уже не смог сдержать смешок подчинённый, но под моим суровым взглядом, чуть им не подавился — В мэрию. Помощником депутата. Похоже придется увольняться.

— Да пока работай. Только смотри там, не ожирей. А если решишь, что под депутатом ходить лучше, чем подомной, так и скажи. Силком держать не буду. — сказал я, и пошел прочь от двести тридцатого.

— Угу. — буркнул мне в след подчиненный, и поспешил вернуться туда, от куда пришел, к общающемуся с прессой, носителю мандата.

— Девяносто девятый, ответ двухсотому — заговорил я в наушник, сделав еще пару шагов.

— Девяносто девятый слушает.

— Разброс залпа и разрушения какие-то странные, что с этими ракетами не так, не выяснили?

— Неверные настройки. Там довольно сложная система — последняя разработка для борьбы с магмойдами! Не обкатанная страховка на непредвиденные случаи «прорыва». Видимо не разобрались в управлении.

— Видимо, видимо. — пробубнил я, оглядываясь на руины.

— Кстати, их у казахов всего чуть-чуть. И половина оставшихся хранилась на том складе, что ты сегодня с утра подорвал.

— Да? Я?

— Ой, да не делай козью морду! Я же тоже на связи! И семи пядей не надо, чтобы понять, что означал тот твой приказ. Вот только я не твой подчиненный, имей это ввиду.

— Нда? Ладно, учту. — проговорил я, смачно зевая, и глядя как из-под завала, спасатели извлекают еще одно тело.

Веселится что-то расхотелось.

— Так что там со снарядами.

— Они наши.

— Что?

— Российский. Их поставили казахам в рамках программы поддержки в борьбе с магмойдами. Мы их создали, от чертежа до постройки.

— Вот падлы! — ругнулся я в слух, но тихонько.

И дело не в том, что они нас нашими же снарядами! А в том, как они их там хранили. Я верю своим ребятам, а значит... мы почти что выкинули эти ракеты в мусор! С тем же успехом мы могли бы передать их обезьянам зоопарка Нигерии!

Ладно, обезьянам Парижа! Города мод, и узких улочек... Но обезьяны от этого быть обезьянами не перестанут!

— Ясно. Передай там кому следует, чтобы сворачивали все программы военной поддержки братских республик.

— Ты мне не начальник. — холодным голосом отозвался собеседник, явно не думая хотя бы прислушиваться к моей просьбе.

— Да? Тогда свяжусь с начальником. — и нажал на одну из немногих рабочих кнопок на корпусе наушника, подавая команду на разрыв соединение.

Наушник отозвался на это жалобным свитом в ультразвуке, заставив отдыхавшую неподалёку поисковую собаку жалобно заскулить. Не любит мои наушники такое делать,

примерно столь же сильно, сколь собаки ультразвуковой писк. Только у них это не природное, а просто плата на протекшую крышу. Но что поделывать? Иногда приходится насиловать.

— Второй, ответь двухсотому. Второй, ответь двухсотому. — проговорил я вновь, выждав некоторое время, после того, как аппаратура перестала пищать. — Семнадцатый, ответь... — повторил, так и не дождавшись ответа.

Он вообще то никогда мне не отвечает! Вот вообще! Да и, если так подумать, девяносто девятый, тоже не особо горит желанием со мной общается. Он, как ни крути, теперь глава всей спецслужбы страны! А до этого был замом зама у зама, но по факту все равно главой уже лет пять.

Ой, человек я маленький... похоже реально проще к президенту на приём попасть!

— Слушаю. — ожил вдруг наушник.

Упс. ДА НЕУЖЕЛИ!?

— Второй, пника своих ребят, чтоб пнули кого надо, и свернули программы поддержки братских республик.

— Что?! Да это тебе к президенту!

Реально? Стоп! А что с голосом? Он, немного... О! Похоже я разбудил нашего мистера Тень! А я то уж думал он никогда не спит, как и я! Как необычно...

— У меня нет его телефона.

— Ну тогда двум девяткам.

— Я ему не начальник. Так что уж извините, но через вас.

— Ясно. Основания для сворачивания?

— Ракеты. Которыми город обстреляли. Они поставлялись по такой программе.

— еп... я свяжусь с тобой позже. — и связь отрубилась.

Ясно, разговор окончен. Ладно, у меня своих дел по горло. Надо в часть съездить, от куда «ракеты не с какашками» улетели на полигон. Пожать руки ребятам, всё-таки они не обязаны были слышаться ни моих ребят, ни меня самого. Да проверить на всякий случай, вдруг у них там тоже, вместо картошки батат?

А еще зайти с ревизией в местную литейку. Причин для этого нет — они славно батрачат! Но я к ним и не с кислой моськой, а так, на чаёк. Поддержать, так сказать, ведь их директора я хорошо знаю. Очень хорошо... уйдя в отставку из большой политики, батя пришел к нему начальником СБ завода. Он же не мог и в самом деле уйти на пенсию и сидеть на диване сутками? Хех. Просто стал работать рядом с домом. И потеря такого человека для предприятия, тоже большой удар.

У них может начаться хаос и неразбериха. Дыры в безопасности. Срывы в производстве, нарушения в контрактах. Просадки качества и... это в любом случае сильно отразится на кучи других областей промышленности страны. Автомобильной, станкостроительной, машиностроительной, и даже бытовой.

И я всё больше думаю — а действительно ли это было просто случайностью? Да, ребята допросили с пристрастием всех, кого могли, но может они что-то упустили? Не так поняли... и на самом деле... все же высокоточное оружие, используемое как топор, придельная дальность, ужасающая точность попадания именно в мой дом.

Нет. Я все же себя накручиваю. Специально такое не вывернешь при всем желании. На видео уж больно четко видно, как ракеты «кувыркаются» в воздухе, не имея точно настройки точки подрыва ад целью, для создания объёмного взрыва. Скорее уж реально, фатальное

стечение обстоятельств. Но с ребятами с глазу на глаз я все равно поговорю. Вдруг их пытки, были перышком.

Глава 6 — Умные ребята

А казахи умные ребята! — выпучил я глаза, и положил на место трубку телефона, большого такого, старинного. Сидя вновь у себя в кабинете, за заваленным бумагами столом. — Получив смачный удар под дых, в ответ на свой выпердышь, хотя я и не уверен, что они поняли, что тот склад с боеприпасами взорвался не сам по себе, они всё сразу уразумели! И всю свою гордость, и спесь, сразу куда-то дели.

И как же хорошо, что в своих новостях о генерале-флаге они ни где не упомянули, а о взрыве в части лишь мельком, и наши политики, свято веря, что наша мстя за город кончилась на том моменте, что мы уронили им на полигон две ракетки, с распростертой душой принимают извинения от соседей. Если бы они знали или хотя бы догадывались о взрыве, не говоря уже о флаге, то вели бы себя явно поскромнее, не требуя от бедненьких и несчастненьких, которым уже и так досталось, ни каких извинений.

Ну а те бы и не извинялись. Зачем?! Им же уже отомстили... Но поскольку потребовали! Извинились. Соболезнование, тра-та-та. Даже, невиданное дело! Вроде там какие-то компенсации пообещали. И вообще, стали призывать к миру, дружбе, крича о том, что столь печальная случайность, не должно опорочить многовековую дружбу народов...

Тфу. Ну да ладно! — откинулся я на спинку кресла, и задрал моську к потолку. Полюбовался шпукатуркой, и вернулся к любованию бумажек на столе.

— Эх.

Это все конечно хорошо! Но что-то я давно ничего не слышал ни от второго, ни от двух девяток. Вообще! Они как казахи в день после мести — в рот воды набрали и пропали! Да и наши политики... вообще не заикались ни о каких разрывов отношений. Напротив! Планируют послать им еще инструкторов.

Может и правда сходить к президенту? Хотя... власть его сейчас, лишь условная. Примерно, как и моя.

— Двухсотый, ответь второму — ожила рация на моей шее.

О! Помяни лихо!

— Двухсотый на связи.

— В общем двухсотый, отмены поставок не будет.

— Что? — завис я на мгновение, застыв в не самой удобной позе — Как? Почему?!

— Ну... понимаешь, моя власть тоже не бесконечна. — прозвучал голос человека тысячи имен в наушниках, с какими-то легкими нотками извинения и печали.

— Да вы гоните! Вы же ведь...

— Ты меня переоцениваешь. Я далеко не всемогущ.

— Но вы же ведь... — не поверил я этому ни на йоту. — стояли у истоках всего! Да и вообще! Пока мы все пешком под стол ходили, у вас уже была своя агентурная сеть!

— Ну знаешь, с таким подходом, можно сказать, что ты вообще всей страной на пальце крутишь! Metallургия, транспорт, вон вояки наконец! Одно твоё слово, и вся страна в красный уровень. Кстати, что с этим делать будешь? Ты столько взбаламутила, а войны так и не началось.

— Что-что... — вздохнул я устало, и выудил из-под кипы бумаг один особенный листок — Учения проведем! Коль уж все ружьё, чтоб не зря! — листок уже подписан президентом, мной... а зачем тут я? Ну да ладно. Премьер министром и... не хватает только министра

обороны... надо отнестись... Да поскорее! — Но я всё равно не понимаю, почему так сложно просто взять и прекратить поставки оружия? Нам же, вдруг резко девать его станет некуда? Так у нас у самих дефицит! — вытащил я из-под стопы еще одну веселую бумажку, и округлил глаза — Да и в деньгах то это сколько! Офигеть! И это всё...

— Политика. Ты не понимаешь. — как-то грустно сказал Тень, и отключился.

— ДА, Я НЕ ПОНИМАЮ! — проорал я на весь кабинет, и хотел было стукнуть с двух рук по столу, но побоялся его уничтожить. — Санька, ты где? — нажал на кнопку репродуктора на столе. — Быро сюда! В смысле? А, понял. Ладно. — и выскочил из кабинета сам.

Извиняющимся взглядом мазнул по помощнику, сидящему в маленькой приёмной, через которую я обычно даже и не хожу, имея дверь напрямую в коридор, и улетел собственно туда, не стесняясь перейти на бег.

Бедняга Саня! Сидит такой грустный, с гипсом на ноге. И я решительно не понимаю, как ему, скручивая руки, сломали ноги? Ногу... дали под колено излишни рьяно? Или что?!

— Стой! Куда?! — преградила мне путь секретарша, когда я ввалившись в приёмную кабинета министра обороны.

Увы, но тут путь только через неё. Точнее сказать — НИХ! Так как секретарши здесь аж четыре штуки! Правда столов для них, все восемь — не уж-то остальные на обеде? Впрочем, размер приёмной позволят здесь разместится и роте.

— У себя? — коротко бросил я, и понял по глазам — У себя!

Грубо отодвинул девушку, нечаянно уронив — она сопротивлялась! И ввалился в кабинет без стука. Хотя нет, стук был! Худы кости секретарши стукнули что надо! А уж последовавший за ними визг... у... отменный колокольчик!

— А? Что там еще?! — оторвался от не менее бумагами заваленного стола, чем у меня, хозяин более большого чем у меня кабинета — А, это ты. Ну проходи.

Я конечно не спрашивал разрешения, но спасибо — улыбнулся я и в три прыжка достиг стола. А стол то у него побольше моего! И выше! И кресло... с подставкой для ног... это что... часть психологической обработки? Подходишь такой к нему, и сразу понимаешь, насколько маленький, протягивая ручку с прощением снизу-вверх...

— А, учение... — прочитал он приказ, что я ему, протянул, встав для этого на цыпочки.

Мне интересно, он на это кресло с лестницы забирается?

— Они уже все подписали... и я подпишу, куда я денусь. — достал он ручку, и принялся черкать — Дело то вообще-то правильное... только министр финансов опять будет ворчать. — усмехнулся он, и передал мне листок, с еще одной, особо размашистой, подписью.

А я заметил под столом, мааленькую лесенку.

— Благодарю. — поблагодарил я, и не торопясь пошел на выход.

— Только ты это...а, не важно. — махнул рукой министр, а в это время в кабинет, заглянули три массивные рожи.

Рожи тут же исчезли, сочтя жест, на свой счет. Правда из приёмной не ушли, но и меня задерживать не стали. Еще раз заглянули в кабинет, получили некое распоряжение, и вышли, внимательно следя за тем, как я словно лодочка, выплываю из гавани.

А в это время секретутку, осматривали врачи. Не уж-то я что-то ей сломал? Да ну! Я же вообще не прикладывал силы.

Так, ладно! Приказ подписан, теперь его надо отправить в исполнение! Кстати, а куда?

А, да! Точно! — и с этими мыслями я вернулся обратно в кабинет, взяв в оборот иную, не раненую секретаршу. Что дико ворчала, но видя три высокоранговые подписи, в числе которых и её прямой начальник, все же свою работу исправно выполняла, разослав приказ, по всем частям, участвующим в масштабных учениях.

***

— С чего это русским проводить такие масштабные учения? Почему именно СЕЙЧАС!?

— У них там два дома сложились...

— Да знаю я! Дальше то что? Разве это повод? Я спрашиваю тебя, по-твоему это повод!?

— Ну...

— Да у них в две тысячи втором целый квартал сложился! В центре столицы! И что? ЧТО? Ничего вообще! Сказали «утечка газа!» и ВСЁ! А тут...

— Времена изменились.

— Времена?

— Да. Кто бы там не бесился посреди города, теперь бы они на столь радикальный шаг, как обстрел своей же территории, не пошли бы ни за что на свете. Пытались бы...

— Хм. А ведь верно говоришь! И это можно использовать! Свяжись с нашей агентурой...

***

— Хм... — хмыкнул я, сидя в мобильном командном центре ракетчиков и наблюдая за показаниями приборов.

Ничего не ясно!

— А шмальни-ка вот по этим координатам! — сунул я под нос юному ракетчику, оператору всей этой бодяги, и вообще, солдату-срочнику, лоскуток бумаги с накарябанными координатами.

— Да вы что! — воскликнул солдатик, внимательно взглядевшись в циферки — Это же наша часть!

Так! Сразу пять балов за то, что знает координаты свой части! Значит точно не батат...

— Вот именно! Так что шмальни...

— Да меня же на губу! — взмолился пацанчик, взглянув на меня искренними, чистыми и невинными глазами.

Я аккуратно взял его за губу...

— Шмаляй говорю!

— Ваш-маш-да-каш...

— Не, ну серьёзно! — отпустил я рот бедняги — У нас учения приближенные к боевым, все в полной боевой готовности, и ПВО и ПРО вообще-то тоже, должны быть в полной боевой готовности!

— Но... — промямлил бедняга, придерживаюсь рукой рот.

А в это время, остальные члены экипажа командного центра... и не думали вмешивается в наш «диалог».

Хотя стоп! — в одно мгновение я преодолел расстояния до дальнего угла не такой уж и большой машины, и выписал звонкий подзатыльник еще одному солдатiku, что что-то там

делал со своим сотовым телефоном. Чуть не убил! Я отчетливо слышал треск кости! За мгновение до того, как телефон из рук выпал, и брякая покотился по полу.

К вам летят ракеты. Командир бу... — прочитал я не до конца набранную надпись на экране, и удалил все разом. Надо было не выпендриваться, а сразу слать «ракеты вам». И верить, что поймут. А вообще, почему сотовую связь тут не заглушили? Непорядок!

— Этого — в лазарет! — провозгласил я, и тут же гаркнул погроме — СТОЙ! — видя, как кто-то метнулся на выход.

И видя, что побег отменяется и все снова на своих местах добавил:

— Ты! — указал на беднягу с оттянутой губой — Стреляй! — и тот поняв, что сопротивление бесполезно, начал свои странные шаманские танцы с пультом управления — Ты! — указал на того, что хотел бежать — И ты — указал на еще одного, что тоже явно бьёт баклуши — тащите этого — указал на того, что у меня на руках и без сознания — в лазарет! Но учтите — обвел всех суровым взглядом — только пискнете о том, что тут происходит до конца учений... — и провел пальцем по горлу. — А вообще, ракеты ведь пустые. — пожал я плечами, снимая «маску» злой и кровожадной — Ведь пустые же?! — тут же её обратно надевая.

Народ усиленно закивал, все, кроме того, что ракету в полет отправляет, я вздохнул с облегчением — а то мало ли! Передал «раненного в бою» на руки добровольных санитаров, и вернулся к наблюдению за работой главного ракетчика. Всё так же ничего не понял, и решил, что лучше бы мне посмотреть, как это происходит снаружи.

Снаружи ничего не происходило. Лес, ветерок, птички поют... боемашины стоят в боевом положении. Ракетные шахты смотрят в небеса... ничего не происходит! Пришлось вернуться!

— Вы уверены? — поинтересовался у меня «солдатик на губе», застыв с занесенной над кнопкой пальцем.

— Ракеты же пустые? Боеголовок там нет, да? — еще раз решил я уточнить.

— Нету. — без задержки ответил солдат. — Мы сами проверили.

— Точно? Мне же не нужна самой сейчас лезть в шахту и проверять начинку? — что-то стали у меня закрадываться сомнения.

— Совершенно точно нету! Говорю же, мы сами проверили!

— Ну, — вздохнул я — тогда запускай.

Парень нажал на кнопку, и сразу с нескольких машин, стоящих полукругом вокруг командной, пиропатроном отстрелило крышки. С задержкой, с гулом и воем, из смотрящих в небо шахт, стали вырываться массивные сардельки.

Сначала одна, потом вторая, третья... четыре ракеты ушли в даль. Но сроду не в ту сторону, что ожидали экипажи их пусковых установок. Не в сторону полигона, для поражения условного противника. А обратно, в сторону их родной и любимой, части. Туда, до куда сейчас даже дальше чем до полигона! И до куда чтобы долететь, им придется пролететь над территорией закрытого городка, что в десяти километров от нас, и в пятидесяти от части.

— Ой, чую будет тотальный разнос! — потер я лапки в предвкушении, так и не услышав хлопков работы систем ПРО города.

И не увидев разрывов своих ракет в небесах, что спокойненько продолжали свой полет за горизонт.

— Вообще тотальный! — растекся я в самодовольной улыбке.

Но взял себя в руки, и пошел проверять как дела у того дистрофика, которому я чуть было не проломил череп банальным подзатыльник. Ведь я действительно стукнул его ничуть не сильнее, чем своего семилетнего брата, когда тот решил вытереть руки от грязи об моё платье на своём первом звонке.

— Да это как понимать?!.. Да ты хоть представляешь?!..

Да... тотальный разнос... устроили МНЕ! И в этом разносе, цивилизными являют фразы только «да это как понимать» и «да ты хоть представляешь», а остальное... многоэтажные конструкции!

— Да ты хоть знаешь!?!?!?

Ах, да! Есть еще «да ты хоть знаешь»! Как я мог об этом забыть?

В общем, отчитывают меня по полной программе. А тех долбодятлов, что из охраны, по факту, военного города, над которым даже самолетам летать не положено, и не так давно они с опломбой сбили кукурузник... что дундуков из прикрытия части, что не видеть ракеты, летящие прямо на них просто не могли! Но не видели... Видимо чай, как раз пили. О них о всех — даже и не вспоминают. И виноват во всем, только один лишь Я.

Что отдал приказ стрелять, ни с кем не согласовав. Что в принципе там был... А не должен был! Что никого не предупредил, что их атакуют. Что целью выбрал фонтан посреди плаца — зачем он там вообще был нужен?!?! Даже в том, что ракеты потратил просто так, сорвав учения, и в том, и что эти учения сам объявил.

А самое что смешное, что меня отчитывают все, кому не лень! Началось с командующего округа, дошло до министра обороны, и сейчас вот спустилась к командующему части... генералу, конечно же! И у всех одни и те же претензии по сути: почему не предупредил? И — званием не вышел!

Ладно... — подумал я, когда меня обозвали самкой сутулой собаки — Интересно, место министра обороны в президентском наборе еще вакантно? Или занято уже? Надо узнать...

— Извини, но это место уже занято — сказал президент, когда по возвращению в Москву, я поинтересовался у него данным вопросом.

— И кем же, если не секрет? — ощутил я прилив крови к пятой точке, что явно не сулит мне ничего хорошего.

— А ты как думаешь? — уклончиво ответил собеседник.

Крови в седалище стало слишком много, что она потянула ближе к земле.

— Текущий, да?

— Ну да. И нет, это не оспаривается — его влияние сейчас слишком велико.

— А меня значит...

— Ты пойми! Его знают, его уважают. Ему подчиняются. Он держат в стабильности нашу армию, оперативно решает проблемы, да и вообще — нормальный мужик! Что ты как маленькая?!

— Оперативно, да... — уныло проговорил я, разглядывая носок ботинка.

— Да. Не его вина, что политики, такие тугодумы. А будучи главой армии, он не имеет права принимать необдуманные решения. Думать до, а не после! Это в принципе всем полезно!

— Угу... — поддакнул я, заметив грязь на кончике берца.

— А вот у тебя я этого не вижу. И твои действия порой круто расходятся с твоим возрастом.

— А каким возрастом? — поднял я на него свои глаза, забыв о грязи на ботинке.

— Ну... до меня доходили слухи, что тебе на самом деле четыреста лет. — задумчиво проговорил президент, отведя взгляд в сторону.

Это кто там проболтался! Семен? Андрей? Максим? Убью-зарезу! Хотя скорее это они меня...

— Но мы на самом деле не знаем, как должен себя вести человек в таком немыслимом возрасте... — пробурчал собеседник, видя, что я никак не реагирую на его предыдущую реплику — Но ты ведешь себя порой так же, как выглядишь — подростком!

— Пфф! — фыркнул я на это, и вспомнил о грязи — вы просто давно не видели подростков!

— Может быть, может быть. Но тебе в любом случае стоит быть серьезней! И поторопится с выбором, если не хочешь остаться за бортом.

— А текущую должность сохранить никак, да? — закончил я с чисткой обуви, при помощи другой обуви, пыля прямо на бархатный ковер.

— Нет. — помотал Федор-президент головой — что это за должность вообще такая, «главная по особым вопросам»?

— Максимум власти, минимум ответственности — пояснил я очевидное.

— Вот именно! О чем я и говорил! Тебе нужно стать серьезней, и быть ответственной, а не ветреной.

Да куда уж больше? — вздохнул я на это, ничего не сказал — возможно он и прав. Меня уже и так знает в лицо слишком много людей, чужим именем прикрывается не хорошо, да и надоели мне эти проблемы на проходных, когда охрана по десять раз смотрит то на меня, то на пропуск. Пора выбираться из тени!

Выбираться, и делать выбор. Вот только... кажется паровозик со свободным выбором давно тью-тью! И все вакантные места, какие я бы хотел занять, уже давно заняты! Может это от того, что я тянул с момента предложения целых две недели? Учение устраивал, катался туда-сюда... железнодорожную ветку принимал в эксплуатацию... точнее не я, а министр транспорта, я с ним в компании чай гонял в вагоне поезда, проезжающей как раз по этой ветке...

Ох, ладно. Кресло министра транспорта естественно тоже занято, иначе бы я, собственно поднял вой! Зря что ли я этого человека тащил почти что с самых низов? Хотя если так подумать, вот министра энергетики и природных ресурсов я тоже тащил, но видеть его теперь не желаю!

Зазвездился! И зазвездить бы ему... да власти у него вагон. И сдвинуть его нельзя, все на нем завязано. Так что он остается. И будет и дальше считать, что «всё вокруг народное, все вокруг МОЁ!».

Министр специальных операций... это тело я не знаю. Но! Учитывая, что данное министерство отвечает за борьбу с магмойдами и всем, что с ними связано, в том числе и за бессмертных, а никто из них не жаловался, да и о магмойдах слышно только из новостей... мужик толковый.

Министр тяжелой промышленности... этот тоже остается. Министр легкой... какой-то

китаец, да и обувь с ним. Есть вакантное место в рыбной ловле!

— Да ну нафиг!

Тут реально, если кого и планируют сдвигать, на это место уже есть утвержденный, или же более достойный кандидат чем я! И так не только в кабинете министров! Парламент, дума, даже замы! Всё уже готово и меня в этих списках нет!

Ну, точнее дыры то как бы есть, но та работка... не моё! А должности то эти вообще-то, как бы критичны! Взять хотя бы тот же рыбный промысел, что с набором мощи северного флота, стал занимать не хилую такую нишу в экономики страны, получив даже отдельную роль и в делах министерских. Пусть это и нельзя сравнить ни в одной плоскости, с тем же министерством обороны или финансов. Да и рыбу мы никуда не экспортируем, как и не покупаем, а значит экономика эта сугубо внутренняя.

Зато северная рыба на столах наших граждан, стала неотъемлемой частью рациона. И пусть кажется «а в чем проблема то? Корабли что, в море ходить не смогут, если министра не будет?», но в реальности все именно так. Политика, и наши «дружественные» соседи. Корабли флота НАТО, отравленная вода и новые гибриды... Там такой темный лес! Чтобы просто обеспечить народ рыбкой.

И на должности замминистра был отличнейший кадр! Да погиб. Сам же нынешний министр ничего из себя не представляет — вода водой, всё делал зам. Так что тут огромнейшая дыра, и я даже не представляю, как и кем её можно заткнуть.

Подобнейшая ситуация происходит и с министром сельского хозяйства. Тот, кто на этой должности был, его уже попросили, такой отпетый раздолбай... что загнал всё сельское хозяйство страны в такую жопу... что я даже удивлён, что мы хлеб до сих пор за границей не покупаем. Зато покупаем много что другое.

В общем, оставил после себя славное «наследство» в виде смачной горки, что следующему министру придется ни один год работать лопатой и в сапогах. И может я бы и взялся, но отрасль явно не моя. Я в ней — не бум-бум.

И так со всем! Если есть место, у меня нету знаний! О...

— Хе-хе. — посмеялся я надрывно-нервно.

Требуется министр образование... так и представляю себе в виде объявления в газете! И того получают ищут трех, да? Интересно, если это публиковать, то в раздел «работа и вакансии» или туда, куда суют объявления о потери животных?

Так, ладно, смех в сторону. Это министерство, наверное, самое гнилое! Начиная от того, что тут просто с кадрами какая-то беда, и заканчивая тем, что на образование все забили уже лет восемь как, если не больше.

Оккупантам, правящим тогда, естественно не нужно было образованное население. А вернув власть народу, обнаружилось, что проблем и без этого вагон, и о данном направлении общественного развития все совсем забыли. Заводам нужны были рабочие сию минуту, а не когда-то, люди хотели кушать тоже сейчас, так что...

Так что сейчас, мы имеем то, что у нас фактически целое поколение людей, что если и училась где-то как-то, то главное в этом последнее «как-то», а также приписка «чему-то». Даже вояки, небось в академиях учились воевать по правилам битвы при Бородино.

— Эх. А я еще удивляюсь, что они ракеты прямо на голову летящие сбить не в состоянии.

— Министр образования? — взглянул на меня озадаченно товарищ президент, когда я принес ему целую кипу бумаг «по этому вопросу».

Его помощник так же присутствующий тут, сохранил ничего не выражающий покерфейс.

— Ладно. Это может быть даже забавным. — начал листать принятые у меня бумаги хозяин кабинета — А образование то у тебя есть? — я, скорчил непонимающею мордашку — Высшее с отличием? Два высших... — продолжил он копаться в бумагах не смотря на меня — среднетехническое...

— Да я даже школу не закончила.

— Уп. — сглотнул президент, и отложил бумаги — И как ты себе это представляешь?

— А в чем проблема то? — вновь захлопал я ресничками — Надо корку в дело? Так через часик сделаем!

— Ты же... — запнулся он на полу фразе — понимаешь... — прижал руку ко лбу — сдается мне, проще будет утвердить новое министерство, чем вот так вот тебя в образование толкнуть. — помотал он головой скрипя от отчаянья.

— Ну вы же понимаете, что найдя дыру, я уже не отстану? — скорчил я невинную мордашу.

— Может... это и к лучшему. — ответил президент скорее не мне, а самому себе.

Так... образование! Ладно, со школами там, детскими садами и всякими ДЮСШами как-нибудь и без меня как-нибудь разберутся, надеюсь, а я пробегусь по более серьезным местам! И начну вообще с военных! Погляжу, что они там на военных кафедрах толкают, раз ракеты над головой зевают. И для этого мне даже ехать никуда не надо, просто, тихонько, просочится, мимо очень внимательной тетки. И одного очень злого министра. И кучи охраны... И спереть документы, что эти профильные заведения в министерство сами отсылают. Отчитываются так сказать, о проделанной работе, и предстоящей программе.

И так, что у нас тут? — спрятался я под стеллажами с бумагами, обложившись бумагами, чтобы если кто и зайдет в это темное хранилище, меня все равно не увидел — Теория? На военной кафедре? Не, ну ладно — взглянул я на обложку папки института финансов и бух учета — им можно и теорией ограничиться! Только что у них военная кафедра в институте вообще забыла? Не секу! Перейду в профильное!

Так... а тут ведь и не плохо! По крайней мере если верить учебному плану! Очень неплохо! Теория маневрирования, отработка полетов на симуляторах и авиамоделях, реальные полеты на планерах и легкомоторных судах. Круто!

И тут тоже нормально! Куча теории танкового боя! Просто ОЧЕНЬ МНОГО ТЕОРИИ! очень сложными названиями предметов и дисциплин, которыми грузят учащихся почему-то по перевести, когда они не особо что и понимают, а потом переходят к предметам попроще. Таким как схемы бронирования различных объектов уловного врага, или устройству дизель агрегатов.

Это все может и не очень, но пойдет. Танк в живую они тоже видят, у них там их много. А вот накатки на машинах что-то мало. И обкатку танком эти будущие офицеры похоже не

проходят, что плохо. Надо бы исправить, что бы они понимали всю мощь техники по-настоящему, но... это не настолько критично. Дальше!

Тут тоже норм. И тут. А вот ту... ой! А вот тут — ужасно! Реально ужасно! Они что, преподают тактику ведения войны времён первой мировой???. Времен боя Галицкой битвы!? Какие правила окопной войны? Какое определения удара авиации на слух?! Какие... удары конницей?! Они там что, все в конец окуели?! Где они коней то для этих «даров» возьмут«?

Не, это даже читать больно!

Пуля дура, а штык молодец — это изречение верно и в наши дни.

И это они присылают как отчет о прошедшем годе в министерство! Блеа... С такими учениями и врагов не надо! Закрывать их нафиг! Сжечь ересь! Где мой священный огнемет?!

Или просто прошерстить конкретно эту конторку, и перебросить программу из других училищ! Заодно сменив половину преподавательского состава! Отправив ожиревших обалдуев, на фронт! Поруху нюхнуть! А то с таким планом, я еще удивляюсь, что у нас ПВО на дежурстве СПИТ.

Ладно, надо успокоится. И просочится в кабинет иной, поглядеть, как там дела на гражданке! Может там, все лучше? А нужная форточка как раз неподалёку!

Действительно лучше! — аж присвистнул я, попав куда хотел путем законным, а не через окно. Окно оказалось закрытым, зато в недра министерства образования меня пустили без проблем, в отличии от оборонки. Наверное, так и должно быть!

И здесь, если верить учебным планам некоторых заведений, дела не просто не плохи, они отличны! Учини проходят микро электронику, программирование машин разных видов, от станков ЧПУ, до дронов с ИИ. Изучаю физику распада ядер, микробиологию, и море всего еще разного, и интересного!

Может, все враки? Что у нас образование плохое, или что тут в отчетах пишут? Думая, что их никто и не читает. Надо бы позвонить кое куда...

Не враки. Студенты на уроках, изучают микромир, сквозь электронные микроскопы. Ставят опыты, проводят изыскание, защищают дипломы досрочно! Сделав выдающееся научное открытие и его обосновав.

Придумывают и создают новое оборудование и станки, потому что это им интересно. Строят целые дома или даже жилые комплексы, потому что как еще по-другому можно научить строителя строить? Собирают на уроках беспилотные машины, и устраивают потом всероссийские соревнования, потому что это весело.

И системы и комплектующее для этого всего, тоже производят у нас! Чипы начали делать еще давно, еще в девяностых Тень прибрал к своим рукам то, что осталось от союза и развил. Потом это продолжило развиваться дальше, и наушники на мне, тому доказательство.

Правда тогда это все было дико секретным! И микропроцессоры, с особой непонятной миру «русской» архитектурой. И программы для них, написанные на русском и понимающие русский язык. Своеобразная защита от взлома!

Сейчас это все дело частично рассекретили. Чипы доработали, доведя до уровня полноценных иностранных процессоров для рабочих машин и игровых ПК. Нарастили количество ядер, и число потоков, увеличили частоту, и много что еще придумали! И встал вопрос, как это все теперь выпускать в массы, на рынок обычных и условно обычных пользователей, выдавливая тем самым с рынка иностранный компонент.

И писк, стоящий в тот момент в информационном фоне, долетел тогда даже до меня! Сильно далёкого от этой всей темы. Говорили мол, мы-ж никогда свою полноценную ОС не создадим! Тут же все программирование нужно заново проходить! Создали. И даже несколько видов! Пусть и не все из них стоили пристального внимания.

Говорили, что под эту созданную нами «недовинду», мы никогда не получим внятный «софт» — получили! И столько, что девать его уже. Как говорится, некуда. Конкуренция из однотипных программ выполняющих самые разнообразные задачи и на высоком уровне, настолько велика, что на текущий момент цена лицензии дешевле булки хлеба. А то и вовсе «пожалуйста, пожалуйста! Ну попробуйте мой графический редактор! Ну прошу!».

И зря я позвонил в Вологду! Мне тамошний за кафедры современных технологий, института машиностроения, сейчас вообще все уши прощу ржал, мол его студенты-обалдуи, ничему не хотят учиться, только и делают, что какие-то странные писюльки для новой «неопкатанной» ОС выдумывают. То «ворды» какие-то новые, то «потошопы».

И что тогда при этом всем, на наше образование пеняют?! — потер я глаза, и возвращая папку с бумагами на место — все тут нормально! Похоже, меня дезинформировали — и я взял папку иную, с надписью, гласящей, что документы принадлежат институту связи и коммуникации.

А, понятно — тут все так же, как и с вояками! Есть яркие светила, где реально двигают науку, есть кучки грязи, куда лучше не ступать — утонешь. И противовес местам, где на уроках проходят устройства современных систем программирования, и изучают машиностроение на примере роботизированных комплексов, есть институты, где на уроках проходят ламповые устройства. И то, сугубо в теории, по конспектам.

Надо! Надо заняться образованием! Ой как надо! И не с наскака, как я тут взял, и влетел, маша шашкою не глядя, рискуя отрубить голову своему коню. А по нормальному! По серьёзному! Основательно со всем разобравшись! Вот только... а есть ли у меня на это время? Все-таки я... не министр по образовательной части. И даже не где-то рядом.

Не потянуть мне это. Не потянуть! Не с тем, что я уже на себя взвалил. Тут нужна команда. Иная команда, чем у меня, и много-много работы.

— Награждается... — вещает оратор, очень хорошо поставленным голосом —...за выдающиеся заслуги... — стоя с грамотой на вытянутых руках, пред толпой одетых на парад людей —...за неоценимый вклад... — и посреди заполненного до отказа людьми зала —... за честь и преданность! Своему делу, и своей стране... — вполне такого неплохого зала!

Вот только меня там нет. Я реквизирувал у охраны телек, и под его мелодичное бурчание и мелькание картинок, жую сухарики, да подписываю бумажки. «Не своей рукой» подписываю, утверждая рост финансирования на тридцать процентов, двух десятков перспективных проектах в области микро, и силовой электроники.

Так же меняю часы теории и практики местами в паре крупных институтов, в уже утвержденных бумагах. И отдаю распоряжение своей бравой братии, найти одного человечка, что подозрительным образом вдруг «исчез с радаров» в тот самый момент, как друзья из ФСБ, наконец нарыли на него компромат.

Мы, впрочем, на него тоже кое-что нарыли, но он исчез ото всех, и сейчас похоже, будем искать его тушку в канаве всем коллективом!

Чворт! Столько работы, и всё коту под хвост! Похоже где-то завелся крот. Вопрос лишь

— у нас? У них? Просто кто-то проболтался? Причем последнее, я легко представляю, и именно с нашей стороны. У меня ребята вроде не из болтливых, но опытный психолог, их легко раскрутит. Они у меня... так сказать, немного наивные, даже если этим «мальчишкам» уже под полтинник.

— Награждается Александр Николаевич...

— Их-хи-ги — растекся я в улыбке, глядя на ставшего красным аки помидор, теперь уже, замминистра... по особым вопросам.

Нет они меня так точно в могилу сведут! Министерство особых вопросов? Это вообще что? Что оно делает? За что отвечает?! А понормальнее название придумать не могли!? А то это выглядит как министерства прямой гребли! Или иными словами — отвалите, здесь сидит мальчик-мажор-любименький-сыночек.

Хотя в данном случае — дочечка.

— Тфу! — сплюнул я пустоту, дабы не пачкать ковёр.

Его вообще-то люди каждый день чистят! А я привык уважать чистоту.

Кстати, насчёт чистки... — вытек я из-за стола, не отодвигая плотно прижатое к нему кресло. Аккуратно, и плавно двигаюсь, не издавая ни единого звука или даже шороха, следя краем глаза за датчиком движения сигнализации в углу, доползаю до края пушистого ковра на полу. До стенки, где притаился смачный и невероятно наглый, но совсем не живой ЖУК.

Сидит, сидит зараза! Размером больше моей ладони! Сливаются с орнаментом обоев, и его похоже никто в упор не видит. И вот что мне интересно, это устройство, пишет видео или аудио? Или и то, и то? Ведёт трансляцию, или так, на внутреннюю память? Кто его сюда поставил? Зачем? На каких основаниях...

Эх! Жаль Я не умею пользоваться той балдой, что жжёт электронику! Она у меня есть, валяется вон там, в углу кабинета, но этим делом заведовал мой тёзка. И без него, от части, я без рук! Хоть у него и сломана нога. И даже вон, на награждении, стоит, бедняга, в гипсе с костылём.

А у меня тут жуки по стенам ползают! Развелись, понимаеш-ли, пока никто не видит! Столь ограммные, что кажется даже смешно, что его никто не замечает! Хотя у меня и бывают в кабинете то три калеки за день, не считая уборщиков. Я-ж всё сам, все сам... Да и жук один, и он так расположен, что его видно хорошо, только из-за моего стола, с моего кресла. То есть увидеть, заметить, его должен только и исключительно я? Или это следствие того, что он за мной следит и наблюдает?

Но всё равно топорно! Его же после установки так натёрли спиртом... что не учуять подобное, вернувшись «на родину» с тех дурацких учений, мог только простуженный! Или контуженный. На что видимо и был расчёт. И я хотел отодрать его от обоев ещё тогда! Но решил, за столь наглую наглость побережь, и подождать, пока этот ставший объёмным орнамент кто-нибудь заметит помимо меня. Не заметил. Никто.

А ведь вчера мне тут ещё и эту сигнализацию воткнули! Да без меня! Я у министра финансов гостил... — взглянул я на датчик движения в углу, что ставили тут явно не уборщики помещений! — а раз люди из СБ, ничего не засекли во время работ... в общем, надо бы поковырять эту конторку с пинцетом! По особым я вопросам, али где? Крыс там явно развелось... немеряно.

И надо бы завести себе ещё пару-тройку помощников! Министр я в конце концов, али так, погулять выше?! Не престало мне самому по поручениям бегать! Даже когда нужно нужные бумаги украсть-подкинуть. Хотя это все же можно! А вот ожиревать на лаврах —

точно не стоит.

— Что значит «не вы»? — проговорил я, чувствуя, как у меня сейчас начнет дёргаться глаз — Бумага ваша? — потряс я пред лицом человека листком бумаги.

Гербовой. С печатями, на котором было отпечатано решение, об установке сигнализации. И что шло комплектом к установленной без моего ведома сигнализации в моём кабинете.

— Бумага наша. — подтвердил глава службы безопасности кремля, изучив протянутый мной документ — Но мы не устанавливали СИГНАЛИЗАЦИЮ в ВАШЕМ кабинете!

— То есть как? — проговорил я, принимая зачем-то бумажку обратно, и чувствуя, что второй глаз решил не отставать от первого.

Сходил, называется, по-быстрому... разобраться решил, тип зачем мне спецназ? Я и сам, супергерой!

— Так. Эта же, добровольная услуга, и вообще — только по заявке. Кому надо, тому поставим. — развёл руками мужчина — и вообще это исключительно идея министра финансов. К нему говорят, хех, призраки захаживают. — и тут вдруг он уставился на меня не мигая.

Я, уставился на него в ответ, так же не мигая. И повисла немая пауза, во время которой я усиленно думал — догадался что ли? Что я и есть, этот «призрак»? Походу... но у финансиста такая удобная форточка!.. надо бы ему орнаментную решётку порекомендовать.

— Ха... Да ну! — вдруг сказал СБешник, я захлопал глазами, тип «не понимаю, о чем вы» — Да быть того не может! — я захлопал с удвоенным усилием, словно пытаюсь взлететь — Жора! — вдруг рявкнул он, и я лишь через мгновение заметил нажатую кнопку селектора — Группу! Срочно! В кабинет особых вопросов!

— В допросную чтоль? — донесся из селектора озадаченно-напуганный голос «Жоры».

— Да не тех!

— Понял! — что-то понял все тот же «Жора» — Выдвигаемся!

Я сделал шаг к двери — ко мне без спроса ломаются! Но безопасник, протянув руку через стол, положил её мне на плечо.

— А вас я попрошу остаться. — и улыбнулся, как-то совсем не как мужчина своей должности, да умудренный сединой — Там и без тебя разберутся. Конфетку будешь?

— Давайте...

А через пару мгновений, где-то на другом конце здания прозвучал взрыв. Ага, уже разобрались...

— А теперь я могу идти?..

— А, это ты... во скажи мне, САША, почему все проблемы всегда вокруг тебя?

А! Девяносто девятый собственной персоной! — воскликнул я в душе, но в слух это естественно не сказал.

— Вы мне лучше скажите, каким это образом, мне в кабинет притащили два кило взрывчатки?

Что тяжелую дубовую дверь, отправило летать вместе с косяком.

— Это не ко мне вопрос — сухо и тихо ответил на это глава столь важного ведомства, бросив короткий взгляд на стоящего рядом со мной главу лишь чуть менее серьёзной службы

— С этого момента дела переходит под юрисдикцию ФСБ!

— Погибли люди, МОИ люди! — с нажимом проговорил стоящий рядом со мной человек.

— Именно поэтому, — кивнул мистер две девятки на развороченный кабинет, как бы намекая — данный вопрос больше не ваша забота.

А у меня в этот момент ожила рация, начав говорить от имени двести девятнадцатого, и голосом двести девятнадцатого, но каким-то... скомканным.

— Вам знаком некий Гончаров, Иван Николаевич?

— Да. — ответил я, едва заметно вздохнув, наблюдая как два серьёзных дяденьки, вот уже минуту сверлят друг друга глазками.

И вспоминая... печально вспоминая... как по глупости, по... какой-то нелепой случайности...

— Он ищет вас.

У меня приоткрылся рот. Челюсть не отпала, но...

— Где он? Как выглядит?

— Вот тут то и странно! Пацанчику и восьми нет, а он уже по всем явкам прошелся. Куда только можно звонил, и где только мог инфу найти — искал. Мы думали шпион какой объявился, а тут... может кто его подговорил на это дело? Но пытаться женщин и детей — это не в нашей юрисдикции.

— Где он?

— Один из домов ребенка Екатеринбурга.

Ловушка? Правда? — задумался я. — Он мог и выжить, и правда каким-то боком укатить так далеко. Как ни крути, пострадавших распихивали куда только могли, и если взрослые еще могли выбирать, то вот дети, оставшиеся без родителей... ехали тупо туда, где место побольше, и не совсем уж на куличках. Особенно те, у которых из родственников, по бумагам, никого.

С другой стороны — это может быть и ловушка! Такая подлая, что... что взрыв в самом центре правительственного аппарата — взглянул я в сторону своего изувеченного кабинета — ни что, по сравнению с этим.

Динамит на всех воспитанниках, пулеметы в стенах и под полом, чай с ядом, тупо захват заложников... да что угодно! Ни говоря уже и о чем-то предельно банальном и невероятном одновременно — какое-то дитя, решила использовать имя-фамилию первого попавшегося деятеля, названного по ТВ. А ведь меня там оглашали! Пусть и по скромному, даже без фото.

Ладно, мне в любом случае надо туда съездить. С образованием я тут скорее все испорчу, чем что-то путное устрою, а там какие-то сложности со спрямлением участка дороги на Уренгой. И министр транспорта лично просил решить этот особый вопрос еще при нашей прошлой встрече. А то он сам так и не смог понять, кто и что зажимает? Деньги, или же землю государственную?

Какой из министров рога отрастил, или же оба сразу? Или вообще — проблема лишь местного масштаба. А то стройку северного обхода как раз заканчивают, и надо уже начинать переброску людей и техники на новую стройку, а... проект и план, так и не утверждён.

Ладно! Даже если это ловушка, скатаюсь лично. Просто возьму с собой спецназ, да группу боевую. А здесь — взглянул я на раздающего распоряжение «ничего не трогать»

ФСБешника, — и без меня как-нибудь разберутся.

— Сто четырнадцатый, ты на площадке?

— Да, только сел. — отозвался озадаченный голос бойца.

— Извини, придется еще немного полетать. — усмехнулся я, уже мчась вниз по лестнице, до ближайшего межэтажного окна, не заставленного цветами — Подкинешь меня до уральского хребта — и сиганул с третьего с половиной этажа.

— Что... самолет же одноместный... — озадаченно проговорил сотня четырнадцать — ОПЯТЬ?!

— Опять, опять! — почти что влетел в кабину я, почти что пробегая по воздуху, как по сугробу, от окна и аж до сюда.

— Вы вообще-то подросли...

— Два сантиметра роли не сыграет. — надулся, пусть и не в серьёз — Давай живее! Ты как раз не жравший.

— Вот именно! — обиделся боец, но в кабину, под меня, залез.

С трудом закрыл фонарь, тихонечко отвел машину в уголок площадки, проворчал про перевес, и пошел на взлет.

— Машина как беременная... нас тут словно не двое, а трое... ой, смотрите, пол проломите своим задом... я не виноват! Тут не металл ведь, углепластик!

А уже в полете, ко мне на уши свалился две девятки, требуя внятного объяснения, какого фига, я невесть куда свалил, как будь то в спешке.

Глава 8 — Сироты

Вот он, детдом... обычное типовое здание! Еще советской застройки, в квартале с такими же типовыми зданиями. Ничего примечательного, если не считать свежий ремонт. Новые окна, яркая краска... ухоженный сквер с образцово остриженным газоном! До образовательных учреждений, в том числе и домов ребенка, не доходили лапки ни у кого в последнее время! Они жили и живут, по принципу «что бог послал!», где что «отколется».

А сирот в стране если меньше и становилось, то как-то незначительно. Так что возникает вполне логичный вопрос — откуда деньги, товарищи? Из каких средств, бюджетов, карманов...

— Двести пятнадцатый, на позиции.

— Двести четвертый — на позиции.

— Триста сороковой — к штурму готовы.

Да уж, это будет выглядеть странно, если у данного, самого обычного детского приюта, просто окажется богатый покровитель, и ничего более. Толпа народу в масках штурмует детский сад. Спецназ ГРУ разграбил дом ребенка...

— Говорит двухсотый — ждите моего сигнала. Без самодеятельности пожалуйста.

— Принято.

— Принято.

— Принято.

— Ну, пойдём что ли. — улыбнулся я двести пятому, что в этот раз, должен изобразить моего кавалера.

Правда парочка из нас вышла... та еще. Штукатурить бойца, дабы тот выглядел моложе, времени не нашлось, а я из себя с трудом выдавил одну, страдальческую морщинку. Так что мы не только как толстый и тонкий, гном с великаном, но и сильно разновозрастная пара.

— Здравствуйте. Мы хотели бы посмотреть ребенка для усыновления...

— А, так это вы недавно звонили, да? — улыбнулась нам в ответ опрятно одетая женщина, что вышла на встречу, стоило нам на войти в здание приюта.

А тут тихо! Где-то в глубине слышны детские голоса, но... воспитанников то тут не много! Может именно поэтому Ванька попал именно сюда? Нет. Нельзя себя обнадеживать.

— Степан — представился мой подчиненный — А это моя жена Маргарита — представил он же меня.

— Евгения — улыбнулась тетка — Пойдемте. — сделала она приглашающий жест вперед по коридору, и я отметил про себя, что в таком узком помещении хватит и лимонки, что бы полностью вывести меня из боя — Вас, как понимаю, интересуют только мальчики?

— Да, всегда мечтал о сыне... — задумчиво, и вполне искренне проговорил боец.

И я понял, что это ни какая не игра, а его искренние чувства. И возможно я зря взял с собой именно его — мы отсюда без сына полка уже точно не уйдем.

— Вы только посмотреть, или... — полуобернулась тетка, продолжая при этом двигать ножками в своей узкой юбке, двигаясь все дальше, в глубины многокорпусного здания.

— Ну вы же понимаете... — улыбнулся я, поняв, что от нас чего-то ждут, ответив на непонятный вопрос так же непонятно.

— Ну да. — коротко бросила мадам, и отвернулась, продолжая при этом идти.

В этот момент, дверь позади нас приоткрылась, заставив нас двоих напрячься,

сгруппировав все мышцы в теле в кучу, готовясь к броску. В укрытие — непонятно только куда тут прятаться?! Ближайшая дверь, та, что открылась, до другой недопрыгнуть даже мне, а больше в прямом как спичка коридоре ни где и не спрячешься. Даже если использовать тетку как щит — она худая как струнка! А уж если там пулемет... Ну или же атаковать, что куда более реалистичный вариант — до двери всего-то метра три!

Но вместо ожидаемого нами дула автомата, оттуда высунулась озорная детская мордашка. Затем еще одна. Впрочем, мы уже остановились, и оглянулись, пряча своё напряжение за любопытством.

— А, это дети... — заговорила тетка, но я дальнейшее уже не слушал.

Одна из «мордашек», та, что показалась первой, резко распахнула дверь на полную, заставив вторую упасть и больно ударится об плитку пола, и с визгом кинулась ко мне.

— Саша! — провизжало это чудо, за три метра бега умудрившись начать плакать, пускать слюну, сморкаться, и размазывать выделения по лицу рукавом.

Добежало, заглянула мне в глаза... и кинулось в объятия.

— Ванька... — едва слышно прошептал я, прижав к себе мальчугана и глядя его по волосам — Живой... — прижал я его к себе покрепче, в то время как тетка, вещала о какой-то там бедности данного ребенка, а двести пятый, достал из-за пазухи носовой платок вместо пистолета.

— Живой, — повторил я вновь, подхватив пацана на руки, подкинув разок, словно игрушку, и зафиксировав на уроне своего лица. — и все такой же плакса!

— Не правда! — с трудом возмутился он, сердито насупившись — Неправда... — повторил вновь тихонько, и вновь вытер лицо рукавом, на этот раз не размазывая, а именно вытирая — Я вообще никогда не плачу!

Что вообще-то правда! Исключая младенческий возраст, он вообще у нас стойкий мужчина. Но сейчас — можно! Да и он, в конце концов, всего лишь ребенок...

— Сестрица, ты все же пришла...

— Да... — тихонько ответил на это я, улыбнувшись уголками губ, в то время как тетенька перешла с бедности, на травмы, но все тем же жалостно-безразличным голосом.

— Все время говорит о какой-то сестре, которой у него никогда не было. При этом пугается в именах и фамилиях... эх! Бедное дитя. Как хорошо, что...

— Мы забираем его. — бросил я через плечо, усадив шкета на другое плечо.

Оно, плечо, у меня конечно маленькое узкое, и на нем особо не покатаешься, но я достаточно силён, чтобы удержать вес юного барашка тупо на руке. Так что — не упадет!

— Что? — выронила тетка, а я пошёл на выход. — Стойте! Вы не можете! Документы... — двести пятый показал ей корку — Да даже так всё равно не можете! — прочитав содержимое корки, вновь переключилась она на меня, и я был вынужден остановиться и обернуться. — Существует установленная процедура, правила... да и к тому же данного мальчика уже ждет семья!

— Э! — выдавил я, вместо того, что хотел сказать, и взглянул на братца.

Пацан в ответ — прижался поближе к моей голове.

— Отвечай по уставу! — шепнул я ему тихонько — Летчик недоделанный...

— Я их не знаю. — шепнул он мне на ушко, перегнувшись через голову — лишь мельком видел. И мне не кажутся они хорошими людьми.

Хорошими? Плохими... тоже мне устав! Хотя и вопрос то был не по форме...

— Я и есть его сестра — улыбнулся я, взглянув на тетку — Хваткова Александра

Николаевна. — тетка чуть не прикусила язык на этой фразе — Документы вам пришлют позже. Всего доброго. — и вновь развернулся к выходу.

— Стойте, так не положено! Все равно не положено! — все же догнала меня тетка, несмотря на свою не предназначенную для бега одежду, пусть и уже у самого выхода — Есть установленная процедура! Правила! Иначе НЕЛЬЗЯ! Вы должны понимать! — взглянула она на подошедшего сзади бойца, толи ища в нем поддержку, толе давя ему на чувство справедливости, что в прочем одно и то же — Закон, он один для всех! И правила для всех. И вовсе не для того, чтобы их нарушать! — посмотрела она на меня сурово, взором учительницы на нашкодившую младшеклашку.

— Да, вы правы. — вздохнул я, и отошел от уже успевшей открыться двери — Закон, есть закон — и снял со своего плеча мальчишку.

— Нет! Сестренка, нет! — сообразил, что сейчас будет мелкий, и вцепился в меня мертвой хваткой.

— Поэтому я посижу здесь, пока мне не привезут документы — и я вместе с вцепившимся в меня братом, отошел к примеченной у входа лавке.

Попутно командуя «отбой» спецназу, и посылая пятнадцатого метнутся в типографию за бумажками. Распоряжаясь, чтобы в типографию направили запрос на распечатку нужного уже сейчас, а не когда туда ввалятся люди, ну и так, по мелочи.

— Эм... может... чаю? — поинтересовалась тетка, видя, что я не собираюсь никуда уходить, а к ней «на подмогу» уже пришли еще две женщины, вырвавшиеся откуда-то из глубин коридоров здания.

— Нет, спасибо — улыбнулся я, усадив Ваньку к себе на колени.

— Ну... вы может и против, но мальчику то нужно поесть. — среагировала на это одна из новоприбывших — У нас сейчас как раз обед будет... да и потеряли его небось в своей группе.

— Вот, вот! Дайте ему хотя бы по попрощаться! — поддакнула другая.

— Не пойду! — среагировал на это Иван, прижавшись ко мне сильнее, и почему-то на его глаза, проступили слезы.

Он конечно попытался их скрыть, но... в моих волосах, от меня не спрячешься. Вот только почему?.. он вдруг опять заплакал? Испугался? Отберут? Что я уйду... пропаду? Или... ему это все... напомнило родителей.

— Ваня... — погладил я его по спине, и он, пусть и без звука, разревелся навзрыд.

— Ой — вдруг ойкнул мелкий, и отстранился.

А я зыркнул на беспардонно пляшущихся теток, тип «че встали? Чё пялитесь?!» но они и не собирающихся уходить даже с прямой угрозой в моём взгляде. Тип «че ты нам сделаешь, мыбра!?!». Двести пятнадцатый плюхнулся на лавку рядом.

— Эт чё, реально твой брат? — шепнул мне боец, предварительно шугнув теток взглядом, что в его исполнении дало два метра лишнего пространства.

— Ага. — улыбнулся я в ответ, следя за начавших «бурную деятельность» мадам, типо «у нас и своих дел вагон!», но все так же неотрывно за нами следящих. — Единоутробный.

И чуть не пискнул, когда Ванька нашел в волосах моё ухо — чего это оно такое чувствительное?!

— Прости. — вздохнул боец.

— За что? — удивился я, повернувшись к нему лицом.

— Мы должны были...

— Да не обязаны. — усмехнулся я. — Там же была такая неразбериха, да и дел было по горло без всяких личных мелочей.

— Ага — улыбнулся мужчина, и положил свою огромную руку на спину моего маленького брата.

Брат тем временем, продолжал неотрывно изучать моё ухо.

— Что ты там нашёл? — не выдержав, поинтересовался я у него.

— Ухо... странное. Словно и не человеческое...

Я усмехнулся, но в это мгновение рация на моей шее начала вещать.

— Двухсотый... а ты в курсе вообще, какая там процедура? При усыновлении ребенка.

Воот вообще не секу! — усмехнулся я про себя, — Да и зачем? Разве я просто так целую десятку бумагопожирателей держу постоянно на связи?! Да столько же бумагописарей! — но ответил естественно не так, а коротким и лаконичным:

— Нет.

— Ясно. — вздохнул собеседник — В общем. Тут за день никак не управится.

— Что? — выронил я вообще в слух, так как степень моего офигевания превысила все границы.

Я заводы учреждаю одним чихом! Стройку века начинаю росчерком пера! Армию всю в штыки подымаю одним лишь словом! А... брата из приюта я забрать не могу?! Что за...

— Понимаете... тут такое дело... если бы вы сразу объявились... — стал говорить не очень уверенным голосом собеседник, а я заметил, что тетки вдруг перестали изображать из себя броуновское движение, начав бегать осмысленно, а за окном, в дали, послышался звук работы двигателя — Если бы он не успел попасть в детдом на баланс, и вы пришли как родственник... проблем бы вообще не было — дело практически минутное. Но поскольку он уже, кстати непонятно почему, в детдоме, а не в приюте, и сидит там на балансе аки завсегда... — сделал паузу собеседник, а я кивком головы, послал бойца поглядеть, кто там такой важный приехал — вам придется проходить через всю процедуру усыновления, как и всем. Лишь...

— Эм, — вы не могли бы... — заговорила одна из мадам в этот миг, косясь на дверь входную — Пройти в один из кабинетов.

— ...с небольшим...

— Там всяко удобнее чем тут — указала она на крайнюю дверь в коридоре, но не в том, откуда я совсем недавно вышел вместе с Ванькой.

— ...отступлением.

— Да и ребенку бы и правда не помешало бы поесть и отдохнуть перед дорогой — протянула она к мальцу свои ручки — вы ж ему не враг? — улыбнулась невероятно заботливо, что даже братец растаял, позволив ей себя с меня снять.

— Кстати странно. — продолжала тем временем вещать рация, пока я, хлопая глазами наблюдал, как кровинку, заручку и сюсюкаясь, отводят в сторону другого коридора, от которого и правда веет чем-то ароматным и аппетитным. — В данный детдом за последние полтора года поступило несколько тысяч детей! Но все они уже нашли себе семьи и опекунов. Какой-то слишком успешный он, если так подумать. Не то что бы уж совсем... Но просто вот соседний... буквально через два квартала оттуда, имеет чуть ли не противоположную динамику. Оттуда дети если куда и деваются, так это либо вырастают, либо в тюрьму, либо в больницу и на тот свет — там что-то больно много больных, если так посмотреть! Остальные же тупо попадают в этот. Хм.

Входная дверь в этот момент открылась, и здание приюта зашли три мордovorота, габаритами не уступающими подпирающему стену возле входа двести пятому, одна столь полноразмерная мадам, что на её фоне мужика выглядят спичками. Задохлик, которому бы я точно побоялся давать даже самый слабый подзатыльник — его и так ветром качает! И еще одна краля, про которую говорят «штукатурки больше плоти».

И всей этой честной компанией, поочередно и с нескрываемым презрением окинув моего бойца, они проследовали в кабинет, с таинственной надписью «канцелярия». Там же, скрылась и одна из теток. А оставшаяся не удел последняя мадмуазель, проводив взглядом данную процессию, приглашающим жестом позвала меня в комнату отдыха.

Я, взглянул на Ваньку, что взглянул на меня, остановившись у двери с надписью «столовая», сделал шаг к двери куда меня позвали, и передумал.

— Знаете, а бы тоже не отказалась маленько перекусить. — скорчил я невинную мордашу — И понимаю, неположенное — опередил я уже готовую сорваться с языка тетки фразу — Но я... хотя бы просто по присутствию.

— Нельзя. — помотала головой женщина, сказав эту фразу без тени фальши.

— Да? — удивился я немного.

— Если хотите, там у нас где-то было печенье — сказала она, зайдя в ту комнату, что приглашала, и я увил, что это обычная комната отдыха.

Ни пулеметов, ни чего бы то ни было еще — да что я вообще паникую? А та толпа, всего лишь такие же люди, что и я! А потому, позвав с собой своего товарища, я любовался, как вполне хозяйственная женщина, ставит чайник, достаёт печенье, кружки, ложки, сервирует стол. Так уютно, по-домашнему. А все мои тревоги... лишь нервы! И ничегошеньки иного.

— Что-то не так. — шепнул мне в это время двести пятый.

— М? — выдал я в ответ, поняв, что жизнь прекрасна.

— В здании два этажа, более сорока комнат. Столовая, спортзал, и кто знает, что еще. А из всех детей, что внутри что снаружи, мы видели только двоих.

А ведь и правда! Сейчас не сон час, да и не утро, чтобы все были в школе на учебе. И уж тем более не поздний вечер! Пять пятнадцать, самый рабочий час... для детского «каприза». Время, когда... а ведь ни внутри, ни снаружи, ни даже в окнах, в которые я заглядывал, я не видел ни одного детского силуэта, носящегося сломя голову! Или хотя бы степенно ходящего! Ни где!!!

Да, голоса, где-то на втором этаже... но и их не много! Тут должна быть как минимум сотня человек в воспитанниках! А слышал я человек десять. Ну пятнадцать от силы!

— А еще тут слишком чисто.

И это тоже правда! Там, где дети... а здесь — даже стены не исписаны! И можно было бы сказать — свежий ремонт! Но он вообще-то не такой уж и свежий — года два ему, наверное. Так что должна была бы быть хотя бы одна похабная надпись! Особенно учитывая, что стены крашенные «под яичко» и их нифига не отмыть от надписей.

— Прошу. — подала нам чай хозяйственная барышня.

А в это время где-то за стенами, что-то упало, и прозвучала, громогласное, но сильно приглушенное расстоянием и кирпичом «ЧТО?!».

Чай... — взглянул я на чай. На свой — зеленый, и бойца — черный. Обычный, листовой, даже не из пакетика. У тетки тоже такой, зеленый, и заваривала она нам из одной коробки, и всем из одного чайника. На вид — нормальный! На запах — тоже. Да и на вкус, ни че такое.

У меня.

А вот у двести пятого в стакане, не просто чайные листья! Там еще намешано успокоительно. Но это травы, просто сбор. Сильного эффекта они не имеют, лишь успокаивают расшалившиеся нервы.

— Скажите, а как много сейчас воспитанников в вашем приюте? — решил поинтересоваться я, сделав глоток напитка.

— Ой! — сделала страдальческое лицо мадама — Не маленько уж точно! Но сейчас почти все на экскурсии, так что можем отдохнуть немного. — совершенно искренне улыбнулась она, дав такой простой ответ на столь сложный вопрос — Петр Никифорович, вы кстати его видели, он вот только что зашел, наш благодетель — объяснила она и явление той делегации, что мы недавно видели, правда не уточнив, кто там был Петром — Очень много делает для детей нашего приюта. Прямо уж очень! Наверное, потому, что он сам бывший воспитанник нашего заведения. — скромно потупила женщина глазки.

— Да... забота об своей альма-матер, большое дело! — улыбнулся на это дело я — Скажите, а дети куда на экскурсию поехали?

— В Пермь. — ответила тетенька с небольшой задержкой — Ну знаете там, достопримечательности — улыбнулась она — золотое кольцо... хотели. Но и так не плохо, ведь правда?

— Ага. — улыбнулся я в ответ — а Петр Никифорович, он, в каком году, так сказать, выпустился?

Тетка подзамялась.

— Ой, да я и не знаю! Яж и не так давно тут работаю.

— А...

— Вы знаете, он так много для нас и для наших деток сделал...

— Извините, а где у вас здесь туалет? — перебил её мой так называемый «муженек».

— А! — переключилась на него леди, вставая зачем-то из-за стола — Пойдемте я вас провожу. А то еще в детский забредете, а там унитазики такие мааленькие — Показала она пальчиками насколько, что боец даже усмехнулся.

И они покинули помещение, оставив меня одного. Я осмотрел комнату — ничего примечательного. Если конечно не считать кучи трав и сборов. Большинство из которых направлены на успокаивание нервов. Есть и снотворные, но все это... понятно для чего — дети. Успокоить, усыпить...

Усыпить? Вот этот сбор явно не для детей! Тут не только набор из сильно действующих трав и ягод, понижающих кровяное давление и мышечный тонус, делаая неспособным к сопротивлению, но и немного химии! Не запрещенной, из ближайшей аптеки, но все в месте...

— Это явно не для детей.

— Да... это... иногда бессонница одолевает — зашла в помещение хозяйственная тетка, одна, без моего бойца и вернувшись как-то слишком быстро — вы же понимаете?

— Ага. — поддакнул я, поставив чай на место — Только скажи, где мой муженек то?

— В туалете. — ответила она, озадаченно хлопая глазами.

Вот только меж тем, как я спросил, и тем, ка кона ответила, прошло секунды три, не меньше, и в это время, её ничего не понимающие глаза, успели со вполне себе знанием дела пройтись как по мне, так и по столу с травами рядом, и по столу с ножами в противоположном углу. С этим приютом точно что-то не так!

— А меня туда не проводите? — улыбнулся я на это — И... я бы хотела видеть брата.

— Конечно, не вопрос!

И собственно проводила. Туалет оказался совсем рядом с комнатой отдыха, и еще более рядом со «столовой». Правда, прежде чем до него дойти, мы прошли мимо целых дух сортиров для детей! С цветастыми дверьми, и массивными табличками «для мальчиков» и «для девочек», в которые так и хочется зайти. А здесь... скромное «для персонала». И без всяких там «эМов» и «Жовов». Одинокая незаметненькая дверь, мимо которой пройдешь — не поймешь.

Так что тут реально нужен провожатый! Правда, «какать» мне с двести пятым придется на соседних толчках. Ладно хоть эти толчки кабинками разгорожены!

— Ты тут? — задал я вопрос в пустоту, зайдя в кабинет задумчивости.

— Ага... — отозвалась «пустота» — где мне еще быть? — и из дальнего угла, из дальней, у окна, кабинки, донесся характерный звук сброса балласта, с выбросом «благоухания роз» в атмосферу — Съел похоже что-то не то...

И ты тут — улыбнулся я, разворачиваясь вокруг своей оси на сто восемьдесят градусов, и чуть наклоняясь в сторону двери откуда пришел, пропуская руку с электрошокером, теперь уже за своей шеей.

— Ой, а я это... — засмушалась «заботливая дама», с бегающими глазками, и хотела отдернуть руку, что так и не достигла моей шеи, но я её уже перехватил за запястья.

— Ага! — улыбнулся я, и приобняв за талию, вдернул внутрь туалета.

— Отпустите, что вы делаете! — взвизгнула она, начав вырываться.

Получила от меня коленом под ребра, и потеряла дар речи. Рука выронила шокер, что упав на пол, сделал аж два блинчика по плитке! Я, заломил женщине руку за спину, задирая рукав... присвистнул, обнаружив на запястье вместо часов целую обойму с ампулами. Отпустил руку, уронив тетку на пол, аккуратно! Почти без шума! Ведь она и весела то уже почти что цепляя носом пол.

Перевернул носком сапога, нагнулся, добавил локтём между сисек, окончательно сбив дыхание, лишив возможности говорить. Осмотрел запястья второй руки, найдя там два шприца с неизвестной субстанцией.

— Ох, что же это... — простонал двести пятый из кабинки.

— Печенье — усмехнулся я, продолжая обыскивая отравительницу — Печенье мой друг. А в купе с успокаивающими травами из чая — вообще атас.

— А я думаю чем же смердел этот напиток...

— Травы там сами по себе хорошие, и даже полезные. Но в купе с тем, что было в печенье... Будь тут, я сама об остальном позабочусь.

Спокойненько вышел, направившись в сторону «столовой».

— Тамара все в порядке? — вышла оттуда та из теток, что уводила моего Ваньку.

Но глядит она не на меня, не в мою сторону, а на входную дверь. Что и к лучшему! Для меня.

— Да, все нормально — отвечаю я голосом Тамары, неторопливо подходя к своей цели.

— Ну и отлично! — обрадовалась мадмуазель, почему-то изменившись в голосе, со слащавого-заискивающего, на устало-холодный.

И это «отлично», последние, что она сказала, прежде чем мой легкий тычок её чуть не убил. Попал в такт, так сказать, и её сердце словило аритмию, запутавшись в собственных клапанах. Пришлось возвращать такт непрямым массажем, не имея под рукой электрошока

— его я оставил там, в сортире, вместе с почти бесчувственным телом, связанным своей же одеждой.

Ванька тоже обнаружился здесь, в столовой, спящим. Усаженный на стульчик у самого входа.

— Ну так... — что так, вышедший из «канцелярии» мужик, договорить не успел — получил от меня в живот с разгона.

Убийственный удар! И у него в животе что-то явно что-то лопнуло. Можем не откачать! И я лучше так делать более не буду — мне они все нужны живыми, мне нужно их всех допросить. С пристрастием.

Так что нужно быть осторожнее! Особенно с ударами с разгона. Во мне массы больше ста килограмм, при росте в метр шестьдесят — я смертоносная тушка в ближнем бою! Бьющая с силой пули. Правда, это все, что я могу. Мне даже банальный ножик из Силы сейчас не создать. Разве что коньки еще могу, но и то, лишь на пару секунд.

Мужик сгибается пополам, и я откидываю его тело в сторону, прописывая аперкорд в челюсть идущему за ним, отрывая человека от земли и отправляя в самый настоящий полет. Что там у него сейчас с зубами творится, явно не мои проблемы.

Внутри «канцелярии», помимо канцелярских принадлежностей, пары столиков, набора стульев, пары кресел, напитков, и очень скромного количества бумаг, не считая тех, что нарисованы на фотообоях, все те же уже известные мне лица. Тетенька что явно тут за главную. Тетенька, что шпукатурка. Тетенька, что бегемот. Дяденька, что полез за пазуху, и... где-то тут притаился сильно голодавший мужчинка.

Заскакиваю внутрь — получаю тычок под ребра. Вообще не чувствительный, но неприятный. Бью в ответ на отмах — мою руку пропускают над головой. О как! Да этаж тот задохлик! Красавиц! Предугадал мой взмах! Но — изменяю траекторию «полета» руки, и бедолага ловит удар наискосок на своё плече. Со стоном оседает, а я делаю пол шага назад, пропуская рядом со своим носом пулю.

Пол шага вперед, еще одна пуля из ТТ проходит за моей спиной. Полшага в бок, и назад, и моё тело все же обзаводится дырочкой. Выбиваю пистолет из рук последнего мужчины в кабинете ударом по запястью, продолжая движение установленным курсом, уходя от еще одной пули второго стрелка — той бабы, чьей комплекции позавидовало бы большинство мужчин. Какая-то совсем маленькая дамская пукалка в её руках выглядит смешнее, чем игрушка, но дырка в моей груди с этим не согласна.

Делаю удар по шее мужчине, чуть не сломав трахею, и прыжком отскакиваю от него прочь. Еще прыжок, и получаю новую дырку! Достигаю тетку, пригибаюсь под её массивными руками, и... на секунду мешкаю — куда её вообще бить? Даже челюсть прикрывают два подбородка?! Пробью ли? Впрочем, в импульсе на подъёме, человеческое тело может выдать очень много силы! Так что распрямлюсь, бью её в её подбородки, надеясь, что где-то там, есть и настоящий.

Достигаю успеха! Слышится хруст. Пригибаюсь, отскакиваю прочь, вновь пропуская над собой её массивные руки, что продолжают жать на гашетку, насилуя барабанные перепонки всех окружающих.

Подскакиваю к «леди детдом», что уже потянулась под стол, явно за чем-то нехорошим. Мисс шпукатурку две тысячи тринадцать можно смело игнорировать — она явно не здесь, стоит с открытым ртом.

— Вы куда-то торопитесь? — наивно поинтересовался я, хлопая глазками, схватив

мадам мертвой хваткой за запястье.

— Бессмертная... — ошалело прошептала она, смотря словно бы сквозь меня.

— Да не! — улыбнулся я, и боднул тетку макушкой в кадык.

Она упала, я сел на стол, кинув в все так же стоящую в ступоре штукатурку подставку под ручки. Попал в висок, она упал... но застонала! Значит жива. Входная дверь приюта аккуратненько так открылась, хотя явно была заперта на ключ, и внутрь, на сколько вообще может быть бесшумной рота в кованых сапогах, ринулась группа захвата.

И это не мои ребята! Это местный ОМОН! Его мои ребята специально сюда привезли, и скомандовали «взять»! Я так попросил. Привести их сюда. И я же просил подождать! Но похоже, когда началась стрельба, у командира отделения сдали нервы. Все же детдом, их привезли какие-то мутные типы из ФСБ с мутными правами, какого-то мутного брата, и выстрелы... Всё же надо будет их чуть-чуть вздрючить.

Но сейчас... ни о какой скрытности не может быть и речи! Сам виноват, что допустил пальбу! На кой хрен, я встал в проёме в эту комнатку, растопырив ручки-ножки, как последний дилетант, изучая обстановку... Эх, сам виноват! Давно на заданиях лично не был. Да и скорость движений у меня нынче непривычно низкая, не смог сразу до стрелков добраться. Ладно хоть от пуля научился уходить.

С двумя дырками в груди! — усмехнулся я, ковыряясь в синтепоне куртки — пофиг! Сейчас — лицо попроще! И — я девочка, я девочка!

— Ааа! — и бежать в столовую! К брату! На всякий случай.

Не будут же они стрелять в мелкую пигалицу?

— «БАХ!» — просвистела где-то пуля

Или будут? — упал я на пол, накрыв голову руками, и выставив повыше жопу.

Нет, не будут — заметил краем глаза, как стрелявшему бойцу, его сосед опустил ствол — просто нервы! Можно понять.

— Ааа! — вновь завизжал я, и продолжил свой курс к цели.

— Да что тут... — вышел из сортира двести пятый, подтягивая штаны — Ох — вздохнул, увидев целую тучу стволов на нем сошедшиеся, и сделал руки в гору, отвернувшись мордой к стенке.

— Все нормально, Ванька — улыбнулся я своему братану. — Вот только одежду надо новую — поковырялся я в своих дырах, в то время как со столовской кухни, раздались новые выстрелы.

Сначала ТТ, потом калаша.

Глава 9 — Северный путь

— Охренеть не встать! Перестрелка в детском доме, махинация с бумагами... — не то отчитывал меня, не то хвалил, один очень импозантный мужчина.

А именно — губернатор! Собственной персоной. Что, не мудрено, учитывая, что я оказался вынужден заглянуть к нему на огонек, а именно — на экстренно совещания правительства свердловской области. И естественно, я на этом сборище самый что ни на есть главный герой.

— Торговля органами и детьми... — продолжал тем временем вещать этот Большой Гражданин, хотя взад и пред, изредка поглядывая то на меня, то на главу МВД области.

Только вот судя по всему, главный мент региона зол не меньше губернатора, и не собирается это скрывать.

— Два трупов! Два! — произнес он громогласно, но остался не услышанным.

— И это все, когда инаугурация была буквально ВЧЕРА! — произнес губернатор, схватившись за лицо, наконец прекратив своё беспорядочное движение.

— И не бандитов сраных! — тем временем продолжал вещание мент — И даже не оперев. Спецназа! ОМОН...

— Да что там... — хотел что-то вставить еще один участник совещания, но был тут же перебит.

— Их же просто застали врасплох! Да и привезли туда, — взглянул он на меня с очень выразительны видом, разве что пальцем по шее не провел — В ТЕМНУЮ! Так же нельзя Так же не делают!

— Вообще-то, им задачу обрисовали более чем подробно — не согласился с этим я, решив прояснить ситуацию — И задачу, и кто враг... — на что главный мент просто пренебрежительно махнул рукой, типо «да пошла ты!» и отвернулся — И вообще! — повысил я голос, привлекая к себе внимание и других — им требовалось ждать сигнала! А не лезть с автоматами наперевес после первого же выстрела!

— Пока вас там всех поубивают? — ответил на это еще один участник собрания, глава пожарных города — и сожгут? Что бы нам потом вытаскивать ваши пропеченные тела?

— Да у вас же там дети чуть не погибли! — встряла в разговор и какая-то тетка.

Кажется, она заведует как раз детьми. И надо бы её пощупать при случае.

— И вообще! — вновь заговорил глава МВД, старясь испепелить меня взглядом — Какого ху... дожества! Вы потащили туда наших ребят?! Какое вы... права, имели это делать? Где написано...

— Она министр. — кажется взял себя в руки губернатор, припечатав разошедшегося милиционера одним словом — Она имела право.

— Министр... — проговорил робко кто-то из зала.

— Эх... — тихонечко вздохнул я на это.

Нда... ну и в смачный же я клубок с разбегу угодил! И теперь мне его распутывать. Вместо «учебы». По ниточки, по зацепочке... изучать внутренний мир извилин, по их продуктам. Мне уже доложили, что такой «домик с детками» у нас в стране не один. И что действуют они у нас тут, прямо под носом, где никто не видит, уже года два.

Раньше они, как понимаю, тупо беспризорников с улиц воровали. Теперь же...

подбирают — что другое! Отмывают, изучают... тех, что подходят по критериям — «усыновляют», «удочеряют». Остальных же... ну, детдомов по стране много — можно поменяться! Пьющих, курящих, больных, хромым...

Зато теперь ясно, почему в других детских домах так много калек да «прокаженных». И откуда у Израиля так много детских органов для транспонтологии, а в борделях Парижа так много русских девок.

Хотя последние два пункта — недоказанные. Ведь не пойман — не вор. И доказать это будет сложно! Канал поставки теряется где-то в степях бескрайнего Казахстана. По крайней мере именно туда должны были отправить «товар» щедрые «меценаты. Но боюсь, сами казахи тут не причем, просто их граница, как с нами, так и с другими соседями, одна из самых дырявых на планете. Через них проще всего вывести тушки.

Ну не через польскую же границу это делать?! В самом то деле! Там уже три года как две армии друг напротив друга стоят, стволами шевелят. За каждым чихом оппонента следят! Тут не до нелегалов. Не там, определенно. Как и не через Кавказ — там местные, еще на нашей территории, за такое быстро барашком сделают.

И в принципе-то, не обязательно же знать всю цепочку! Достаточно же знать лишь начало да конец, что бы всех за яйца да на столб, но... да кто нас пустят к органам евреев, да шлюхам парижан?! Правильно — никто. Так что даже тех детей, чью причастность к нашей стране мы могли бы доказать банальной генетической экспертизой, вернуть нам всё равно не удастся.

Так что всё, что мы можем, это — проверить другие детские дома, особенно с подозрительной активностью. Ну и ловить картели. Только как можно тише, что бы те не вздумали прихлопнуть товар от греха подальше.

Ой, кого я обманываю? Я же сам обделался, как только мог! Зачем вызвал чужой спецназ? Своим бы справился! Нет, захотел не привлекать шуму, типо «просто наркотики наши». Зачем позволил начаться стрельбе? Вообще не секу. Зачем позволил разрастись шумихе?!?! Вот... тут все сложно — просто не сумел заткнуть рты. Не моя вина!

Так что теперь придется сходу работать по аварийному сценарию — посмотреть кто занервничает сильнее! И давить гниду, давить! Ведь дети... дети...

Хотя если подумать, если бы не Ванька, вся ситуация с ним, мы бы никогда не узнали о том, что тут творится. Не сейчас, не в ближайшее время — погладил я по волосам пацана, мирно посапывающего на диванчике в личной комнате отдыха губернатора, укрытый пледом. Он не хотел со мной расставаться, но в итоге снова уснул, пока я вёл дебаты с «сильными мира сего».

У этих детоторговцев всё слишком на мази! И документы — в порядке! И по логике — в норме! Дети поступают, размещаются, отъездают, через некоторое время находят семью и покидают приют. Вообще не подкопаешься! Даже органы опеки, вроде как их навещали-проверяли, говорили все нормально. И я знаю, что они работают на «отвали!», но все же... ни единой зацепки! Если самому не вляпаться. И даже мы бы могли спокойно уйти оттуда, не почувствовав неладного.

Всё это до жути странно! Но сейчас... эх, надо бы и опеку тоже потрясти! — подумал я, и позвонил лично главе ФСБ. Который, что удивительно, ответил! И сообщил мне, что я оказывается ТВОРЕЦ! Ведь я, с его слов, ТВОРЮ! Правда непонятно ЧТО творю, ни мне, ни ему.

— Я так и не поняла, в чем проблема то? — поинтересовался я, перебравшись из кабинета губернатора, в кабинет ответственного за карты и планирование человека — Там что, болото вдруг нарисовалось, которого не было год назад и в помине, или что?

— Болото там конечно есть, но оно было там всегда — не согласился со мной хозяин картежного кабинета — И не в нем проблема.

— Тогда в чем? Горы? Переехали. — не удержался я от шпильки.

— Вот смотрите — проигнорировали мой подколи, и помощник хозяина карт, разложил предо мной здоровенную карту на еще более здоровом куске ватмана.

И эта вещь заняла собой весь немаленький стол! Что сгодился бы любому человеку вполне нормальной кроватью. Ну а карта бы тогда была, неплохой простынкой.

— Это первый вариант плана — проговорил Очень Ответственный картограф, водя пальцам по схематично обозначенной на карте железнодорожной ветке. Старой, и проектной — План всем хорош, да... число населенных пунктов, сквозь которые мы должны будем пройти насквозь, выкупая землю из-под жилых застроек уж слишком велико.

Ага, хорош план! — криво усмехнулся я, глядя как ничего особо то и не спрямляя, дорога вдруг начинает идти по самым густонаселенным районам поселков на пути. Как будто то специально... или специально! — офигел я, и даже взглянул на стоящего рядом человека, что казался таким Ответвлённым и Серьёзным, еще мгновение назад. Ведь дорога, в одном из поселков вообще делает никому не нужную петлю! Чисто ради того, чтобы поселок не остался «обиженным», без сноса и выкупа домов.

— Вы же понимаете, сейчас у нас не те времена, что были при союзе. — человек не заметил моего укоряющего взора, и продолжил вещать о своём — Сейчас нельзя просто отобрать у жителей их дома и участки, сказав, что так нужно коммунизму.

Точно специально! — воскликнул я в душе, сверив метки высот, и не на них ни падения, ни роста. — и болота там тоже быть не может! — скрипнул зубами тихонько, душа досаду — ведь не может же уже существующая внутри поселковая дорога проходить по непроходимому болоту? Как и стоящие рядом домики. Да и даже если так — значит там вполне реальна выемка и отсыпка! Мы столько бабок выделяем...

— Поэтому мы разработали иной план — тем временем продолжал вещать тот, чья жопа либо слишком хитрая, либо голова слишком тупая.

И его помощник подал на стол иную карту. А я заметил, что у этого ловкого малого, что обращается с тубусами толще себя самого как со школьными чертежами, еще есть два свертка в запасе.

— Но по этому плану — предстала предо мной новая схема, и я чуть не поперхнулся собственной слюной от возмущения.

Ведь эту версию дороги нельзя уже назвать «прямой» при всем желании! Да, резкие виражи трассы двух вековой давности, что не дают составом держать внятную скорость на главном пути снабжения всех основных баз флота, действительно пропали! Зато появились более плавные, и затяжные. В результате чего общая протяженность маршрута вместо того, чтобы сократится, увеличилась раза в полтора! И даже если пустить по построенной по данному проекту ветке состав с большей скоростью на перегоне, итоговое время в пути все равно будет прежней. А вот топлива он скушает раза в два больше.

Ведь больше скорости — больше энергии! Большая протяженность маршрута... ох... мне даже интересно стало, что на это скажет наш мистер КАРТА.

— Однако по данному плану выходит, что дорога напротив, оставляет сильно в стороне

все уже существующие придорожные поселки.

ГИНАЛЬНО! — воскликнул я в душе и в надрыв — Это же ГЕНИАЛЬНО! И если данным вариантом автор не ты, мужик, а ты лишь такой формулировкой послал его лесом, я тебя даже вновь уважать начну! Ведь это же... ГЕНИАЛЬНО! И просто как топор.

— И в этом случае мы не только обретем данные населенные пункты на вымирание, ведь к некоторым из них даже нет нормальной автомобильной дороги! И всё осуществляется ЖД — продолжил он вещать — но и оставим ветку без инфраструктуры. Ведь железная дорога зависит от поселков так же, как и они от неё. Подстанции, обслуживающий персонал, комплексы авариек... вы хоть представляете сколько нам придется по данному проекту строить одних только теплых боксов для дрезин? — обернулся он ко мне, наконец оторвавшись от карты.

— Ладно — поднял я свои «лапки» на высоту груди, призывая умерить пыл — Давайте следующею — кивнул в сторону его помощника.

— Кхм. Поэтому мы разработали план за номером три.

О! А вот это уже что-то! — улыбнулся я глядя на то, что предо мной предстало. Четкий продуманный план! Почти идеальная линия, что при этом оставляет в стороне лишь парочку населенных пунктов, бывших ранее вдоль самого полотна. Ни безумных петель, ни... не менее безумных, четко, просто и по делу! Правда... судя по морде ответственного за это дела существа, столь же далёкой от морды победителя, как я долек от звания сильнейшего в мире — и с этим планом есть проблемы.

— Как видите, это самый короткий маршрут из возможных. Почти прямой, с минимумом виражей, отсутствием серьёзных перепадов высот, и по максимуму использующий всю уже имеющуюся инфраструктуру. Однако, — печально вздохнул хозяин кабинета, а я заметил, что к нему в гости да без стука, зашел один из моих людей, встав тихонечко у стенки — данный вариант, мало того, что безумно дорог, ведь почти всю трассу придется строить практически с нуля! С огромными выемками, и насыпями. Так еще он цепляет сразу три заповедника! Куча реликтовых деревьев, нарушение уникальных экосистем, и...

И, я тяжело вздохнул. Настолько громко и тяжело, что разошедшийся товарищ, аж заткнулся, посчитав это именно призывом к тишине.

— А что насчет последнего варианта? — кивнул я на последний оставшийся тубус.

— оАх... — тяжело простонал мой собеседник, но все же махнул рукой, призывая помощника предоставить пред мои очи и эту схему.

— Ну... — протянул я, глядя на то, что мне открылось — такое себе.

Данный вариант... весьма интересен. С точки зрения допущенных ошибок! Это словно проект школьника! Где ровно на бумаге, да кругом овраги. Где прямые участки дороги там, подъём грунта местности, превышает пол метра на сто! Где трасса, непонятно зачем! Петляет по ровному как стол болоту. Где она же телепортируется сквозь горы.

— Это ваш сын делал? — взглянул я на главу отдела картографии и планирования свердловской области, глазами родителя, смотрящего на своего коллегу по классу на родительском собрании детского кружка рукоделия.

— Не. — помотал тот головой — Но я бы ему за это лещем не ограничился.

— И зачем тогда... — выпучил я глаза на сию поделку высокорангового неуча.

— Вообще-то это — ткнул пальцем в стол весьма ответвлённый человек, указывая на карту, и перебивая меня на полу фразе — И есть третий вариант. А то — указал он на карту под картой — как бы четвертый, и еще не везде утверждённый. А этот везде — указал он на

кучу подписей в углу — но я его подписывать не буду — указал он на пустую графу, рядом с кучей уже заполненных.

А я заметил, что все же «езде» не везде! И там вовсе не одна строчка не подписанной осталось. А значит — еще не все потеряно в этом царстве! Особенно учитывая то, что именно эти не подписавшиеся люди, подписались в плане предыдущем. Надо бы запомнить их фамилии, однако.

— Хм. — задумался я, глядя на бумаженцию предо мной — Это ведь оригиналы, да?

— Угу. — кивнул человек ответственный за них.

А я порадовался, что вымыл руки после кушанья, а не приперся на прием, как есть «чумазый», да с жирными руками. Хоть и ел я исключительно протеиновый коктейль.

— Это ведь туалетная бумага, да? — вновь указал я на карту, что сверху всех.

— Угу. — кивнул помощник картографа, чуть не прыснув со смеху, а его начальник неодобрительно не него посмотрел, но воздержался от комментариев.

— Тогда... — дошел я уже до помощника своего, взяв у него ручку.

Фиолетовую, с блестками! Я ей документы изредка подписываю. Там какая-то бурда вместо чернил... вонючая...

— Ах! — вдохнул я «аромат».

И сложносинтезируемая.

— Линеечку, спасибо. Так... ага... так, высоты... мхы, мхы, уху... ага. Иии... сюда! По старой ветке. А вот тут вот так. И так. Ну, ну... сапоги у меня чистые? Нет? Ладно.. Готово!

— А... — протянул весьма озадаченный человек, изучая моё художество.

— Так, проверьте. Высоты, болота... ну с заказником ничего не поделаешь, как понимаю. Немного цепнем, но ничего страшно. Да, знаю, кто там любит на баньку ездить, но перебьётся. А если что-то не нравится — шлите его ко мне, я найду для него лесок подходящий — улыбнулся я, а мой собеседник... явно утратил дар речи — Вы проверяйте, проверяйте. Даром что ли свой хлеб идите?

— Ладно. — сказал он, и уткнулся носом в карту, начав её чуть ли не обнюхивать.

Через некоторое время отлип, уступив место помощнику.

— Ну, в целом всё правильно, но! — вознес он пальцы к небесам, в то время как его ассистент, обнаружил перхоть у себя в волосах, и принявшись усиленно от неё избавляться, чеша маковку — Нельзя вот так просто, на коленке, набросать карту для столь крупной стройки! Необходимо геодезические изыскание. Проверка грунта, проходчики.

— Так у вас же все это есть — захлопал я глазами — И геодезия, и проходки. Вы же должны были готовиться. — и помощник начальника метнулся куда-то к расположенным прямо в кабинете стеллажам, скрывшись где-то в их глубина.

— Не ищи, их нету — сказал ему глава картографии, и вернул внимание мне — Вы же понимаете — вздох — что в наши дни это формальность? Проверки были, но... только там, где планировалась стройка. Остальное... чистая теория. Расчеты, на основе анализа и старых данных.

— То есть, сначала карта, потом пробы? — взглянул я на него не мигающим взглядом — Прямо как у меня, да?

— Да, но... — явно замялся нерешительный человек, в то время как его помощник молча вышел из недр стеллажей с целой кипой тубусов.

— Современных данных нет — провозгласил он — но есть старые, и сомневаюсь, что

что-то сильно изменилось. — положил он одну пачку свитков на стол — Торфяники остались торфяниками, даже если высохли, или наоборот, ушли под поду. Даже если там сейчас озеро, глубина материнской породы осталось той же — взглянул он в глаза своему шефу, и тот не нашел что возразить — А еще у нас есть данные из лесхоза. Довольно свежие — еще пара свитков легла на стол — Позволяет понять ситуацию, более приближенную к реальной текущей — А еще у нас есть выкладки по проведенным работам — и целая охапка бумаг пала на стол, что парнишка аж выдохнул от облегчения, избавившись от тяжести — Веры им нет, но все же. Но дело всё, — заглянул он мне в глаза, пытаясь найти в их глубинах что-то, мне самому не ведомое — В ответственности. Никто не хочет...

— Степан! — вдруг оживился его босс.

— А те карты сделаны уважаемыми людьми...

— Степа!

— С репутацией.

— В общем, я ответственности не чураюсь — ухмыльнулся я на это, и вновь взглянул на получившуюся у меня «на коленке карту».

Отодвинул свитки и бумаги в сторонку, чтобы не загоразивали главное на схеме, и еще раз пробежался по основным пунктам.

Как ни странно, старая, ныне существующая, дорога по болотам, почти не петляет. Поэтому, я её оставил в том виде, что она есть. Зачем её трогать лишней раз? Зачем эти риски! Там и так болот предостаточно! Как и не тронул остальные, хоть сколько-то протяженные участки прямого пути. Зато всё кривые, особенно с недопустимым для современного времени радиусом, постарался спрямить, как только мог.

Да, там будет пара крупных выемок, что дорога будет почти что в туннеле. А в другом месте, во имя спрямление, насыпь пришлось загнать глубоко в болото — работать придется зимой, вымораживая грунт, и делая выемку на... двадцать три едреных метра! Но это всё фигня. Учитывая, что в итоге протяженность маршрута сократится в полтора раза, а скорость на столько же увеличится... и учитывая, что в потенциале и по факту, именно эта трасса главная артерия снабжения нашей основы независимости государства — северного флота... это всё того стоит! Определенно стоит!

И я, в графе «исправил», пишу своей фиолетовой ручкой свою имя фамилию, ставлю подпись, и на секунду ловлю крайне кислую мину хозяина кабинета. Он неплохой человек! Просто ему заплатили за вариант, что он мне представил по счету третьем. О остальные два варианта... это просто повод загнать меня в угол, способ вынудить согласится с тем расточительством, что на третьем предложен.

И я даже догадываюсь кто! Но ему бы в любом случае не обломилось. Кто будет выполнять сию работу уже давно решено! И специально для них, и скорее всего вперед всех, был и создан последний представленный мне вариант. То та я думаю, что хорошо мне известный, и уже зарекомендовавший себя, директор строительного треста так нецензурно ругался во время последнего моего с ним разговора, не в силах сдерживать эмоции. А его фамилия стоит на чертеже, но без подписи, и печатными буквами.

— Не расстраивайтесь так — похлопал по плечу уже не ответственного за данную карту человека, и прошел до столика, на котором расположились рабочие телефоны — Можно? — и дождавшись утвердительного кивка от теперь уже совсем ничего не понимающего человека, принялся вспоминать номер.

Вспомнил. Взглянул на часы — он сегодня первый день, но не должен был еще уйти!

Набрал.

— Михал Саныч! Не узнаете? Да, я. Ага. Да так получилось. Михал Саныч... Миха Саныч, тут такое дело... карты же в вашей юрисдикции? Да не игральные! Ну да. Так вот, — и взглянул на трио мужчин, потому как мой помощник, плавными движениями подобрался к двум ничего не понимающим — Рокировочку надо бы произвести. Догадываешься кого с кем? Ага. Да ну, с замом! — и хозяин кабинета всё мгновенно понял.

Пол из-под его ног ушел, но могучие руки стоящего сзади человека подхватили «бездыханное» тело.

Я, закончил разговор, улыбнувшись тому, что я как бы и не причем, это просто «новая метла по-новому метет», и подошел к новому хозяину кабинета.

— А теперь, пока ты не зазвездился, как уже многие, и не начал думать о лишней даче, как твой начальник...

— Откуда вы... — проямлило тело, всящее на руках.

— Мы поговорим о куда более сложных делах, на которых твой бывший начальник, — повысил я голос, взглянув на новоиспеченного зама — как раз-таки мог бы нажиться, привлечь своих друзей по строительству. Но увы, теперь я специально распоряжусь, что бы их даже к тендеру не допустили — и отвернулся от него подальше, игнорируя всю бурю самых разнообразных эмоций на лице человека.

Поднял оставленный подле стола свернутый в трубу чертеж, один из двух, что принес с собой мой человек, и разложил его на столе, поверх всего.

— Вот смотри...

— Вокзал, и сортировка.

— Ага, они самые. — улыбнулся я, понимая, что данную вещь, сложно будет не узнать местному жителю — Я слышал тут у вас один заводик сносить, да переносить планируют...

— Уже перенесли — поправил меня собеседник.

— Отлично. Но землю то еще не продали. — утвердил, а не спросил я — И я знаю, что там планируют построить жилой комплекс — взглянул на паренька, и тот кивнул, а его новый зам, кажется начал подавать признаки жизни, по крайней мере стоять самостоятельно научился — Но земля то еще не продана?

— Угу. — кивнули мне в знак согласия.

— В общем — обойдутся! Завод выгнали? Молодцы! — плеснул я сарказма — теперь пусть ищут другую земельку! Благо в городе её предостаточно! Тот же частный сектор расселяют наконец! — и я достал чертеж второй.

— Уууу... — протянул новоиспеченный глава кабинета — работы... — забегали его глаза по всему небольшому листу ватмана, словно мыши в чулане, когда включаешь свет.

— Ага. — теперь уже я, выдавил из себя нечто односложное.

— Вы знаете — вдруг оторвался он от изучения материала — Не хочу, чтобы вы посчитали меня взяточником... но... фирма двоюродного брата — и взгляд на своего свеженького зама, что почему-то вновь совсем скис.

— Даже брата... — взглянул я на данного кислого товарища.

— Он взял фамилию жены — решил он, что кефиру поздно пить боржоми.

— В общем, они хоть и... те еще... упыри. Но такое... — палец на карту-схему, а сам не отрываясь смотрит мне в глаза — Боюсь, что вам сложно будет найти исполнителя во всем регионе. — и столь же пристально, как смотрел недавно на меня, уткнулся в предоставленную схему транспортной развязки в свежем исполнении.

— А они значит смогут? — усмехнулся я такому развитию событий.

— По крайней мере на них будет сложно надавить — ткнул он пальцем в то место, где совсем еще недавно был завод.

Нда... интересное развитие событий. Взяточник, контора-вампир, и...

— Да шут с вами! — махнул я рукой. — Но если напорчат — развернулся я «представителю подрядчика» — или если будут воровать сверх меры... — сделал я шаг к нему поближе, и тихонько помотал головой — Вот если хотя бы тень мелькнет — и провел пальцем по горлу открывшему со страху рот человечку — Или мне это лично им передать? — отвернулся я от него, а то он пятясь от меня, уже опять «прилег» на моего работника, совсем не бумажного отдела.

Ванька... — вновь взглянул я на крепко спящего мальчугана. Опять погладил его по волосам, поправил плед, и присел на краешек дивана. Пока я шарашился по... трем кабинетам! Не считая всякой мелочи, в одном из которых, за картой, просидел не меньше пяти часов, он даже не проснулся! Завидую! Детство...

Эх, Ванька... И что мне с тобой делать? «Спаси» то я тебя спас, но... Что дальше? Где ты теперь то будешь жить, когда родители... отошли в мир иной. Со мной? А... где я живу? Я же из тех редких людей, что не спят вообще! Совсем. А живу на работе. И вот так вот бегая по кабинетам. Если бы не необходимость иногда, хотя бы раз в месяц, менять бельё, да нужда иметь «базу», в которой меня могут поймать те, кто не знает где еще меня можно словить, у меня бы и кабинета то своего бы не было!

А зачем? Тогда, шесть лет назад, на пепелище, и воскресающей словно феникс родины, носясь по стране как угорелый, я о такой роскоши и не думал. Мечтал о персональном самолете! Вместо поездках в бомболуке...

Но тем ни менее, это все не жизнь для маленького человека. Ему расти и расти! Учится, развиваться... а не бегать за мной хвостиком. Он... банально не выдержит! Не сдюжит. Ему вон, одной ночи со спецназом в компании хватило, что бы теперь весь дней сопеть в две дырки. И это же ответ на предложение, тупо отправить его на попечения моим бойцам в качестве талисмана и сына полка.

Не, это все не жизнь! Но... что тогда? Как быть...

— Ох, вопросы, вопросы.

— М... сестра... — потянулся он во сне, и открыл глаза — Я не сплю! — мгновенно подобрался, осознав в каком положении.

— Ага. — улыбнулся я — Вставай, надо идти.

— Уже! — соскочил он, изобразив «стойку смиренно», и заметил окошко в котором темно — Что, еще не расцвело?

— Ага. — улыбнулся я вновь, убирая с дивана плед.

— Но... — задумался он, отведя взор от окна — я точно помню, что когда мы подъезжали, уже расцветала!

— Но ведь ЕЩЕ не расцвело? — улыбнулся я, и пацан, залился краской от стыда.

Весь день проспал!

Глава 10 — Крысы в Сочи

— Ну что, как там продвигается наше дело? — поинтересовался я у человека служивого, в ФСБ работающего, присланного ко мне как раз ради того, чтобы это разъяснить.

А зовут его Толик. Точнее, имя от мамки у него иное! Очень труднопроизносимое, и испанское. Так что все, кому не лень, кличут его Толиком. А я что, лысый что ли?

— Дело... продвигается. — уклончиво ответил человек, и водрузил мне на стол, во временно выделенном для заседаний кабинете, папку с копией дела.

— А конкретика? Кто стоит? Кто виноват? И где, вареник им в ногу, они у меня спрятали столько взрывчатки?! — собеседник в ответ на мою тираду непонимающе захлопал глазами — У меня, в кабинете.

— А, да... да нигде её не прятали.

— В смысле?! — не понял уже я.

— Вот, — открыл он папку за меня, ткнув в файл, внутри которого аккуратненько упакованный в маленький пакетик, лежит-покоится кусочек обоев из моих старых апартаментов. — видите узор?

— Угу. — поддакнул я, разглядывая до боле знакомый орнамент, выведенный серебрянной краской на махровых обоях — Видела его каждый день.

— Так вот, краска этого узора, по составу, очень близка к термиту.

— Что?!

— Там все написано...

— Да у нас же два этажа министерства именно этими обоями заклеено! — практически взревел я, ткнув пальцем в эту хрень.

С трудом перебарывая в себе желание вскочить, бежать, метать... молнии и искры! Выводить людей, ну и так далее. Однако, я чё, пуп земли-планеты? Если мне это показывают — значит со всем этим уже разобрались! Все же я в поездке «по братика» отсутствовал в кремле без малого декаду. Пока гонял чертежников, пока пинал картежников... ну и с прочими делами разбирался.

— Вот именно — два этажа. — вздохнул бедняга — И еще этаж в думном здании. И еще этаж в белом доме. И еще... по мелочи, по городу... — у меня же от этих слов, начался самый настоящий нервный тик.

Задергалась нога, рука, и глаз — какого куя?! Термит на стенах?! Как... По... КАК!?

— Да, понимаю вашу степень ошалеваания. Но кому придет в голову проверить... обои? Тем более что бумага в любом случае хорошо горит.

— Так! Стоп! А взрыв то откуда взялся?! — сообразил я, что термит — хорошо горючее вещество! Но далёкое от взрывчатых.

— Да не было никакого взрыва — помотал головой собеседник. — Состав на обоях горит действительно очень хорошо, с выделение большого количества... различных веществ, но все равно не взрывается. Однако в закрытом помещении, с плотно закрытыми дверьми-окнами... — он развел руками и замолчал, но я и так всё понял.

Быстрое расширение, спонтанный рост давления... и вот уже дверь полетела с петель. Ну а тяжелые створки, влетевшие с разгону в стену... достаточный повод, чтобы по зданию прошла вибрация как от взрыва.

— И что, за четыре года нигде ни разу эти «обои», не проявили себя? — ткнул я

пальцем в образец, и заглянул пристальным взглядом в глаза и не думавшего скрываться Толику.

— Они не настолько легко поджигаемые, как вам кажется. Вам придется сильно постараться, чтобы спичкой или зажигалкой запустить реакцию. Зато вот если поджечь — вновь вздохнул работник спец службы — Комната как эта, — обвел он взглядом помещение, на обоях которой вообще-то тоже есть металлический орнамент, только золотой, а не серебрянный — выгорит менее чем за пол секунды. — закончил он поникшим голосом.

— Тогда как? Как так получилось?

— Жучок, что был прилеплен к стенке, детонировал при попытке его отсоединить.

— Ясно. А что насчет сигнализации?

— Её установили вам по ошибке. Недосмотр Службы безопасности, но не фатальный.

— Жучок, тоже их работа? — улыбнулся я — Тоже недочет?

— Тоже недочет, и уже фатальный. Но не они его установили. И, эх, — вздохнул он тяжело — тут уже не все так просто. Уже шесть человек арестовано, два десятка под подозрением, и боюсь, это только начало. Почитайте — указал он на паку с бумагами у меня на столе — там есть весьма интересные места.

— ЧТО?! Крысы-мутанты захватили Сочи? — переспросил я в рацию, чувствуя, как моя левая ляжка дергается в припадке — Как это вообще понимать? Как!? Когда?! А... Не захватили, а заполонили!..

Это же все меняет!

— ДА КАКАЯ РАЗДНИЦА?! — проорал я в слух на всю округу, что окружающее меня люди, недоуменно уставились в мою сторону, силясь понять, чего это спокойно идущая по улице девчонка, вдруг так разоралась.

Я ведь просто шел по дорожке... когда мне «позвонили», сообщив, что... крысы-мутанты, заполонили Сочи.

— Как это произошло? Когда и почему? Ладно, не важно! Естественно на них крысиный яд не работает! Эвакуируйте людей, и перестреляйте этих тварей всех до единой! Да, вводите армию в город! Раз эти твари УЖЕ «заполонили» город. Да, возьму ответственность. Я! Отбой.

— Чумаданы им в колено...

У них там адские крысы размером с чихуа-хуа бегают по всему городу, людей кусают... едят! Уже есть погибшие! Одной тетке ногу откусили, другой руку, двух детей сожрали живьем посреди улицы! А они...

— Как мы можем вводить войска в свои мирный город? — спародировал я чужой голос, игнорируя то, что мой слышимый шёпот могут услышать прохожие, и радуясь тому, что на мои наушники теперь могут поступать вызовы и из обычной телефонной сети правительства, направляемые ко мне коммутатором. — Как мы можем допустить пальбу среди гражданского населения? ТФУ! — сплюнул я под дерево, и утер губы рукавом.

Если мы не введем войска сейчас же, там это население съедят заживо!

— Двухсотый слушает — отозвался я на новый вызов из все того же приморского города — Ясно. Отставить эвакуацию. Вы просто не сможете её сейчас организовать. Объявите жителям, чтобы не покидали своих домов, и перебирались в наиболее защищенные места квартир. В идеале вообще на верхние этажи. И вводите бронетехнику! Не рискуйте

солдатами! — сказал я спокойно, но в следующий миг вновь разошелся — А за заражение крови наших покусанных бойцов кто возьмёт ответственность?! Да, понимаю, как это будет выглядеть, но куда лучше, чем-то, что творится сейчас! Я ведь правильно понимаю: паника, жертвы, орды тварей, шуршащих по углам? Раздайте бойцам пистолет-пулеметы! У них и дульной силы поменьше, меньше шанса пострадать от рикошета, и скорострельность выше, и крысам их за глаза хватит. Да действуйте уже!

А потом мы уже разберемся, как и на чем, в город попали эти крысы в таком количестве. — скривился я в кривой усмешке, представляя кто кого и сколько раз будет сношать за всё там происходящее — Как потом и подумаем о последствиях позора, радуемого западными СМИ, под лозунгами «могучая армия России, оказалась не в состоянии справиться даже с дворовыми грызунами, применив для борьбы с ними танки и БТРы».

А уже через час увидел по ТВ, и картину с поеданием детей, и картину с пальбой из бронетехники зажигательными патронами по кучке неопределенного вида существ, лишь отдаленно похожих на крыс. Тварей пальба рвет в клочья, но... лучше мне забыть сейчас о всех своих иных делах и метнуться к зданию министерства обороны! Там конечно и без меня умных голов хватает, но... я же типо, ответственность принял! В каждой дырке затычка.

— Уже тут, да? — поинтересовался сам министр отвечающий за оборону, обнаружив меня в тактическом штабе за место себя, и, «державшим руку на пульсе» ситуации — В каждой бочке... — и тут до него вдруг дошло — скажи-ка... а как ты сюда вообще попала?!

Я, проигнорировал его слова, лишь коротко бросив в его сторону взгляд, будучи полностью поглощенным текущей ситуации. За время, что я тут, твари уже успели трижды поменять тактику! И да, она у них есть! Хотя и нельзя сказать, что у них есть явный разум, как у человека.

В самом начале, когда я только ввалился в штаб, существа полностью игнорировали всё, кроме людей, с охотностью несясь даже на тех представителей рода человеческого, что восседают на танках, да прячутся в машинах, пытаюсь прогрызть сталь обшивки. И не всегда такой прорыв оставался безуспешным!

Потом начали кидаться на все тарахтящее железное, видимо обидевшись за то, что эти тарахтелки по ним стреляют, изничтожают, и пришлось срочно объявлять всем жителям, прячущимся в транспорте, не в коем случае не заводить моторы. Ведь если просто стремящиеся добраться до человеченки крысы лезли напролом, через двери, крыши, стекла, то те, что перли на звук моторов, лезли в моторный! А оттуда спокойно проникали в салон, и лакомились человеченкой.

И наконец сейчас, существа поняли, что все бесполезно, и стали тупо прятаться! Забиваясь в подвалы, колодцы, тупо углубления в земле! И у них определенно есть какая-то система связи меж собой! И коллективный разум, так как все существа, во всем городе, вне зависимости от удаленности друг от друга, разом, меняют свою тактику и манеру поведения. Заставляя нас так же тут же менять и тактику свою.

Например, сейчас, бойцы получили распоряжение, эвакуировать все ветхие одноэтажные здания с подвалами, какие только есть, и куда могут забиться твари в немислимых количества. И жечь эти подвалы огнеметами, благо хоть они с собой их прихватили. Радуя меня заодно и тем, что войска на зачистку пришли столь оперативно.

— Охрана! Выведите её. — спокойным голосом повелел министр обороны, не дождавшись внимания к себе от меня.

— Вы, возьмете ответственность? — обернулся я к нему, отвлекаясь.

— А ты возьмёшь? — сурово проговорил он, глядя мне в глаза. — Вот прямо, пред всем народом, признаешь, что это твой был приказ стрелять из огнеметов среди города?

— Да возьму. — улыбнулся я уголками губ, видя, как в зал вошли охранники и как их останавливает повелительным жестом генерал — Хоть завтра выйду на ТВ, и во всем, признаюсь.

И поскольку меня все еще не вышвырнули прочь, вернулся к командованию.

— А следом за тобой все мы, да? — прошипел сквозь зубы начальник данного министерства — После того, как народ все правительство на смех подымет, прознав, что ими командует маленькая девочка. И будут правы... Подвинься! — гаркнул он уже по громче — А то ты такими темпами там пол города сожжешь! И вообще, — взглянул он внимательно мне в глаза — это как бы не министерский уровень вести координацию на уровне штаба, хех! — он усмехнулся — роты. В каждой кочке затычка, ей богу. — закончил он уже полушёпотом.

И принял командование на себя.

И надо сказать, толковый он командир! Хоть и грубый. И наблюдая за ним, я даже начал немножко завидовать его четким приказам и талантам к тактическому планированию. Его хитрой стратегии загона тварей в нежилые здания! Всего-то надо было развести шуму, и немного пострелять там, где снос неприемлем и жалко, и крысы, чья тактика уже начала маняться на совсем партизана-трусливую, тут же валили из потенциально опасного убежища.

Находили новое рядом, от куда их тоже изгоняли, и так доводя до точки, где никто не трогал до тех самых пор, пока в городе не осталось ни одной твари, кроме прячущихся в заброшенных домах. Ведь их коллективный разум, среагировал на угрозу, посчитав, что везде опасно, кроме тех нескольких мест, и крысы стали туда сбегаться сами, даже без дополнительной указки и шума в местах, где они прятались.

И как только поток существ сосем иссяк, и даже в самых дальних уголках, более нельзя было найти ни единой крысы, даже не мутировавшей, а самой обычной, подлежащие сносу строения, были уничтожены, вместе со всеми спрятавшимися там тварями. Вояки там устроили нечто среднее, меж большим пожаром, и объёмным взрывом.

Толковый он командир, генерал! Вот только решимости не хватает, и ответственности — боится. Видимо опасается испортить себе скорую пенсию.

Тактика министра, оказалось верной, и сбежавшие сами в «безопасное место», в четыре специально для них выделенных дома на отшибе, крысы, оказались там полностью уничтожены. До последней! Таким образом, инцидент с тварями кончился в тот же день, что и начался. Армии, благодаря грамотному командованию, понадобилось меньше суток, чтобы ликвидировать катастрофу, что могла растянуться на годы.

Ведь если б крысы расползлись по площади... их бы реально потом пришлось бы выковыривать месяцами и годами, из подвалов, пещер, да различных иных катакомб. Из ливневой канализации, и иных подземных коммуникаций, которые бы они погубили даже если бы просто сдохли там, учинив заторы. Не говоря уже о том, что они бы могли погубить немало жизней! Человеческих жизней!

Техников, что пошли бы устранять неполадки не вооружившись, а крысы всё-таки бы не сдохли. Глухых мальчишек, что залезли бы посмотреть, что там происходит, и кто шуршит.

Просто случайных прохожих. Там и так сейчас больницы переполнены от наплыва покусанных людей! И не только в самом городе и ближайших городах! Вообще, в крае.

С заражением крови, и риском подцепить какую-нибудь неведомую заразу. Напуганные сердечники, и просто слабые, и психи, и те, кого славно так погрызли! И все это могло бы только прогрессировать! Однако, начавшись в обед хаос, полностью закончилось уже к двенадцати часам следующего дня.

Коллективный разум тварей сыграл с ними злую шутку! Очень злую! Но нам стоит радоваться. Хотя есть и те, кто не рад подобному — ученые, которым не досталось ни одного живого экземпляра. Да и даже хоть сколько-то целого, и то, не досталось.

Дома-костры? Там нечего ловить. Там применялись огнемётные термитные заряды, рассчитанные на уничтожения магмойдов. Их установили там заранее, внутри и по периметру, так что выжить никто не мог и не сумел. Трупки после пальбы на улицах? Ну... если поковыряться, можно что-то и найти!

Но не те, кого забили ломами местные жители! Там... в общем, более-менее целые тушки, это те, в которых всего две дырки от профессионалов. Твари оказались несколько менее живучими, чем те, что были в лаборатории Москвы, но зато их вид выглядит куда более стабильным и не похожим на зомби-тварь, в которой непонятно где жизнь держится.

Иссини черные, но лысые существа, с парой длинных, таких же черных, когтей на каждую лапу. Материал их, не известен, но судя по фото, он чем-то напоминает мне углеродное волокно. Чем-то подобным, я заменил себе кости. Зубы у существ таких же черные, вернее, зуба — всего два! Остальные отсутствуют как класс, поэтому утверждение «твари съели руку» в корне не верное! Не говоря уже о поедании детей целиком. Они не в состоянии кого-то съесть! Но вот изгрызть и разодрать в лохмотья — это да.

А еще существа бесполое, и у них внутри не хватает половины органов. Кишечник до ужаса прям, и ученые не уверены, что он вообще способен хоть что-то в себя всасывать, кроме уже, специально созданной, питательной массы. Так что вид сам по себе, в условиях природы, как бы и не жизнеспособен вовсе. Чисто искусственный, и вопрос лишь в том — откуда он?

Частично, ответ по данному пункту уже найден: из Румынии. Оттуда в город прибыл зерновоз с рапсом, зачем и почему именно туда, учитывая, что Румынам сейчас и самим то жрать нечего — не моё дело! Факт в том, что зерно там действительно было! Но крыс было больше. И после разгрузки, существа, прибывавшие во время транспортировки в состоянии похожем на анабиоз, начали действовать, стремительно расплзаясь по городу.

Как говорят, первая их «программа» была именно разбежаться, которой они и следовали. Потом пошел пункт «спрятаться» что они истолковали по-своему, и просто скучковались в тени домов. На тротуарах, проезжих частях, везде! Люди тогда еще не поняли, что произошло, и нашлись смельчаки, или дураками, кто их решил там побеспокоить. И именно тогда они получили свою настройку убивать людей. И следовали до самого прихода военных, начавших убивать уже их.

Румыны причастность к инциденту, естественно отрицают. Катят бочку на нас самих, и вообще, трясут писю в нашу сторону активно, будь то их и не обложили уже со всех сторон, как волков в загоне.

Запад, в данном их рвении, румын естественно поддерживает, и вообще говорит: «Сами виноваты!». У них там, как понимаю, уже была готова программа с раскруткой новостного эфира мира, на тему ужасов России. Причем сразу в двух вариантах! О введении армии в

мирный город и стрельбы на улицах, и о том, насколько суровы наши грызуну, что даже жрут детей.

Причем, тех двух детей, что были показаны на облетевшем мир видео, никто так и не нашел! Не в смысле их останков — их могло и не быть! Могли быть только лоскуты. А в смысле родственников, живущих в городе. Регионе, или хотя где-то в стране, и кто бы уже их опознал или высказал своё волнение. Что должно было бы случиться в любом случае, если бы чьи-то дети, почему-то не в сезон, отдыхали на кубанском курорте, где случилась такая вот трагедия.

Качество же предоставленных кадров для эфира «от случайного прохожего», позволяет судить о том, что видео было снято заранее, и не там. Не в Сочи! И мы уже начали поиск информации об этих детях, и их родителях, но пока все глухо. Ясно только, что детки были нашими, русскими! Ведь умирая, кричали на нашем, русском языке, а не на каком-то ином.

— Вы мне угрожаете? — поинтересовался сидящий предо мной человек.

Хозяин кабинета, завода, и... да, его яхту можно назвать пароходом! Только завод его где-то в забайкальском крае. Яхту, купленную год назад, тогда же фактически у него и отобрали обратно англичане, хоть мужчина и верит до сих пор, что он сможет хотя бы раз на ней прокатиться. Ну а находимся мы в Москве, где расположился головной офис этой фирмы.

Фирмы, что явно живет в прошлом! Во времена вольные, и бесправные. Точнее даже — в каком-то сугубо выдуманном мире! Там, где никаких революций и потрясений так и не случилось. В своей розовой мечте, принимаемой за реальность.

В фантастическом мире, где можно получить помощь от государства и не быть ему потом нигде должен. В мире иллюзий, где поднявшись на вершину условно законно, законными методами, пусть и бесчеловечными, можно тыкать правительственным представителям, своей частотой пред законом, будучи уверенным, что ничего суровее налоговой проверки наслать на него государство не сможет.

В мире снов, где все фирмы просто в обязательном порядке должны иметь свои головные офисы именно в столице, а не там, где завод. И где всю доступную и недоступную прибыль, нужно в обязательном порядке сливать за бугор, потому что так модно, потому что так «безопасно», потому что так все делают и только так можно получить валютную прибыль.

Там, где нормально дурить рабочих по зарплате, занижать прибыль для отчетов, иметь счета на островах и в Альпийских горах, и вкладывать деньги в иностранные фирмы, заодно покупая яхты на заморских берегах. Ну и конечно же после этого всего, строить из себя обиженную невинность!

Вот только мы в реальности! И тут подобное невозможно. И сразу после развала союза, к любому честному бизнесмену, подкатили бы братки. И хочет предприниматель, нет, его бы не только обобрали, но и пропихнули мордой в криминал по самый зад. А потом бы приехал в ПАЗике ОМОН, и честен делец, али нет — положили бы мордой в пол, до выяснения. Потом бы может быть, извинились, но сломанные ребра остались бы сломанными ребрами.

Потом, вроде что-то стало выправляться, но президента убили, и всё мгновенно рухнуло еще ниже. И если предприниматель сам под себя не подмял всю местную мафию или не скорещился с вояками, единственным оплотом вменяемой силы в государстве, то — лес обширен! И телом больше, телом меньше — никто не разберет.

Еще конечно был вариант под запад лечь — но это такой себе вариант! Под мафией и то надёжнее! Мафия — предсказуемей! Ну и вариант оказаться у кого-то под крылышком из подмявших под себя регион людей тоже был, но это все равно один из двух главенствующих вариантов — либо правильная мафия, либо не правильные военные.

Ну и наконец, после референдума... условно сытые времена, когда можно получить упавший на голову завод и не умереть в процессе. И достаточно лишь его заставить нормально работать, и никто более и слово после не скажет, что у гендиректора и трех классов церковное приходской нет. В крайнем случае хорошему человеку и хороший диплом нарисовать не зазорно.

Но как очевидно, не все так просто! «Упавшие заводы», зачастую... упавшие. Во всех смыслах этого слова. Что-то там есть, чего-то нет, в цехах зияют дыры. Люди разбежались,

мародеры, анархия и банды. Гоняющий эту шоблу по всем подворотням спецназ, не стесняющийся стрелять из подстволок в жилых районах, и безопасность на букву «падшая женщина».

Организовать что-то внятное в таких условиях, даже имея какие-то технические площади, остатки оборудования, и костяк людей — удел руководителя-гения! И именно таких мы тогда назначали за штурвалы подобных заводов! Спасибо Нинель, открывшею пред нами их сознания. А вернее — отсеяв лжецов.

Разумеется, если человек по каким-то причинам не справлялся, завода он лишался. И разумеется, спорить с этим никто не мог. Директор, не владелец. Но в те же времена появилась и еще одна категория бизнес-граждан, представитель которой и сидит сейчас предо мной.

Те, кому государство только очистило поляну. Освободила от ответственности и заполнении кипы бумаг. Частично или полностью от налоговых выплат. Дало дырочку в таможне на без таможенный или даже тайны ввоз заграничного оборудования в страну. Предоставило землю и безвозмездный доступ к природным ресурсам.

И некоторые из них, позабыли нашу щедрость, спустя пять лет своего существования на рынке. И теперь вот, бьют себя пяткой в грудь, утверждая: Я зДеЛЯТЬ! СебЯ СаМ!

Бумаги — оформил. Землю у государства выкупил, с уже получено прибыли, естественно! Не платя за то, что уже добыл и пользовался. От льгот отказался и «плачу как все!», но при этом как раньше. А про провоз станков — вообще ничего не знаю! Разве это не обычная процедура была?!

— Почему же сразу угрожаю? Я просто пришла поговорить. — улыбнулся я, глядя в глаза наглецу, что как бы и не думал слушать то, что я тут говорю, тупо пропуская всё мимо ушей.

— У вас на меня ничего нет, — пощёлкал он ручкой «Паркер» по столу — Или вы решили не церемониться, и вспомнить девяностые?

В девяностые, мы с тобой вот так не разговаривали! — скривился я в душе — Да и в году в четвертом, думаю, тоже бы не стали. Но сейчас времена иные, и приходится договариваться. Сначала потому, что мы были слишком слабы, чтобы давать на крупные компании силой, и приходилось вилять. А потом потому, что как бы закон, и не надо подавать дурной пример его нарушая, докапываясь до стоячих.

— И закрыть вы нас не закроете. — сделал он новый щелчок, и с усмешкой взглянул на моё лицо — Север, нуждается в утеплителе.

А вот тут он, увь, прав. Его компания, занимается производством базальтовой ваты в Забайкалье. Полный цикл! И пусть, заводов тем же занимающихся, по стране как собак, и это вообще мелкая шушера, как бы не стоящая внимания, но там, за Байкалом, такой завод у нас один! А утеплитель... крайне невыгодно куда-то транспортировать.

А потому, приходится вот, пытаться договориться с этой «конторкой». Называемым транс-супер-мега-что-то там строй, что при всем фальшивом пафосе названия, все же обеспечивает немаленький регион очень нужным материалом. Без которого там реально тяжко, почему я собственно и здесь.

— У вас нет средств давления на меня! — проговорил мужчина глядя на меня, оставив наконец многострадальную ручку в покое.

— Ну почему же! — улыбнулся я лукаво — Для начала — налоговая инспекция.

— Они ничего не найдут.

— Потом проверка охраны труда.

— Если завод встанет, я буду вынужден поднять цены на продукцию, чтобы компенсировать понесенные убытки! — сразу понял человек, что эту проверку ему не пройти никак.

Там у него ужасные условия труда!

— К тому же, хоть вы и храните свои сбережения в иностранных банках, но вы же не думаете, что они там реально в безопасности?

Лицо собеседника побагровело. Но он пока держится!

— Вы не сможете их оттуда достать! — прошипел он. — Швейцария — нейтральная страна свободной Европы! И она вам не подчиняется.

— Конечно же нет, — прикрыл я глаза улыбаясь и мотая головой — мы просто шепнем финансистам из ООН, что вы — поддерживаете российскую армию.

— Они не поверят. — как-то резко расслабился и откинулся на спинку кресла человек — Ни за что.

— Вы в этом уверены? — усмехнулся я, догадываясь, что его уверенность не основана на пустой вере — Или они только и ждут, чтобы прижучить вас? Считаю, что вы плохо работаете? — мужчина вновь напрягся, но постарался это скрыть — Или вы думаете, что арест вашей яхты в порту Англии, просто так, случайность? А вы вообще уверены, что ВАША яхта там когда-нибудь вообще существовала? — стал я серьезным, поставил локти на стол, и опер на руки подбородок — Вы сами её видели? Вы там были? Или ваш последний визит в Лондон кончился как-то скомкано, потому как ваше начальство было шибко недовольным?

— Там просто была дикая попойка. — легкомысленно отмахнулся от этого человек, и прикусил язык, поняв, что взболтнул лишнего.

— А кто её организовал?

— И яхта моя на месте, просто ждет своего часа. — проигнорировал меня собеседник, начав гнуть свою линию — Я в любой момент мо... и вообще! Это не ваше дело!

— Да, не моё — улыбнулся я, откидываясь на спинку кресла и расслабляясь — Это ваше дело, ваши деньги, ваша яхта.

— Опять вы об этом...

— Но кто этим всем заведует? — ехидненько улыбнулся я — Кто распоряжается вашими личными финансами за место вас? — мужчина схватился за пиджак, где во внутреннем кармане прячется чековая книжка, но тут же понял, что как бы да! Чековая книжка еще не всё! — Кто предложил вам счет в конкретном банке? Кто добыл «то самое», немецкое оборудование на мутных условиях ренты, что вы потом привезли в страну через нас? Кто предложил урезать рабочим зарплату?

— Это был я. — буркнул он тихонько, и немного скис, понимая, что опять что-то взболтнул.

— Кто в конце концов единственный, кто видел ту яхту и организовал ту попойку? — всё так же ехидно закончил я, и человек сидящий напротив, понял, к чему я веду. — И вам не стоит думать, что вы такие уникальные и стране ни как без Вас. — стал я срезным — Для Нас, вы лишь винтик в механизме, который легко заменить. И я не говорю о вас лично, как о человеке, если вы об этом. Мы можем забыть о вашем существовании, организовав заводик в соседнем городке, просто на это понадобится время. И ваше немецкое оборудование не такое уж и уникальное. — растекся я в улыбке, припоминая, что один завод паровых машин

у нас в стране, делает буквально точно такое же, до последнего винта — И вы не выдержите конкуренции.

— Вы так думаете? — довольно уверенно произнес он.

— Уверена. — совершенно уверенно ответил я — Ведь в случае незаконной конкурентной борьбы, у нас будет совершенно законное право вас всех отправить на лесоповал. Вы же сами, упирали на закон? — улыбнулся я ему злорадной улыбкой, наклоняясь вперед — Так что мой вам совет — кончайте эту браваду! Не сегодня-завтра ваши заграничные счёта пощиплют, просто потому что! Без всякого нашего участия. А без них у вас не будет денег даже на хлеб. Запустите руку в казну предприятия? За одно ещё сильнее закрутите гайки на заводе. Но ведь у рабочих тоже есть предел терпения! Да и к тому же — куда вы будете девать излишки сверх прибыли следующего месяца? Опять откроете новый счет, но уже где-нибудь на Канарах? Думаете там безопаснее? Или вложите свои средства в какой-нибудь нидерландский порт? Или уж сразу купите себе сухогруз где-нибудь в Корее, что бы уж наверняка, он крутился и зарабатывал, а вы гребли бабки за фрахт! Да? Нигерийские власти скажут вам спасибо за новое судно. — я усмехнулся и откинулся на спинку кресла.

Замолчал, погружая комнату в тишину, а собеседника в мысли. Покупка своего много тоннажного океанского судна, до некоторого времени, была своеобразной модой-правилом среди подобных этому человеку людей. Прослойке жадных-фантазеров-бизнесменов, определенной доли нашей экономики и увы, правительства. К счастью, не большой. Не знаю кто, но кто-то пустил слух, что это самый надежный путь вложения средств!

Типо без рисков — все застраховано! Без нервотрепок и ответственности — за все отвечает фрахтователь, а собственник — только бабки гребет! Сидя ровно на жопе — нужно только лишь найти человека, что арендует судно. И можно почивать на лаврах, гребя деньги лопатой! И самое что забавное — в это поверили!

И тогда я всё ждал, что эти корабли разграбят и сожгут какие-нибудь неизвестные «пираты», объявившиеся среди синя моря, как в старые добрые времена истории этого мира. И даже немного размышлял на тему, как в теории прикрыть корабли наших людей в океане от лишних бед. Хоть это и неразумно, расходовать силы и средства на подобное, несмотря на то, что в корабли вложены по сути силы и средства наших граждан. И не всегда тех, кто их в корабли вложил.

Думал и о том, чтобы самим заделаться в эти пираты и поугатать эту диссидентскую шоблу. Чтобы перестали маетсяя фигней! Хоть это и аморально подобные фокусы выучивать. Но все свершилось без меня и самым неожиданным образом. Для всех неожиданных.

Генеральная ассамблея объединённых наций, провозгласила, что граждане Африки голодуют, и что им надо бы как-нибудь помочь. И что вот есть кораблики, которые стоят в портах уже давно без дела и фрахта, место занимают. И вот есть зерно, выращенное в южной Америке, что гниет там в портах уже неделю. И вот давайте совместим всё это и сделаем всем хорошо.

И неграм, привезем дешевое зерно, что мы купили чуть ли не бесплатно, позволив бразильцам избежать кризиса перепроизводства сои. И индусам, чья мечта сбежать из страны морем наконец исполнится, и они «станут моряками». И вообще всему миру! Ведь эти «безработные» суда по счастливой случайности оказались поголовно русскими.

Фрахт на пять лет, со ставкой не покрывающий даже цену морального устаревания техники, что тут же кушает страховка, ничего по выплатам кроме половины винта не

закрывающая. И без права отказаться! А уж через пять лет... там или осел, или хаджа, или что-нибудь еще придумаем.

Но в некотором роде они действительно сделали и нам хорошо, украв суда у наших воротил. Ведь теперь, в определенных кругах наших людей, укоренилась устойчивая фраза «одожди судно для Африки», означающее вложение денег в уже испорченные фрукты, или просто использование гербовой бумаги как дрова для печки.

В общем — бессмысленная трата средств. И все больше и больше бизнесменов стало понимать очевидное — вкладываться нужно в предприятия на родной земле. Тут, а не где-то там, за горизонтом.

И похоже, до моего клиента стало все-таки что-то доходить. Значит — нужно додавить!
— Что бы корову хорошо доить, её нужно хорошо кормить. Расширяйтесь! Нарастите объёмы, и берите количеством проданного, а не ценой! Спрос огромен, вы это не хуже меня знаете! Переизбыток рынка вам не светит.

— Это нереально — проговорил человек, не поднимая взгляда. — Оборудование, люди...

— Пфы! — я чуть не засмеялся — На вас там целая армия трудится! А автоматизация курам на смех. У вас оборудование на ладан дышит — пододвинулся я по ближе — а вы все жопитесь его починить, тупо набирая разнорабочих за место автомата. И вы мне при этом говорите об отсутствии людей?!

Вот только на самом деле он не жопится на оборудование, не совсем жопится. Просто цена даже самого простого ремонта того комплекса «у дилера» будет равна половине цены этого комплекса при покупке нового. Запчасти и расходники такие же, а своё производство машин мин. вату делающих мы наладили только полгода как.

— Не этих людей. — поднял он на меня свой взгляд, едва скрывая отвращения, но не ко мне — Не этих.

— А «этих» вы сами распугали. — откинулся я обратно на спинку кресла — И как говорится — кто виноват? Серьёзно! Вложите свои же деньги в своё же производство здесь! Вы ведь не глупый человек! Вы ведь разбираетесь в этом деле! — хотя в душе я не уверен, что всё именно так, но давлю на гордость! — Вы ведь организовали свой бизнес чуть ли не с нуля, так почему теперь, вдруг испугались его дальнейшего развития? Не потянете? — наклонил я голову слегка на бок, а собеседник впился в меня взглядом, раздувая ноздри.

В нем сейчас борется сразу несколько чувств: алчность — моё! Моё! Моё! Как она могла посягнуться на мою собственность?! Гордость, что задета аж дважды: и как чувство, что требует возмездия за то, что я ему указываю. И как чувство, которому прищемили яйца, выставив слабаком на посмешище. Злость: за все выше перечисленное. И толика чувства сожаления: ведь и правда, можно было тупо расширить предприятие, увеличив прибыль, не прогоняя рабочих ужасными условиями труда, и не сорясь с главным инженером из-за каких-то смешных пары тысяч зарплаты.

Впрочем, насчет последнего, про технолога, я не в теме! Я вообще на самом деле мало что знаю об этой фирме и заводе! У меня только есть выжимка из досье на самого хозяина, где мелькает его зам и яхта, да на сам завод, о тяжелой ситуации на нем и потенциале. Остальное я просто додумываю, а потому могу и мазать.

— Вы предлагаете расширяться? — вздохнул глава завода, взяв многострадальную ручку обратно в руки — Но как быть с сырьем? Мощности карьера, не выдержат существенного роста потребления сырья, при запуске второй линии производства. А иного пути расширения

я и не вижу. Вы правильно подметили, — поднял он на меня глаза, все еще тихо злясь — линия изношена, и из неё многого не выжать без существенного ремонта. Так что проще просто организовать вторую.

— А кто сказал, что вторую, нужно ставить прямо рядом с первой?

— А г... — человек открыл рот, и тут же его захлопнул.

Кажется, загрузился, начав думать, как деловой человек, а не как тот, что уже почил на лавры. Ведь утеплитель — невыгодно транспортировать! И зачем кучковать в одной точке заводы, создавая избыточную мощь, сам себе мешая?

Когда можно ткнуть вторую линию где-нибудь еще. В сторонке, и не мается! И покупатели будут довольны, и цену снижать не придется, а в магазинах она сама упадет за счёт падения расходов на доставку. И люди, в той местности, где будет построен новый завод, будут рады новым рабочим местам, и их можно будет облапошивать по-черному еще довольно долго!

— Вот только не надо и дальше измываться над рабочими. — скорчил я гримасу отвращения, поняв ход мыслей собеседника.

И он вздрогнул, как от удара медицинским молоточком под коленку. Едва заметно, но — я попал в яблочко! Этот петух ряженный реально думал, устроить «концлагерь» и на новом месте! Вот гад...

— Открывайте новую линию, модернизируйте старую. Не обижайте рабочих! Как я уже говорила — сытая корова, дает и молока больше, и живет дольше. Вы уже должны были понять, что ресурс людского терпения не резиновый, и слух об ужасных условиях труда ползет быстрее, чем ваши литовки с вакансиями клеятся по столбам. — человек напротив вновь слегка напрягся и нахмурился. И кажется я вновь попал в яблочко, даже не целясь — так что уже скоро, совсем скоро! К вам никто уже не пойдет даже на большие зарплаты. И извините, — сморщил я свой носик — но вы тогда и сочувствия достойны не будете.

— Лихо ты его! — жизнерадостно воскликнул двести тридцатый, что дожидался меня у выхода из кабинета завода владельца, и как видно, всё слышал.

А поскольку мы офис этой конторки уже покинули, и топаем по улице рискуя перепачкать свои смокинги в осенней грязи, то говорить можем свободно, и без купюр.

— Прямо ух! Чувство, будь то в душу залезаешь! Будь-то все о человеке знаешь без...

— Слушай, ну не надо, а? — скривился я — Что ты как...

— Ну ведь правда же! — остановился он, и поправил свой галстук — На тебя порой взглянешь... мне вот и сейчас кажется, будь то ты меня раздеваешь! — усмехнулся он, едва сдерживая смехок.

И я зыркнул на него недовольно в ответ — сдались мне мужики голые! Ой... да, вообще-то сдавались! Но не в том смысле! А в том... вообще-то я знаю, как выглядит двести тридцатый без одежды... Арррхх!

— Ты это... — скис боец — не в том смысле! Не в плотском! Ты будь то в душу залазишь, и читаешь что там написано! У меня даже от Нинель мурашки по телу так не бежали! А она ведь реально в душе копошится!

— Ты о том, что ты вчера ночью с двумя дамами преклонных лет развлекался? Прямо на кровати, через стенку от которой спала малолетняя дочь одной из них? И ты потом был шибко недоволен и чуть было не поклялся больше ни с кем и никогда без обручального кольца?

— Умг — сглотнул боец, глядя на меня каким-то странным взглядом.

— Забей, — махнул я рукой, и двинулся дальше по улице — Пошли давай, нам еще одну конторку надо посетить.

И боюсь, тамошний хрыч, будет ничуть не лучше предыдущего. А то и хуже. В разы, хуже! И как бы не пришлось идти по плохому сценарию.

И ведь мы не просим невозможного! Даже воровать завязывать совсем не заставляем! Зная, что это невозможно. Просто меру надо знать! Да сворованное не куда-то в кубышку совать, в доллары для матраса, или в слитки золота для шкафа. Не в бездонную бездну — в заграницу! А сюда, себе под нос. В имущество на родине!

Пусть тратят украденное у русских здесь же! В России! Тогда деньги у страны и останутся! Даже если они будут украдены у народа! Ведь они народу всё равно вернутся, а не исчезнут из цикла навсегда. Ведь тогда, построив себе хоромы-дачу, вдруг неожиданно захочется иметь к ней хороший асфальтированный подъезд. Да и не только, до дачи, но и вообще.

А прикупив себе спорт кар, даже заграничной марки, но для поездки по России, придется вообще всех друзей и недругов распинать, что бы было где гонять. Яхту прикупив, придется подумать и о инфраструктуре портов морей и рек, да об экологии. И это все не считая того, что все это так или иначе нужно купить, построить, обслуживать! И это куча средств, что остаются в стране! И куча мест работы, строителям, архитекторам, дизайнерам.

К тому же, даже тупо из-за разнице курса, для «жизни короля», в России не так уж много денег и надо. И очень быстро наступает порог насыщения, когда уже все есть. И тут, с нашей стороны, главное не упустить этот момент! Завернуть буйны головы бесящихся с жиру людей, не в сторону бездонной ямы запада, куда столь хочется взглянуть и деньги кинуть, а в то же расширение. Шепнуть типо — это ведь не придел! Надо больше! Еще больше! И пусть себе дальше развиваются, на благо родины.

И в определенный момент, эти воришки-бизнесмены, вдруг воровать и перестанут. Им просто будет хватать честной прибыли! Даже части её. Ведь более деньги девать и некуда, расширится больше нельзя, вся жизнь внутри страны, и роскоши-достатка уже полные карманы.

Тут только есть момент, опять же тонкий — дети! С одной стороны, дети — еще один путь привязать наших политиков и бизнесменов к нашей же стране. Заставить их заботится о ней, ведь ради родного чада человек готов на всё! Вообще на всё! И мир, в котором растет ребенок, должен быть идеальным! И не только в узкой полоске от дома до школы, но и во всем радиусе, куда это чадо может случайно попасть. А это огромные площади! Целые города!

У ребенка должно быть хорошее образование, хорошие друзья, а не полупьяное быдло, хорошие люди, его окружающие, а не наркоманы. Хорошая экология должна быть в городе, где он живет! А не «мне насрать куда идут стоки с моей фабрике». Ради ребенка можно покуситься любой прибылью!

Но с другой стороны, дети — повод прогнуться под запад! Ведь идея, что там лучшее образование и лучшие школы никуда не делась! А взяв ребенка в самые настоящие заложники, можно потом крутить родителем как хочешь. Требовать от него делать всё, что угодно, даже если это будет идти в разрез с личными ценностями, моральными устоями, прибылью.

Глава 12 — Родине завод

Эх, Ванька, Ванька... Спасти то тебя я спас, а что дальше делать... Кажется, я повторяюсь. В десятый раз! Но ведь и правда — что делать? Кто виноват не спрашиваю. По нормальному бы, ему бы семью найти! А меня бы забыть. Хороших, любящих родителей, нормальных братьев и сестер.

И у меня даже есть такие на примете! Поступили предложенья, от пары моих ребят. От тех, которые семейные. В одной двое детей, в другой трое... бабушки, дедушки, тети и дяди — всё как полагается! Отличные семьи! И вопроса приютить у них моего брата хоть на время, хоть навсегда, вообще не стоит! И так лучше было бы для всех.

Для него, для них, для меня, для страны — для всех без исключения! Пацан получит любящих родителей, большая семья станет еще больше, я — не буду отвлекаться, а страна получит пендель... и домкрат.

Ваньке бы вообще, так, по уму, меня бы забыть. Навсегда! Навеки... но — мне слишком понравилось чувствовать себя живым. Я эгоист? Возможно. Но не хочу его отпускать от себя, даже понимая, что так будет хуже. Всем. Ради эгоистической цели! Сохранения этого пресловутого чувства «семьи».

А ездить навещать мальчугана в семью кого-то из моих подчинённых... нет уж! Этот вариант даже не рассматривается. Ведь тогда зона риска резко расширится! И в неё будут входить не только я и мои друзья, да Ванька в придачу, но его новые родственники. Все, с кем он контактирует. Все, кого он полюбит и пустит близко к сердцу, станут мишенями.

Да, за моими людьми и так, так или иначе, идет полномасштабная охота. И их семьи удастся защищать лишь очень большими усилиями. Собственно, это и есть крючок, на которых я держу в повиновении многих — гарантия безопасности семьи. Но она лопнет с треском, если в этой семье окажется мой родной брат! Ведь охота на меня, лично на меня! Находится на совершенно ином уровне, чем на кого-то еще, даже на меня работающего.

ОДИН МИЛЛИАРД ДОЛЛОРОВ! — такова награда за мою голову на текущий момент. И именно за голову. Без всяких приписок «живой или мертвой, за тушку по частям платим частями» и т. д. Чисто, за одну отрезанную башку.

Есть даже брошюрка, где так и написано: принесете голову — получите награду! Одна голова — одна награда. Как будто то у меня есть две головы! Кошмар... и это листовка, ни какая-то там «теневая», агент-донесение, а фактически рекламный буклет! За бугром, не нужно иметь хоть каких-то связей с темной стороной, чтобы её на руки получить. Там их на любом сборном пункте выдают.

В России — это все-таки экстремистки материалы. Но тем ни менее, у той шайки-лейки, что пришла по тушку моего брата, была при себе парочка таких бумажек. Три, новых, и одна, старая, версии до того, как меня назначали министром. И награда там, сильно скромнее — всего сорок миллионов.

Феноменальный скачок! Фактически свечкой вверх... за одно назначение. Собственно, такая награда и заставила тех перечниц из приюта действовать необдуманно. Ведь даже у них обнаружилась одна такая хрустящая бумаженция, от которой еще веяло свежей типографской краской.

Один миллиард... и фактически, в тот самый миг, что я произнес своё имя, там, в коридоре детдома, я нарисовал в их глазах на своей шее жирную полосу, всем видом

призывающий, удар лезвием топора. И они не смогли устоять пред соблазном.

Да кто устоит пред такими деньжищами?! Даже за публичное убийство текущего президента пред телекамерами дают всего пятьдесят миллионов! Это самая большая награда в этом каталоге после моей головы! И раньше этот полтинник, был самой рекордной суммой из возможных по тогдашнему прайсу. И я боюсь, покушений и на него тоже не миновать — уж слишком заманчив куш.

Тем более, что в самом конце брошюры, уже после всех фотографий и цен, отпечатано гордое обещание политического убежища убийце в любой стране блока НАТО, вид на жительство, дом, и трудоустройство! Для чего нужно последние с такими обещанными наградами, не ясно вообще.

Хм. Да тут даже за моего тезку — Александра Николаевича — дают достаточно, чтобы пару лет пожить безбедно — Миллион! Или это безбедно, лишь в России? А там, всё скушают налоги?

Эх. Мы конечно проверяем каналы поставки этих буклетов, но... все упирается опять-таки в дыры на границе. Не удивлюсь, если подобную макулатуру к нам везут сразу фурами! И даже не удивлюсь, если где-нибудь, от переизбытка, подобную херь начнут рассовывать по почтовым ящикам обычных горожан.

И вот вообще уверен, что сейчас заказчика моей головы просто завалят головами маленьких девочек. И это вообще-то не смешно! И думаю именно из-за этого, награда за меня столь долго времени держалась на столь низкой планке — противник до конца не понимал, кого собственно нужно искать и за чью конкретно голову объявлять награду. Как конкретно я выгляжу, было не ясно.

А тут, раз меня официально назначали, появилось официальное фото в деле... Всё-таки у нас есть крот! Но им может оказаться любой мелкий клерк в министерстве — не мои заботы! Пусть девяносто девятый сам разбирается с этой проблемой! Как ни как, это именно в его веденье, ловить шпионов и шпиончиков, внутри страны.

А у меня свой головня! Придется усилить границу! Что означает, что нам придется либо оттянуть силы от поляков, либо от финнов. Либо оттуда и туда по чуть-чуть, уменьшая раздутые группировки, там стоящие на незначительный процент... подставляя под удар незащищенное брюшко! Особенно это касается начавших активничать поляков.

Они конечно, как и большинство современных европейцев трусливые, но если увидят незащищенный кусочек, и возможность безнаказанно подгадить — своего точно не упустят. Да и трусость их уже не та! Зря что ли они обкатали свою технику боя на всех своих соседях, исключая немцев и чехов. Они уже не те зайки что раньше. И вполне могут напасть не испугавшись, если увидят возможность победить минимальными жертвами личного состава.

И остаётся только наращивать армию. Что — расходы, как денежные, так и материальные — снаряжение и обмундирование воздух не рождает! Да и люди — ресурс тоже не бесконечный. И они бы на других местах сейчас ой как пригодились. Но иного пути похоже просто нет!

Ведь раньше, нас со стороны казахов, прикрывала тупо бескрайность их степей и отсутствие у них там хоть какой-то внятной инфраструктуры. То не многое, что оставил им в наследство союз, они довольно быстро похерели в небытие.

А не каждому дано проехать пару тысяч километров чисто по направлению! Без асфальта, заправок, и даже хоть каких-то внятных ориентиров. Только компас, только хардкор! Летом — адская жара и песок, зимой — лютый холод, снег и буран. Слякоть днем,

и гололед ночью в меж сазанье, и пронизывающий до костей ветер — постоянно!

Это все защищало, как нас, так по сути их — они жили в своем собственном изолированном мире, не будучи втянутыми ни во что крупное. Но сейчас... кое что изменилось — дороги. Я упустил этот момент из виду! Да и не подумал бы никогда, что грандиозная стройка у соседей, и широченные автобаны от горизонта до горизонта, со всем полагающимся такому уровню шоссе сервисом, выйдут нам боком.

Никто бы не подумал! Но тем ни менее, предпосылки все же были — автобан удивительным образом и по проекту то не доходит до нашей границы всего пару километров. Начинаясь от далёких туркменских земель, с одной стороны, и китайских, с другой, проходя стрелой сквозь всю страну на север, и делая странное колечко подле наших границ, порой проходя от неё в непростительной близости. Дорога-подкова в масштабах страны, и куча «нелегальных» свороток в Россию, и но ни одной внятной дороги.

Дорога из не откуда в никуда, так как если кого-то посетит желание проехать именно из Китая в Туркмению, как ведет этот путь «по задумке», ему придется сделать крюк в пять-шесть раз превышающее расстояние по прямой. И так ездить явно никто не будет, а эта дорога просто удобный способ доехать к России поближе не привлекая внимание, и невероятно наглым образом пересечь границу на полностью груженной фуру.

И это, как говорится не все. Казахи сейчас, живут и радуются, получая очередную порцию кредитов от кой кого, целуются в засос... и строят целую сеть современных аэродромов, судя по свежим снимкам из космоса. Попутно загоня своё население в сферу услуг придорожного общепита, или в шахты по добычи ценнейшего урана. Так сказать, или, или.

Причем, добывая ядерного топлива больше чем весь мир вместе взятый, и продавая его непонятно кому, но явно за валюту, получая деньги от России за камни магмойдов в этой же валюте, что достаётся нам ой как тяжело! Они все там, не сказать, чтобы богато живут. Даже более того, могу смело говорить, что пастух, живущий в степи вместе со своим стадом, самый богатый вид человека данной страны.

Но это всё — не наши проблемы! Нам бы со своими то разобраться! Хотя бы с теми же радиоактивными крысами в подземелье столицы, что своего разума коллектива не имеют, а потому до сих пор доставляют. Пропажей двух боеголовок со склада... а, это я. С тотальной нехваткой школ и устаревшими программами обучения, в которые я нос засунул, да так ничего и не сделал. С торговцами органов, что столь неожиданно всплыли на поверхность! С устареванием оборудования на заводах!

Причем как морального устаревания и отсутствия чего-то нового, доступного для покупки в отрасли, так и физического износа, и не возможности замены, почти по той же причине. Просто завода, что производил такие станки на территории Росси давно уже нет, или физически, или потому, что это больше не Россия.

Да банально с Ванькой, что свалился на мои голову! И я не хочу теперь его никуда отпускать. Или же... сослать его в летний лагерь, пока еще не совсем холодно? Нда... логика моя, ущербная. Держать поближе, отправив подальше — гениально!

Винтовочка... на стеночке, вместо замковых мечей со щитом! А что, вполне современно! А вон туда повешаю пулемет...

— Нет, это какой-то маразм — пробормотал я, прекратив примерять оружие к стенке,

прикидывая где оно будет лучше выглядеть.

У меня тут столько дел, а я оружие к стенкам примеряю! Как будто то завод сам собой построится, если я свой «талисман» поглажу! И кстати — не муляж!

— Ностальгия... — пробормотал, сев на пол, положив оружие на колени, и поглаживая его обводы.

Когда-то, это «ничейное» оружие, я обнаружил на чердаке одной девятиэтажки. Когда-то, я там сидел, и наблюдал через оптику, как президента убивают в прямом эфире, а родители сидят на кухне, и беспокоятся обо мне. Когда-то... я изучал баллистику с отцом, и думал, что это оружие мне пригодится.

Прятал его, носился с ним как с писанной торбой! Волновался, переживал, менял отпечатки пальцев, что бы не узнали кто эту шутку лапал. Много что делал! Но все это было уже давно. Давно в масштабах этого мира, этой жизни, пусть и совсем недавно, в масштабах моей вечной жизни, длящейся уже пятое столетие.

Сколько всего прошло с того момента? Пусть это и лишь песчинка в общем море. Сколько всего еще будет... мне эта винтовка не пригодилась — поставил я оружие вертикально, и оттянул затвор — а вот двести пятому — вполне. Он из неё стрелял! Прикрывая группу, штурмующую телестудию Останкино. Он убивал из этого оружия, и его уже нельзя назвать «девственно невинным».

От него до сих пор пахнет порохом и гарью! Несмотря на то, что его уже хорошо чистили, разбирали и смазывали. У него до сих пор в магазине, полно патронов! — выпучил я глаза на полную обойму, отцепив её от оружия — двести пятый! Ты...

И если подумать, хоть я не разу не стрелял из этой дуры или из ей подобной, и плохо представляю, как это все должно работать, но я же ведь метаю ножи? И хорошо метаю! А чем поражение цели кусочком свинца сложнее поражением её листиком стали?

Все та же корректировка на дальность! — прислонил я глаз к прицелу — И тут все даже проще! Для ножа глазомер нужен в разы точнее! Ведь лезвие в полете вращается, и оно не должно попадать по врагу обухом, если то не предусмотрено замыслом.

Все та же поправка на смещение, и пусть дальность у винтовки выше, но нож летит медленнее, так что это те же вводные для упреждения. Все та же поправка на ветер, ведь ножик, тоже сдувает. Даже поправка на баллистику и то схожа! Нож тоже имеет как прямой участок лета, так и баллистический, когда начинает брать верх гравитация.

Все тоже самое! И единственное, что мне сейчас не хватает, это опыта! Нарботки навыков, рефлексов, и коррекции расчетов под данные этого нового для меня оружия. Ведь даже проблемы с массой, преследовавшие меня в момент, когда я нашел винтовку, что была чуть ли не тяжелее меня самого, у меня более нет.

Я нынче очень тяжел! И плотен! Оружью меня более не сдвинуть! И хватка у меня сейчас железная — я больше не боюсь отдачи, что раньше бы мне с гарантией сломала ключицу! Углипластиковые кости, заменившие мне скелет помогают. Я привык к отдаче огнестрела! Постреляв из автомата да пулемета. Я могу стать отличным снайпером!

— Пух! — сказал я, убирая палец с курка.

Целясь чуть выше и правее флюгера на башенке кремля, ведь дальность до туда, чуть больше трех сотен метров, что уже на грани прямой траектории полета пули. Ну а ветер, дует с юга востока, что тоже приходится учитывать.

Я могу стать снайпером, но зачем? Это глупо и смешно мне сейчас подобным заниматься, так что лучше я действительно повешу оружие на стену, а сам займусь своими

делами. Тяжелые думы вовсе не повод для безделья.

— Где построить родине, небольшой завод... — пробормотал, улегшись мордой на стол, так и не найдя в себе сил, начать мыслить плодотворно.

И винтовку к стене не прибил — кабинет то не мой! И магазин на место не воткнул, разложив по столу патроны. И вот вообще теперь бездельничаю, катая один из боеприпасов по столу, задумчиво разглядывая.

— Веселенький вопрос, как стране поднять колхоз... и это кстати тоже вопрос! — вздохнул печально, гоня винтовочный патрон по столу, прямо по бумагам на нем разложенным.

А денег у нас на сию нужду — шиш да маленько! А именно — перелёг я на другой бок, и лениво приоткрыв журнал не своего ведомства, поглядел на цифры — пять миллионов рублей. Чего явно не хватит даже на очень небольшой завод!

Даже на супер небольшой! Только если на мега небольшой... но я все же не о таких масштабах. Не мой уровень! На настолько малом заводе только гвозди штамповать! А мне нужны станки. Много станков. Очень много станков! Совсем... Нужны площади, люди, оборудование...

Ладно, площади есть — один заводик в Москве развалиться еще при союзе успел. А уж последующее время его совсем добило, а мы его еще пока не восстановили — не придумали, как и для чего. Там сейчас заброжка за колючкой. Разве что станки, как ни странно, покоцанные, но стоят. Упереть их не успели — тяжелые! А потом там вообще натовцы свою военную технику ковыряли в тех ангарах, и к ним соваться «за металлом» никто бы не захотел.

Потом, воры воровать по старой памяти боялись, ну а потом... мы так металлоприёмки все поприжали, что сейчас у нас лом железный под каждым кустом валяется! Ржавеет. Пора в общем, обратно раскупоривать, а то столько добра пропадает!

А вообще насчет добра: станки, металл и прочее, как понимаю, «друзья» из-за океана, пока тут были, для себя и придерживали старательно. Чтобы потом, как всё совсем развалит, либо вывести и переплавить, либо тут же и восстановить. Запустить своё производство на наших же станках и поражать всех немецким качеством.

Ведь они, сразу после того как к нам в страну пришли, да Москву себе к рукам прибрали, старательно следили, чтобы все заводы города стояли заброшенными и не работали, но при этом никто туда не под каким предлогом не проникал, и ничего оттуда не воровал. Для себя берегли, для себя! Благодаря чему мы в итоге, после «двойного переворота», сумели в самые кратчайшие сроки восстановить основные производственные линии города.

Оборудование значит, есть, раз станки не уперли. Да, старое, но на первых порах сгодится. По крайней мере часть! Еще часть пожалуют на безвозмездной основе «соседние» предприятия, отдав в дар молодому дитю своё старое оборудование, оставшиеся после модернизации. Ну а остальное... дадут в дар парочка сердобольных производителей станков!

Они мне явно должны за полную свободу от налогов и проверок! И я бы им конечно устроил шмон, да придраться не выходит — работают честно! Зарплату платят, продукцию выпускают, нареканий нет. Так что под капот не заглядываю, раз не стучит.

Забавно конечно, что дарить они будут оборудование тоже станкостраительному заводу. Только станки он будет гнать несколько иной направленности, так что не конкуренты, могут

расслабится. Ну а люди... да их тут полно! Хоть лопатой гребь! И жилья в том районе сейчас валом, никому оно там особо не нужно, в масштабах столицы конечно. Ездить оттуда до иных предприятий далеко.

Так что... Стоп! А что я тогда парюсь!? — соскочил я со стола — Вот же! Вот оно! Всё есть! Хоть завтра в производство! Надо только найти пару человечков, что во главе угла встанут, да коллектив соберут...

— Тяжко... — простонал опять падая на стол. — Где моя Нинель?!

С ней так все было просто! Садись рядышком, проводишь собеседование с кандидатами, а она потом говорит, кто, и о чем, думал. Кто нас голыми представлял, кто воздушные замки лепил, кто деньги считал, а кто заводы строил. И всё! Берешь последнего, указ в руки, человечка-другого, так же отобранного, в помощники, и они за пару месяцев пустую территорию обращают в почти готовую пром-площадку!

А сейчас... вот откуда мне знать, у кого там что в голове?! Да и времени нет, собеседования собеседовать! Масштабы предприятий упали малость, их важность для страны уже тоже не та, а времени у меня стало в разы меньше. Ведь я засунул свой нос в еще большее количество дырок. Настолько большое, что часть из них уже вынужденно бросил! Вон, образование в пример!

А ведь это плохо! Когда берется кто-то за дело, и бросает! Хуже, блин, и не придумаешь! Кому-то потом пытаться разгадать чей-то план, и начинать двигаться в иную сторону от уже намеченной цели, теряя уже пройденный путь. Так что мне надо поменьше вот так вот дёргаться, и побольше делегировать полномочий.

Назначить пару уже проверенных людей, на роль кадровиков, моего недоминистерства. А еще... прекратить уже подворовать для своих хотелок из бюджета! Министр финансов, бедняга, вон уже икает в припадке! Ведь решётки — не помогли! И я его пару дней назад уже видел всего бледного, идущим со свечкой в церковь.

Иван, по батьке Николаевич, всегда обожал свою сестру. Это тянулось еще из очень глубокого детства, когда мальчишка, еще не отдавал себе никаких отчетов о собственных действиях. Когда он был совсем маленьким, и мог разве что неустанно плакать.

Сам Ванька этого не помнит. Не помнит о и слез, своих и матери, ни вереницы врачей, сменяющихся друг за другом как в калейдоскопе. Ни бесконечного недомогания, граничащей с попаданием в реанимацию. Он знает только, что тогда был очень слаб. А остальное — осталось за бортом сознания паренька.

А еще он не столько знает, сколько чувствует, что и тогда его сестра была неким лучиком надежды, комнатным солнцем, что вторгаясь в дом, всех согревало своим теплом. Она всегда, удивительно точно чувствовала, что нужно маленькому Ване, никогда не путая «агу» на обмочившие пеленки, с «агуг», на желание пожрать.

Всегда помогала по дому маме. Прибиралась, стирала, готовила... и даже делала какой-то ремонт в квартире! Всегда была максимально полезной, пусть и бывала дома всегда редко. Почему так? Мальчик никогда не знал. Скучал, но терпел. И сейчас не знает ничего, но все так же терпит, стараясь не задавать лишних вопросов.

Однако, один вопрос его все же беспокоит невероятно: фигуральное выражение «комнатное солнце», которым он обозвал сестру еще тогда, когда ему было три, вдруг оказалось вовсе не фигуральным. Он вдруг понял, что от неё и правда, в физическом плане! Веет как от печки, что можно погреться даже не касаясь. И в тоже время, сама кожа сестры, мертветски холодная, словно неживая материя. Или вообще — камень.

Так было всегда! Просто он не замечал. За оболочкой «теплоты», вводящей в замешательство рецепторы, сложно уловить истину. А сам факт излучения, слишком легко списать на что-то иное, обычное, житейское. Что и происходило, и происходит, наверное, со всеми людьми, встречающимися на пути его дорогой сестры.

Однако он вдруг прозрел. Неожиданно, и не приятно. Когда случается такое горе как у него, многие вещи в жизни начинают подвергаться сомнению, и переосмыслению. Ведь он не просто потерял родителей, где-то там, с ужасной весточкой по телефону или в конверте. И травмой психики, с мыслью «слова тоже могут ранить!». Ведь фраза «они мертвы», реально была бы тяжела к восприятию. Но нет, для него это не просто «смертельные слова», которые нужно лишь услышать, осознать, принять.

Он был там! Рядом! Не видел, но слышал! Их голоса, тихие перешёптывания из-за удушающего воздуха, что совсем не хочется в себя вдыхать. И последние слова... последние вздохи. Он... пытался кричать, пытался их звать, пытался сделать хоть что-то. Но... он сорвал голос криком еще в тот момент, как рухнул дом, и больше не мог даже сипеть, лишь беззвучно выпускать из себя воздух. И о вообще думал, что навсегда остался «беззвучным призраком».

Его зажало между плит в карман, фактически равный его размерам, что и пошевелится не выходило, не говоря уже о том, чтобы начать стучать и брнчать, призывая на помощь. А прямо через стену от него... так невысказанно близко, и далеко! Лежал отец, придавленный плитой, и мать, пытавшаяся что-то с этим сделать.

Они кричали, они звали... но ничего не происходило. Где-то вдали работала техника, кричали и стонали иные люди, но в глубине завалов, где они оказались, практически ничего

не происходило. Лишь изредка доносились голоса спасателей, просивших то помолчать, то наоборот поорать, и проходили легкий волны вибраций, знаменующие не то успешное вскрытие области с людьми, не то складывание плит в стопу, обрывая чьи-то жизни.

И будь Ванька, мальчиком обычным, любящим мультики, комиксы и анимэ, таким, как, наверное, все его одноклассники, он бы в такое время начал мечтать и думать, что это же подходящее время для пробуждения суперсил! Стал бы пытаться прожечь стену над собой, лежащую словно крышка гроба мавзолея, взглядом, порвать сковывающие его бетонные оковы усилием плеча, стать вдруг нематериальным... или еще что, на что хватило бы детской фантазии, или фантазии автора, видимых ребенком популярных произведений.

Но Иван не был фантазером. Он был с рождения реалистом. И он понимал — бетон есть бетон, и не в человеческой власти его разрушать усилием руки. Никогда ты маленький мальчик, а бетон вполне нормальный. И что материя, есть материя, и сквозь неё нельзя пройти. И глаза, если свет и испускают, то им нельзя разрушить все тот же пресловутый армобетон. Так что нужно оставить глупые, бессмысленные попытки наивным дурочкам, и экономить силы, дабы не умереть под завалами от простого и банального обезвоживания.

Так прошли мучительные часы... пока воздух вдруг не стал вязким, и тяжёлым. Горьким, словно полынь, а сознание, не решило, что пора уходить. Он думал, что это лишь у него так. И что виновата ограниченное пространство, и невозможность пошевелится. Что у него банально затекли мышцы! Или устала та самая «диафрагма», место нахождения которой в своём теле он не знает, но слышал, что именно она работает при дыхании «животом».

Но за стенкой прозвучало:

— Так тебе достанется больше воздуха. — голосом отца.

И почти истеричное от мамы:

— Не смей! Не вздумай!

После чего мальчишку оглушил крик. Крик безутешной женщины, что оборвался в один миг, как и возник, словно женщину окунули под воду. И воцарившаяся тишина... была набатом.

Иван бился, Иван пытался... но ничего не выходило. Глаза уже потеряли способность из себя извергать слезы! Стали липкими, и даже пыльными... отчаянье его полностью поглотило. И он не помнёт момент, когда его наконец извлекли из-под завала.

Не помнит и момента как оказался в больнице. Не помнит и того, как добрался до приюта, и даже того, как и почему, оказался именно там. Помнит только, как кивнул на своё имя кому-то из врачей, а остальное... всё где-то теряется, в тумане забытья.

И сколько так продолжалось, мальчик не знает. Знает только, что физически, восстановился он невероятно быстро. Подвижность рук, ног, голос, зрение, слух и обоняние. Всё вернулось в норму, словно ничего и не было, но вот душа и дух, остались поражены, разодраны, уничтожены. Он не обращал ни на что внимание. Сидел, уставившись в одну точку, и вообще... был словно под гипнозом! Пока, чисто случайно, не услышал знакомое имя, фамилию, отчество.

И он даже не знает, кто их произнес! Кто-то из других детей, коих было вокруг не много, но вполне достаточно для создания бесконечной болтовни и «фонового шума». Взрослые, которых вокруг него было нередко больше даже детей. Какие-то врачи, педагоги — он не знает даже человек ли это был! Или же вообще — телевизор в комнате отдыха.

Важно иное — услышав имя, он словно ожил! Всплыл из небытия, вспомнил, кто он

есть. Осознал, что у него по-прежнему есть сестра! Просто она где-то там, и не знает, что он тут. Надо просто её позвать! Сообщить! — и мальчишка начал действовать незамедлительно.

Сначала — путями законными. Через взрослых. Просил разыскать её, сообщить в газету или на ТВ, хоть как-то кому-то сообщить, что он не сирота, и у него есть сестра. Но... встретил на этом пути буквально железобетонную стену непонимания, сравнимую с той, что были в его темнице под завалом. И нежелание что-либо делать, сравнимое с тем, какое у него было до момента «всплытия».

«Бедное, бедное дитя! Так настрадался... что придумал себе несуществующего родственника» — так говорили они, когда думали, что мальчик их не слышит — «ну ничего, такое бывает. Кто-то вообще считает, что родители на самом деле живы, даже если умерли на их глазах. Порой даже обвиняют нас, что это мы их к ним не пускаем!» — говорили на это другие, и Иван вновь осознал, что надежды на то, что всё само наладится нет.

И он начал действовать «нелегально». Пробираясь в комнату персонала к телефону, и звонит на все номера, какие только знает. Начиная от номеров экстренных служб, и заканчивая теми телефонами, что знал и помнил.

Но его ждал облом. Хотя телефон милиции оказался самым продуктивным, и к ним, в детдом, даже приезжал наряд с проверкой... результата это не дало. Милиционеры прибыли, с ним и взрослыми переговорили, убыли с печальными минами. Ваня понял, что они поверили взрослым, а не ему. Остальные же известные ему телефоны... толку не дали вообще. Отвечающие с того конца люди, вовсе не были ему знакомыми.

Куда-то пропали все его одноклассники, чьи телефоны он набирал. Учительница из его школы, милостивая и чем-то отдаленно похожая на его мать, только высокая, аки каланча, и худая, словно фонарный столб, вдруг стала очень грубой и басовитой, с матом через слово. А телефон сантехника вообще привел в морг. И Ванька попытался сбежать.

Но... буквально выйдя за порог, понял, что он совершенно не представляет куда ему идти! Куда бежать? К кому обращаться? И будучи человеком практичным, решил вернуться. Решил, что нужно сначала все продумать! А не нестись сломя голову в темноту, словно испуганный зайчишка.

Решил, что возможно ему поможет интернет! Ведь пусть в их доме и не было компьютера, но он был у многих его одноклассников! И плюс-минус, как этим чудом инженерии пользоваться, он понимал, и верил, что разберется, если выпадет шанс.

И он выпал! Ему даже стараться толком не пришлось! Хватило отговорки, что он желает поучиться через самоучитель, дабы не отстать от школьной программы, и вот он — доступ к компьютеру получен! Рисковый выстрел наугад, оказался снайперским! Хоть о этом «самоучителе» мальчик только где-то как-то слышал, и никогда, ни он, ни его друзья, не видели и даже не представляли, что это такое. Но взрослые, почему-то поверили, и с какими-то странными улыбками на лицах, компьютер выделили.

Правда, на данном аппарате, никакого самоучителя не было. Он проверил, хоть немного разобравшись в криво переведённой на русский системе. Зато было много, очень много! Игр! Которые по идее, должны были привлечь мальчика, но не привлекли.

А вот то, что к компьютеру не подходил провод от телефона, или иной кабель, помимо сетевого, и сам компьютер в сеть никак не выходил — опечалило. Но ненадолго — мальчик еще до того, как ему разрешили свободно «играть» за выделенным в пользование аппаратом, заметил, где хранятся все запасные части для этих «компьютеров». И там он довольно быстро нашел нужный провод.

А соединить его с «маршрутизатором» в соседней комнате было уже делом техники. Достаточно было проковырять отверстие в стене подле трубы отопления, где бетон заменили чем-то непрочным, хрупким, и легко крошащимся под ложкой, да просунуть в отверстие кончик кабеля. Затем пробраться ненадолго в комнату персонала, подсоединить к устройству с множеством подходящих дырок и сбежать! Никто ничего не заметил, и обнаружить провод за шторкой вовсе не так просто, как может показаться если об этом просто кому-то рассказать.

Так что весь труд, по получению доступа к сети и компьютеру, отнял у него всего то два дня. И оказавшись «на просторе», мальчик принялся искать хоть что-то, чтобы могло ему помочь. Вбивать в поиск своё имя-фамилию, и получать пустоту. Имя-фамилию отца — и получать геройские звания, и статус — мертв. Имя-фамилию матери — и вновь наткнуться на пустоту.

Искать сестру, и понимать, что она не может быть тем человеком, который описывается в выпавших статьях. Особенно в тех, где её обвиняют чуть ли не в массовых убийствах маленьких детей на глазах у их родителей. А уж статья о её лидерстве в восстание и главенстве в свершившемся перевороте, так вообще позабавила! Как и статья, о назначении этого человека каким-то там федеральным министром, опечалила совсем. Свою родную, добрую и милую сестру, ему таким путем, точно не найти.

И мальчик стал тыкаться во все, что только можно! Подавать какие только можно запросы! Писать в какие только можно службы! И в ФСБ, и в МВД, и даже на странный сайт КГБ заходил, хотя со слов отца, этой организации уже не должно было бы существовать. Тыкался везде, куда только мог попасть! Но ничего не помогало.

И к нему вновь постучалось отчаянье. Ему вдруг стало казаться, что он и правда всё это выдумал! Что не было у него никогда никакой сестры. Что он всегда был единственным ребенком в семье. И что... ему никто не поможет! И крышкой гроба в этом вопросе стали его документы, что он нашел в комнате персонала, еще раз туда тайком проникнув.

Строка родители — мертвы. Строка родственники — нет! НЕТ! Мальчик фактически вновь замкнулся в себе. Вновь перестал обращать внимание на окружающую реальность. Ел, пил, и спал, смотрел всегда словно бы в никуда. В пустоту... пока...

Он хорошо помнит этот миг! Он сидел на полу у двери, навалившись спиной на стенку. В комнате играли дети, что уже привыкли к его поведению, и не докучали. А ему же самому, были не интересны эти детские игры. В коридоре за стеной, слышались шаги, голоса... знакомое чувство, вошедшего в помещение «солнышка», что согревает даже сквозь бетон. И... возглас, что стал для него подобием удара в колокол, боевой тревоге в ракетной части.

«Ну вы же понимаете...»

Пусть и «проснувшись», мальчик тогда не поверил, что это правда. Поспешил подняться, посмотреть, что там, кто там... естественно, с ходу встать у него не вышло, так как все мышцы в теле затекли от безделья. Но ему, как ни странно, помог один из занятых «своими делами» мальчишек, которому видимо стало интересно, чего это «овощ» так засуетился. И они успешно выглянули в коридор вместе.

Тетенька из воспитательниц, неизвестный крупный мужчина, и... девушка, чем-то отдаленно похожая на его мать. И на его «выдуманную сестру». Все трое были в там. Все трое смотрели на него. Но Иван уже знал, был твердо уверен! Что эта невысокая женщина рядом с рослым мужчиной, пусть и имеет иное лицо, но совершенно точно является его обожаемой сестрой.

Он чувствовала это буквально всем своим телом! Но всё же... мгновенье, сомненья, и вот он уже бежит как пятилетний, размазывая по лицу слезы, сопли, и бог знает, что еще. Кричит как полоумный, и ничего пред собой не видит.

Он уже больше не сомневается! Он все отбросил! Он точно знает... однако, буквально спустя пяток минут, он осознает, что его сестра, никогда и не была человеком.

Пришелец? Об этом же вроде даже в новостях говорили. На одном из платных каналов вроде как даже шоу идет с их участием. Сам Иван не видел, у них такого нет, но мальчишки в школе рассказали. Однако, они все утверждают, что «пришельцы», «бессмертные», от людей почти неотличимы!

У них нет клыков, когтей, чего-то еще. Они обычные люди! Но только сильнее, быстрее, выносливее и живучее. А еще, умерев в одном мере, они переносятся в другой, как постоянные герои аниме. Но Саша иная.

Её холодное и твердое как скала тело, не похоже на человеческое. Её волосы, словно живут своей жизнью и имеют меж собой связь, похожую на связь двух магнитов, благодаря чему, её причёска всегда сохраняет свою форму. А её уши, прячущиеся в этих странных волосах, уж точно не принадлежат человеку.

Иной пришелец? А почему нет! Где есть один, будет и еще! Но сестрой она ему, для него, быть не перестает. Даже если сестрой она ему никогда и не была. Ну а зачем ей это, почему она это делает и для чего всем врет — не его ума дело. Все эти вопросы, лучше так и оставить навсегда без ответа.

Однако... дальше все совсем завертелось, и мальчик запутался окончательно. Куча странных людей в обмундирование, с которыми он просидел ночь, и которые его всяко баловали и подкармливали. Шутили, пытались развеселить, но он думал лишь об одном — не пропадет ли сестра вновь? Как тогда!..

Походы по неясным, но очень богатым кабинетам. Столица, с перелетом в неё на самолете, где никого кроме этих странных людей, его и его сестры, и не было. И он не думает, что это нормально. И гостиничный номер, в котором его поселили.

И все это люди! Живые люди! Настоящие! Похожие на отца военной выправкой, находящиеся без конца вокруг её сестры, словно она центр мира и для них. Сама сестра, что чувствует себя среди этого всего как дома. И... да кто она такая?!

Ванька буквально кожей чувствует, что встрял в какое-то крупное дело. В какую-то тайную или явную правительственную организацию, и... его просто распирает детское любопытство, что приходится до крови прикусывать язык, и лишь наблюдать. Отец ему довольно понятно объяснил, что большие знание, всегда ведут к большим проблемам. И знать всегда нужно ровно столько, сколько сможешь потянуть.

Но сколько это для него? Впрочем, сейчас это уже не важно — сестра пришла за ним, он почувствовал её приближение в тот же миг, что она поднялась на этаж.

— Десять, двенадцать, тринадцать... — начал считать мальчик тихонько, в тот момент, как ощутил приближение «тепла» — четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать... — щелкнул замок, и он прекратил счет.

Потом, когда будет время и возможность, примерно посчитает скорость движения сестренки, и отсюда выведет дальность действия изучения её «солнца». Математика всегда была его любимым предметом! И то, что преподавали в школе уроках, на тех, что он успел посетить, класса первого, как и втором, для него всегда было детским садом ясельной группы, ведь он это изучил еще когда ему было четыре! Сейчас же у него на уме логарифмы

и мат анализ! Он не до конца понимает, что это, но то, что всё же хоть как-то понятно из найденной под кроватью номера книжки, выглядит интересным.

— Привет, мелкий! — поприветствовала его сестра с порога — Как поживаешь?

Ванька, мудро проигнорировал откровенную провокацию, с указанием на его возраст и рост, решив, что реагировать на такое будут только неуравновешенные дети, ответив сходу на вторую фразу родственницы:

— Нормально, а у тебя как дела? — и мальчик не сумел отказать себе в маленькой шалости, бесцеремонно заглянув в один из принесенных сестрой пакетов.

Между прочим, эти два пакета, вешают, наверное, больше меня самого! — неловко подумал мальчишка, попытавшись отодрать один из кулей от пола — Килограмм тридцать, наверное!

Но тому, что сестра несла их так, будь то они невесомые, он ни капельки не удивился. Её чудовищная сила, стала ему хорошо известна еще с самого начала первого класса школы. Когда один из одноклассников, пригласил его к себе домой «поиграть в приставку» и он вдруг узнал, что вообще-то не все старшие сестры могут поднимать диваны одной рукой.

— Ваня... надо поговорить — произнесла вдруг сестра, уже после того, как разложила оба пакета по полкам стоящего в комнате холодильника.

— Я слушаю. — запрыгнул мальчишка в кресло, сев с важным видом, по одному тону поняв, что разговор предстоит серьёзный, не детский.

— Тебе не стоит оставаться со мной...

Мир мальчика рухнул. Мгновенно. В пропасть. Но будучи готовым к чему-то подобному, он быстро поднял свой мир обратно используя заранее приготовленный пиропатрон.

— П-почему? — сказал он как можно более уверенным и беспристрастным голосом, хотя в реальности он дрожал как последний лист на ветру.

— Понимаешь, со мной опасно! — заглянула она ему в глаза, сев на диван рядом с креслом — Живя, даже не рядом, а просто в зоне видимости подле меня, ты всегда будешь находится под прицелом! Всегда... будешь добычей для множества охотников. Всегда будешь...

— Обузой? — уточнил мальчик, отщелкнув в своей душе пиропатрон за номером два.

— Ну, можно и так сказать — отвела она свой взор и улыбнулась — Но дело не в этом. Для тебя же лучше жить не со мной, а с другими людьми. — взглянула она вновь на его лицо.

А Ванька щелкнул третью и последнюю капсулу, «поднимая свой мир» обратно, веселой фразой «сестра меня всё равно любит!»

— Но я же все равно смогу видятся с тобой? — натянуло улыбнулся он, неотрывно следя за её мимикой и движениями.

Сейчас совет! Сейчас сто процентов совет! — прорезался тонкий писклявый голос из детства, почему-то звучавший как голос одного из одноклассников, и большого любителя азиатского творчества — Это ж канон! Классика! Так всегда бывает!

— Нет. — ответила сестра не отводя взор, и мальчик защелкал пустыми ячейками «пиропатронов» — Ведь тогда мишени появятся на всех, кто тебя окружает. А не только на тебе. На твоих новых родителях. На твоих новых братьях и сестрах — нормальных сестрах, а не мне! — прижала она руку к своей груди — не бессмертных. — отвела взор — На всех, кого ты будешь знать! Это не приемлемо, понимаешь?! — вновь подняла взгляд — Они

хорошие люди, поверь! Они о тебе позаботятся. С ними у тебя не будет проблем. С ними у тебя будет нормальная жизнь, детство, юность. Друзья, семья, любовь...

И еще тысяча причин, почему ему стоит жить с ними, некими «хорошими людьми», а не с ней, странной «бессмертной», лилась на мальчика словесным потоком, пока тот, отчаянно крутил ручку домкрата, поднимая свой «вновь упавший мир». «Пиропатронов» оказалось лишь три, но он действительно рад, что прихватил с собой «домкрат», а иначе бы... уже давно бы сорвался в истерику, и пищал что-нибудь по типу «Не хочу! Не буду!».

— Понимаешь ведь? Ты же у меня всё понимаешь — вновь улыбнулась сестренка, и заключила паренька в крепкие объятия.

— Нет. — прошептал тот еле слышно у её уха.

— Что? — отстранилась она.

— Нет. Я не поеду ни к каким иным семьям! Не поеду. Пусть они хоть сто раз хорошие! Пусть живут там, без меня!!! — и мальчик понял, что как бы он ни старался, а хладнокровие его подводит, и глаза тоже, начав извергать из себя излишнюю жидкость — Не поеду! С тобой... — положил он руку ей на грудь — с тобой останусь. С тобой! — воскликнул он, голосом, срывающимся на писк, и покраснев от стыда, опустил лицо вниз — А если я тебе мешаю... так мне много не надо! Еды, что ты принесла, мне хватит минимум на месяц! А если экономно... и более! Я не много ем!

— Не надо экономно. — проговорила сестрица, вновь его обняв, а детский разум все же взял верх над последними зернами хладнокровья, и мальчик разревелся навзрыд.

— Учебу... — прошептал он едва слышно, и сквозь слезы, когда истерика маленько отпустила, и не сомневаясь даже, что сестра его слышит, ведь у неё хороший слух! — Учёбу я могу продолжить и дома! Математику я и так знаю до шестого класса. Русский... можно переписывать книги и брошюры, выправляя подчёрк — перевел он взгляд на полочку с тремя рекламными проспектами, идущими «в комплекте» с номером в этой гостинице. — Так же заучивая их как стихи. Изо и труд... можно опустить. Английский бы только подтянуть. — шмыгнул мальчишка носом — И все же пару книг по математике бы стоило иметь... мат анализ... там ничего непонятно!

— Эх, Ванька, Ванька... — тяжело вздохнула Александра, и отстранилась, разглядывая заплаканную мордашку своего братца — И что мне с тобой делать?

— Любить и не прогнать? — робко проговорил он, шмыгая носом.

И тут, неожиданно прорезавшаяся логика и врожденная наблюдательность, постучались в его разум. Он вновь положил руку на центр груди своей, немного озадаченной его поведением, но все так же находящейся рядом, сестры, начав считать в уме.

Девяносто девять, сто, сто один, сто два, сто три... — он досчитал до ста пятидесяти! Но... сестра за это время не просто не сделала ни единого вдоха, но и сердце... звука ударов сердца сестренки он так и не почувствовал сквозь тонкую ткань домашней одежды родственницы! Мертво, тихо, словно кусок гранита!словно неживая статуя... или робот.

Но... если она не дышит, то как говорит? Неужели и правда, механизм? Такое возможно?

— Сестра... — проговорило он вновь еле слышимо.

— Да? — донеслось из её рта.

Вдох! — заметил мальчишка — Только чтобы сказать?!?! — ужаснулся он своей догадке.

— Сестра...

— Что? — скорчила она непонимающею мордашку.

Снова вдох! Мгновенное расширение грудной клетки, и тут же выпуск воздуха с речью. И вновь словно неживой механизм. Без ударов сердца, свойственные любому живому человеку — приложил он руку к своей груди, внутри которой, словно птичка в клетке, бьется его сердечко, перекачивая кровь — Ни дыхание, нужное всем, и из-за которого тогда ум...

На глаза мальчика, навернулись слезы из-за воспоминания о последнем миге жизни родителей, и он с трудом выдавил из себя очередное, непонятное, еще больше озадачивая родственницу:

— Сестренка, ты...

— Вань... ты чего? — взяла она его за плечи, понимая, что сейчас опять будет истерика и литры слез.

— Сестра, твоё сердце! Оно... — пропищал мальчик, глядя ей в глаза.

— А, ты об этом — обворожительно, и лукаво, улыбнулась она в ответ — Его у меня нет. Такая вот я бессердечная су...

Глава 14 — Группа проникновения

«Игровая приставка, не требующая подключения к сети! Играй без проводов!» — гласит надпись крупным шрифтом на рекламном баннере. Но привлекла моё внимание к данному транспаранту не эта строчка, а надпись чуть меньше, гласящая: «вечный двигатель в мире развлечений».

Ну... этого стоило ожидать. Того, что подобное появится на нашем рынке продаж. Как ни крути, пусть Россия и сопротивлялась дольше всех внедрению не до конца изученной технологии в быту, но в конечном итоге сдалась под напором «страждущих» и издала резолюцию, позволяющую применять «перпетум мобиле» чуть ли не везде.

Телефоны, компьютеры, вот, игровые приставки... и теперь это всё рекой хлынуло из-за бугра к нам сюда. Не сказать, чтобы запад, всё это на наш рынок прямо вот так, в открытую, пропихивал, но тем ни менее делает всё, чтобы наши люди этого желали.

Да и своих граждан на подобное ноу-хау уже неслабо так подсадил. И пусть, кофемолок и комбайнов с питанием от сердца пришельца еще пока не выпустили из-за редкости и дороговизны главного сырья, но вот кофемашины... у них уже есть. А у нас о подобном еще даже не слышали, и варят кофе на плитке в турке. Приметив...

С другой стороны, тотально отставая по отрасли быта, мы держим весь мир за гланды в области «вечного» инструмента. Бензопилы, которые уже не бензо, резаки, перфораторы... идет работа над «вечным мотоблоком». Но, боюсь, его цена будет астрономически-неприемлемой, и его разработка — лишь распил бюджета.

Вернее, знания, полученные при изысканиях, точно пригодятся! Максимальная мощь в минимальном объёме — это всегда круто! Но сам мотоблок... игрушка для богатых, которым она будет не интересна.

Даже государству не интересно! В отличии от тех же резаков и электроножниц, которыми планируют уже в ближайшее время начать оснащать спасателей и пожарных. Пока правда, лишь в качестве эксперимента и теста.

А вообще, странно! — закончил я разглядывать витрину магазина электроники — Откуда у запада столько камешков тварей? Их меньше падать конечно же не стало, скорее даже количество явлений магмойдов лишь растет от года в год, но вот мы западу продаем сей товар с каждым годом все меньше и меньше.

А на нашу долю приходится треть от всех вторжений на планету! И половина от всего добываемого в мире. Большие территории, позволяют без риска для населения принимать большее количество «посетителей», не сбивая их на подлете. С того момента, как факт вторжения вышел из-под ковра, запад больше не может сжигать дотла собственные города, дабы прикрыть высадку и зачистку.

А западные фирмы тем временем, по мимо всяких мобильных устройств, планируют начать совать камешки и во изделия стационарные, типо той же кофемашины. Что-то тут не сходится! Неужели и тут, идет утечка? Надо бы совершить рейд по складам, проверить отчеты, да провести ревизию запасов пока еще не поздно.

— Чтооо!? — протянул я ошарашенно смотря на своего помощника, что наконец-то выздоровел, и стоит предо мной на обеих ногах.

И я снова, в своём кабинете. Родном, родимом, небольшом... с обоями, в цВяТоЧек! Розовый... и шторами с единорогами на окне — убью, если узнаю кто их сюда повешал! Закопаю нафиг идиота! Они слишком сильно контрастируют с заряженной винтовкой на стене!

— Делегация от Казахстана прибыла, всем штабом, во главе с их президентом — довольно чопорно, полностью игнорируя мой вид, отозвался мой, теперь уже, первый зам.

Ведь у меня их три! А еще есть две машинистки и секретарша! Развели бюрократию! И даже приёмную теперь использую! По назначению, а не как кладовку, посадив туда сразу трех баб. И они теперь там... разводят сплетни обо мне — уволю нафиг! Всех!

— Странно... их же нет в расписании — проговорил я, сверившись с планом «мероприятий» — И еще и что бы вот так вот, всем штабом к нам приперлись... что-то тут...

— Александра! — открылась дверь ко мне в «покои» и без намека на вежливость и стук.

Ввалился зам за номером вторым, вбежав в кабинет словно он горит. И ладно хоть на дверях имеются доводчики, и закрылись они сами, не дав «сестрицам машинисткам» погреть свои длиннющие локаторы, что такими темпами скоро начнут соревноваться с моими в размерах.

— Александра... — проговорил он, уже тише, и опасливо огляделся — У вас рация сломалось.

Я, потыкал в висящие на шее наушники пальчиком, попробовал связаться с дежурным или хоть с кем-то — не услышал ответа. Как и реакции на нажатия кнопки сброса, что обычно приводило к душераздирающему визгу и скрежету откуда-то изнутри.

— Допрыгались.

— На передачу она еще работает. Вас слышат, но вы, как понимаю, нет — проговорил мой второй зам, и я, осознав смысл услышанного, поспешил проинструктировать своих ребят.

А-то ведь у них там уже небось паника! Я говорю, и я не слушаю... ааа! Демоны!

— Кхм, но я пришел не поэтому — прокашлялся мужчина — На границе проблемы.

— Поляки?

— Они. Что б им! — кивнул на это человек — Сцепились с литовцами.

— Я думал у них союз — проговорил я, и понял, что мне бы пора поторопиться на встречу «жителей степи».

— Был союз. Был. Но гордые жители польского княжества, решили, что им ни к чему такие слабые друзья.

— А эстонцы что?

— Пока молчат. Но как вы понимаете...

— Сметут Литву — задумался я, выходя из-за стола — Сметут и Эстонию. А их сметут! И быстро. И чего это они зашевелились спустя столько лет?

— Нарастили боевую мощь, и хотят увеличить зону соприкосновения. — пояснил мне, что я и так знал, мой первый зам — Они и так уже нас измотали своими бесконечными перебросками, и учениями вдоль самой границы. Собирая кулак то тут, то там, заставляя нас стягивать армию именно к этой точке.

— А так мы будем делать всё тоже самое, но только на большей территории.

— Не сможем.

— Да знаю я. — вздохнул я, глядя на своих заместителей — У них и армия больше нашей! Той части наших сил, что мы можем там держать. И полная свобода действий введу

крепкого тыла. И снабжение. И отсутствие сдерживающих факторов. Не будь они столь трусоваты до реальных боестолкновений... шрет! Сейчас ведь на Литве, окончательно обстреляют свои армады, как до этого на словаках с венграми, и... — прикусил я губу до крови — и финны ведь тоже шевелятся как назло...

И если казахи сейчас пойдут под запад... это все! Чисто, окружение и полная блокада. С востока — дальневосточная республика с неясными целями и политическими взглядами. Впрочем, почему не ясная? Там население неясной принадлежности, как в Америке времен начала экспансии! А вот взгляды то вполне ясные — не зря же эту территорию у нас оттяпывали американские пехотинцы под флагом миротворческой миссии.

С юга — ватная Монголия, что из себя ничего не представляет, Китай, который так или иначе, а пляшет, и не под нашу дудку, причем просто за еду. Турки, что подмяли под себя весь Кавказ! И жаждут захватить себе все черноморье, для начала, так сказать. Ну и вот, казахи...

А с западным направлением уже все определено! Финны и поляки — суша, и шведы — надежная блокада моря. Очень веселое трио, однако. И ведь как были поляки дружны с литовцами да эстонцами, когда отбирали у нас Калининград, да кушали Латвию поровну. Ох как дружны...

И все же плюс в уборке этих сателлитов княжества есть — граница станет монолитной. Ведь сейчас именно через территорию Эстонии и Литвы, идет основной товара оборот со всем остальным западным миром. Не самый, надо сказать, нам интересный. Мы им нефть, они нам сникерс. Ведь эти страны, типо, нейтральные... о чем они конечно не помнили, когда вводили танки в наш мирный город, еще в далёком две тысячи шестом.

И с такими мыслями, я побрел в сторону зала совещания, куда уже прибыла делегация от бывшей союзной страны. Правда, дойти до туда не успел — ситуация на границы за эти две минуты совсем усугубилась. Начав стрелять друг в друга, две воюющие стороны зацепили и нас, как бы невзначай. Что, по сути, является началом войны! И требует неотлагательных действий и решений. И желательно — на месте происшествия.

Но мин обороны на совещании, да и не поедет он туда, четко осознавая, что будет значить для страны, если он там бесславно погибнет. Как в политическом и психологическом формате, так и в управленческом. Как не поедет туда и иной генерал из верховной шишки, если конечно уже там не находится. Так что мне ничего не остается, кроме как срочно вылететь на передок самому, и быть в одном ряду, со своими солдатами.

— Ну что парни, готовы им устроить Варфоломеевскую ночь? — кровожадно усмехнулся я, глядя на свой маленький, но грозный, диверсионный отряд бессмертных, две роты армейского спецназа в полной выкладке, и экипажи четырех экспериментальных бронемашин прикрытия — Готовы пустить буйну кровушку? — мужики промолчали, но по лицам я понял, что готовы — Добро — перетекла моя улыбка из кровожадной в дежурную — Тогда действуем согласно плану. В бой не вступать, приоритет — разведка. Необходимо добыть образцы из вот этих двух лабораторий — на экране позади меня, появились спутниковые снимки зданий с прилегающими к ним территориями — Там разрабатывают новый вирус, что как понимаю, планируется выпустить погулять к нам в страну перед началом вторжения. Нам нельзя допустить, — вновь обвел я всех взглядом — что бы мы были против заразы словно голые. Вопросы?

Один из спецназовцев поднял руку, и я кивком головы, велел ему говорить.

— Нам нужны лишь образцы?

— Образцы, документы... все, что можем утащить без потери в скорости. Так что от взятия яйцеголовых языков, — кто-то в зале сдавленно хрюкнул — придется воздержаться.

— Выдвигаемся в шесть утра — взглянул я на часы, продолжив свой доклад, через пол минуты, выслушав свежий доклад от разведки «на ушко» от связного, ввиду неисправности своей радиации — Продвигаемся до этой точки, — на экране, с запозданием, появилась карта местности, на которой я ткнул в один небольшой посёлок, в стороне от дорог — там, согласно имеющимся данным, — карта сменилось новым снимком от спутника, что навеки запечатлел самое интересно — уже никого нет, и ни кто никого искать и не будет. — улыбнулся я, глядя на кострище пожара размеров с деревню — А учитывая наличие каменных строений... — вновь улыбнулся, а свежий снимок сменился снимком месячной давности — спрятаться будет где.

— На точке ждем вечера, и делимся на две группы. — продолжил я вновь, выслушав еще один доклад, но уже от группы наблюдения — К этому моменту бои в этой местности уже должны быть закончены, и фронт сдвинется дальше. А тыл же, еще не приблизится. И у нас будет время выполнить поставленные задачи. Вопросы? — поинтересовался я, видя, что кое кого из моих бессмертных братьев они прямо-таки распирают.

— Да... если это польская территория, как я понимаю, — сказал он и я кивнул, подтверждая это — то... почему деревня сгорела?

— Пограничная территория. — улыбнулся я лукаво — Торговля с соседями вне границ, не лояльное режиму населения, возможность убрать ненужных, не привлекая внимание, и все это разом! Зачем удивляться?

— Понял. — сел на место бессмертный человек.

А я, продолжил свой инструктаж. И уже через полтора часа, мои ребята ушли на смертельно опасное задание. Я остался в штабе. Наблюдать, командовать, рычать сквозь зубы...

Хоть наши дороги соседи и реально закусились не на шутку, об это говорит, как разведка, так и снимки со спутников. Да и поток беженцев, об этом говорит! Но при этом, что те, что другие, вот так прямо и норовят шмальнуть чем-нибудь в нашу сторону.

Хоть из пушки, хоть из дупы! Но горят невероятным желанием подгадить, даже если это не имеет практического смысла. А у нас уже есть трупы! А ведь я верил, что уж тут то ПРО работает как часики.

И оно в принципе реально работает! Но угодившая в одиноко стоящий сарай ракета, который, насколько известно, пустовал и никак не использовался, и до которого, естественно ни у кого дела не нашлось по объективным причинам, унесла жизни двоих. Тела еще не опознали, ясен лишь примерный возраст — шестнадцать-восемнадцать лет, и пол — мальчик и девочка. Чем они там занимались — вопрос не существующий. Биологией!

— Ох как тяжело... — пробормотал я, понимая, что язык у меня — мышца не тренированная!

И я уже отвык так много говорит вслух. А еще ведь приходится неотрывно сидеть в штабе «на телефоне», переключать каналы нажатием кнопок — прошлый век! И слышать время от времени возникающие, и ничего не значащие, помехи. Не говоря уже о том, что произносимые слышимой речью слова и коды, слышны всем окружающим! Как те, что

говорю я, так и те, что произносят для меня.

— Тяжко... — пробормотал вновь, закончив новый разговор, и потеревил по-прежнему висящие на моей шее, и уже ставшие совсем бесполезными наушники.

Они теперь и на передачу тоже не работают. Только как ретранслятор. Именно поэтому они до сих пор со мной, и на мне. Хотя, наверное, лучше их убрать в штабной сейф. От греха подальше. И пойти наконец избавиться от лишней жидкости.

Ночь... темно... — улыбнулся я, и потянулся, и вдохнул ночную прохладу полной грудью... стоп! Что-то не так! — понял, уловив что-то едва различимое в ночном воздухе.

Зашевелил локаторами, пытаюсь сопоставить чувствуемое со слышимым, вырезая стрекотание сверчков из «эфира» за ненадобностью. Звуки работы дизель генераторов в дали, электронной аппаратуры рядом, тихие переговоры меж собой дежурной группы солдат, скрип лежанок в палатках — всё это мне сейчас не нужно! А вот скрип кожи ботинок и шелест травы не в такт ветра вдали, со стороны границы — очень даже нужно!

И если прислушаться, растопырив свои большие уши на полную, я могу услышать не только это! Я могу слышать, как бьются их сердца! Сердца людей, передвигающихся практически бесшумной, неторопливо продвигаясь к нашему штабу, прикрываясь высокой травой бескрайнего поля, уходящего-куда-то вдаль.

Трава тут реально высока, и в ней можно легко спрятаться и днем. Бойцы вытоптали её только подле самого штаба! Справедливо рассудив, что мы тут ненадолго. И видимо... чтож, похоже, мы пошли за ними, а они — за нами. Хотя... их не сильно много! И не похоже, чтобы это была вот прям группа ликвидаторов, нацеленных на наше командование, или какую-то большую подрывную деятельность. Максимум взорвут какой-нибудь мост, два, если у них уже есть заранее спрятанные на нашей территории взрыватели и взрывчатка.

Но с другой стороны — я сейчас торчу вовсе не на самой линии соприкосновения! И довольно далеко от границе вообще-то! Значит — диверсанты уже проделали немалый путь до сюда. И их могло быть изначально больше. Сильно больше. И возможно, той границы уже и не существует.

— Эхе, аха... — закашлялся я, и сделав вид, что замерз, вернулся в штаб связи.

Тихохонько передал нужные коды всем, кому надо, сбросил с себя всё, что было лишним и могло меня самого выдать, в том числе и наушники, и прихватив с собой туалетную бумагу и все ножи, какие только нашел, спрятав их в трусы, вновь вышел на улицу.

— Хорошо! — вдохнул ночной воздух, полный освежающей прохлады, глядя на безлунное небо полное звезд словно блессток, и стелящийся легкой поземкой негустой туман.

И заметив ближайший кусты, отправился к ним. В них, собственно, и «потерялся», оставив сортирку торчать на ветке. Еще раз принюхался и прислушался — а может они пришли как раз за мной? Соблазнились столь близким миллиардом? Или по крайней мере сейчас, решили, что именно я — приоритетная цель.

Чтож, ночь длинных ножей все же состоится! — подумал я, и вынув из труханов первую пару лезвий, метнул их туда, откуда шел звук биения сердец. Достал еще один нож, и метнул его громко дышащему человеку на звук его вдоха. И судя по тихому скрежету, пронёсшемуся в ночи — попал точно в рот.

Сменил позицию, бесшумно перемещаясь в траве. Вновь прислушался — не, с отельными такое не провернуть. Они ползают, а не ходят на карачках. Им хуже! Вновь меняю позицию, двигаясь словно призрак, в такт ветра, что даже трава вокруг меня не

шевелится больше, чем по всему полю вокруг.

А вот и «просека»! Ну... сам виноват! «Догоняю» ползуна, делаю почти кошачий прыжок, приземляясь возле его головы, и тут же зажимаю диверсанту рот одной рукой, а вторая вонзает армейский нож ему меж шейных позвонков, попутно прихватив и сонную артерию.

Вновь меняю позицию, отскакивая от тела прочь. Понимаю, что мой «реальный» кустик уже окружают семеро, а восьмой — ползет к телу зубастика, тяжело дышастика. Понимаю так же, что надо бы оставить и пару язычков...

В два прыжка, достигаю того, что уже дополз до трупа с кухонным ножом во рту. И за мгновение до того, как он заорал, как видно решив забить на конспирацию, и наличию рядом вражеской армии, поняв, что их и без того раскрыли, сворачиваю ему шею.

Остальные меня потеряли, и расползаются по округи в поисках. Это и к лучшему! Хотя и двое из них поползли в сторону штаба связи. И похоже для обычных людей — они невидимки! Зато вот для меня, с моим слухом и нюхом, они тут все, как красные огоньки! И тот огонек, что посмел присесть, и высунуть глаза над травой, тут же за это поплатился, мгновенно умерев от глубокого проникновения металла в черепную коробку. Правда я лишился последнего ножа!

Чтож, мне ж нужны языки! — и с этой мыслью я догнал еще одного диверсанта, что... успешно пережил мои два удара в свою грудь, и даже схватился за нож на поясе, пусть и отказался кричать, как предыдущий голосистый. А в этот миг, со стороны штаба, донеслась автоматная очередь.

И я оглох! Я фактически ослеп! Лишился какого-либо восприятия мира! Держа до этого слишком высокую чувствительность, чтобы подобный «грохот», воспринятый мной, как близкий взрыв светозвуковой, прошел без последствий. И, нож вражеского бойца, ткнулся в мой живот.

— Неожиданно, да? — улыбнулся я, глядя ему в глаза, и стукнул лбом ему по переносице, не столько целясь, сколько на удачу, что попаду.

И попал! Несмотря на каледоскоп картинок пред глазами и шум приборя моря в голове. И еще удар! Еще! И еще один! Боясь с одной стороны убить, а с другой не добить, оставив шанс на сопротивление. Связать руки, ноги, ориентируюсь на ощупь, напрочь утратив другие способы ориентирования в пространстве, кляп в рот из моих трусов — больше ничего не нашлось! Я ведь даже обувь скинул! Иначе бы, уже наверняка спалился! Хотя и снял я её еще, когда хотел лишь воздуха глотнуть.

Наконец, запаковав живчика, и начав немного приходить в чувства и возвращать себе восприятия мира по средствам слуха и зрения, я поняв, что скрытности кранты. Спящая часть обратилась в муравейник с сиренами! Двое из вражин убиты автоматами, а остальные тупо убегают, позабыв о всем на свете.

А потому — моя ария тут спета! Извлекаю нож из собственного брюха, что вошел туда лишь на пару сантиметров, надежно застряв в спрятанном под кожей композите, и делаю то, что не должен был делать. Допускаю непростительную ошибку — встаю, пусть и не в полный рост.

— сТра-та-та-та! — застрекотал пулемет, со стороны наших позиций, но со стороны моей спины.

И из моей груди, вырвались кровавые ошметки.

— Ну штоб вас. — пробормотал, поковырявшись в дырочках, оборачиваясь и

заваливаясь на тело связанного бойца.

И получил контрольный в голову.

Глава 15 — Два бронивика

— Да чтоб вас! — подпрыгнул на своем месте в тесном бронеавтомобиле Максим Максимович Бессмертный.

Современный комфорт! Скорость! Проходимость! Тфу! Да, тачка летит сквозь поле девяносто! Подвеска работает как часы, а утыкавшие передок сонары, различают каждую кочку впереди, позволяя электронным мозгам и системе управления электромагнитной подвеской заранее приготовиться к ситуации, и проглотить практически любой рельеф местности! Но все это никак не помогает от трески на таких скоростях, при такой «дороге». Ну а проходимость машины, пока не проверяли.

Максиму лично хватило и того, что они перепрыгнули небольшой овраг! Тогда и лопнул его ремень безопасности, и он стал все чаще встречаться головой с потолком. Точнее, не ремень, а его крепление! А вот потолок машины уже имеет нехилую такую вмятину от его толстого лба.

— Фля! — ругнулся он вновь, встретившись с внутренней обшивкой.

Хотя какая там обшивка? Там, на потолке, вообще не ясно что набито! Не нормальная отделка точно, а такое чувство, будь то просто заполнили пространство меж балками каркаса каким-то пенным утеплителем и забыли! Пусть и это «пенное» довольно твердое, даже для бессмертного лба.

— Не металл и то спасибо. — пробурчал он, глядя на соседа напротив, обычного смертного бойца, которому так же не повезло с ремнями.

Из всей машины, только у них двоих, срезало болты ремней крепления! Брак что ли? Или... они двое тут самые тяжелые? В любом случае, бедолагу-смертного, от обращения башки в кашу, спасает каска. Она у него уже лишилась краски, но мужик вроде пока в сознании, значит под броневой амортизатор ударов работает. А Максим... опять пренебрег защитой от смертных, посчитал что голова у него чугунная, и так нормально.

И зачем он вообще в это вписался?! — взглянул макс на дорогу, любуясь как водитель, филигранно избежал столкновения с деревом, на которое их транспортное средство швырнуло после очередной кочки — Сидел бы сейчас на базе, чай гонял...

А не трясся в прущей буруом вглубь вражеской территории машине, с очумелыми глазами и в компании таких же очумелых людей, не знающих страха смерти. Отправившихся, как и он, в эту крайне рисковую миссию! На броневиках, проползя прямо под носом у двух воюющих сторон! Почти что под огнем обоих! Но так, что никто и ничего не понял. Когда две страны сцепились не на шутку, у границы третьей, всегда будет шанс прорваться в глубь одной из них, и не быть при этом ни расстрелянным, ни замеченным.

И они уже слишком далеко от своих границ! И отсюда в случае провала операции, живым никому не уйти. На сдачу тут никто не пойдет, и каждый тут, готов рвануть чеку. Максимович, в том числе. Он уйдет красиво! Хоть ему и безумно нравится этот мир.

— Готовность! — рывкнул второй «пилот», штурман, сидящий впереди, рядом с водителем.

И солдатня оживилась, перестав валять варежку и напряжинилась, словно бы готовясь выпрыгивать из машины на бешеной скорости. Бронемобиль тем временем, выпрыгнул, иначе это не назвать, на асфальтированную дорогу, и взревев двигателем, устремился по твердому покрытию с еще большей скоростью чем до этого.

— Три, два, — начал отчет все тот же штурман, а один из бойцов открыл заднюю дверь, — один — и бессмертный, ловко перепрыгнул через верхний край проёма, взгромоздившись на крышу броневика — Пошли!

И Максимов, прыгнул вперед, коснулся земли, в момент когда бронемобиль его догнал, и вновь прыжок, уходя в отрыв от транспортного средства людей. Переход на коньки в полете. Разгон до четырех сотен, а вот и цель! Неприметный домик у дороги! И почему бы им сразу не поехать по асфальту? Не тряски, ни чего...

Ясно — понял Макс, влетая в здание, выкидывая собой тяжелый пулемет, прячущийся за тонированным стеклом окна. Таких блок постов на дороге наверняка не один, машину бы заметили, и уже на втором-третьем — расстреляли бы неопознанный объект, не отвечающий на позывные в эфире.

И даже соверши они вылазку без смертных, силами одних вечных, все было бы тем же самым. Их бы заметили, потому как бегущий по лесу человек приметней, едущей, даже через лес, почти обычной машины. Тем более замаскированной под броневик немецкой стороны. С человеком все сразу ясно, и гадать нечего — вторженец! У поляков нет своих бессмертных. А вот с машиной, даже заметив, пока разберутся что да как — у них есть время.

Да и к тому же, даже Максим Максимович, не в силах поддерживать столь большую скорость столь долгое время, чтобы добраться до сюда от границы без проблем в короткий срок. Максимум что он может на длинной дистанции, это бежать с той же скоростью, что и бронемобиль. Тогда в чем тут вообще смысл?!

Совмещая разные силы, выигрываем! — усмехнулся боец, размазывая чье-то тело об стену, а еще одному врагу проламывая череп. В этот миг, из проезжающих мимо блок поста заметно замедлившихся машин, кубарем выкатилось два человека. Простых смертных, для которых такая скорость запредельна, и по асфальту они заскакали словно резиновые мячики.

И мельком глядя на них, Макс бы вот так вот с уверенностью сказал, что там ни одной кости целой не осталось! Но нет, отказавшись, встали, и ломанулись к ним, как раз закончивших зачистку. Один из смертных даже чемодан какой-то прет!

— Чисто — отчитался Макс.

— На втором связист, живой, но рыба. Отойдет — отчитался его коллега из бессмертных, работавший с ним в паре на этой операции.

— Казарма обережена — отчитался представитель второй двойки бессмертных, из второй машины, и оставив всю оставшуюся тут работу смертным, вечные бросились догонять уже вновь начавшие разгон бронеавтомобили.

Догнали, занырнули внутрь. Сейчас ребят с блок поста передадут на базу, что все норм. К ним едут две машины инспекции. Уточнять что и как — не будут. Да и кодов нет. Это нужно чисто для легкой дезориентации, что бы в миг, когда броневики подъехали к воротам, охрана там, не до конца осознавала, что происходит и как раз начала суетится. Была, в подвешенном состоянии, меж «стрелять!» и «открывать!».

Зачем такие сложности? — усмехнулся Максим, в тот момент как машину слегка потрянуло от отдачи, несмотря на работу безоткатных орудий, установленных на крыше. И ворота впереди, разлетелись в клочья. А машины ворвались внутрь, просыпая как горох, бессмертных на дорожку. В том числе и Макса.

Зачем все это? — усмехнулся вечный человек, вскакивая на ноги и оценивая обстановку — когда можно было бы просто, пробраться через лес! Ведь тут ворота, только на дороге! А

там, в леску, не огорожено! И вообще! Внешне — это обычная деревенька подле трассы! Закрытый катедрный поселок, или что-то типо того. В чем смысл?

— Эх. Смертные! Любите же вы убивать себе подобных — вздохнул Максим, мотая головой.

И вынул из прихваченных с собой ножен, два длинных клинка. Не совсем обычное оружие, учитывая, что сделаны они из сплава, выдерживающего высокую температуру. Их можно греть Силой, не опасаясь расплавить раскаляя до бела, и прорубая людей вместе с их защитой. Само то, как альтернатива световым клинкам, мало эффективным в борьбе с живыми.

Ведь световое оружие, толком не наносит урон человеческой плоти! Можно даже сказать — вообще не наносит. Максимум — ожоги и судороги. Другое дело если угодить клинком из света в мозг, на языке вечных это значит «отправить в страну ла-ла». Только это далёкого от веселья место, ведь получив подобное в главный нервный узел человек, начнет чувствовать боль и ощущения, всех рядом умирающих людей.

Не умрет, а именно будет чувствовать. Духом, а не телом! Так что даже сердце отказать не сможет от страха и боли, и по показателям тело будет просто в коме. И проторчит бедолага в таком аду немаленькое. И подобного ужаса достойны только самые отпетые преступники. Подобный ужас, пережить и не сойти с ума, смогут лишь не многие.

Поэтому проще убивать быстро и безболезненно! И Максимов уже летит на своих врагов, снося головы стальными раскаленными кленками. Рубя тела на части, и расшвыривая людей своим телом словно кегли. Выживших тут быть не должно! А за свое долгое «позерство» с обнажением клинков, и болтовнёй, он уже расплатился дыркой в плече и животе.

Ясно, почему мы через лес не пошли! — чуть было не вляпался во взрывчатку бессмертный, отскочил назад, на второй этаж, из которого спрыгнул за жиденский забор, желая обойти ждущие его пулеметы лесополосой.

Тут все напрочь заминировано! И Максим сильно сомневается, что данное минное поле не имеет настройки срабатывания на быстро движущуюся особо живучую цель. А оказавшись в бесконечном поле осколков, никакая скорость, ни какая реакция и возможности, не спасут. Даже покров Силы, эффективно защищающий от магии, не сможет остановить быстро летящие куски металла, прошивающие насквозь хоть трижды прочную плоть. Максимум, разогреют, что только увеличит поражающий эффект.

Поняв, что оббежать негде, а спускаться вниз, под огонь стрелкового, как-то не комильфо, Максимов, прилепился к стене здания с боку. И, прицелившись хорошенько, прыгнул в окно «дома на против», из дверей которого и торчало дуло пулемета. Влетел в окно, вынося собой раму, проехал пол комнаты по полу, и тут же понял — он, попал.

Ломанулся тут же к двери со всей доступной прытью, выбил её собой. И полетел вперед вместе с полотном, так как в спину ударил взрыв. Влетел в стену со вкусом, оказавшись припечатанным к дереву, что с хрустом крошилось само, кроша штукатурку под собой, и ребра вечного, хрустят не хуже этого всего. И словно бы стена, стала полом, а гравитацию увеличили раз этак в сто.

Взрыв кончился, пощадив вечного и не добив. Это было лишь мгновение перегрузки в момент детонации, но Максимов запомнил это надолго, и как целый день страданий. Всего лишь какая-то шашка объёмной детонации, распыляющая газ, и тут же её поджигая. Ни осколков, ничего, лишь рост давления и температура. На последнее владетелю Силы все

равно, а вот ударная волна его чуть не убила, и Макс стек по косяку, харкая кровью.

— Больно, как же больно собака! — прошипел он, силясь сделать хоть один нормальный вдох, понимая, что одно из легких похоже выбыло из игры, оказавшись проткнуто ребрами, что призваны его защищать.

Может на этом и закончить? — скривился он, удерживая себя над полом одной рукой, второй тянясь к кобуре на поясе — Уйти? Получить вновь целое тело... и десятка два неудачных родов. Грязь, коня, и унижение от господ. Ну нет! И не такое переживал! — и в лица показавшихся в проходе людей с первого этажа, полетел свинец из пистолета пулемета.

— Я еще живой! А уходить красиво тут нельзя! — простонал он, приподнимаясь на ноги, и поплелся вдоль стенки, поддерживая себя в вертикальном положении опорой плеча на бетон.

На ходу, меняя магазин в оружии. Нужно тут все зачистить, и заминировать! Пока наши смертные братья, работают с лаборантами.

На счастье, их всех, вооруженной охраны тут, в этом комплексе, оказалось не много. Всего четыре домика, и человек сто пятьдесят-двести, разной степени обученности. Половина из них, была не на дежурстве, спала или отдыхала. И была застигнута врасплох и быстро ликвидирована. А из второй, только четверть, несли вахту в полной боеготовности, остальные гоняли вялого.

Максиму не повезло нарваться именно на самых активных, и оказаться серьезно раненым, в отличии от прочих. Остальные же отделали легким неудовлетворением от охоты на людей, а не монстров. Но придержали мнение при себе. Они все знают, что ляхи делают с их братом, и помнят тот случай, когда они хотели использовать бессмертных как живых бомб, закладок на границе с Россией. А еще они знают, что американцы, уже научились ломать волю вечным, делая их своими марионетками.

Ведь несмотря на огромную силу, бессмертие, и прочие, психически, далеко не все вечные, прямо титаны мысли. Боль есть боль, да и по мимо пыток физических, есть и пытки психические. К тому же, помимо них, есть и другие методы воздействия и убеждения. А еще есть сверхсильные наркотики, которые даже тела бессмертных, не в состоянии побороть долгое время.

У них там, за океаном, есть куча программ и методов, как заставить человека работать на себя. Даже если он этого не хочет. Как сделать так, чтобы раб, не понимал, что он раб. Как обмануть, запутать, поставить в зависимость. Они на этом съели огромного пса! И многие из присоединившихся к армии России бессмертных, видели это все если не своими глазами, то очень близко.

Знакомы с тем, кто видел, ощущали боль сородича, которого пытали неподалёку, общались с тем, кого удалось спасти. Они все знают, ради чего они воют и почему, а потому, поступаются принципами невмешательства, и по уши погружаясь в дразги смертных. Отчасти, это теперь уже и их война.

Но, а тех, кто слеп и глуп, и не хочет осознавать даже этой истины и хочет по-прежнему следовать идеалам вечно перерождающегося человека — никто не держит в армии. Есть множество профессий в стране, где с распростертыми объятиями ждут их бессмертного брата. Врачи, ученые, историки... да те же охотники на магмойдов в конце концов! И даже в шоу-бизнес можно залезть! Правда туда, почему-то, никто не идет.

Ну а Максиму с товарищами, сейчас нужно все тут хорошенько заминировать, и поскорее свалить к точки сбора. Откуда еще непонятно как предстоит выбираться обратно к

границе. Как и плохо понятно, как её отсюда преодолеть, не подставляясь под удар врага, или своей же армии.

От автора:

Не ребятки, с такой активностью под книгой и допиливать книгу что-то не хочется((

Глава 16 — Три условия

Антон Леонидович Демидов, бывший контр разведчик, а ныне глава ФСБ российской, и позывной «две девятки», не находил себе места в своём кабинете. Мысли, тяжелые мысли терзали его, словно раскаленные гвозди, любимый инструмент некоторых дознавателей.

— Какая же она головная боль... — проговорил он, имея ввиду вовсе не свои думы, а вполне конкретного человека — Понеслась на поле боя вообще ни о чем не думая! Вот совсем!

И где она теперь? В больничке лежит! Будь она человеком, уже бы в морге была! По частям! Разорванным на ошметки трупом бы валялась! Очередь из печенег вполне может это сделать! Тем более, с такого близкого расстояния. Тем более, настолько маленького человека.

А этой — хоть бы хны! Легкие пробиты, она дырочку пальцем затыкает, и болтает. Ребра сломаны — просит эпоксидки, и отвердителя, чтобы склеить. В голове дыра — вообще насрать! Видимо мозгов там отродясь не водилось!

С другой стороны — может потому она и столь нагла и смела, что считает себя неубиваемой? И все время вваливаясь в самые горячие места с шашкой наголо именно поэтому? Может потому, она и безбашена, что знает, что не умер даже если будет порвана на части и сожжена на костре? Знает, что переродится в ином мире.

Но ему то что! Начальнику федеральной безопасности. Если она умрет тут, то для них, для страны и этого мира — это всё! Конец! Она перестанет существовать! И девятка с радостью бы вышвырнул эту девку из министерства и из правительства, да только за ней слишком многие стоят. Его начальник, реальный начальник! Его наставник по совместительству, и тот стоит за этой девкой! И он даже понимает почему.

Но даже если бы не это, не это массированное покровительство, которому многие бы позавидовали, и мало кому подобное даже снилось, девяносто девятый и сам осознаёт, что Александра нужна стране. Может быть не как министр, и даже не как член правящей партии, но как кризисный управляющий точно.

Её способность залетать с разгона в самое пекло и раздавать пинки впадшим в ступор людям, заставляя тех действовать оперативно и даже на опережение врага, поражает и даже немного ужасает. Она резка на поворотах! И кажется, совсем не думает о последствиях своих действий! Но порой именно такая лихая безбашенность и нужна, чтобы вытащить страну из кажущегося уже неминуемого кризиса. Вытащить, даже до того, как кто-то успел понять, что кризис уже на пороге.

Наглядный пример с новым вирусом гриппа. То, что он синтетический, было ясно чуть ли не сразу. То, что за границей, на территории бывшей Украины, захваченной поляками еще лет семь назад, есть какие-то лаборатории, было тоже известно давно.

Спутниковое наблюдение, агентура, все это работало и работает, даже несмотря на все происходящее в стране, тогда и сейчас. Так что сведенье так или иначе попадают к Антону на стол, и он может ознакомиться лично с крайне интересными донесениями.

О опытах над людьми, над военнопленными, и той частью населения, что умудрилась не покориться и решила поиграть в партизанов. Об успехах, провалах, испытаниях заразы «на природе», на воле и относительно больших площадях. О попытках настроить вирус на генотип, чтоб поражал он только определенных людей, определенную расу, и о создании

вакцины для «избранных категорий».

Всё это Демидов знал давно! Так или иначе, к нему эта информация просачивалась еще во времена контрразведки. Но вот сделать что-либо, у него не получалось. Как бы он ни старался. А служба безопасности лабораторий, суровой, и надежней, даже той, что охраняет пентагон. Не говоря уж о проникновений в зал заседания ООН, под видом, и работой, уборщика.

Так что сделать Антон Леонидович ничего не мог, как бы не старался. Скрипел зубами, поглядывал на снимки, читал свежие донесения... и вновь скрипел зубами. Он не мог, а она — смогла. С лихим наскоком, и мasha шашкой ввалилась в гости под шумок, в особо охраняемые объекты. Разнесла там все в хлам, вкатав ученых, вместе с их наработками в землю, прихватила все нужные и не нужные документы, и ускакала. Устроив пожар так, что в это даже поверили.

Вот они, рапорты! На столе! Поляки уже жалеют, что напали на Литву! Пищат там меж собой, что им теперь их покровители, голову свернут за потерю лабораторий и наработок. Но именно поэтому, теперь уже не могут остановиться, иначе головы им точно не сносить. А ученые из Новосибирска, чуть ли не кипятком писаются от восторга, глядя на добытые таким варварским методом данные. Говорят, что с такими полными сведениями о вирусе, вакцину от гриппа, что версии этого года, что для версии следующего, они сварганят уже в течении месяца.

Конечно, девятка не обольщается насчет окончания биологической войны одним таким лихим наскоком. Он понимает, что на этом вовсе всё не кончится, а только начнется! Но с другой стороны, уже подбирающегося и грызущего пятки кризиса, удалось избежать. И вновь благодаря этой девки.

— Александра... — проговорил человек в слух, тарабаня пальцами по столу — Александра, Саша, Шура... шило в жопе!

Про таких как она, говорят: «ей бы мужика! И проблем не будет, ни у неё, ни у других!», да вот только Антон Леонидович с трудом себе представляет подходящую партию для такой... барышни! Даже среди других бессмертных сложно будет найти человека, способного вынести эту головную боль рядом с собой в режиме нон стоп! А жить с тем, кто тебе противен или кому не доверишь спину — нет уж, увольте! И именно из-за таких рассуждений, Тоха сам не женат.

Он боится, подставлять спину женщине. Боится открыться, другому человеку. Боится быть преданным, и оказаться со сломанной психикой. Его паранойя, и профдеформация сознания, за годы настолько развились и укоренились в сознании, что теперь, для человека с позывным две девятки, уже даже случайные перепихоны с надежными и проверенными женщинами, стали выглядеть неприемлемой роскошью, и слишком большим риском. И мужчина уже года два как изображает из себя глубоко верующего монаха, воздерживаясь от всего, и живя по принципу «ни с кем и никогда!». И в некотором роде, в Александре он видит отражение себя.

— Эх, Саша... — сцепил мужчина руки в замок, чтобы унять нервную дрожь и перестать барабанить марш по столу.

А она ведь и на гражданке, не ведет себя как положено человеку её статуса! У неё нет охраны, она не пользуется выделенным ей личным автомобилем. Она не ходит по красным дорожкам. Она вообще не ходит там, где ходят «звезды». Она ходит там, где ходят «смертные».

По обычным дворам и улицам, паркам скверам и тропам. Скачет горной ланью через стены и преграды. Ездит на метров в компании неизвестных мужиков и баб. Летает самолетом, билетом вторым класса. Она ведет себя странно и не предсказуемо! И была бы огромной головной болью её охране, ему, Антону! Но она слишком ловко меняет «личины» что уследить за ней не в состоянии никто.

Если бы они с ней не обговорили заранее некоторые точки маршрут её движения по городу, то даже для ФСБ, она бы постоянно всплывала в разных частях города словно призрак, и так же исчезала словно в пустоту. И тут не помогают ни камеры, она их избегает как заправский шпион, ни жучки, их стряхивает быстрее, чем блох паршивая собака, ни группы наблюдения.

Вот она тут, а вот уже нет. Да, есть какая-то девка, но тех пары секунд, что нужно для осознания, что тут иного человека быть просто не может, вполне достаточно, чтобы она уже оторвалась и затерялась в толпе. Поразительная способность! Но все же, она, толи нарочно, толи нет, допускает ошибки, благодаря которым её все же можно выследить.

Не дилетанту! Не киллеру средней руки! Этим её никогда не найти! Но вот профи, люди высшей категории, они, её все же могут выследить. Ведь в своём, настоящем облике, она частенько мелькает в некоторых местах, которые уже потихоньку становятся достоянием определенных кругов населения.

И дилетанты, соблазненные близким миллиардом туда тоже приходят. И милиция уже устала реветь, от количества убитых там подростков, отдаленно похожих на особого министра. Они уже не знают, что с этим делать! И Антон Демидов тоже, хоть и старается как может, чтобы известить всю приступную шоблу до того, как они сотворят преступление.

Но дилетанты на то и дилетанты! Они не думают об отступлении! Они вообще, ни о чем не думают! А потому — не предсказуемы. Поэтому приходится распускать слух о маньяке и подражателях, хотя, как такового маньяка и не существует. Ведь каждый раз — новый убийца.

Ну а те, что профи, и прожжённые киллеры, количество убийств за плечами которых вполне хватит трем людям для звания маньяка, все же выслеживают оригинал, Александру, по её ошибкам, от мест, где она показывает своё настоящее лицо, и до мест, где прекращается дурью, и словно бы растворяется в пустоте.

Они её выслеживают, а люди из ФСБ выслеживают их. Ведь, когда к операции долго готовятся, собирая данные на цель, а ты хорошо знаешь и цель, и примерное место как наблюдения, так и наиболее вероятные лежки, искать киллера, одно удовольствие. Да и теперь, когда Антон лично увидел, что даже двенадцать и семь, не способен её убить, количество переживаний за её жизнь, явно поуменьшится. Она может позволить им ошибиться, и спокойно переживёт, даже если стрелка возьмут уже после выстрела.

Вот только головной боли от этого меньше не стало! Она доставляет слишком много проблем, пусть и вскрывая гнойники еще до нарыва.

***

— Нет, я не буду вас распинать. — проговорил я в трубку телефона, валясь в госпитале на кушетке, обвешанный с ног до головы проводами, приборами и трубками — Нет, вы все сделали верно. Да, так и должны были поступить! Да. А что, в следующий раз, вы будете стоять и думать, а кто это там из кустов явился? В ночи, со стороны границы? Ну, да, надо

быть осмотрительными. Естественно. Само собой. Да, спасибо и вам не хворать. Честе имеют. Ахахх... — посмеялся под конец, и нажав на телефоне кнопку, закончил разговор.

Неудобно... особенно неудобно моё текущее состояние! Ведь за восстановление целостности тела чуть больше полугода назад, мне пришлось заплатить большую цену! Слишком большую. Регенерация... её у меня больше нет. Совсем. Никакой.

Количество клеток в моём теле. От ныне, фиксировано. Никакого деления, ведь его я больше не контролирую, а быть живой, но неразумной, амёбой, мне не прельщает. Так что любые повреждения тушки, для меня отныне неприемлемы! Даже удар ножа... не говоря уже о простреле навывлет из пулемета калибром двенадцать и семь.

Конечно, то, что мои клетки больше не размножаются, не означает, что раны на мне больше никогда не заживут. Ведь ткань можно растянуть, а клетку увеличить в размере, но теперь все конечно. Моя жизнь, и число доступных ранений в разные части тела.

И была бы жива еще мать... я бы мог использовать её органы как донорские, подсовывая ей свои... звучит абсурдно, но такой обмен показал себя с очень хорошей стороны! Однако... и этот вариант для меня теперь закрыт. А значит...

— Привет, — сказал пришедший меня навестить мальчик-эфиоп, из бессмертных.

Сказал на чистом русском, как ни крути, за годы научился говорить почище многих. И вообще славный малый! Малый, и в смысле роста тоже, ведь в нем и полутора метров то нет. Но это его никогда не волновало! Он — сказа! Во всех смыслах этого слова! Но зашел он сейчас ко мне в палату неровной походкой. Шатаясь, упал на стул рядом с кроватью, едва не промахнувшись мимо него, словно заядлый алкаш.

— Привет. — улыбнулся я ему, вспоминая результаты прошедшей вылазки.

Он ходил в рейд вместе с группой. И был там, в лаборатории, одной из. Вот только... рейд был успешен, до безобразия! Мы все верно рассчитали, и ребята прошли как по накатанной. Не настолько идеально, что бы что-то подозревать, но... проблема в результате: лабораторий, создающих боевые вирусы, по миру раскидано слишком много. И все они, сосредоточены округ Росси.

И все они хотят уничтожить Россию! И даже тот грипп, что у нас по стране вдруг начал ходить с подозрительной летальность, тоже их рук дело! Но он не столь уж страшен сам по себе, сколь страшно то, что он должен «подготовить почву» для следующего вируса, что и должен будет убивать уже всех, и на повал.

Наши мозгоклюи уже начали разработку контр мер, но... мы знаем далеко не все! Данных по вирусам не хватает! По антителам вообще котик плакал! А то, что получили мы, позволяет судить о том, что исследования проходят еще как минимум в восьми лабораторных комплексах! И это только те, что занимаются вирусами, ведя параллельные разработки! А не просто, исследуют органику, разрабатывая БИО оружие.

Мы добыли координаты пяти из восьми, и теперь, хотя бы примерно знаем, где они, и чем там занимаются. Следы за собой мы тоже замели, устроив в одной лаборатории пожар, а координаты второй слили ракетчикам Литвы, шепнув, что это штаб вторжения, что сработало красной тряпкой на быка — от центра вирусной науки ничего не осталось. Мы сделали всё, как хотели! Но толку?! Даже зная, где находится враг и что он тебе готовит, мы, не факт, что сумеем подготовиться к встрече. Не факт, что успеем.

— Я все. — сказал эфиоп, спустя долгую паузу, в которую я предавался тяжким думам, а он, просто сидел. — Спекся. — и показал мне, свою трясущуюся руку

— Всё? — переспросил я, внимательно глядя на него.

— Да... — произнес он печально — Я не ты, я не смогу это и далее терпеть. Я уйду.

— Понятно. — опустил я взгляд ниже.

Нас станет еще на одного меньше в этом мире. Магмойдов — больше, а ведь рождаемость бессмертных почему-то катастрофически упала, став фактически на планку — НОЛЬ! Наши ряды скудеют, ведь мы, бессмертны лишь в рамках вселенной, а в рамках одного мира — обычные люди. Нас становится все меньше и меньше, что скоро...

— Закинь меня куда-нибудь в качестве бомбы! — взглянул мне в глаза темнокожий «мальчишка» — Я не хочу вот просто так уходить!

— Хочешь прибрать кого-нибудь с собой? — усмехнулся я на это — Да уйти, с оркестром?

— Хочу быть полезным до конца! — улыбнулся он — Да и к тому же — всегда хотел попробовать спеть!

— Думаю... мы найдем тебе применение.

Наверное, возможно... хотя бы в качестве эксперимента! Ведь никто, ни в этом мире, ни на моей памяти вообще, не проводил это действие в контролируемых условиях. Как это происходит? Каковы масштабы? Отчего зависит глубина кратера? Ведь их по миру уже немало развелось, плодов неудачных попыток Америки заставить бессмертных работать на себя при помощи силы, но наблюдений за взрывами все равно не велось.

***

— Фигасе. — выдал я, хлопая глазами, аки простушка на базаре, прочтя отчет-результат недавней встрече с лидерами степей Казахстана.

На всякий случай прочитал его еще раз, и позвав санитарку, уточнил, все ли в норме у меня с глазами.

— Так об этом же и в новостях уже сообщил! — ответила она мне на это, хлопая ресничками не хуже меня, и удалилась.

— Фигасе. — повторил я вновь, глядя в пустоту.

Я, понимаешь, готовился к затяжной войне на, э... пять фронтов! Без шанса на победу. А тут вдруг раз... и один фронт исчез, как будто то его не было. Зато вернулся союзник, хотя... да они фактически сдались нам без боя! Выказали желание вхождения в состав федерации на правах отдельных областей, лишь с тремя, смешными, условиями:

Первое: мы сворачиваем, либо переоборудываем по самым современным стандартам безопасности и условиям труда, все урановые шахты, карьеры и иные средства и способы добычи урана или иных радиоактивных элементов, находящиеся на территории нынешнего-бывшего Казахстана.

Второе: мы выдворяем со всех их территорий всех американцев и их союзников, и обязуемся впредь не допускать их на эти территории — не очень понятно, как это «недопускать», въезд им что ли запрещать на уровне конституции? Эхе! Ну да ладно.

Третье: все камни магмойдов, добытые на их территории, не должны вывозиться. — что по сути означает, что мы должны их «перерабатывать» именно там. Но никак не означает, что мы не можем вывозить уже готовые изделия. В общем — приемлемо!

Так что по сути, эти условия — мольба о помощи. Видимо на шахтах у них реально ад творится, а натовцы... имеют индульгенцию на их землях, похлеще индульгенции на островах узкоглазых. И поскольку решения уже приняты... нам теперь надо думать, как

изгнать членов альянса с обширных территорий бывшего степного государства. Референдумы о вступлении в состав России у них будут уже на этой неделе, хотя согласно опросам, решение там очевидное, и единогласное.

В общем, головняк у меня меньше не стало! Да, с ними не надо воевать! Да и граница, эта дырявая... больше не будет волновать. Но! Китай, никуда не делся, соседи казахов — тоже на месте, и не самые лучшие. Опять же — наговцы... согласно данным разведки, они там уже готовятся к осадам. И уже творят беспредел, желая тем самым склонить населения к неявке, или голосованию против России. В общем — ЖОПА!

А у нас, армия скована поляками. Турки провели испытание новых дальних бомбардировщиков вблизи наших границ, шестой флот США прибыл в свободную гавань, ранее зовущейся советская, а пятый флот — в ныне корейский Владивосток... и при этом, не выполнить обязательства пред союзником мы тоже не можем.

— Может мне тоже, свалить хлопнув дверью?

— Ты опять на долго? — проговорил брат, видя моё печальное лицо.

— Нда... надолго, — пробормотал я, и приложил руку к своей голове — чтож я творю...

— Ничего сестра, все нормально — улыбнулся мне братец, чисто по-детски, невинно и беззаботно.

— Держу тебя здесь как попугая в клетке! Как зверушку, игрушку...

— Не надо сестра! — сурово, как ему наверняка показалось, произнес он, и сморщил брови сделав лицо скорее забавным, чем угрюмым — Меня вполне устраивает такая жизнь!

— Книги... — обвел я взором комнату, заваленную самой разнообразно литературой.

От детских сказок, до трактатов по квантовой физики. От учебника русского за первый класс, до тригонометрии за десятый. Не говоря уже о философских выкладках, по типу «смысла бытия».

— И одиночество. — закончил, сведя взор на мальчугане, ведь в этих апартаментах на сотню с лишним квадратов, кроме моего брата никого и не водится.

Никогда. Ни услуги, ни охраны, никого... полная изоляция! И даже телевизора нет — я как-то забыл его для Ваньки прикупить. А сейчас уже некогда.

— Ну почему-же одиночество? У меня есть ты!

— Врххрхьфвр! — вздохнул я, задрав голову к потолку — Я бываю тут раз полгода!

— Но бываешь ведь!

— На полдня!

— Целых полдня вместе!

— Брат! Ваня... ну...

— Все нормально. — улыбнулся он, увидев, что часы на моей руке, что заменяют мне пейджер и временно исполняют роль средства связи, засветились, и я уставился на их «циферблат» — Тебе уже пора идти.

— Эх... — вздохнул я вновь — Не скучай... я скоро вернусь!

Вот только вернуться удалось лишь через год, когда бывший Казахстан, уже по-настоящему стал частью России. Когда я потерял в этих степях немало хороших ребят. И когда обзавелся свежими дырочками.

Глава 17 — Четыре гостя

Разруха... пустые «бойницы» вместо окон, вырванные с косяками двери, и полуразрушенные здания. И дело вовсе не в сражениях! Тут вообще боёв не проходило... просто — бедность и обреченность. Что люди перебираются в землянки из своих, когда-то роскошных, квартир, а мебель, двери и окна, пускают на дрова. Ведь иных дров тут нет! Лишь степь, песок да глина.

И я теперь действительно убедился, что в этой местности, пастух, живущий со стадом, самый богатый человек Казахстана! У него всегда есть из чего слепить кизяк! А значит — и дом построить, и печку протопить, согревшись холодными ночами.

Так или иначе, мясо, шкуры прочее. Полная свобода перемещений в бескрайних просторах, да и вообще! — взглянул я вновь на то, что осталось от когда-то процветающего города — лагерь шатров в стороне от него, и руины пятиэтажек — пастух, по крайней мере, и не знал никогда другой жизни.

— Нам тут и десяти лет не хватит, что бы все восстановить. — вздохнул я уныло, глядя на все это — Как там дела на Байконуре? — обернулся я к стоящему рядом связисту.

— Как на фото. — усмехнулся он — Стол на месте, остальное разграблено.

— Значит и там работы непочатый край. С другой стороны — улыбнулся я натянуто — там всё равно всё устарело! Будет повод обновить... подъездные пути то в порядке?

— Обследуют.

— А как дела с базой? — перевел я взор на виднеющийся вдали черный дымок.

— После обмена приветствиями, они сдаются.

— Последняя значит... Пусть проследят, чтобы сдавались они исключительно по одному и без оружия!

Связист кивнул и удалился, а я вновь взглянул на «город». Снести, да заново отстроить! Так будет проще! Гораздо проще... хотя с другой стороны — зачем сносить? Пусть пока стоит! Как памятник безумию! А места тут и на сотню городов хватит.

Ну а мне здесь делать больше нечего. Я свою работу выполнил, а там, в центральной части России, меня ждут иные проблемы, которые я там «оставил» практически не тронув. Съехал на более насущную задачу... что в итоге слишком уж затянулось. Я конечно не бил баклуши, да и не ложил болтятского на свои старые заботы, но все же, внимая им мало уделял. А за год компании по зачистки степи, старые проблемы, стали лишь больше.

Но не буду пессимистом! То, что уже решалось — решилось. Государство в кой то веки вспомнило о детях, и детские учреждения буквально захлебнулись в деньгах и опеки. В некоторых случаях, это сделало только хуже! В частности — в сфере образования и досуга. Но в иных, в частности в детской медицине, позволило расцвести буйным цветом.

В чем, большая заслуга нового министра здравоохранения. Он оказался мужиком хватким, не даром до сих пор действующих врач-костоправ, и завернул такую рекультивацию... Что волосы на голове дыбом встают, но вовсе не от ужаса, а от того, как он это провернул?! И особенно не ясно откуда он родил толковых спецов, при такой дыре в системе образования?!

Да, собственно образование сейчас самая бальная тема. Даже начавшая хромать на оби ноги сразу, космическая отрасль, лишившаяся в один миг как космодрома, так и половины спутников на орбите, не в столь плачевном состоянии. Ведь институты то на месте! Люди

тоже. Заводы — работают, и даже чертежи не сперли! А значит — «мяско» можно и нарастить! И это не займет много времени.

И мне, как понимаю, так или иначе, придется поучаствовать во всем этом. А значит — тут мне делать нечего. Надо бы проверить финскую границу, дабы убедиться, что вздумавшие буром на нас переть финны, уже умудрившиеся высадить десант под Питером, передумали идти на нас войной. Всё-таки, исчезающая с карт в один миг с началом операции столица их государства, сильно отрезвляет. А те, буйны головы, что от такого только сильнее опьянели, отрезвили наши солдаты — они гостей то как бы ждали.

Так что у них там разброд и шатание, граничащее с революцией и гражданской войной. Конечно же крики в нашу сторону, о применении ядерного оружия, в нарушение всех запретов. Участие в международных соревнованиях, кто громче обосрет Россию... но мы вообще-то, ни какое оружие, и не применяли. Не ядерное. Ни какое-либо еще. Это всё эфиоп! Он ушел красиво.

Пробраться в город ему было совсем не сложно — парнишка прошел пешком по дну финского залива. А потом... просто сидел и ждал сигнала. Сигнала, о начале наступления светлой армии на грязных варваров. И получив его... в спокойной обстановки, не торопясь, обратился Хельсинки, в залив Хельсинки. В образовавшийся после его ухода кратер, можно без проблем засунуть какой-нибудь Кипр.

Зато теперь мы знаем, от чего завесит мощь «песни» бессмертного! От времени каста! Чем дольше и старательнее подготовка — тем большая сфера дезинтеграции в итоге получится! И мир, иностранное правительство, конечно знает, что уничтожило город, и знает, что за подобное сложно возложить на кого-то вину, но всё рано продолжает пищать о применении русскими ядерного оружия в отношении мирной страны.

То, что там отсутствует радиация. То, что ударной волны тоже не было, то, что края кратера слишком ровные! Это все никого не смущает. Сказали ядерное! Сказали русские! Жуйте! Ведь в данной ситуации, даже сказать, что Россия придумала новое оружие способное стереть с лица планеты города и страны не оставляя после себя ядерного загрязнения нельзя! Ведь тогда весь мир будет в страхе! В благородном страхе! Что мы, в случае войны, можем и их вот так вот покарать.

— Хм, — хмыкнул я, нахмурившись, и повернул голову в сторону границы.

Тут, всего в пятидесяти километрах от нас, узбеки засиживают. Граница там, довольно спокойная кстати, проблем не доставляла всю компанию по утилизации янок с территории бывшего Казахстана и присоединения степей к России. Вот только сейчас, оттуда... мне кажется, или слышны хлопки? Что бы это значило...

Уши вылезли из-под волос, и растянувшись в разные стороны, перешли в «боевой режим». Где-то в дали, работает дизель нашего танка. Ровный, четкий, его мехвод явно знает своё дело! Рядом с машиной, курит его экипаж. Сейчас, мы тут как бы отдыхаем, ничего особо не делаем, после того как выкурили из руин города одних из последних «партизанов».

Готовимся выдвигаться к домой, к Оренбургу, и уже пакуем оборудования и грузим ящики с ним в машины. Больше тут делать особо и нечего, так что совсем скоро двинемся к местам более обжитым, транспортом хорошим обеспеченным. А оттуда бойцы разбегутся по своим домам, в увольнительные, а я поеду в Москву, разгребать тамошние проблемы.

А пред марш броском, экипажам следовало бы отдохнуть! Да и просто, почему нет? Вот они и болтают на семейные темы, стоя в сторонке от машины танка. Кажется, у его командира вчера родилась дочь, и он немного не в себе от счастья.

Генератора штаба, гудит рядом, заставляя отвлечься и на себя. Кажется, у дизеля засралась третья форсунка... надо бы сказать! Гудение силовых кабелей, проходящих прямо под моими ногами, голоса бойцов, кучкующихся неподалёку, обсуждающих эталоны женской красоты и футбол одновременно, шум шагов солдат в казарме и звуки ветра, задувающий в пустые окна... все не то! Прочь! Вот оно! Да, это явно звуки работы ПВО!

— Свяжи меня с границей! — заскочил я в машинку мобильного штаба, обращаясь к связисту.

— Соединяю.

— Ало, граница? Это командующий Александра! Что у вас там происходит?! — проговорил я в трубку аппарата, и с какой-то странной задержкой и сквозь помехи, услышал ответ:

— Командующая! К вам летят две ракеты! Мы упустили их! Слышите! Две ракеты! И самолет! У нас кончились заряды ПВО! Их слишком много!

— Заводи мотор! — рывкнул я в сторону подошедшего с улице водителя машины, зажимая микрофон передающего устройства рукой — Снимаемся!

— Чворт! Они уничтожили радар! Машина наведения уни... пшпв...

— Как понимаю, вторая командная машина тоже уничтожена. — проговорил я, глядя на связиста — Свяжись с аэропортом, пусть поднимают птичек в воздух! Кажется, сейчас тут будет жарко! — и видя, что машина штаба уже тронулась с места, выпрыгнул из неё, чтобы добраться до другой.

До той, что отвечает за постановку радиопомех. Если там ракеты с самонаведением, или тем более — управляемые, это поможет их ослепить и запутать. Не даст бить прицельно! И хоть люди из радиолокационной борьбы сами не лыком шиты, но ставить радиоблокаду сами не будут по понятной причине. Если это сделать, мы и сами станем слепоглухими. Тут нужен приказ командующего.

Вот только стоило мне коснуться земли, как в машинку за моей спиной, угодила ракета. Бронеавтомобиль, кувыркнувшись несколько раз, отлетел в сторону, и загорелся. Там внутри уже нет выживших! Или целой аппаратуры. Там только трупы, и пепел, а бочина грузовика зияет огромной дырой развороченного металла.

Я же от взрыва, через себя не кувыркнулся. Просто отлетел в сторону, и приземлился на все четыре, проезжая по земле как по льду, на ходу разворачиваясь лицом к опасности. Но в тот момент, как остановился, сзади прогремел еще один взрыв — уничтожен оказался радар. Еще взрыв, и командная машинка постановщика помех горит бурым пламенем.

Прозвучали хлопки пуска переносных ракетных комплексов, но это бесполезно. Эти штуки эффективны, когда цель хорошо видна и видима! А даже звук от пролетающих самолетов до нас донесся только сейчас. И ракеты из ПЗРК, в подтверждении моих слов, упали обратно на землю, одна из которых вообще приняла за цель быстро бегущего человека.

Новые взрывы, и новые подбитые машины. А стоящие уже на боевом пусковые шахты ПВО в момент стали бесполезны — без средств наведения, их ракеты даже не взлетят. А их уничтожили! А когда они были целы, нападения никто не ждал! Естественно! Спокойная граница, подле которой дежурит своё ПВО и ПРО! Вот только их там смяли даже не вспотев!

И я бегу к горячей машине, чтобы спрятаться в тени её корпуса. Понимаю, что слишком поздно об этом подумал, так как одна вражеская птица, пикирует прямо на меня. Видимо, углядел-таки, видимо, решил, что на земле уже все деморализованы и недееспособно!

Но два лярда награды за мою тушку, пилота зря соблазнили! И один из наших бойцов,

уже целится в пикировщика из иглы-два-м.

Ракета делает уверенный пуск, получив достойную цель. Самолет, тоже делает пуск, и начинает пальбу по начавшему бег прыжками на четвереньках мне. Тело бойца с зениткой разлетается в клочья блеклыми ошметками, от попадания снарядов из пушки ведомого, решившего прикрыть своего пикирующего друга.

Я, запрыгиваю в дыру в машине штаба, рядом звучит оглушающий взрыв, и машину, как кажется, подлетает в воздух. В небе надомной, звучит еще один взрыв, и что-то падает сверху, сменная металла корпуса бывшей командной машины. Закупоривает меня в воздушном кармане у кабины, куда, сквозь дыры от осколков, начинает литься огненное море, затапливая все пространство бушующим пламенем.

Подрубаю покров Силы. Тооооненькую плёночку, хилую мембранку, вдоль кожи, что частично защищает от жара и огня. Частично, поглощает в себя поступающую в тело излишнюю тепловую энергию, и выматывая и без того не первой свежести организм.

У меня есть минуты три-пять, прежде чем тело не справится с поступающим в него извне жаром! Органы раскалятся, кровь закипит, и я запекусь тут до хрустящей корочки. До уголька! И выбраться отсюда самому у меня нет ни единого шанса.

Позади — бронеплита кабины. Впереди — смятые обломки горящего самолета, проливающие керосин во внутрь когда-то надежной машины. Вокруг, сталь и пластик этого транспорта, бывшим когда-то штабом связи. В нем куча дыр, сквозь которых сюда поступает кислород, позволяя огню гореть, а дыму выходить.

Я вижу улицу! Вижу людей! Но мне сквозь эти щели не просочится. Это просто дырки, наделанные еще первой ракетой! И преградивший мне путь самолет мне тоже не поднять. А обшивка вокруг, стремительно нагревается. А керосина тут, становится все больше.

И требовалось бы мне дыхание как любому иному нормальному человеку... нет, я бы всё-таки раньше умер от ожога, от обгорания большей части тела! Чем от того, что задохнулся в ядовитом дыме, результате горения керосина, пластика, композитной смолы радиоаппаратуры, и сгорающей плоти моих бойцов. Еще несколько минут назад живых, и бодрых, а сейчас... я скоро стану с ними в один ряд.

Но кто-то там, на верху, похоже оказался против подобного. Рядом прозвучал новый взрыв, и машину, вместе с придавившей её грудой железа, вновь кувыркнуло. «Крышка» отвалилась, и образовалась бреш, в которую я тут же нырнул, прямо сквозь поток огня.

Выскочив, обнаружил почти полностью уничтоженную базу своих сил, расстрелявших все ракеты, четверку авиаторов противника, и веселую пальбу по ищущим укрытие людям, в стиле немецких асов.

Детский сад штаны на лямках! Но что я удивляюсь?! «С-400» дико эффективны в поражении воздушных целей! Но у них тупо мало ракет в комплексе! Зачем, ведь сейчас у нас не вторая мировая с их армадами? Ага, зачем. Как видно враг проковырял нашу оборону, тупо заставив спустить наши противоракеты на армаду пустых болванок, бойко прущих... к примеру, к Байконуру! Или вообще, тупо на снаряды, атакующие сам блок пост на границе.

А потом, спокойненько, расстрелял командные машины с радарам, чтобы мы ослепли, и не пустили ракеты по целям с других постовых установок. И теперь резвится, пользуясь тем, что на малой высоте самолеты толком не заметны издалека. А даже если ракетка и долетит, они на малой высоте, да при большом удалении от навигационного устройства, будут не эффективны. И асы от них, уйдут играючи.

Что собственно и случилось, спустя мгновение, когда вражеский пилот, кувыркнувшись

в воздухе, и отстрелив сразу два скопа ловушек, ловко ушел сразу от двух пришедших по его душу ракет. Хотя ему, как понимаю, все же немного досталось, по крайней мере психологически, и авиаторы решили закруглятся с охотой на выживших. Тем более, что первый шок и неразбериха уже отпускает наших парней, приходит злость, и желание действовать. И охотник, запросто может сам стать добычей.

Самолеты, ринулись бежать на брющем, виляя попами, и стараясь держатся поближе к земле. А я... размазывая по телу гарь, поплелся проверять, кто из моих, выжил в этой мясорубки. Пусть тут и не было никого из «моих ребят», тех, кто составляет «мою агентуру», но они все, солдаты, мои люди, мои ребята.

— До выёживались, да? Умники, мозгокльюмники! — распинаю я начальство, ходя пред генералами с видом злым, и гарью пропахшим.

В одежде чужой, так как моя естественно сгорела в огне керосина, и подобного размера в армии так просто не найти. И я вообще довольно долго бегал нагишом, собирая выживших, и помогая раненым. Потом, помогал им же и врачам, из прибывшей на помощь группы. И поняв, что по рации нужных важных шишек вообще никак не проймешь, метнулся в главный штаб, в бывшую столицу бывшего государства.

Где-то по дороге, мне подогнали костюмчик. Не по размеру, но срам прикрыть пойдет. Вымыться, я естественно не успел, ввалившись на собрание, созванное не мной, с видом очень злым, чумазым, и пропахнув насквозь запахом паленого человеческого мяса, крови, горелого пластика, и резины.

— Лучше точнее и меньше! — передразнил я тонким голосом кого-то, и один из генералов, с грудью наградами увешанной, аж покраснел от злости, но смолчал, видя мой внешний вид — Зачем нам много, если одна ракета — одна цель! И мы даже можем сбивать снаряды, летящие по баллистической! Да вот фиг! — рявкнул я, что мужики даже вздрогнули — Сбивать то мы все это можем, да вот только где возьмем для этого всего столько ракет?! Я не говорю даже про снаряды! Я говорю про другие ракеты! Цена которых, представьте себе! Оказалась меньше, чем ваши противоракеты! И что нам, армаду вражеских ракет сбивать из ПЗРК!?

— Но позвольте... — заговорил один из наиболее не красных генералов.

— Что позвольте?! Что такое не повторится?! Что такое нечто необычное?! Да счас! Врагу всего то и надо, что пустить по нам более шестнадцати раке, что бы с гарантией! Я повторяю — С ГАРАНТИЕЙ! Пробить нашу оборону! Вот вы, скажите мне, — обратился к другому генералу, что у нас командует реактивной артерией — шестнадцать, это разве много?

— Это меньше залпа. — скис собеседник — Но мы не должны позволять врагу подводить к границе такие установки на дальность выстрела.

— Ага, — кивнул я с особым садизмом — а у нас же мирные соседи, да? И что нам тогда, отходить самим, от своих границ, на эти...

— Сорок. — подсказал мне человек дальность.

— Сорок километров. А потом еще на сорок. Да-да? Так что ли? А вам не кажется, что мы это уже проходили?

— Позвольте, — подал голос единственный гражданский человек в этом обществе, морща нос от прущего от меня душка — Узбекская сторона не...

— Да мне плевать! — рывкнул я в его сторону, и надетый на мне штаны с чужого плеча, начали стремительное движение вниз — Погибли люди! Мои люди! — прорычал я, одной рукой тыкая себя в грудь, другой подхватывая падающие штаны — Кто мне вернет командиров?! Кто мне вернет...

— Но...

— Что, но?! Я в следующий раз вас возьму на передовую! Вот прям за шкварник на самую границу! Чтоб вы нюхнули, блин, пороху, собаки...

— Успокойтесь пожалуйста. — проговорил самый спокойный из здесь присутствующих командиров, поднимая руки в знак примирения, и я понял, что действительно начинаю переходить грань — У вас просто пост трав... — и я понял, что говорящий человек явно петух.

— Пост травмат, да-да? — скривился я, глядя на него, и осмотрел всех присутствующих, тех, чьи морды стали плавно съезжать с «я очень зол» на «бедная девочка!». — Короче, так. Для начала, никаких более дежурств ЗРК по схеме два плюс два икс два. К каждому радару впихивайте по четыре машины, или я вас всех тут убью нафиг! — показал я свой, покрытый ожогами, кулак, и они впечатлялись — И не вздумайте при этом сокращать сами радары или увеличивать дальность меж групп, они и так работают на пределе. Далее — бросил я взгляд на особо красного, и вернулся к «общему плану». — Далее, нужно либо нарастить выпуск комплексов, либо, что в приоритете, разделить функционал, уйдя от этой глупой универсальности. Нам нужно много, и дешевых ракет, чтобы перехватывать скопление не особо умных целей. И не надо думать, — повысил я голос и помотал, видя, что меня хотят перебить — что сейчас не вторая мировая, и небо черным от самолетов уже никогда не станет. Тактика ударного кулака до сих пор может быть эффективна, если заранее измотать оборону противника.

Глава 18 — Передел

— Так это же всего-то батальон! Что за паника-то, в самом деле? — проговорил один из сидящих за круглым столом генералов, и я сразу понял разницу меж генералами фронта и армии.

Эти, петухи, сидящие здесь, в Москве, безвылазно, в отличии от тех, что сидели в Астане и не понимали, чего я психую, но соглашались со мной, точно так же не понимают, но соглашаться не хотят. Они сидят тут предо мной, холеные все такие, в атласных кителях, хоть и удивительно, но без наград. В пагонах, чистые, сытые, с ухоженной растительностью на лице...

Глядя на них, я вспоминаю сразу своих полевых командиров! Мужиков, что вместе со мной гоняли по степям всякую шмарь почти что целый год! Ребята, что видели ванну в лучшем случае раз в месяц, ели урывками и зачастую на ходу, в дороге. Чьи лица, от холода и ветра краснели, становясь похожими на лица алкашей. Чьи лица, от ветра, солнца и песка, становились похожими на металл, после обработки пескоструем. Чьи лица, опухали от стресса, недосыпания, и неправильного питания.

Они там жопу рвали, чтобы мы вышли из боев не просто победителями, а триумфаторами! И не зря это делали! У нас за всю компанию потерь меньше, чем на гражданке в это же время поддыхает от естественной убыли! Но эти твари... сейчас мне, на мои спокойные и размеренные заявление в штабе верховного командования, заявляют, что пятая часть всех наших потерь «это всего-то батальон»?!

Мне хочется порвать их на части! Просто для очистки памяти погибших! Но это я оставлю при себе, хотя все-таки некоторые эмоции, покажу, дя вида. От меня уже не так разит запахом горелой плоти, но все еще достаточно, чтобы чувствительные носики морщились, как только я делаю хоть какое-то движение, распространяя благоухание по залу. Да и смачный ожог с левого кулака я нарочно не свел. Так что нужно этим все пользоваться!

— Всего лишь батальон? — склонил я голову набок, и обвел взглядом «как на гавно смотрит» всех присутствующих — Ну да, батальон. Но как он погиб! Вы понимаете?

— Случайность. — ответил мне иной генерал, командующий восточным военным округом — На войне и не такое случается.

— На войне? — проговорил я, медленно поворачивая голову к нему — Но у нас не война, вы не забыли? И как вы тогда объясните...

— Деточка, успокойся. — проворковал генерал за номером три, еще один командующий округа, смотря на меня настолько снисходительно, что мне аж тошно стало — Понимаем, ты побывала в ужасном месте...

— Чувствуете запах? — перебил я его, и присутствующие рефлекторно принюхались, и кое кого чуть не вырвало в тот же миг — Это так пахнут ВАШИ сгоревшие солдаты. Я буквально пропитана этим запахом. Я была там, сидела с ними рядом, и они...

— Хватит. — перебил меня генерал за номером один, что вообще-то отвечает за военкоматы и сборные пункты — Мы всё понимаем, что тебе было тяжело. Но мы не психиатры, чтобы править твои душевные травмы.

— Хех! — хекнул я от такого, и заулыбался.

Не психиатры они! А я не мать, и не отец, как и любой из моих командиров степи, но тем не менее, за время компании, мы для своих людей стали именно что отцами и матерями,

и в одном флаконе. И психиатрами, и психотерапевтами, и врачами по семейным проблемам! Да даже блин сводниками поработали! Все же у нас там реально не война была, и ребята каждые три месяца гоняли на месяцок домой, на гражданку, отдохнуть! А значит возвращались оттуда с прихваченными там проблемами. Семейными, личными, бытовыми.

— Да и к тому же, я не думаю, что понесенные армией потери прямо такие невосполнимые — с усмешкой произнес командующий дальневосточной группировкой войск, глядя на собрата генерала из военкомата.

— Конечно! — воскликнул главный военком страны, поняв, что от него требуется — С этим вопрос вообще не стоит! Мы можем хоть завтра мобилизовать...

— Никакой мобилизации. — сурово произнес я, глядя на него.

— Это почему? — произнес ошалело один из присутствующих.

— Как? — сказал другой.

— А это не тебе решать. — вторил им другой.

Главный военком промолчал, а человек, ответственный за снабжения, судя по лицу, уже задумался о том, сколько и чего у нас есть на складах, и сколько из этого там уже нет, и он продал «налево».

— Вот так. Никакой мобилизации, — нахмурил я брови, что, как понимаю, выглядит комично, а не зло — Не к чему это сейчас.

— А ты вообще кто? — повторил тот же человек, что считает что я не могу ничего решать, и всем своим серьёзно-раздраженным видом решил нам показать, что я — ни кто, и звать меня — никак.

Что пыль под ногтями в их высоком кабинете вдруг заговорила с небожителями как с равными.

— Ну раз мобилизация не нужна, тогда в чем вообще проблема? — нахмурился, но не так как собрат, командующий центральным военным округом — Для чего весь этот фарс с потерями и не эффективностью? Почему ты отвлекаешь от нас дел, собирая срочное совещание? Если СТРАНЕ — сделал он упор на это слово — не нужно срочного предприятия каких-то экстренных мер.

Как видно искренне считая, что мобилизация, единственная экстренная мера из всех возможных.

— Эх. — вздохнул я, и достал из прячущегося под столом у меня в ногах походного армейского рюкзака папку с бумагами — Взгляните, — протянул её командующему округа центрального — самые свежие данные, так сказать.

— Ну, потери. — произнес он, листая документ — И что такого? Мы даже дивизии убитыми не потеряли, а вы о кризисе. — кхекнул он, глядя на смешные строчки, с где в ходе штурма укрепления мы порой теряли убитыми одного-двоих, и то по глупости, да по причине отравления грибами перед боем.

— Вы на предпоследнюю строчку взгляните. И на сумму. — порекомендовал ему я, и тот пролистал документ в самый конец — На предпоследние цифры, на сумму. На сумму, на предпоследние цифры. Ничего странного не находите?

— Н-нет. — не дошло до него очевидного.

— За день! ЗА ДЕНЬ! — надавил я голосом на фразу — Мы потеряли столько же сколько до этого теряли за квартал! Пятую часть всех потерь мы понесли от одного жалкого налета! — перевел я взгляд на генерала, ответственного за противовоздушную оборону, и тот покраснел, но вовсе не от стыда — За один день!

— Говорят же тебе, — процедил он сквозь зубы, сдерживая злость — такое случается.

— А если такое случится, и самолеты прорвутся на Москву?

— Не случится. — произнесли хором сразу три генерала.

— Да почему же? — развел я руками — Сколько у вас здесь машин? — и припомнил цифру, понял, что действительно не реально — Ладно, не в Москву. В Иркутск. — перевел я взгляд на командующего восточного военного округа — Там и от границе недалеко, и город охраняют всего три расчета, если считать силы пограничного района в зоне досягаемости. Не находите похожим ситуацию? — надавил я голосом, глядя на человека при погонах.

— Деточка, — произнес все тот же любитель деточек, и командующий среднеазиатским военным округом, что в своём округе не был никогда — Тебе же сказали, такое не повторится.

— Да и три расчета, это не три машины. — подтвердил его слова ставший хмурым командир востока — А двенадцать. Это сорок восемь ракет, способных сбить любую цель!

— Всего, сорок восемь — уточнил я, не став даже упираться на то, что для уверенного сбития, на цель нужно слать сразу две ракеты, а не одну — Не говоря уже о том, что «любую», ваши ракеты сбивать не будут, просто потому, что это экономически не выгодно. А в итоге — я кивнул на данные потерь — мы будем нести потери.

— Мясо набрать не проблема. — вякнул главный от военкомата, и я сам стал красным помидором, как тот багряный генерал.

— Мясо говорите... — проговорил я, пуская пар из ноздрей — Мясо...

— Так! Успокойся! — сказал командующий центром, захлопывая папку — Держи себя в руках!

— Мясо, — сделал я глубокий вдох, выпуская носом дым и аромат горелой плоти.

— ВСТАТЬ! — рявкнул тот, что «меня не знает», да еще и командным голосом — ВЫШЛА ОТ СЮДА! И ПРИВЕЛА СЕБЯ В ПОРЯДОК! Еще истерики нам тут не хватает.

— Мясо... — сделал я еще один вдох, и задушил все свои и так ненастоящие, а раздутые для публики эмоции, перестав пускать дымок — Значит так вы видите ситуацию, да?

— ВЫШЛА ОТ СЮДА!

— Значит так. — обвел я всех присутствующих тяжелым взглядом, говоря спокойным ровным голосом — Вы, не нюхавшие поруху за всю жизнь...

— Что ты несешь, — скривил лицо командующий центра, а командующий востока покивал с ним соглашаясь.

— Да, вы тут кадровые военные. — взглянул я на него — Наследственно кадровые! — взглянул на его соседа — Но вы родились в мирное время, учились в мирных учебных заведениях хоть и на военную профессию...

— Цк. — цокнул собеседник языком, мотая головой, со мной не соглашаясь.

— Ах, да! Афганистан! Но что-то мне подсказывает, что вы сидели так же в штабе!

— Да как ты... — нахмурился и он, зверея.

— Нет? У вас даже есть боевое ранение? В ногу. А не самострел ли это часом, нет? — вот теперь он реально завелся, но я уже не на него смотрю, а на «общий план» — Значит так, господа. Мы должны сменить...

— ВСТАЛА И ВЫШЛА! — рявкнул тот, что все время орет, сам вставая, и даже ко мне подходя.

— Если я встану, то ты ляжешь — посмотрел я на него снизу вверх.

— Ну давай, попробуй, посмотрим — проговорил он, заодно подзывая пару адъютантов

от двери к нашему столику поближе.

Парни молодые, рьяные, «идеологически правильные». До теплого кресла охочие. Нужными людьми отобранные, генералам в рот смотрящие. А еще у них при себе пистолеты в кобурах, и один оружие даже извлек, пусть и на меня не направил.

— Сынок, не доставай оружие, если не готов спустить курок. — проговорил я, глядя на это, и тот, направил ствол на меня, снял с предохранителя, и даже затвор передернул.

— Так, давайте без этого! — проговорил человек-ПВО, и крикун кивнул адъютанту.

Но вовсе не для того, чтобы оружие от меня убрал! Не тому интенданту! Второму! И вот уже два ствола в меня целятся, правда один пока еще не заряжен до конца.

— Ах, — помотал я головой.

И лягнул ногой в бок, стоящего рядом «генералиссимуса». Попал под колено, сломал ему кость, и вывернув ногу в обратную сторону. А заодно немного отбросил тело в сторону. От удара стул, на котором я сидел, немного сместился, благодаря чему, моя голова, в которую был направлен пистолет, ушла с линии огня.

Выстрела в прочем не произошло — один адъютант не успел среагировать и не решился, а второй в этот в этот миг как раз дергал затвор. Но сидеть под прицелом и дальше я не горю желанием, так что хватаю руку с оружием, под которую поднырнул после пинка, и дергаю вниз и вправо, перекидывая тело через себя и стул. Растягиваю суставы руки до щелчков, ну и прикладываю локтём в живот тельце, чтобы оно полетело подальше и лежало подольше. Прямо на начавшего стонать хриплым голосом генерала армии.

Второй подручный отделяется удара в живот и челюсть, и падает на стол, рядом с успевшим отскочить в сторону еще одного командира армии.

— Вот теперь у вас есть настоящее боевое ранение — с улыбкой гляжу на стонущего генерала, что держится за ногу, обзывавшегося новым сгибом и стонет хрипло, даже не обращая внимание на упавшее сверху тело — Как и у ваших друзей.

— Ты что творишь! — по вскакивали командующие из-за своих мест.

А я, спокойненько продолжил сидеть, положила руки на стол, и сцепив в замок.

— Призываю к конструктивному диалогу. — пожал я плечами — Он, — кивнул на стонущего — мешал.

— Аааа... — простонал раненый человек.

— Ты... да тебе там совсем мозги отбило на фронте? — проговорил один из них, распахивая гляделки пошире — Совсем умом тронулась?!

Я вновь пожал плечам.

— У нас же не война, откуда фронт?

И глаза человека стали еще больше. И он... достал пистолет. Табельный, но заграничной марки. Не знаю даже какой. Зато с гравированной подписью, именно! «За отличную службу! Б. Ельцин», только что-то сомневаюсь, что бы этот кадр кому-то реально дарил пистолеты лично в руки.

Но такое оружие, обнаружилось вовсе не у единственного генерала! И ни у одного из них, не оказалось даже банального «Макарова». Все какие-то «гЛЮки», да «кОлы», повыворивали не весь откуда. Да еще и почти у все наградные, именные, или с закосом под такие, и заряженные. Хотя, несмотря на это, я сильно сомневаюсь, что хотя бы половина из доставших в мирной комнате совещаний, оружие генералов, умеет ими пользоваться.

Тут и хват оружия не тот, и дослать патрон в патронник позабыла половина половины, и с предохранителя не сняли! Та же четверть, но другая. А пятая часть, вообще, похоже, не

знает где у данной модели находится этот самый предохранитель, и пользуется пистолетом в первый раз. От их оружия, пахнет ружейной смазкой магазина! Консерваторной! Не стреляный ствол не пахнувший порохом.

Самые же умные из всех, крикнули оставшимся у второго входа паре солдатиков. Те, метнулись в коридор, притаив сюда к нам еще охраны, с оружием, естественно. И не только пистолетным. И вот эти вот люди, пользоваться им умеют! Пусть и плохенькой.

— Угу. — кивнул я, осмотрев воцарившеюся вокруг меня картину, с кучей стволов, на мне «сошедшихся».

Обращая особое внимание, что некоторые «отцы-командиры», уже по стеночке, по стеночке, плывут на выход.

— Бессмертные тоже не бессмертны, когда в них стреляют сразу из множества стволов. — проговорил командующий централ, сляясь натянуть на морду улыбку или хотя бы покерфейс, но без успешно, и его страх очевиден!

Да, я умру, если меня такая вот толпа, тут собравшаяся расстреляет! Но вдруг, я кинусь не на охрану, а на него любимого? На его драгоценное тело... страшно! И это очевидно, как божий день! И не надо быть гениальным детективом, чтобы это понять. И не надо быть нюхачем.

Он и взмок, и от его холености ничего не осталось. И форма уже помята. И губы дрожат. И глаза бегают. И поджилки трясутся, что аж штанины вибрируют! Того и гляди, упадет замертво прямо тут! От страха! А еще, афганец...

— Эй, вы там? — проговорил я не слышимо в рацию, радуясь, что она у меня есть, пусть это и не мои любимые наушники — Начали уже, не? Тут все по звезде пошло.

— Нет, ждем приказа...

— Так начинайте! — усмехнулся я, и в реальности тоже — Тут уже жарко!

— Но все же... — неуверенно пробормотал триста сороковой, явно менжущаясь — ген штаб, генералы... мы же против...

— Нет тут генералов. — скрипнул я зубами и в реале тоже — Только предатели. Так что ваша цель они, остальные лесом! Вы знаете, куда идти. Начать штурм!

— Есть! — коротко ответил боец, и отключился, а я вновь оглядел меня окруживших, заметив, что один человек, уже добрался до двери.

Но оттуда сюда прибыло еще бойцов, в брониках и с калашами, и трус стал как-то посмелее, решив все же дождаться развязки у самого выхода, надеясь в случае жары, все же свалить в безопасность через близкую дверь.

— Сдавайся. — проговорил все тот же генерал централа, как видно являясь негласным лидером этого собрания, ну или просто самым смелым — Не оказывай сопротивления, и все будет хорошо.

— Гауптвахта, наручники, все дела. — проговорил главный военком, как видно тоже воспылав смелостью, и вновь обретя дар голоса с прибытием подкрепления — Слышал, ученым позарез нужно тело бессмертного на опыта.

— О, да! Кстати! Я тоже об этом слышал! — тут же ожил ответственный за снабжение генерал — Определенно нужен.

— Корейцы заплатят за подобного... — встрял в разговор глава восточного военного округа, но оказался перебит хором из множества голосов.

— Вот только без этого!

— Никому мы бессмертного продавать не будем!

— Да, наверное... но вы только представьте, сколько проблем бы армия лишилась, получив бюджет два миллиарда!

— ...

— ...нда.

— А вы вообще, не забыли, что она по-прежнему министр?

— Да какой она министр!

— Соплячка. — сплюнули мне прямо на лицо.

— Наверняка пропихнули что бы народ не бунтовал.

— Да это вряд ли.

— Ну а почему тогда еще?

— Не знаю. Но народ подобные «подкаты» не любит, сразу думает «насосала» и прочее.

— Думаешь правда?

— Что?

— Что сосала?

— Не знаю. Но внешность у неё действительно хорошая. Умильное личико, кукольная внешность, модель...

— Если бы не взгляд.

— И запах!

— Так отмыть же можно!

— Господа! Вы не о том беседу ведете!

— Да. Надо смотреть в корень, и понять, кто за ней стоит.

— Неужели Он?

— Кто?

— Ну этот... президент наш, подмененный!

— Да тьфу на тебе! Он как был тряпкой, так и остался...

И они и дальше продолжили обсуждать мою внешность и мой сволочный характер, в конец отбитый тяжестью военного времени в тех далеких степях. О том, кто за мной стоит, помянув половину политиков, с которыми вроде как сильно дружны, и не дружны одновременно. Моего батюшку, что ремнем по моей попе не работал, и матушку, что плохо воспитала дочь. Прошлись бы и по иным родственникам, если бы их нашли, ну а меня тем временем, бодрые ребята из охраны, уже плотно так обложили, чуть ли не тукая стволами в темя.

Ну и устали стоят полукругом вокруг, стол не даёт круг замкнуть, держа навесу автоматы! Они все же, пусть и вооруженные, но тоже по сути, белые штабные воротнички! Пусть и рангом пониже. Не тренированные, не закаленные, и уже устали держать непривычно тяжелые стрелялки столь долго на боевом, целясь в мою башку.

И я легко могу от них уйти! Они стоят ко мне слишком близко! И стол, толстенный! Лакированный дубовый, помогает. Упираюсь в коленками в него, наклоняюсь на стуле назад, убирая голову из прицела, и даже если кто поймёт, увидит, и начнет стрелять, они не смогут автомат опустить — отдача не даст. И они друг друга крошат.

А потом, откланявшись назад, я могу либо в бок уйти, либо оттолкнуться от стола и прыгнуть на кого-то. А могу и вовсе с самого начал иначе поступить, сразу в бок со стула нырнуть и под стол закатится. Ищи свини меня там потом! Вариантов тьма как от них уйти! Но зачем? В коридоре уже слышны звуки берц моих ребят! Я их походку узнаю из тысячи.

Идут, собаки, не торопясь. Видимо с понтом «мы подкрепление!». Не встречая

сопротивления.

— Может все-таки поговорим? — обвел я присутствующих, совсем кажется обо мне забывших.

— О чем мы с тобой погорим!

— Выведите её!

— Не сопротивляйся! Тебе же хуже будет!

— Даже бессмертный не переживет десяток пуль в лобешник!

— Ребята пакуйте её! — и кто-то уже схватил меня за руки, и начал их скручивать, отводя за спину.

Я — не сопротивляюсь. Тихонько думая про себя — а что бы было бы, если бы я всех здесь присутствующих просто убил? Но тут же отметаю эту мысль как глупую и несуразную — ничего бы не было бы, потому что не убил бы.

Ведь сколько бы небыли неумелыми, глупыми и трусоватыми, здесь присутствующие люди и их охрана, но автоматы — остаются автоматами. А пули — пулями. И одна шальная очередь, что я бы в своё тело рано или поздно получил, наделала бы во мне кучу дырок. Я бы это пережил! Но потерял бы в подвижности — получил бы вторую очередь. А после третьей меня бы уже потом никто не собрал. Кровавое месиво, не подлежит восстановлению. Это никому не дано. Не после, такого расстрела.

Так что дергаться нет смысла. И я спокойно даю бойцам заломить мне руки, уложив мордой в стол. Надеть наручники, ну и кучки почти предателей-генералов, насладится последними моментами своей славы и высоких пагон. Наглядится вволю, глядя с довольным видом на лицо побежденного и оплеванного врага.

— Вот и славно — улыбнулся один из главнокомандующих, смачно харкнув мне прямо в глаз пред речью.

А охрана, наконец удовлетворённо расслабилась, видя мою полную недееспособность в наручниках, и сломанную волю, старательно уложенного мордой в стол, человека.

— ВСЕМ ЛЕЖАТЬ РАБОТАЕТ ОМОН! — рывкнул ввалившийся в помещение боец, в то время как «смазханные тени» уже рекой хлынули в помещение за его спиной.

С ходу уложили кого-то прикладом в челюсть, другому досталось кирзовым сапогом под колено, еще один гаврик, вздумавший целиться в спецназ из автомата, обзавелся двумя дырочками в плече, и оказался даже не в состоянии нажать на курок. Да и не понял он ничего толком, ведь в воцарившемся гуле, работа винтовки с глушителем оказалась вообще не слышимой, и дырки в плоти возникли как бы «сами собой».

Буквально за минуту, все присутствующие оказались не просто уложены по принципу «лицо, сапог, бетон», но и разоружены, а их автоматы уже скидываются в аккуратненькую кучку. Деморализованы, ибо усрались, во всех смыслах этого слова, ведь не каждый день такое случается с высшим командованием! Ну и в позочках-звездочках, распластанных по грубому ворсу ковра высокого кабинета.

Хотя всем места на полу не хватило! Так что немалое количество оказалось уложено на стол. А я... все так же продолжал восседать на стуле, со стекающим по щеке плевком, и со всё так же скованными руками.

— Командующая — подошел ко мне триста сороковой, что до это никак не выделялся среди своих бойцов, будучи просто один из многих черноодежных работников спецназа.

А один из ребят, нашел при обыске тел, нашел ключики ориентировочно похожие на нужные, но я его опередил — щелкнул браслетами, порвав их за своей спиной, и принялся

потирать запястья, вернув руки в позицию, перед собой.

— Хреновенькие браслетки — прошептал ехид Ненько Док, тут же выкинув ключи и начав обрабатывать очередного клиента на предмет потайного оружия.

И это кстати ОН кричал про ОМОН при входе.

— Да, кстати. Я думала, как у наших, лопнет цепь. — усмехнулся я, глядя на следы на руках — Они что, из сексшопа? — взглянул на ближайшую тушку с большими звездами.

— Что вы себе позволяете! Как вы смеете! — заговорила эта тушка, поймав на себе мой взгляд, и видимо от злости подзабыв про страх — Ты хоть представляешь КАКИЕ тебя ждут последствия?!

И весь зал заголосил, в том числе и часть охраны, которой не сильно по ребрам досталось.

— Заткните их, — сморщил я носик, в тот самый миг, как среди трусов нашелся смельчак, что потянулся к оружию.

И ровно двух тычков под ребра двум людям хватило, что бы всё помещение, как по щелчку тумблера, погрузилось в тишину. Генералы, высокие чины, прочие, из охраны, даже громко дышать, вдруг стали боятся. Даже тот, что имеет ногу, вывернутую на изнанку, перестал стонать, дыша через раз, и обливаясь потом. А конечность его... уже конкретно так распухла.

— Так то лучше. — улыбнулся я. И перевел взгляд на черную маску триста сорокового.

— Но все-таки как же... — проговорил от, обводя глазами в разрезе меж маской и каской помещение и огромные звезды погон.

Понимаю его, понимаю. Начальство! Присяга! Верность... но эти люди не те люди, которым стоит хранить верность. И да, я планировал всё это с самого начала. Я надеялся, что такого не будет. Верил! Но планировал. В этом то и суть стратега, что тот верит, да готовится, и всегда имеет кучу планов на разные случаи жизни и ответные действия противника. А даже если плана нет — то он должен уметь его быстро придумывать. И, похоже, я становлюсь именно таким человеком. Мне грустно это признавать, но похоже это так.

Я собрал здесь этих всех людей, далеко не просто так. Это — особые люди. Эти генералы... гниль на теле армии! Большинство из них, если не получило должность «по благу» после двойного переворота, воспользовавшись ситуации с недобором кадров, и получив по звезде, как бы и не за что, то пересидело смуту, либо подлизывая жопу западу, что меньшинство, и вообще лишь один человек, либо просто сидя там, где ничего толком и не происходило. Прятались, выжидали. А как все закончилось — вот они мы! Любите нас!

И нам пришлось! Пришлось любить этих тварей! Этих... ведь иных, просто не было! А командовать кому-то надо! Сразу всех не переменишь! Да и армии у них в подчинении, вроде как есть или были! Так что они, все эти падлы, получили редкостный карьерный рост до командующих округами, будучи недостойными даже уровня штаба дивизии.

И теперь мы их отсюда выковырим! С корнем! Да, будет больно. Очень больно! И возможно громко! Я насчет них, советовался только с одним человеком — с Тенью. Он обещал прикрыть, но что это значит? Каков уровень его прикрытия? Ведь он тоже, не всемогущ! И это надо понимать и учитывать. Поэтому у меня естественно есть свой план, пусть в нем и появилась пара лишних переменных, в виде подбавившей работы второй партии охраны.

— Так вот. — вздохнул я, мотая головой, и нырнул под стол — На вот, — вылез оттуда,

со своим рюкзаком в руках — возьми, — протянул ношу главе спецотряда — тут документы на почти всех присутствующих. Вон, только на ту группу нет. — указал в сторону «звездочек» охраны — Но думаю сам что-нибудь придумаешь. В общем, всё как договаривались, понял?

— Понял. — неуверенно кивнул боец.

— Смотри мне! — показал я ему покрытый ожогами кулак, и человек, кажется, тихонько сказал «блин».

— Что снами будет? — пролепетал какой-то адъютант, кажется, уже обо всем жалея.

И о своей военной карьере. И о службе тут, в центральном штабе. Где самая большая проблема — не угодность начальству, а самая большая травма — порез бумагой. Где людям нужны автоматы только для того, чтобы пугать посетителей! И куда валился взвод спецназа ГРУ, их ведомства! Их штаба! Но не по ИХ приказу, как к себе домой, и теперь всех мордой в пол, не считаясь со званиями.

И тут бы вновь начался базар из возмущений и угроз, и даже сломанногий ожил и речь обрел, начав просить врача и больничку, но новый тычек армейским сапогом по ребрам говорливого, судьбой своей интересующегося, заставил всех вновь замолчать.

Я кивнул главе группы, и ребята начали паковать присутствующих генералов. Разумный ход! Учитывая, что остальные — мелкая шохра! Их на самом деле можно и не трогать — они просто свидетели! Конечно желательно их бы убрать — не летально естественно! Но весь вопрос во времени и сильно ограниченных наших возможностях.

Генералов нужно успеть не только вывести из штаба, связать и спрятать, но и обрить, и распахать по самолетам. По военным бортам, что летят на передок! И доставят туда свежее МЯСО вводе штрафбатников с серьезными статьями. И все это нужно провернуть до того, как хоть кто-то что-то заподозрит и рюхнетя.

На нашей стороне то, что весь командный состав, собственно, тут! Девочки-мальчики на проходной, даже если увидят и поймут, что их начальство выводят как-то не так, ничего не сделают! Потому как, собственно, что они могут? Позвонить шефу? Позвонить заму шефа? А его нет на работе! Если он и не в этой куче, то где-нибудь точно не в штабе в субботний день! А кому еще? Спец группе? А какое у них на это права? А даже если есть, то это точно не та группа, что пакует сейчас их начальство?

К тому же. Мы выведем их всех через черный ход. К тому же — с мешками на головах и кляпами во ртах. К тому же, там нас тоже ждут, и в аэропорту. И в самолете, и менты даже предупреждены, что будут тащить «большие чемоданы» куда-то к аэропорту. Не ясно только, ракеты, начальство, или что? Все готово! Даже принимающие части ждут пополнение из штрафников, в которые будут впихнуты пара лишних, по документам ожидаемых, великовозрастных штрафбатовцев.

И это на самом деле самая тонкая часть плана! Генералы — старперы! Они не похожи на простых бойцов! Не лейтенанты и даже не капитаны! Явно какое-то начальство, даже несмотря на бритые головы! Опознать их фиг опознают, но языки то у них есть! Так что рано или поздно доложат и выдадут, куда мы спрятали этих выродков, но к этому моменту я должен буду уже подготовить вторую часть плана. Сделать так, чтобы у этих генералов, тут ничего не осталось. Ни генеральской пенсии, ни дачи, ни связей, ничего! И поставить все остальное начальство о свершившемся пост фактум.

Да, они будут недовольны! Особенно министр обороны. Все же, эти кадры его «друзья» товарищи, как ни посмотри. Часть из них он лично тащил наверх за собой! Они ему...

дороги? Он будет против такой их судьбы! Но... министр обороны хороший человек, и пусть ему это все будет не по душе, ему придется понять, что иначе просто было нельзя.

У нас в правительстве и верхушке власти много тварей и мудаков. Но если они достойно выполняют свою работу, я готов терпеть хоть педофилов подле себя, или даже в своей постели! Готов и на это! И пидарасов там всяких — без разницы! Яркий пример работающего гаденьша министр легкой промышленности и его команда. Главные спецы по... и их я тоже стерплю, и закрываю на многие их выходки глаза, хотя там хватит на десяток пожизненных если копнуть. Ведь он, и его люди, работают! И хорошо знают свое дело!

И вон она, наглядная его работа его министерства! На наших ребятах надета! Что тут, что там, в степи, что даже на генералах! Ткани, что произведены в России, что не горят, не так обычный хлопок или синтетика, что теплые, и хорошо защищают от многих невзгод. Что не стираются об грунт так просто как иные вещи, что плохо воспринимается большинством электронной аппаратуры, и что не ведет себя как старый советский ватник, имеющий гаденькое свойство начинать тлеть, если внутрь него, в вату, попадет хотя бы одна жалкая окалина.

И не только одежда солдат! И не только обувь для них! Много что они сделали для страны, не смотря на то, что как человек, глава данной отрасли, редкостная сволочь. И по нему уже даже не виселица, а котел с кипящим маслом плачет! И если он вдруг, работу свою делать перестанет... я буду первым, пришедшим по его голову с тупым ножом.

И таких гаденьшей у нас тут много! Но! Пока они работают! По делают свою работу... ту, за которую взялись! Ту, которую должны и на которую их назначили! Я готов мириться со всеми ними. И даже с их заскоками! На всё согласен, пока это дает свои положительные плоды.

И наоборот, если человек не справляется, если не делает то, что должен, и то, что необходимо, то пусть о будет хоть трижды хорошим человеком! Если он, не делают ровным счетом ни хрена из должного — то пусть катится куда угодно! Хоть на все четыре стороны разом! Но подальше от органов власти.

Их терпеть я не намерен! Они, в отличии от всякой падали работающий, со своими обязанностями не справляются, а значит — должны найти себе иное место в жизни! Может они врачи хорошие!? Или учителя? А мы их армиями командовать насильно заставляем! Пусть себе пасутся где-нибудь еще! Не держим.

От автора:

Я по прежнему жду лайки и коменты.

Нда... — провел я пальцем по столу, прочертив четкую линию и окрасив кожу в темно серый. — зачем прибираться в кабинете министра, если он целый год там не был? Логично? Логично! Ну да насрать! — вздохнул, написав на бычине своего стола знаменитое «помой меня!», и смахнув пыль с самой столешницы, принялся изучать принесенные с собой бумаги.

Пылище! Вернулся называется в родные пинаты! А ведь у меня все это время, что я отсутствовал, в соседнем «кабинете» работало аж три секретутки! Точнее, одна, секретутка, и две, машинтутки. И ни одна из дух не додумалось прибраться в кабинете «начальницы». Бездельницы! И что называется, в чужом глазу солома, в своём аж трое! Уволю! Точно уволю...

Ладно, документы. А то со всеми этими делами, я даже о том, что в мире творится не в курсе. Будь-то мне есть до мира дело. И немного... в летящем настроении — меня сегодня уже вздрючел президент.

Пропажу почти всего командного состава армии обнаружили. В понедельник. Вечером! Точнее, подозревать что-то начали в обед, но вот только к вечеру окончательно поняли, что что-то тут не так. Начали звонить, интересоваться... все структуры на ночь глядя подняли! На счастье, ФСБ уложилось спать обратно тут же — Тень постарался. Отработав своё обещание «прикрыть» по полной. Но я даже думать не хочу, в каком беженстве сейчас две девятки. Он там, наверное, рвет и мечет! Бедняга.

Так что спецпура отпихнулась с видом не наше дело, и дело попала в руки к президенту, будь то бы это его работа, искать пропавших из своего же штаба генералов. Будь то бы он может, кому-то как-то чем-то с этим помочь. Ну а президент... дураком не вышел, и в двенадцать ночи уже дернул меня из Аральска в Москву, при том, что я только туда прибыл, даже не успев спуститься с трапа.

И естественно разнес меня в хлам по-черному! Обозвав многими нехорошими словам, несмотря на то, что я как бы сам во всем сразу сознался. Сказал, что по таким вещам, надо советоваться с ним в первую очередь, а то теперь он это дело точно не замнёт, и мин обороны придет по мою душу, как бы я не старался. Сказал, что я явно псих, но дело моё правильное. Сказал, что я придурок, он не понимает моей логики, но некоторых из отправленных мною погулять генералов он бы и сам удавил, да руки коротки.

В общем, президент спустил всем, до кого смог дотянутся, указ, заткнутся, обрадовав подчинённых пропавших начальников, что генеральчики просто взяли отпуск на уикенд и еще не вернулись.

В три часа ночи, дело заглохло. И что там с мин обороны, я не в курсе. Я к семи часам утра наконец добрался до своего кабинета, и хочу наконец покоя! И почитать документики! Злорадно ухмыляясь, что для тех бывших генералов, для которых сейчас не ранняя и бодрая побудка, то для них сейчас строевая с пробежкой и очень злым сержантом!

Я специально таких подбирал! Злых и оторванных! Самых конченных и отбитых! Которые не станут ничего слушать от рядового штрафника, вне зависимости от его вида. Самых... ушлепочных, но знающих свою работу на все сто! Старательно подбирал сокамерников, и вообще! Готовил эту партию, довольно долго.

Конечно, далеко не всё делал сам, лично, и конечно, готовил подобное не годам. Но идея о возможном таком исходе меня посетила еще пару месяцев назад, когда партия свежих

бронежилетов, взамен израсходованных, пришла без брони пластин внутри. И поскольку ждать пока «сейчас всё исправят!» мы не могли, бойцы вставляли внутрь разгрузок что придется. И вместо ставшей уже стандартной цифрой потерь в три-пять человек при штурме очередного укрепления, мы вдруг получили четырёхкратное превышение.

Да, там и сложность была выше чем обычного! Сложность местности, множество брошенных высотных зданий, погода плохая, и хорошая подготовка и оснащение врага, а не типичные арабы, что американцы используют как «мясо» для своих баз, и что лишь чуточку лучше негров.

Всё сошлось в том бою против нас! Согласен, не спорю. Но бойцы стрелянные! Опытные как черти! Они двигаются на уровне бессмертного без Силы! На предел человеческих возможностей! Они стреляют и попадают по сути не целясь и на звук! И все проблемы местности для них по сути фигня без палочки! Но если что-то из их привычного расклада, обвеса, становится не тем, тут же выпадают из «образа».

Как один мне сказал, «даже если магазин у автомата вдруг изменит форму на пару миллиметров, или нож станет легче или тяжелее грамм на десять, всё, уже будет не то! Уже будем отвлекаться, чувствуя, что что-то не то в снаряге».

Ведь эти парни, даже количество патронов в рожке могли понять по весу автомата в сборе. И я их потерял. Так глупо. Потому что они, не могли двигаться так, как и всегда. Потому то для них, привычная защита груди, перестала их защищать.

Тогда я был зол. Зол по-настоящему. А не потому, что того требовала ситуация. Не играл, а был в бешенстве! И выяснив откуда ноги растут у фальшивых броников, задумал тот план, хоть и надеялся, что его никогда не придется воплощать в жизнь. Пришлось.

И к этому моменту, как я решил действовать, всю схему уже проработали, пусть и большинство людей, участвующих в операции, что как последующие исполнители, что как разработчики, понятия не имели, часть чего им нужно додумать, или для чего что-то сделать. Половину из них, я использовал в темную. И благодаря им всем, даже день «Ч» был выбран верно, суббота, в которую большинство нужных генералов еще не успело укатить отдыхать, а те что успели, сделали это еще недалеко, и соизволили вернуться ради меня, срочную новость несущего.

И наша армия сейчас вовсе не обезглавлена! На своих постах, остались командующий севера, юга и запада. Там нормальные мужики! Хорошие командиры! Ответственные товарищи, берегущие жизни своих бойцов. И то, что я хотел предложить на так толком и не начавшемся собрании, один из них и так уже предлагал, но был послан в дальние дали.

Командование осталось, ведь есть еще куча командиров помимо верховных! И выпавшие звенья легко заменить. И у меня даже есть целый букет кандидатов на эти должности. Я привез с собой из степей своих офицеров! И теперь вывернусь ужом, чтобы воткнуть их на эти должности! Не потому, что они мне нравятся, а потому, что командиры они толковые.

Да, один из них «офицер», потому что я так сказал. У него за плечами — девять классов! И он... еще в учебке на срочной службе, кому-то насолил из начальства, из-за чего, каким-то боком, стал вечным рядовым. Как это произошло, я разбираться не стал. Парен, за три года службы, в армии уже настолько обжился и свыкся со своей судьбой, что иного то и не желает. Сколотил себе команду, с которой и попал к нам, в степи, сразу в самое пекло.

Не растерялся. Быстро всем своим мозги на место вставил, кто духом слаб на поверку оказался, домой сослал, найдя причину, и очень полезным кадром оказался. И я тогда поразился, что командует группой не их кадровый командир, офицер, человек с погонами, а

жалкий рядовой. Но понаблюдав немного, понял, почему так происходит. И быстро оформил парню сначала лейтенанта, а потом и капитана.

Правда смерть товарищей в той мясорубке с дырявыми брониками сильно подкосила его. Я думал всё, не выберется! Ведь и сам он получил тогда серьёзное ранение, хоть и выжил. И с кучей своих товарищей в госпитале оказался. И посмотрелся, как его друзьям ноги отрезают, при невозможности спасти. И много на что еще. Думал всё, сломается! Нет, вернулся. Злой как... существо иного плана. И вновь в атаку ломанулся.

Вот только себя он не бережет! Совсем! Боюсь, перегорит. Надо его спасать! Надо! И командир из него не просто толковый, а гений он! Гений! Так что сделаем ему корку — не проблема! И остальных, без всяких там академий засунем в командиры. Тяжелые времена, всегда прощают подобные действия. Ведь только подобное, может спасти страну.

Ну а знаний не хватающих... они наберутся. Ведь люди без корки, умеют слушать, и вникать. А не смотрят на все и всех с высоко «я лучше знаю!». Ну а стратегическое мышление... у них есть! Потому я их и выбрал. Ну а жестокосердие...

Да, генерал должен быть безжалостным стратегом! Очень хорошим стратегом! В нем не должно быть жалости сердобольной нянечки! Он должен хладнокровно кидать на смерть тысячи, во имя спасения миллионов! Но, разве командир разведгруппы, не делает тоже самое, оставляя двоих прикрывать отход, чтобы уйти остальным? Ведь он тоже прекрасно понимает, что эти двое, УЖЕ трупы!

Да, масштабы меньше, и существенно! С другой стороны, эти двое остающихся, могут быть друзьями-братьями командира! Он с ними вместе водку пили! Спина к спине стояли! А теперь он САМ, без чей либо указки, оставляет их на смерть. Это и есть то самое хладнокровие стратега, жертва малого, ради спасения остального большинства.

Так что любой полевой командир, с тактической точки зрения, легко может командовать хоть дивизией, хоть армией. Если сам захочет, конечно. Ну а стратегическое понимание масштабов, принципы действия и возможности артиллерии, основы взаимодействия различных войск, всему этому не так уж сложно натаскать. Совсем даже не сложно.

Но что-то я с головой в этих перестановках погряз! У нас тут крысы в подземке... хм! Уже изведены! Не то, чтобы совсем, но они по крайней мере больше не нападают на людей и коммуникации, уже хлеб. Крыс в кремле тоже подчистили, не то что бы до конца — это вообще реально? Но по крайней мере можно более не опасаться обнаружить бомбу под собственной жопой в собственном кабинете.

На всякий случай, я со своего стула поднялся, и внимательно его изучил. Если в почти официальном документе упоминаются бомбы в креслах, значит — у кого-то они были! И кто-то, возможно, даже подорвался.

Так... Что у нас там с флотом? Ага, отбыл гонять янок в тихом океане — доброй охоты, парни! Хотя то, что они именно в тихий океан выдвигаются, тут ни где не сказано и не написано между строк — секретность! Просто я об этом и так прекрасно знаю.

А что там на сырьевом фронте? Все стабильно? Ну да... где было плохо — так и осталось. Где было гуд, все так же отлично. Руду капаем, нефть — качаем, поля сеем невпопад. Новый министр сельского хозяйства оказался вновь ни рыбой, ни мясом, и даже не паштетом.

Его вновь попросили — третьего за три года! Так что сельское хозяйство у нас так и функционирует, сидя в хладном теле. И того и глядишь — упадет! Да замертво, учитывая

сильно подросшее население за счет казахов и растущего числа беженцев из ближнего и дальнего зарубежья. Не понятно, какого фига к нам прут «гости» из Нидерландов, преодолевая такие расстояния в поисках... чего-то, но да ладно, это не мои проблемы!

А, понятно! — крикнул я тихонько, взглянув сводки о политике — германия решила, прибрать к рукам своих младших соседей. И если Бельгия сдалась без боя, то вот Нидерланды — что-то уперлись. И в итоге они, оказались зажаты меж морем и войной, потому как немцы недолго думая, обработали им платины с воздуха.

А! И еще и воду им перестали доставлять! Страны Европы вообще объявили за плотинных... бывших за плотинных! Жителей, толи террористами, толи изменниками, и, что называется, вещают их на каждом столбе. Оттого и бегут бедняги, в бывший лагерь противоборствующей силы, а ныне единственное место, где можно укрыться.

Да... тяжело им приходится! И у нас будет, не просто. Мы хоть и примем всех, с распростёртыми объятьями — добрые! Но подстраиваться не будем! Уж я прослежу, чтобы подобного не случилось! Хватит! Я читал истории!

А там, в Европе, сейчас вообще кавардак творится... — скривился я, глядя на карту передела мира — союзы, войны, угрозы в сторону России, будь то это мы во всем плохом, что у них там происходит, виноваты — насрать! Пока нас, физически, не трогают, пусть хоть что говорят! Нам не должно быть до этого дела.

Кстати! Казахи то не пришли к нам с пустыми руками! — взглянул я на иной документ — Притащив с собой довольно дешёвую конину и баранину! Тем самым немного подпортив жизнь нашему уже немного устоявшемуся рынку, демпинганув цены, обанкротив пару фирм, и удовлетворив потребность населения в мясе. Зато в замен требуют пшеницу, овес, и много что еще, включая сельхозхозяйственную технику.

И это у нас есть! Посевы хлебных культур, и овса, у нас с каждым годом лишь наращиваются! И урожаи отменные, но — это все. Что гречу, что рис, что иные культуры для каши, сахара, или хотя бы масла, толком не сеется. И цены на масло растут как на дрожжах, что и не удивительно.

Зато техники у нас вагонами — буквально! Промышленность, за год моего отсутствия, разогрелась, вышло на серии, и работает как часы, штампуя машины и оборудования, словно горячие пирожки. Провели кие-то там правки конструкций, для уменьшения затрат времени и сил на сборку, уменьшили число деталей в узлах и блоках, обновили производственное оборудование.

В общем, что с тракторами, что с комбайнами и косилками, или там грузовиками, что малой тоннажности, что средней или большой, проблем нет никаких. Эшелоны грузятся, движутся, и уже даже прибыли в степные области, пусть несколько поздневато, не в сезон. Все же, лето уже кончилось. Летом было немного не до того, и поставки в нормальном объёме начались только сейчас, в самом конце августа, но даже так, новая техника поможет крестьянам легче пережить зиму.

Если они конечно успеют её освоить не угробив! В новой всё почти как в старой советской с точки зрения управления, но они могли забыть! Столько лет все же прошло! Но думаю, всё будет нормально, если они не решат сейчас пахать и сеять, а только лишь сенца подкосят для скотины для начала.

Министр рыбного промысла... второго главного источника белка в стране — утонул! Второй министр подряд... Да на рыбалке... надо бы сгонять мне в Астрахань с группой зачистки! А... уже без меня сгоняли. У... сколько грязи накопили, жуть!

Лучше я ЭТО даже читать не буду — вытаскив из папки листок за уголок, я брезгливо отбросил его в сторонку, с трудом перебарывая желание «сжечь ересь!», понимая, что бумага, и спецы её писавшие, ни виноват в том, что творила мафия в устье волги.

Ведь то, что там творилось... сравнимо лишь с торговлей детскими органами! Впрочем, это там тоже было, и ФСБ прикрыло, наверное, последний, по крайней мере крупный точно, канал торговли человеческими частями и наркотиками. Органы от нас, смеси — от них. Эх.

Так, что еще хорошего? Ага! Зам министра, ответственный за легкую промышленность, представил миру новую ткань... ладно, это меня не касается. Там у них своя атмосфера, мерзкая, но рабочая, так что пусть и дальше варятся в своём котелке.

Министр культуры... та еще тварь! Причем, вовсе не та, что возглавляет легкую промышленность! Во все не работающая, а наоборот, работу подрывающая. И я много знаю тварей в министерстве, но они, от ЭТОЙ, хотя бы хоть как-то делают вид, что делают что-то полезное. Хотя и долго не держатся в таком случае. Но этот... пи...га...му... ЭТО... эта хрень, обвязалась всеми нашими отечественными «звездами» как гирляндой заложников и динамита, и на отрез отказывается уходить.

Вот только я бы, перекопал бы эту клумбу даже если бы посреди неё НЕ росло кашачное дерево! Чьи плоды, при созревании, не просто падают, а взрываются! Разбрызгивая очень пахучую субстанцию «шалель», на всю страну разом. Ведь все эти «заложники», сами, преступники. И судя по тенденциям, это уже осознано большинство в правительстве, и скоро нас ждет большая порка.

И мне аж прямо не терпится на это посмотреть! — поежился я от предвкушения — И думаю не только мне! А уж если это будет в прямом эфире... думаю, рейтинги будут рекордными! — расплылся в довольной улыбке, уже представляя, как люди радостно хлопают в ладоши перед ТВ, и говорят «ну наконец-то! Свершилось!», ведь именно так все и будет.

Вот только в хозяевах эфира слишком много как раз-таки этих «цвЭтиков» от дерева «аромата», и проверить подобное будет сложно. С другой стороны — есть и нормальные каналы! Так что надо бы подкинуть кое кому весёлую идею.

Разведка докладывает, что НАТО разработало новую систему связи и уже внедряет её в массы среди своих агентов. Значит, все же утекла наша система — потерял наушники на своей шее, новый образец, сделанный взамен утратившего работоспособность — значит скоро наша защищенная и предельно надёжная связь перестанет быть таковой — плохо.

Хотя, возможно, к тому моменту, как враги научатся перехватывать и глушить сигналы этой системы, наши головастики еще что новое придумают? — взглянул я на весьма обнадеживающий отчет о успехах нашей микроэлектроники — Но с другой стороны — а научимся ли мы глушить их сигналы к этому времени?

Но зато по крайней мере ясно, чего это они с таким радостным видом уничтожили половину своей спутниковой группировки во имя уничтожения половины нашей. Когда решили, что всевидящее око над степями это через чур. Надеется на новые системы, хотя на текущий момент, для них потеря такого количества зондов куда более чувствительна, чем для нас.

И этим нужно пользоваться! — вновь взглянул я в сторону выкладки по флоту — Парни! Не подкачайте! Иного шанса не будет.

Ведь пусть США и закрепилось на наших землях, на дальнем востоке, но без снабжения зимой — они никто. А заводов здесь нет. А поставки из Кореи мы легко обрежем. Да и

северокорейские повстанцы помогут мальчика, не упустив момент подгадать. Нужно лишь... «немного» пошуметь.

Хотя если так подумать — корейки и сами там без нас шумят! Вон, китацев жмут как могут, оттяпывая у них провинцию за провинцией! И скоро у нас уже будет по всему амуру проходить не китайская граница, а корейская! И я не вижу в этом ничего хорошего — китаёзы, пусть и тоже шумят, но не идут ни в какое сравнение с этими любителями острой морковки.

— Что-то даже поесть захотелось... — пробормотал, почесывая подбородок.

Встал из-за стола, поперся к шкафчику. Тут у меня припрятан ПОРОШОК протеиновый. Его мне готовит один... не очень хороший человек! Из-за чего вкус у этой дряни, когда его кипятком заваришь, как у... губки для мытья посуды! Которой протерли посуду, со следами плесени.

Та еще фигня! Но мой организм сейчас не в состоянии есть никакую нормальную пищу. Только такую вот бурду, и все элементы должен получать именно из неё. Последствие отсутствия львиной доли кишечника. И именно эта бурда, именно от этого му... человека некачественного! Дает мне самый полный набор всего необходимого.

И это при том, что такого редкостно гадкого вкуса этот... непорядочный гражданин! Добивается без применения химии, ароматизаторов, и прочего. Чисто, зачет вкусовых свойств самих витаминных элементов.

— Интересно, что он туда... — проговорил я в слух, доставая пакетик из шкафа, попутно думая о том, а не подмешали ли туда яда крысиного, пока меня «дома» не было?

И в этот миг, дверь в кабинет из коридора, сначала тихонько приоткрылась, а потом распахнулась настежь, и ко мне в комнату, ворвалась толпа вооруженных людей в масках. И я так и застыл с пакетом «заварки» в одной руке, и чайником без воды в другой. Глядя на эту процессию, что безумно правильно взяла меня на прицел.

Они, не стали ко мне приближаться, заняв позицию полукругом у стены и двери. Не стали меня утыкивать перекрёстным огнем, и лишь четверть стволов смотрит мне в грудь. Они, разбили всю комнату на сектора, перекрыв мне все пути отхода. Вверх, вправо, влево, даже один ствол смотрит мне между ног. Вернее, в ногу. Но не суть. Куда и как бы я не дёрнулся, я получу пулю! А скорее — много пуль! И сразу с двух сторон!

Безумно грамотные люди! И руки их не дрожат. Они держат оружие уверенно, и явно знают своё дело не понаслышке. Они... бойцы! Военные, солдаты... хоть я их и не знаю. Мне не знаком их запах. Но с другой стороны — я и не могу знать всю армию целиком! Даже спецуру! Тем более на запах.

Они пришли за мной, и их привёл сюда... министр обороны. Он появился в дверях, и встал позади всех, не нарушая порядка строя. Он быстро проверил взглядом помещение, проверяя обстановку, и едва заметно улыбнулся, глядя на слегка ошалелого меня, стоящего все так же, с приподнятыми руками, с чайником и пакетиком «лапши».

— Ну как, нравится? — проговорил он, выражая голосом, что ему нет, но он должен это сделать — Когда к тебе в гости вваливается спецназ без приглашения? Когда тебя берут на мушку, и бежать тебе становится некуда? Когда отчаянье, заполняет тебя! И страх смерти... ах, да! Вы ж бессмертные! — усмехнулся он, с тяжелым вздохом — Умрете тут, возродитесь где-то еще. Но что насчет боли? Ах, да, тебя и этим не пронять. — опустил он плечи, притворно задумавшись — Тогда просто слушай, мелкая дрянь. Чтобы к моему министерству, и к армии, больше, НИКОГДА! НЕ ЛЕЗЛА! И на шаг! Что бы я тебя даже

своём присутствии без иных министров в компании не видел! ПОНЯЛА?! Кивни чтоль, для убедительности. — помотал он головой, вздыхая, а я в это время продолжил стоять пучеглазым истуканом, с чайником одной руке — Прострелите ей ногу, что ли, для уверенности. — и две пули вонзились мне в левую ногу.

И я тут же завалился на бок, лишившись точки опоры, а бойцы взвода чуть было не изрешетили меня, из-за моего «движения». Я услышал, как кожа перчаток скрипнула на спусковых корочках, и мои уши, непроизвольно вылезли из волос наполовину, настраиваясь на этот звук, готовясь улавливать только этот скрип, для спасения хозяина.

— В общем! Армия! Не твоя юрисдикция! Запомни это! НА ВСЕГДА!!! — сказал о последнее слово, и ушел, не прощаясь.

И его бойцы, с некоторой задержкой, тоже покинули помещение, до последнего удерживая меня на мушке. Охотники на бессмертных... они всё-таки существуют. А чайник у меня, все так же пуст. Вот только есть я что-то больше не хочу. Пойду в столовую, попью водички.

И я отодрав себя от пола, с щелчком вправил кость на место, пополз обратно к шкафчику за клеем. Намешал двух компонентную дрянь в блюдце, и залил в дыру побольше, фиксируя руками кости в нужном положении, а уцелевшими внутри мышцами придавая застывающей массе нужную форму. Подождал немного пока состав надежно схватится внутри дыры, и натянул сверху над закаменевшим клеем кожу, стягивая края раны руками и делая межклеточное сращивание, по принципу «что смог».

Пуля прошла на вылет. Мышцы, почт не задеты. Падлы, прострелили мне кость! Она у меня... фальшивая, это просто кусок композита, сделанного в лаборатории, к которому уже я сам прирастил суставы с двух сторон. Так что склейка клеем для подобного нормально! Но из-за того, что я «срастил» их довольно топорно, я не могу более поворачивать ступню вокруг своей оси.

Мне нужны новые кости! А это значит мне придется пирется в Новосибирск за новыми экземплярами для себя любимого. Но не полноценными — я не сумею перенести суставы на новые образцы, а синтетические мне не подойдут — слишком большая нагрузка! А за вставками, кусками под склейку, для нормального соединения, имеющегося.

Ну а пока — хромаю в столовку! Попью водички, посижу в тишине. Надеюсь, что хотя бы там, никто не явится по мою душу.

Столовка в кремле... хорошая. Всегда такой была! Вот только дозиметры на входе меня малость смущают! Не уж-то из-за меня? Кто там слил, что я уран на шахте жрал?! Еще бы рамки металл детектора воткнули, что бы министры не воровали столовое серебро! — и с этой мыслью, я положил серебрянную ложку себе в карман. Хотя я бы и без неё все равно бы пищал на каждом детекторе.

О! А вот и свободный столик. Народу тут конечно много, в основном естественно рангом пониже, сильно пониже, а ростом, наоборот, меня повыше. О чем-то они там болтают, но я не слушаю — зачем? Я здесь на отдыхе! И даже включенный на новостной канал телевизор столовой, меня интересует сейчас куда больше, чем все эти бесконечно болтающие люди. У них свои проблемы, а я просто хочу насладиться мгновением покоя. Прочувствовать, идиллию мирного времени.

Блин, как же приятно, вот так, просто, взять и посидеть! В тишине... да, столовский бедлам для меня — тишина! В покое, в мирной обстановке... все же, я почти год провел в бесконечной дороге! Бесконечно куда-то спеша, бесконечно что-то разруливая и решая. В бесконечной гонке со временем. Да в окружении солдат. Выстрелов, и взрывов.

А тут... пусть лишь в этот миг!.. пусть лишь в эту минуту, я в мирном городе, в безопасности, и под защитой.

— Доброе утро — поприветствовал меня какой-то незнакомый клерк, подсев ко мне за стоик, пока я наслаждался мигом тишины и покоя.

Кончилось мгновение.

— Доброе — кивнул я, не отрываясь от огромного стакана с водой, неторопливо потягивая сей божественный нектар.

Вообще, стакан не до конца прозрачный, и окружающие, наверное, думают, что там какой-то сок или чай.

— Новенькая? — поинтересовался неизвестный.

— Угу — кивнул я, заметив на другом конце столовой зевающее лицо одного из известных замов министра обороны.

Собеседник замолчал, начав уплетать свой завтрак. Я, естественно тоже, не спешил вступать в беседу, продолжая воду пить, и наслаждаться мирной атмосферой. Но вот, по ТВ закончились десяти часовые новости, и начался прогноз погоды. Потом будет какая-то передача... вроде, я не знаю, зато мой сосед по столу, услышав погоду для Астаны, вдруг неожиданно вновь оживился. И вновь заговорил:

— Как думаешь... почему они это... ну сдались, то есть, присоединились, вот? Я вот все в толк взять не могу, — почесал он подбородок глядя в сторону экрана, на котором на мгновения мелькнул весь новый контур обновленной России — хотя уж год как прошел с того момента.

Я, решил воздержаться от полемики с неизвестным, допивая остатки. Что неизвестный истолковал по-своему, продолжив говорить:

— Они ж такими гордыми были! Все такими гоголями ходили!.. — чуть не сплюнул он прямо на стол — при каждой встрече, что-то требовали. А если к себе звали, так не рад будешь, что скатался. А тут... а, извини, — взгляну он на меня, и осекся — ты, наверное, не в теме, да?

Я, поставил на стол стакан, и сказал ласковым голосом:

— Почему же?

Собеседник опять истолковал это по-своему.

— Ну... не знаю даже. Же... — развел он руками, и вновь осекся. Опустил конечности и вздохнул — Вот вообще не секу. Их действиям, фактически равны капитуляции, — заводил он ложкой по пустой тарелки — Но почему так внезапно? Ведь еще за неделю до того судьбоносного договора, они нам чуть ли не священную войну объявить хотели, и по нашим городам уже стреляли. А, извини... ты, наверное, не в курсе. — вновь взглянул он на меня — Тогда это все не особо то в прессе освещали. Так, меж строк меж нудиским концерте Киркорова, и новой причёской Баскова.

Вообще-то, тогда это довольно неплохо «освещали»! Пусть и не долго. И исключительно в том ключе, чтобы вызвать максимальное недоверие к текущему правительству у население. Не получилось. Им пришел большой веселейший пенек, пара арестов. А потом и поляки, явились, и казахи, подоспели со своей «капитуляцией», как раз вовремя, пока задницы репортеров еще не остыли, и желание подгадить своей стране и поработать за доллары вновь не возникло. В общем, всё вполне удачно сложилось.

Ничего из этого говорить своему болтливому компаньону за трапезой я естественно не стал, а, с милой улыбкой собирался уже было удалится, но важная шишка при мин обороне, уже заметил мою персону, и взял не самый лучший курс на сближение. И можно конечно тупо свалить, убежать поджав хвост, но зачем? Если он идет ко мне — значит ему что-то нужно.

Значит задницы в министерстве уже начали потихоньку остывать. А я... «нюх, нюх», уже совсем не пахну полем боя.

— Ох, ладно, что же это я всё о своём, да о своём, — улыбнулся мой собеседник — может вам тоже есть что сказать? Ну же, говорите, не стесняйтесь!

— О чем речь? — поинтересовался добравшийся наконец до столика зам большого человека.

— А... здравствуйте. — с невероятным пиететом поздоровался мужчина, подсевший ко мне без спроса, и разве что в поклоне не сложился, пред столь высоким человеком, до нас, маленьким, снизошедший. — Василий Степанович Весть — протянул он руку для рукопожатия, не забыв для этого встать со своего места и даже отодвинуть соседний стул, предлагая новому собеседнику присесть.

Зам министра сел, руку пожал, представляться не стал. Хотя, в прочем, все тут его и так знаю. Но для кого-то он Михаил Леонидович, а для кого-то — просто Мишка.

— Вы уже позавтракали? — с намеком «я мог бы метнуться» проговорил данный жополиз, когда зам министра уже опустил свой зад на стул.

— Да, я уже собирался уходит — взглянул «важный дядя» на меня, катающего последнею каплю по дну стакана — да вот услышал ваш разговор. Так, о чем беседа? — взглянул он на не успевшего обратно сесть человека.

— Да вот... — скривился тот как от лимона — о политике.

— Данный, незнакомый мне друг, — все же решил заговорить я, видя, что этот «друг» как-то совсем стушеввался — никак не может взять в тол, почему гордые жители степи, в друг пришли на поклон нам, а не Америки.

— А! — улыбнулся во весь рот «главный за столом» — Так все очень просто! — и взглядом попросил все так же стоящего мужчину наконец сесть уже, и не маячить над душой

словно дворецкий-привратник — Раньше они думали, нет — были уверены! Что Россия слаба, что русских можно доить и обманывать бесконечно. Что можно будет прыгать перед западом, и получать помощь от нас бесконечно. Что две коровы всяко лучше одной. Да вот одна корова оказалась волком в овечьей шкуре, что уже проникла к ним в стадо, и начала овец резать. Да так, что пастух это заметил, только когда стадо порадело на половину. А вторая, корова, вообще — медведем оказалась. Что на нежную ласку по прощупке вымени, весьма злобно огрызнулась. — улыбнулся зам, глядя на меня.

— Э... — протянул второй мужчина за столом, явно не до конца улавливая суть.

— В общем — взглянул человек из мин обороны по имени Михаил на своего собеседника по имени Васька — Они хотели и дальше быть и там и тут, получать от нас помощь и поддержку как государство-союзник, но при этом и не чураться общением с западом. Но у запада, естественно были свои планы, и они быстро закабалили всю страну. Думаю, вы слышали о кредитах, и визгах банкиров с Уолт Стрит.

— Да... мы и раньше то ничего купить из-за границе не могли, — понимающе пробормотал мистер «весть» — еще со времен двойного переворота... еще со времен союза! — а теперь совсем какая-то лажа. Фактически, они без церемоний заявили, что теперь мы им всегда и за всё должны. Если мы им что-то продаём — то денег за это не получаем. Если покупаем — то не можем за это заплатить, потому как даже валюта просто уходит «в никуда», а не на счета продавцов.

— Да уж, только натуральный обмен! — покивал головой зам министра — Люди Глеба молодцы! — похвалил он людей министра иностранных дел — На наш взгляд — сказал он, как понимаю, от лица всего своего министерства — так для России даже лучше, чем через бумажки. Мы сразу знаем, за что отдаем свой товар без всяких там «колебаний курса».

— Ну... не знаю. — проговорил на это Васька, вновь поковыряв ложкой по пустой тарелке — Вся частная торговля умерла на корню — на что зам министра чуть не подавился смехом, но Василий Весь этого не заметил — Да и вообще, тяжело стало что-либо продавать-покупать. Вы так не думаете? — взглянул он на собеседника, и тот помотал головой.

— Не думаю. — а затем, спустя непродолжительную паузу, решил продолжить тему, что начал — Так вот, помимо кредитов и прочего, загон населения страны в шахты и жёсткого расслоения, да даже утекания власти из рук правящей элиты! Было и еще кое что, что мало кто заметил — взглянул зам министра на мою, все так же скучающе со стаканом персону — Их гнали на нас, словно мясной щит, и плохо обученную армию, что тем ни менее могла выпить из нас тонны крови. И они даже были с этим согласны! Ведь Россия — слаба.

— Нда... — пробормотал собеседник на это — и они даже в чем-то правы.

— Россия не сможет дать сдачи, не пойдет против братского народа, да и вообще! — сделал паузу Мишка, смотря на меня, словно бы желая прожечь насквозь взглядом — Мы не будем действовать пока не станет поздно, и конфликт не затянется на годы. А там уж, и союзники из НАТО подоспеют, и вообще.

— Вы говорите о польско-литовском конфликте? — вдруг оживился человек по фамилии Весть.

Она вообще у него настоящая? Эта фамилия... что-то никогда такой не слышал...

— Нет. — снисходительно взглянул на него собеседник — Я говорю о флагах — и вновь выразительный взгляд на меня. — И они вдруг резко прозрели, осознав, что не будет никакого вечного конфликта и дружбы с западом. И их просто перемелют жерновами, оставив лишь прах и пепел. И сделали удивительно логичный и правильный выбор.

— Зато у нас теперь весь спектр среднеазиатских стран под боком — вновь не согласился с ним собеседник.

— На мой взгляд — вполне нормальные соседи! — усмехнулся на это зам министра, и взглянул на часы.

Вздохнул, встал из-за стала, вновь взглянул на меня.

— И это... министр, вас ждут в зале совета. Совещание начнется ровно через пятнадцать минут.

И ушел. Оставив меня уныло созерцать последнюю каплю в стакане. А моего незнакомого друга-состольника, болтаться осадком напротив.

— Э... — протянул он — Василий — и вытянул через стол свою руку.

Спохватился, встал, и вновь протянул пятерню.

— Василий Степанович Весть.

Я взглянул на его пальцы... ну, едой не испачканы, и в тоже время косметикой не обработаны. Вполне нормальные руки рабочего клерка. Не заводчанин, но и не педик.

— Я ответвлённый по связи с общественностью при министерстве финансов — проговорил он, неловко почесывая затылок второй рукой, первую все так же держа на весу — моя работа вести финансовые выкладки по состоянию экономики страны.

— Фамилия у тебя... — вылил я многострадальную каплю на язык — говорящая.

— Да, специально выбирал. — произнес он, смущенно улыбаясь.

Я зыркнул на него из-подобья — выбирал значит?!

— Это... раньше у меня была фамилия «Жопин» — опустил он наконец руку, плечи, и вообще весь сник.

— Ясно. Заходи в шестисот десятый кабинет, правого крыла министерства. Потолкуем — кровожадно улыбнулся я, вставая из-за стола.

И прихрамывая, направился на выход из столовой, оставил бледного как смерть Жопина Василия сидеть в одиночестве. Вот так и подсаживайся за столик к милым девушкам! Но я его пытать не буду. Его взгляды хоть и далеки от идеала, но если он хоть немного смыслит в работе общественной, он мне пригодиться.

А уметь он должен! Это рублика, за автором Василия Весть, как раз прошла по ТВ пока мы тут болтали. И выкладки там... довольно скромные — о чем говорить, когда торговли толком и нет? Но четкие — всё что есть, разложено как надо. Так что и с ной работой должен справиться. Ну а если нет... чтож, пусть дальше занимается тем, чем умеет.

А за то время, что я неспешно ковыляя преодолевал помещение не маленькой столовой, на ТВ началась реклама. Да не какая-то, а социальная! Её иногда крутя, что правильно. И реклама даже иногда попадаетея правильная! И не очень. И шлак — спасибо министру культуры! Но в этот раз, ролик меня удивил, заставив застыть прямо подле телевизора, мимо которого я и проходил.

— Министр по особым вопросам — появилась на экране картиночка меня, мило и невинно улыбающейся, словно бы и не я, да еще в платье, цвета «пустыня», в котором я торчу и сейчас во столовке — Бессмертная, — и моя фотка отъехала в сторону, а пол экрана заняли характеристики моей тушки.

Рост, что верен, вес, что лож, возраст — да откуда они узнали!? Я не так уж многим это говорил! Но все же обменивался «опытом». И прочие, в лице целой кучи заслуг и достижений. Фоточка меня, тем временем оказалось не совсем форточкой, взгляд девушки с неё сменился с «любопытно невинного» на холодный и беспристрастный, улыбка пропала,

губы вытянулись в тонкую линию. Поза тоже сменилась, что стало казаться что это существо готово драться до конца, а не просить угостить мороженым.

И вообще, из-за увеличения контрастности и затемнения фона, в глаза стали бросаться детали, что ранее в глаза не бросались. Например — брызги свежей крови на одежде. Я кажется знаю, когда была сделала эта «фотка»! Причем именно с таким переходом настроения, мимики и эмоций!

Это было... там. В степях. И снимали меня заграничные репортеры, которые оказались никакими не репортёрами! И в одной из камер был спрятан гранатомет. Но видно один из аппаратов всё же уцелел после всего, и попал в руки «кому надо».

А пока я офигивал, хорошо поставленный голос диктора за кадром, мужской, но не грубый, продолжал вещать:

— Настоящий возраст — четыреста двенадцать лет. Возраст текущего тела — двадцать два года. Из выдающихся достижений, особо выделяется личное командования «однодневной войны» с самопровозглашенной республикой Кустанай, личное участие в ликвидации боевиков парижского картеля, и участие в штурме кремля во время двойного переворота. Её вклад в Россию, какую мы знаем сейчас, сложно переоценить. Её знают многие, теперь знаете и вы!

Ролик закончился, пошла реклама шампуня, а я, со скрипом повернул голову к отчего-то полностью стихшему залу столовой.

— Вот... — пробормотал едва слышимо, видя, что добрая сотня пар глаз, смотрит неотрывно лишь на меня.

Хотел известности? Получи и распишись! И теперь даже оказавшиеся на заборе яйца того, кто пустил этот ролик в сеть, не спасут ситуацию. И теперь, как понимаю, уже буквально, каждая собака знает меня в лицо.

Может позвонить в Останкино? Пусть снимут эту керь с эфира пока не поздно? Да не поздно. Лучше уж пусть крутится. А я сделаю вид, что ничего не знаю, начав плясать в припрыжку на одной ноге, в стиле «я девочка, я девочка, я маленькая, я миленькая». Скромненькая и пушистенькая... Да и вообще! Не так уж плохо сделан этот ролик! А я так могу и опоздать, на то самое, таинственное совещание вне расписания.

Небось меня там опять будут крыть, как овцу на случке!

— Я правда должна это делать? — приподнял я бровь, глядя на человека, в смокинг нарядженного.

Холенного, прилизанного... посланца от Демидова! Начальник ФСБешный, пообещал меня простить за самодурство, если я приму ответственность, за самодурство. Только я не уверен, своего, или кого-то еще?

Президент решил, и под шумок еще даже не начавшейся шумихи с генералами, рванул под самый корень главный рассадник борзоты страны — министерство культуры. Рванул, прямо вместе с корешками! С наскока выдрал все, что только можно, с брызгами и воплями плодов фикалевого дерева. И сие событие, переплюнуло по резонансу даже исчезновения с карт столицы одного из европейских государств, или явление крыс на танках в сочи.

Он упразднил все министерство культуры разом! Теперь у нас министерство просвещения. Шило на мыло, но люди там уже совсем иные от начала и до конца. Это, наверное, единственный случай, первый в истории прецедент, когда при вот такой «смени вывесок» ни один человек из старого органа власти, не переехал в новый, занимающийся тем же самым.

Толи не нашлось достойного, толи решили уж не заморачиваться. Либо в школу школьным учителем, как раз начало года! пусть и не первое сентября, либо вообще — на мороз! Ну как вариант, есть места еще на роли в захудалых театрах, уборщики в сельских клубах, ну и в конце концов — «всеми любимый» — запад! Что их «прямо-таки ждет» в своих объездах, и на который они столько лет молились.

— Конечно должна. — ответил человек из ФСБ, придиричиво осматривая мой наряд.

Красивое платье, без рукавов, с корсетом, с многослойной пышной юбкой, и все это под мой размер подгоняют прямо на мне. Четыре девочки, с иглами на перевес, что-то там подшивают, ушивают, подтягивают, и делаю еще не весь что, пока я стаю истуканом, словно манекен. Чтобы я вот прямо совсем-совсем идеально выглядел! И был «куколкой без единого изъяна» как сказала их старшая.

Ну а товарищ из спецтуры, следит за тем, чтобы они не перестарались. И я не сбежал. И вышел на сцену не с пулеметом наперевес, и криком басом «сча будет мясо!», и вынутым неясно откуда взводом спецназа. Нетак, как я привык это делать! А невинной куколкой, какой они меня хотят миру преподать. Переживают они ведёте ли, что я и здесь буду действовать резко. И всех этих «звезд эстрады» просто поубиваю прямо в прямом эфире, на их последнем ток шоу.

То, что шоу для ни будет последним — я не сомневаюсь. Я сюда для этого пришел! Зарубить этот последний оплот диссидентства федерального канала, только пока еще не знаю, как буду делать это без взвода спецназа.

Фишка в том, что несмотря на то, что президент решил рубить сплеча да сгоряча, он умудрился делать это исключительно закона, и как говорится — по буковке. Никаких арестов без ордена, никаких обвинений без доказательств. Никаких взводов спецназа, без подводящих к этому статей и параграфов.

Но для большинства, что звезд, что их кураторов, что ведущих эстрады, или менеджеров телеканалов, подобные статьи даже и искать не пришлось! Банальная коррупция и злоупотребление властью, и вот уже привет поезд, везущий в Сибирь. Банальное открытые

призывы к свержению власти, да на ТВ, и вот уже двадцать лет, по существующей еще с девяностых статье, о измене родине.

Да банально то, что они сами за бугор убежали в припрыжку, как только все началось! Пусть и попросились обратно уже через неделю, но их тут уже никто не ждал, и даже через таможду не пустил — померла так померла.

Проблем с большинством звезд и их шоу, не было и нет! Но некоторые были и есть, хитро жопой тактикой владеющие! И ни к чему в открытую не призывали, и даже финансовые дела вели относительно честно, что серьезные наезд по этой части будет уже придижкой в глазах общественности.

А некоторые и вовсе, типо переметнулись, и они вообще всегда за россиюшку топили, хоть все прекрасно знают, за что они топят на самом деле. И мне вот таких вот умников, как раз и надо как-нибудь расколупать. Меня такие умники, сами к себе на шоу пригласили! И две девятки не посмел им за меня отказать.

— И зачем это? — скривился я, выковыривая из своего лифака два пучка ваты, которые туда аккуратно уложила мгновение назад одна из девиц.

Девочка с иголкой молча показала на свою грудь, сжимая и разжимая кисти.

— Дурында! Что бы сиськи были! Салдафонка ты несчастная! — проговорила начальница этого сборища, торча где-то вне поля моей видимости.

А вообще она баба «два на два». Сама в моём костюмированные участия не принимающая, стоит, так же как агент федеральной безопасности, в сторонке, и наблюдает за действием подручных, изредка комментируя, в очень грубой манере.

И та еще засранка! Но выбирать не приходится. Меня не каждый день наряжают на парад, хоть и случается подобное, ведь я уже давно стал «публичной персоной». Но те люди, тот человек, что меня обычно «красит», сейчас занят! Так что работает эта... группа. И не сказать, чтобы она работала плохо! Но грубо. И никто из них меня не знает лично, и никто из них, даже не догадывается, на что я способен.

— Засовывай давай обратно! — подошла ко мне эта огромная мадам, видя, что я все так же продолжаю стоять и вату мять.

Отобрала набивку, а я в этот момент выдернул из-под платья лифчик с накладками.

— Ты че делаешь! — возмутилась женщина — Ты же пло... — но слова застряли комом в её горле, так как сиськи на моей груди, вдруг явились миру, полностью запомнив предоставленный объём, натягивая ткань.

— Пойдет? — наклонил я голову на бочек, глядя на неё.

Тетка, судорожно сглотнула, как замороженная плясь на случившееся. Фсбешник кхекнул, и отвернулся, две девочки продолжили работу, не заметив случившегося, копошась где-то у талии, еще столько же впали в ступор, как и их госпожа.

— Челюсть подбери, выпадет! — рявкнула бабища на своих слуг, но сработало лишь на одной, а второй пришлось добавить оплеуху — Работай давай! — рявкнула она на неё — А ты... — вновь уставилась она на мои отросшие сисяндры.

— Соски нужны? Убрать? — решил я её добить, откровенно ехидствуя.

— Убери — буркнула женщина, и отвернулась, отходя в сторонку и забирая не понадобившиеся материалы с собой.

— Могу и бедра ширши сделать! — крикнул я ей в след.

— А можете... — пролепетала одна из девиц, копошащаяся у моей задницы.

— Зад потолще? Могу. — вставив палец в рот для эффектности, надул себе огромную

корму.

Едва-едва, не порвав ткань! Перестаравшись.

— И зачем мы здесь... — проговорила баба с лифчиком в руках — Тебе ведь и макияж не нужен...

А одна из девиц, как бы случайно, уколола меня иглой прямо в щеку. Чуть-чуть, только коснулась! Эффекта не было, игла кожу не пробила. Тогда она поднапряглась, подловчилась, и уколола в туже щеку, но уже вполне серьезно!

— Ты меня еще кислотой облей. — улыбнулся я ей, с застрявшей в коже железкой, что эту кожу все равно особо то и не проткнула, но зато надежно застряла — Чтобы вот, вааах! — развел я руками, а девушка покраснела не хуже одного красного генерала.

И убежала куда-то прочь из гримерки, громко цокая каблучками и игнорируя крик суровой женщины, призывающий немедленно вернуться.

— Ты разбила ей сердце! — усмехнулся ФСБешник, проводив её взглядом, и переключившись на меня.

Я в ответ, уставился на него очень красноречиво, всем видом говоря, что она сейчас в таком состоянии, что таких дел наворотит, что потом спецура годами разгрести будет! А её начальница в этом деле не помощник — она еле ходит от целлюлита! А её товарки, продолжающие робкие попытки что-то в платье подогнать по талии, сами уже красные от злости, замешанной на страхе и зависти.

— Я скажу за ней — правильно понял меня агент, и пробкой от бутылки, вылетел из кабинета.

А я, пользуясь моментом его отсутствия, немножечко сместился от центра комнаты к её краю, создавая неудобства работающим вокруг меня девицам, что вынуждены это терпеть, и смещаться следом. Переместился к столу, на котором брошена моя будничная одежда! К столу, где во внутреннем кармане кителя, припрятан армейский нож, и специальная кобура, для ношения на бедре.

Я ко всему готов! И понимая, что суровая мадам наблюдает, я вынул из одежды вперед ножа, припрятанный там же пакетик с арахисом. Громко шуршавшим целлофан с алюминиевой прослойкой, что зашуршит даже целый стадион. И пользуясь мигом, что женщина, и прочие, отвлеклась на звук, вынул и нож из тайника.

Нож, тут же спрятал от её взора за собственной рукой, еще разочек прошуршал пакетиком открывая, и распространяя запах на всю комнату, буквально провоцируя тетеньку на грубость.

— Ты сейчас что, еще и жрать будешь?! Да ты же... брось! Брось живо!

— Ладно... — проворчал я недовольно, но бросать естественно не стал, стал пытаться положить пакет так, чтобы арахис не рассыпался по всему столу, пачкая форму.

Это естественно не получилось ни с первого, ни со второго раза! И даже не вышло с третьего! И тетка уже направилась ко мне «помочь», напугав своих ассистенток, что всё это время продолжали виться вокруг меня, несмотря на движения в сторону приставным шагом, и близость стола, что мешает работать.

Ну а я, все это время, что пакетик шуршал, отвлекая внимание, и я его «пытался положить как надо», прилаживал ножик к своему левому бедру. Одной рукой, зажав ножны меж ногой и столом, без особых проблем, собрал вместе пряжку и язычок, вставил одно в другое, и застегнул.

И к тому моменту, как тетка пришла отобрать у меня арахис, нож уже был на месте, мои

руки чисты и свободны, а если из девок кто увидел, что я что-то к себе на ногу прицепил, так не скажет точно — они слишком зашуганные! А иначе бы уже точно плеснули бы мне в лицо кислотой.

— А правда, что вы убивали невинных? — задал очередной каверзный вопрос мне ведущий ток шоу.

«По говорим за ужином», или как там она правильно называется — не знаю! Важно то, что шоу до сих пор держит самое рейтинговое время на одном из главных федеральных каналов! И уходить отсюда, похоже не планируют.

И я что-то уже не знаю, не уверен, что после моего тут выступления, их эти «рейтинги» вдруг упадут, или они обосрут достаточно сильно, что бы их можно было прикрыть законно, не перепачкав руки. Пока я тут только обороняюсь, не давая себя свалить, оплевать, и оклеветать, но не уверен, что это надолго. И похоже ребята из ФСБ сильно просчитались насчет этого всего, и после моего появления на экране, рейтинг шоу поперв гору, словно старт ракеты.

— Невинных? — склонил я голову на бок — А вы проверяли их невинность? Лично? — наклонился вперед, как бы желая услышать откровенный шёпот раз разоткровенничавшегося человека.

— Значит там были и женщины, и дети? — не растерялся собеседник, начав давить на мою бесчеловечность будь то только этого и ждал.

— ВЫ ПЕДОФИЛ!?! — отпрянул я прочь, пуча глаза, ставя голову в пол оборота к оппоненту, будучи уверенным, что сейчас в эфир пустят именно дальний план, и только так я смогу пустить в ленту свои эмоции.

Они ведь хитрые, гаденыши! У них тут четыре камеры, две на наши лица крупным планом, одна общий крупный. И одна общий дальний. И они переключаются меж ними так, как выгодно им, а не мне. Поэтому мне приходится работать мимикой так, чтобы на любом кадре были видны нужные мне эмоции.

— Вы, возможно, не так поняли... — немного робко, проговорил человек, так как я все же смог сбить его с ритма наездов своим выкриком.

— Вы, вы... — сделал я вид, что не могу подобрать слов, глядя на собеседника, одновременно с этим улавливая переплотов техников где-то вдалеке, сообщающих о том, что первая ступень ракеты отделилась, и первая космическая взлета рейтинга достигнута.

— Прошу прощения, но разговор все же не о мне... — взял себя в руки ведущий, натянув дежурную улыбку.

— Но как же... — взглянул я с ошарашенным лицом прямо в камеру, в душе тихохонько смеясь, радуясь тому, что техники не успели переключить эфир именно с общего плана куда-то еще, и взгляд в такую камеру, подобен взгляду в зрительский зал, и куда эффективней, чем просто взгляд в камеру, что и так в морду тычут.

Одного утопил! С него теперь не слезут! Нужно еще!

— А вы знаете, как в тюрьме поступают с насильниками и педофилами? — поинтересовался я, решая вбить последний гвоздь в крышку.

Но промахнулся, попав себе по колену! И ведущий вернул себе былую уверенность в мгновение ока.

— А вы там были? Расскажите об этом!

— Нет конечно! — сделал я удивленное лицо, разводя руками — Но был один...

нехороший гражданин, что очень любил поделится подобными историями после отсидки.

— Расскажите? — поинтересовался он, и я понял, что вновь попал куда-то не туда.

— Думаю... как-нибудь в другой раз — сморщил я носик.

И ведущей, видимо поняв, что проколовшись однажды, проколется и дважды, и что во второй раз, пойдя в атаку, я возможно уже не споткнуться столь глупо, решил сменить тактику — позвать второго гостя!

— Встречай! Выдающаяся певица нашей страны! Примадонна эстрады, Алла...

Батюшки! Ты жива еще старушка! — воскликнул я в душе, глядя на зашедшего в студию вместе с приглашением человека — и двигаться еще можешь! А я всё гадал, куда это двести миллилитров моей крови пропало еще в десятом годе! Мы тогда с девяткой пол страны перелопатили, но так и не нашли хвоста! А вот он! Предо мной! Моя крову-кровушка... поддерживаешь жизнь, в этом дряхлом теле, за место тысячи иных процедур. Да еще молодит поди неслабо...

Но увы и ах, забрать тебя, себе обратно, моя кровиночка, я не смогу. Ты уже как бы и не моя, и мой контроль над жидкостью в чужом теле, да еще и столь сильно разбавленной и столь сильно давно, ничтожен. И убить, как человека, так и сам мои клетки, снабжающие этого человека Силой изнутри, тоже, не имею право. Ведь исключительно благодаря таким вот, разбросанным по стране, вот таким моим-немоим кускам, я вообще продолжаю существовать в этом мире. Продолжаю иметь возможность жить активной жизнью, а кому-то иному не толстеть при диком аппетите.

Но кое что я все же могу — и супер звезда, в прямом эфире, гордо зайдя под свет софитов походкой королевы, запутывается об собственные ноги. Спотыкается, падет мордой об пол. Даже толком руки не вставляя! Просто, как бревно! Как упавший фонарь...

Я — делаю удивленное лицо. Ведущий — сохраняет на некоторое время покерфейс. Но через пару мгновений до него все же доходит — это ведь не по сценарию! И он срывается помогать упавшему человеку.

— Алла Борисовна! Что с вами?!

Я, продолжаю сидеть в сторонке, пуча глазенки. Но видя, что человек явно не может подняться на ноги самостоятельно, и вообще, чуть ли не при смерти, обращаюсь командным голосом к техникам:

— Скорую! Быстро!

И к пострадавшей в кадр эфира врываются люди из обслуживающего персонала. Менеджер, наблюдавший за происходящим будучи вне кадра, кричит «врубите рекламу», ну а я... продолжаю сидеть, наблюдая за всем со стороны с очень озабоченным лицом.

Все же, все что я могу сделать с кровью внутри этой женщины, это сделать её чуть гуще, чем она должна быть. Устроить сбой в питании мозга, и сделать так, чтобы у неё на время пропала всякая координация движений, и ориентирование в пространстве. В общем — клиент для скорой! Поправится она быстро, но не уверен, что даже после такого короткого кислородного голодания мозг столь старого человека отделается лишь испугом.

Возможно, какое-то время ходить будет как пьяная. Возможно, память пострадает. Возможно, речь станет такой себе. Или голос пропадет. Всё возможно! Но это мне уже не ведомо. Важно, что на ближайшее время о ней можно забыть, а за это время, без усиленной раскрутки в СМИ, которой быть сейчас мы уже не позволим, её забудут очень быстро.

А вообще удивительно, как этот реликтовый динозавр, пережил все смутные и не очень времена, и остался на коне! Вот просто... загадка века какая-то! Ведь даже из старых,

старых, звезд, она, наверное, единственная, кто голосит как сейчас, так и голосила еще при союзе. И я даже не знаю, удивляться ли мне этому, или злится на подобную ересь. Ведь сейчас она поёт исключительно под фанеру.

Шоу тем временем решили продолжить. Решение более чем очевидное и ожидаемое — время эфира дорого! Время эфира надо использовать! Прайм-тайм, огромные рейтинги, тут не факт, что даже в случае пожара в студии отменили бы показ! Что уж тут говорить, об упавшей звезде.

Работать соло ведущий не стал почти сразу, и с ходу пригласил «менее известную, но тоже выдающуюся и популярную восходящую звезду эстрады», и когда она зашла, я понял почему она Выдающаяся и Восходящая. Сильно накрашенная кикимора, но с очень длинными ногами, и с безумно огромными доями. Её вымени позавидовали бы многие коровы!

— Так вот кто поставляет стране молочко от Жанны! — не смог удержаться я от шпильки, глядя как эта краалья подседа к ведущему на диванчик.

И, надо отдать ей должное, выдержки ей вполне хватило, чтобы ровным счетом никак не среагировать на мой подкол. А поскольку ведущий тоже, не вмешивается, я решил продолжить катать тему сисек, раз уж сам начал:

— И не тяжело? — приподнял я бровь.

— Зато все мужчины мои! — проговорила она слегка басовитым голосом, приподнимая свои дойки, красуясь.

Сколько же там силикона?! — скривился я в душе, но виду не подал — А еще меж этих доек, можно спрятать целый кольт! Что она и сделала, запрятав его там дулом вниз.

— Это точно. — поддакнул гостье ведущий, с фальшивой улыбкой взглянув на её вымя. — Итак, продолжаем. Скажите Жанна, вам хорошо известна наша гостья? — кивнул он на меня.

— Да в первый раз вижу! — честно призналась та, а я понял, что она у нас тут взяла роль бой бабы.

Такой, с плеткой! Её кожаная короткая мини-юбка, и кожаный недокорсет об этом как бы не намекают, а кричат! Да и макияж её, и каблуки на шпильках, делающие и без того высокую каланчу еще выше — все об этом говорит! Но вот вопрос, если она бой-баба-стриптизёрша, то я то тогда кто? Пацанка салдофонка? Милая убивашка? Я до этого все-таки больше в адекватность упирал...

— А вы Александра, знакомы с Жанной? — поинтересовался любопытный ведущий, и я помотал головой, так же честно признаваясь:

— Первый раз вижу!

— Ну а меня то вы хоть знаете? — улыбнулся он, и я вновь замотал головой.

— Я и вас то второй раз вижу.

— Хорошо, а где тогда вы меня видели впервые?

— По телевизору! — улыбнулся я невинно — Вы, кажется, были гостем шоу у другого ведущего.

— Это же было семь лет назад! — тихо шепчет один техник другому где-то за периметром света софитов.

— А вам бы я все же посоветовала бы избавиться от силикона в теле — обратился я к гостье, вновь сползая на тему вымени, пользуясь тем, что ведущей на мгновение завис.

— Какой силикон, деточка! Это настоящие! — вновь приподняла она их повыше, явно

неслабо так гордясь подобным «достоянием».

— Ну-ну. Вы это операционным швам пластического хирурга скажите. — помотал я головой улыбаясь — Зря вы сиси пред камерой поднимали, швы же видно стало. Особенно под левой.

Звезда скорчила очень недовольную мину, а по рядам техников пошли шепотки:

— И правда что ль?

— И правда видно!

— Ну что, показываем? Даём в эфир?

И видимо последний шепоток в наступивший на пару секунд тишине был достаточно громким, чтобы его услышала даже большесися.

— Не смей! — рявкнула она, куда-то за пределы сцены — Не вздумай! — и даже соскочила со своего места, собираясь идти разбираться, но ведущий усадил её обратно, с нежностью коснувшись оголенной ноги.

— Конечно они настоящие. Мы верим вам — проговорил он, подавая едва уловимый жест техникам, чтобы они и не думали пускать такой компромат в эфир.

Хотя какой там компромат? У половины звёзд такие шрамы есть! А у второй, они просто менее заметные! Да и не скрывают многие вообще, что были на столах хирургов. Даже рекламируют порой, говоря на публику, что это модно и круто.

— Пускайте в эфир — обернулся я в сторону техников, и произнеся это голосом, не допускающим неповиновения.

И, обслуга, немного ошалела. С одной стороны — я министр! С другой — не их начальник! Царь далеко, а начальство вот оно. Но в помещение студии вошел представитель ФСБ, и, несмотря на уже заметное жестикулировали ведущего, и бег самого продюсера шоу к монтерам, похоже, всё уже склоняются к пуску в эфир компромата.

— Ну что ты наделала... — проговорила на это звезда телеэкрана.

И обратив внимание, что всё, даже ведущий и я, не говоря уже о тех, что за сценой софитов, и не у камеры, отвлеклись от наших диванов и её персоны, куда-то туда, прочь, на комнату монтеров, достала свой кольт, прятанный меж сисек.

Снятие с предохранителя, взвод крючка, наведение на цель, все действия её руки, выдают в ней то, что она с данного оружия уже ни раз и не два стреляла. Профессионал! Данного огнестрала, и баба с яйцами, что планировала меня убить в прямом эфире, даже если бы это ей стоило бы ей жизни.

В чем смысл? А хрен её знает! Возможно хотела таким образом сыскать себе вечную мировую славу — ведь она уже стареет! И вряд ли сможет быть вечно поющей мумией! А может просто, зависть съела душу — не знаю! Но убить ей себя я естественно не позволю. Как и не позволю это сделать тому человечку за камерой дальнего плана, что вместо общего плана на студию, стал выцеливать лично меня, своим странным аппаратом.

Ножик из-под юбки, выскакивает быстрее, чем дуло кольта становится напротив моего лба. Ведь я, несмотря на весь вид полностью поглощённого иной заботой человека, продолжал следить как за ней, так и за всеми прочими людьми, меня окружающими. И, когда женщина сунула руку меж своих буферов, а один из ряженных техников, решил, что время пришло, я уже сунул руку себе под попу к бедру, к кобуре.

И когда тетка взвела курок, нож уже покинул ножны. А когда оружие наконец взяло меня на мушку, я уже, сместился вперед, пригибаясь. Уходя от выстрела, под аккомпанемент скрипа работы механизма спуска курка револьвера.

— «Бах!» — оглушающий выстрел, и диван, в месте где я только что сидел, взрывается вихрем наполнителя.

Люди, всей толпой, мгновенно поворачиваются на шум, пуча глаза и не понимая, что произошло. Откуда хлопок? Что особо то и не звучал для них, из-за шумоподавления зала. А где-то за периметром круга софитов, падает человек, с ножом в печени. И ФСБешник, уже среагировал на него, пока никто еще ничего не понял. Он не даст ему подняться, и вновь встать за «камеру».

Сисястая звездочка так же не понимает, что случилось, ведь мгновения назад я был там! Она целилась в меня! Она нажала на спуск, направляя ствол в меня почти в упор! И вот, моргнула глазом, сделала выстрел, а меня и нет там! А в диване дырка.

— Ку-ку! — говорю я, привлекая к себе внимание, будучи в упор к ней, и стоя на корточках подле её колен.

— Бах! — звучит новый выстрел прямо у меня на ухом.

— Не, ну это уже не смешно. — встаю я в полный рост, морща лобик, а рука у тетки уже как бы сломана, и неестественно изогнута.

Пока я поднимался, я ей её и сломал. И теперь отхожу в сторону, демонстративно медленно, неторопливо, будучи вновь на прицеле у камеры, но уже обычной, без спрятанного внутри неё гранатомета. Красуюсь... пока до теки еще не дошло, что её сустав вывернут в противоположную сторону, и нажать на спуск она уже не может. Иду от бедра, показывая всем, какие у меня упругие ляшечки, и что там на них, есть красивая кобура.

А женщина, чья рука, повисла мертвой плетью, а кости расцепились в локтевом суставе, еще даже не поняла, что же собственно произошло. Она, не видела в какой момент, я ей сломал конечность, и боль от этого, еще пока не дошла до глупого мозга. Я сделал всего то один взмах, как бы походью...

— АААА! — визг, как взрыв, как выстрел.

Техники разбегаются. И матюгаются, пытаюсь срочно что-то придумать, но не понимают в каком ключе им, надо думать. Чистая, залитая софитами сцена, вдруг пачкается человеческими испражнениями, и вовсе не кровью. Да столь обильно, что мне приходится начинать двигаться, дабы уйти от поражения, от попадания чего-то пахучего, прямо на лицо.

Хотели шоу? Хотели его закрытия? Получите распишитесь! У вас теперь тут истекающий кровью труп, камера-гранатомет, что может работать и в том и том режиме, и что толком не пахнет ничем даже для меня, просто я уже подобное однажды видел, павшая звезда, и взрыв дер...

Что ж, вот я и зазвездился! По полной, по уши. И выступил, и не запачкался, и потом еще разочек в гости на один канал зашел, с ОМОНОм, как я люблю! Да в платье белом — вообще-то, это был медицинский халат! Просто я был предельно рядом от той телестудией, получая себе в ногу вставку в кость, за место не выдержавшего испытаний суровым миром, клея. Не смог отказать себе в удовольствии! И ввалился в прямой эфир, с автоматом наперевес.

После того обгаженного шоу, не знаю почему, но некоторые телестудии решили, что сейчас самое время подосрять стране по полной. И начали хаять уже в открытую, баррикадирусь в своих павильонах, видя оттуда прямую трансляцию, через спутниковый эфир.

Решили видно, что мы не будем вваливаться к ним в прямую трансляцию, когда они кричат на всю страну «мне стыдно, что я русский!». А просто отрубить трансляцию на местные вышки вещания, пересылаемую туда через космос, у нас не хватит технической возможности.

Да сча! Последнее вообще изи! На выбор, хоть технически прервать, глушилкой, хоть через людей — приказать вышкам выключить приём с такого-то канала, хоть программно — крякнуть спутники, что правда чревато, их там и только половина от номинала, половина из которых не наша, и я не уверен, что все там так просто как хотелось бы. Или же вообще, банально разнеси в хлам их передающую антенну! Что не за баррикадой, а на крыше и «открыта всем ветрам».

Но мы наоборот, зашли к ним в гости, прямо в эфир, сапогами в грязи, протоптав по красным дорожкам передачи «как у нас все плохо». Сделали так, чтобы название оправдывало действительно! У них действительно стало все плохо, ведь лежать мордой в пол, такое себе. А уж ехать на севера-лесоповал...

Зашли к ним как к себе домой! И эфир отрубать не стали, даже после утихомиривания буйных особо удачными затыченами! Пусть послушает вся та левобережники, что их смотрят, какие законы конституции нарушили их кумиры, когда пришедший с нами прокурор, их совместно с правами потерпевших зачитает! Пусть поглядят, что их ждет, если не будут держать в узде свою жажду разрушений. Ну или едут туда «где трава зеленее», да назад не просятся, как некоторые.

Ведь кто таких людей смотрят? Такие же, диссидентские настроенные, и пороха не нюхавшие, люди. Что все прошедшие смутные годы прожили где-то за печкой! Или у кого-то за пазухой. И пусть они видят, что бывает с такими, если перейти черту! И пусть они боятся! Так будет лучше для страны, чем пытаться как-то мирно убедить, таких недальновидных людей.

В общем, славу я сыскал себе всемирную! К добру-ль, к худу — не знаю! Но это лучше, чем сидеть, заныкавшись в песок, и всех игнорить, наложив на все запрет и вето, сказав всем — персона под секретом! Раз уж решили, сделать меня персоной публике известной, то лучше сие движение мне самому, так или иначе, возглавить. И раз уж решили почистить, поковырять неблагонадежные слои общества, то лучше их сразу добить, чем давать оставлять на дальнейшее размножение и разложение.

Возможно, такая колючая правда, и такие жесткие меры, не всем понравится, и я уже

опять чьи-то планы попортил, но пусть будет так! Если конечно это не приведёт в последствии к вилам и факелам. Ведь я теперь даже и не знаю, что обо мне там думает общественность. Впрочем, сейчас, это не главная проблема. И не только для меня.

Большой передел информационной сферы, новый подход к культурным ценностям, изменения системы работы музеев и прочих культурно-досуговых центров, все это сильно так взбудоражило и до того не спящую страну. И она гудит словно разваленный улей! Но с другой стороны, подход людей нового министерства к делу, верен, и курс они взяли крайне грамотный.

Мир изменился, мирное время уходит. Интересы людей смещаются, им больше не нужны комики и гомики. Им даже стали не интересны старые музеи, с древними экспонатами. Вот музей, скажем, паровозной техники — это совсем другой разговор! А если в этом музее эта техника еще и на ходу...

Выставочный зал электроники, музей воинской славы, науч поп по ТВ, и встреча с реальными бессмертными. Вот новые интересы людей нового мира! Они были такими и до передела! Но просто старый министр навязывал всем свои идеалы. Убаюкивал, успокаивал, иногда кричал о шапкозакидательстве, что иная грань, но той же монеты. И никогда не объяснял.

Изменения в министерстве культуры, что перестало быть министерством, затронули и систему образования. Стали пересматриваются многие учебники и книжки, и активно думать об введении специальных предметов, по типу логики, тактическому планированию, и ориентированию на местности. В школьном курсе! Но как добровольный предмет, с уроком раз в неделю.

Правда пока это все теория, а на практике бы просто с образованием разобрались, и уж не до высоких свершений. Хотя бы хоть как-то нормально учить начали! А то на последнем совещании уже была поднята идея, вообще, рубануть сплеча и образовательное министерство за непроф пригодность. И учредить на его место какое-нибудь новое, или вообще слить вместе с министерством просвещения.

Но последние и так зашиваются, а набранный чуть ли не с улицы коллектив, не факт, что сможет работать в текущем темпе хоть как-то серьёзный срок. И не факт, что не скатится куда-то в глубины мрака, ведь сейчас он все же больше разрушает, чем созидает, а это куда проще. Но реальные результаты мы сможем увидеть только спустя время.

А у меня сейчас, в плане тоже, так сказать, культурное мероприятие. Посещение одного свеженького, тепленького, только построенного предприятия. Что будет штамповать для страны дронов-снегоуборщиков. Небольших компактных машин, что в зиму, пока я гонял приспешников НАТО по степям, проходили последний этап тестирования в пятнадцати городах страны, и в Москве в том числе. Машин, что показали себя с очень хорошей стороны.

Да, у них есть недостатки! И главный из них, вскрылся как раз при финальном тестировании — искусственный интеллект этих двухтонных агрегатов, вообще не дружит с естественным интеллектом любых иных снегоуборщиков. Пилотируемые машинами, вышедшими на улицу в помощь или совместную работу. И если они обнаруживают хоть одну уже почищенную улицу... начинается какая-то дичь.

Работая в полной автономии, коллективный разум этих машин, имеющих возможность общаться друг с другом как напрямую, так и через сервер, разбивает весь город, еще на стадии карты, на квадраты и кусочки улиц, делая так, чтобы каждой машине досталось равное количество территорий под уборку, и никому не пришлось кататься по два раза,

протирая там, где уже убрано.

Эти квадраты и сектора, могут выглядеть странно, с точки зрения человека и человеческой логики, но с точки зрения машин, они идеально верны, как и верны они с точки зрения карты линей прочистки. Это всё можно проверить банально по выкладкам программы системы управления и наблюдения — в серверной, куда стекаются все данные со всех машин, в том числе и записи с панорамных видеорегистраторов.

Затем, подготовив примерный маршрут, машины делают первый пробный выезд на местность, находят косяки картографии, припаркованные не там авто, и еще много чего! Заставляя работать иные службы. В особенности ГАИ, и эвакуаторные средства. Ну и картографам, тоже работы дают. Ну и естественно, для себя, эти автономные снегоуборщики тоже делают пометки, обнаруживая неожиданно всплывшие горы и овраги.

Маршруты изменяют, пропорции загруженности тоже, ведь где-то улицы широкие, где-то наоборот, и где-то надо ездить два-три раза, где-то есть большая парковка, а где-то она маленькая, а на карте этого всего нет, или обозначение крайне условное.

Система оптимизируется, подстраивается, а оператор просто следит за тем, чтобы машинная логика не зашла куда-то не туда в процессе. И не решила, что раз проезд перегорожен, значит его и не существует. А несуществующий в реальности проезд, должен вот-вот появиться, надо просто и дальше к нему подъезжать каждый день, теряя время.

А если же в это всё попадает улица уже, чищенная кем-то, машина это понимает, но не понимает КЕМ. Начинается внутренний конфликт программ, разборки «кто ЭТО сделал!?!» внутренние перепалки меж интеллектов различных единиц, и криками в стиле «это не я! Это не я!», что приводит в последствии к тотальным сбоям.

Идеальная карта рушится как карточный замок, машины начинают кататься по одному и тому же месту дважды, где-то наоборот, забывать почистить кусок или даже целую улицу, и все идет по звезде, к полной перезагрузки системы и запуска процесса накопления опыта заново.

И легко сказать — пусть чистят своё, а люди — своё! И то возможно! Но только при делении города на крупные ломти. И установка базы дронов как раз внутри «ломтя» который они должны будут чистить. Иначе... у людей есть гаденькое свойство зевать снегопад! А машина, не захочет ехать по нечищенной дороге.

Она её почистит! Она внесет её в свою карту! Откуда её можно будет удалить, но снегоуборщик туда эту грязную дорогу вновь впихнет, как только обнаружит неубранный снег. И каждый раз проводить удаление тяжко, а стоит машине найти, что дорожка в её юрисдикции уже кем-то пройдена... начнется все тот же конфликт.

Да и человеку, в отличии от машины, сложно будет объяснить, почему вот этот кусок надо чистить, а вот этот нет. А машину в свою очередь сложно заставить не чистить чуть больше, чем установленная карта, если дорога и дальше продолжается, и она там не чищена.

А потому разграничение территории необходимо, и дроны должны чистить вокруг своей базы, а не гоня из неизвестных дебрей на свою территории. Это и удобно, учитывая, что бункеры свои им разгружать куда-то надо, и они не любят делать бортики у обочины, и экономически выгодно — они не жрут литры топлива, катаясь на дальняк порожними и гружёными.

Но больше всего проблем конечно же доставили дворы. Бесконечный сложнейший лабиринт, куча припаркованных автомобилей, дети и люди, что не знают ни страха, ни совести. Да белье, падающее с балконов прямо на кабину, закрывая часть сенсоров и

заставляя машину вставать в бездействие, ожидая команды из центра. Устраивая тем самым нехилых таких размеров затор.

Дроны, оснащены целым спектром датчиком! И они не заметут ни человека, ни собаку, или иное другое крупное животное. Даже если оно прячется в сугробе! Даже тогда, когда его не видно снаружи, и любой бы водила на грейдере бы точно его там не нашел. И уже были случаи, когда снегоуборщики находили бомжей-алкашей в сугробах, и грузили медиков работой по выковыриванию несчастных из толстого пласта снега, упавшего с крыши.

Однако эти же датчики, подпорчивают им жизнь, ведь дроны умеют различать припаркованное авто с человеком, от авто без человеком. И машина с, человеком, по их программе, фактор высокой не предсказуемости, который нужно объезжать по дуге с запасом расстояния не менее полуметра.

Ведь человек может, решит выйти не заметив уборщика. Высунуть руку, не увидев уборщика, вообще поехать дальше на своей тачиле, решив, что уборщик — не трамвай! А потому, по мнению ИИ, с такими кадрам надо быть осторожней вдвойне!

Поэтому пришлось принять закон, запрещающий даже при незапланированной остановке вне парковочных мест «на аварийку» находится в салоне авто. Что кстати, сразу сильно поубавило число таких любителей парковаться в двухчасовом ожидании «пока жена из магазина выйдет».

Ну а дворы... их пришлось оставить людям. Это слишком сложно для искусственного сознания! И они там вечно путаются, теряя кучу времени, в то время как очистку города средних размеров «до блеска», пятидесяти машинам хватает и ночи. И они почти бесшумные, и никому не мешают.

Дроны, имеют в своем арсенале кучу инструментов, в том числе и бункер для снега, и лопату и щетку, и могут использовать снеговой бункер как бункер для песка или соли. Они могут как вывозить снег, сами в себя загружая, и выгружая, так и просто сгребать его на обочину, или «кидать» от дороги подальше, в случае с магистралями. Где их тоже уже опробовали, и рассматривают возможность дальнейшего применения на очистке трас, и сельских дорог и улиц.

Дроны оснащены мощным и надежным шести цилиндровым рядным дизелем, что в состоянии работать сутками без перегрева или каких-либо иных последствий. Главное масло менять строго в интервал, и проблем не будет. Ну и топливо, не лить то, что добыто «от кавказского друга».

Дроны, прекрасно себя чувствуют в потоке других машин! Что позволяет их использовать и в дневное время, в случае снегопада. И заставляет думать особо рьяные головы, о вводе их интеллекта в гражданский автотранспорт, или хотя бы в автобусные перевозки.

Моё личное мнение, что это всё преждевременное. И даже постройка нового завода в Кировской области, это несколько преждевременный и рисковый шаг. Ведь это целый завод! Огромный завод! Целый город!

Огромные цеха. Куча станков, комплексы... будь то нам некуда девать средства и силы! Собственное производство дизелей, собственное производство коробок передач и деталей трансмиссий, своя литейка, и свой цех закалки и обработки деталей. Свои промышленные мощности для сборки силовых управляющих узлов!

И только высокоточные изделия — насос высокого давления системы впрыска и форсунки, высокоинтеллектуальные изделия — процессор и все что с ним и вокруг него, и

резинотехнические компоненты, шланги, шины и прочие, производят не здесь. Не на этом заводе гиганте, отгроханном чуть ли не за год.

И все это заточено под одну единственную цель — штамповать снегоуборщики с искусственным интеллектом! Целый город построенный ради этого, ради этого... сомнительного дела.

Я даже до конца не понимаю, откуда они набрали такое количество рабочих! Чтобы все это запустить в производство. Но как мне тут отчитались, набор необходимых кадров уже завершён на девяносто процентов, и сегодня как раз стартует первая линия производства из полностью укомплектованных, а летейка была запущена в оборот, в штатный режим, еще неделю назад.

Я не понимаю, как это, и кто провернул, как не понимаю и зачем. Ведь старая линия, при одном из старых заводов, где уже выпустили больше тысячи штук данных аппаратов для уборки снега, никуда не делась и деваться не собирается. Стоит как стояла, и будет стоять и будет работать. Только делать версию дрона с кабиной для человека. То есть и не дрона вовсе, а компактного снегоуборщика для дворов и сложных улиц.

И мне тем более не понятно, зачем было выворачивается таким ужом, и строить все сложное производство тут же рядом, как тот же завод дизелей. Уж обошлись бы штампованием кузова и сборкой! Зачем все так усложнять?! Тем более что дизель этот, тоже уже производится и даже крупной серией, на одном из крупнейших заводов страны. И вообще, зашел конструкторам настолько, что грозит в скорости стать одним из самых массовых двигателей эпохи.

И это при том, что военный броневик, для которого данный двигатель был разработан когда-то, так и не пошел в серию. Ни сам броневик, не подошел воякам, ни двигатель, ими не был заценен по заслугам. Он, по мнению военных, вышел слишком слабым, и слишком инертным, тихоходная надежная лошадь, годящаяся только для грузовика, куда этот двигатель в последствии и будут ставить помимо дронов.

В общем — я не понимаю! Но возможно — я не прав. Ведь проблема уборки улиц зимой у нас действительно стоит довольно остро. И дворников, с улучшением качества жизни, становится набрать все сложнее и сложнее. А автоуборщики, при своих компактных размерах, могут чистить и тротуары тоже. Ночью, когда по ним никто не ходит.

Автоматизацию общественного городского транспорта я тоже, встречаю холодно. Разве что трамваи мне нравятся, ведь там управление настолько простое, что справится даже ребенок. Это же касается и метрополитена, и в Москве уже на половине линий катаются беспилотные составы, а вторую планируют обеспилотить в ближайшее время.

Там конечно тоже есть проблемы! И не смотря на все датчики, за техникой все равно должен следить человек. Это банально дешевле, чем тыкать сенсоры буквально на все, как это делается на недоступных взору частях состава, и все равно утыкаться в то, что нужен наблюдающий за всем техник. И это же касается и машинистов поездов на магистралях.

Но этот человек, сидящий в кабине вагона метро или в локомотиве поезда, уже не машинист! Он техник! Человек с ключом, а не штурвалом! У него и образование не то, и работа не та, и жизнь его проще и сложнее одновременно. С одной стороны, ему не нужно неустанно следить за дорогой без права отвлечься даже если пятки уже лижут языки костра под приборной панелью.

А с другой стороны, ему нужны знания, которых не должно быть у человека, управляющего вагонами, движущимися строго по рельсам строго по заданным параметрам.

Его работа не неустанно следить за дорогой и более ничего не знать, не делать и не ведать! Его работа как раз-таки следить за техникой, чтобы она там не перегрелась и не замкнула, а за дорогой проследит и ИИ.

Это конечно проще — можно и чай погонять, и газетку почитать, а старую надежность у локомотивов никто пока что не отнял, но случись что, ему уже не отбрехаться законной отговоркой «я же за дорогой следил!» — его работа следить за машиной! За тем, чтобы локомотив не сгорел от недогляда! Хотя чтобы такое случилось мало будет даже просто уснуть в кабине.

И автоматизацией одного только подвижного состава министр транспорта не ограничился! Он пошел далее! Он стал автоматизировать ВСЮ железную дорогу, делать так, чтобы человеку даже к путям подходить ненужно было. Не к магистралям, не к сортировкам. Никаких более скрежетальщиков, с оторванными конечностями. Ни каких стрелочников, даже на условно подъездных путях. Все делает автоматика, управляемая компьютером.

Новые сортировки уже построены в нескольких городах, и так сказать, проходят обкатку. На них действует куча различных систем погрузки-выгрузки, и специальные рельсы меж рельс, для проезда маленьких дрезин-буксиров, растаскивающих вагоны по путям, при такой необходимости. Эстакады разгрузки, бункеры загрузки, заливные комплексы, зернонасосы, и даже порталные краны, для разгрузки-загрузки океанских контейнеров.

Все это конечно еще не идеально. И всё это, несмотря на то, что переделка следующей, «второй очереди», новой партии крупных узловых станций, уже начата, пока почти что теория без практики. Чтобы по-настоящему оценить удобства-неудобства, нужно время, хотя бы лет десять! Только за это время можно будет понять, насколько надежна и выгодна в эксплуатации та или иная система.

Но я не считаю, что министр транспорта торопится. Транспорт — артерия страны! И даже если проект провалится, и все придется делать руками без автоматики, сами пути никуда не денутся, как и те же самые порталные краны. А значит — всё не зря, и всё вперед.

Да и к тому же, люди из железной дороги не исчезнут никогда. И точно так же, как в трамваях будут ездить и едят кондуктора, поездкам будут и нужны проводники. Путевые обходчики, от которых никуда не деться. Ну и начальники станций, без которых вообще не обойтись.

И это не считая оравы программистов, армии техников, и еще кучи кучной различных людей, нужных, чтобы вся эта автономная система хоть как-то работала. Да даже банальный наблюдатель за системой автозаполнения бочек соляжкой, и то нужен этой системе! Ведь цена ошибки — слишком велика.

— А не хило так... — проговорил я, осматривая высоту и «глубину» цеха, пахнувшего свежей краской и запахом водоотталкивающей пропитки для бетона. — Эхо! — сказал и улыбнулся, не услышав этого самого эха, за место которого звук потонул где-то в глубине комплекса, откуда так и не вернулся.

Фундамент под данный комплекс был залит еще года два или три назад, не помню даже когда. Да с тех пор так и стоял брошенным, забытым. Мы тут желали автозавод отгрохать! Легковушки делать. Но поняли потом — а зачем? А главное — на фига?! Чуть поднадвили на заводи ки имеющиеся, машинки производящие, чтоб те работали как надо, и в количестве, и в качестве, и чуть было не захлебнулись в автопроме.

Потом, правда, нашлось куда девать все эти драндулеты, ведь заполонившие все улицы

страны, за годы нулевые, иномарки, надо на что-то менять. С тем курсом, что нам тогда навязали, несмотря на все предоставленные западом для нас льготы на автопром, купить что-то из загранично-автомобильного для себя может позволить лишь вор, не знающий ценности украденных денег.

Дорого, и недоступно. Своё... ну были проблемы! И сейчас в принципе есть и не малые! Но там вроде как разбираются, хотя я деталей не знаю — на машинах не езжу. Знаю только, что президент катается на какой-то там бронированной волге, с оочень длинным носом. Слышал, туда воткнули двигатель от грузовика, но деталей тоже не знаю.

В любом случае, фундамент нашел свой завод. Хотя тут надо понимать, что, то, что мы планировали тут построить по изначальному плану, и то, что тут отгрохали, вовсе не одно и тоже. Мы планировали просто сборку, с готовыми двигателями и деталями трансмиссией, а тут... так что строители развернулись по полной. Что называется — отожгли!

А еще, пока я «бил баклуш» где-то на центральном юге, они отожгли и в иных местах по стране. Отгрохали целую тучу элеваторов! Самого разного вида! Для самого разного зерна! От хлебных культур, до подсолнечника, от гречи, до гороха. И все они стоят теперь пустыми.

Ну нету зерна! Нету! Не в таких безумных количествах! Не вырастили! Не насадили! Не столь бодрыми были колхозники наши, как наши же строители! Не столь безумны, чтобы столько выращивать, даже не подозревая, что для них столько места подготовили.

А элеваторы теперь, полностью готовые к употреблению! Со всем оборудованием, и даже, блин набранным персоналом! Где только наши, а?! Стоят пустыми, сиротиночками. Никому не нужными, забытыми... И не фундаменты они, которые пленкой закрыл, камней сверху наложил, и на долгие годы забыл, пусть отстаиваются. А потом довольный пришел, и как раз, уже на устоявшийся фундамент, цех формовки водрузил, с его тяжелеными многотонными прессами.

Тут девятиэтажки! Сушилки, насосы, оборудование... за всем этим, даже если этим не пользоваться, все равно надо следить! И тут не хватит пары сторожей и замка! Нужен пусть урезанный, но персонал! А персоналу — нужна зарплата. А у министерства сельского хозяйства опять нет головы. Во всех смыслах этого слова.

В итоге, все эти «временно-ненужно-строил», висят на балансе у тех, кто их строил. И ладно у нас там, в ново учрежденном, полгода назад, министерстве строительства, сидит мужик толковый. И для них это вообще не нагрузка, у них бюджет хороший. А так бы... было бы печально, и обидно, что люди строили-строили, а теперь это разрушается из-за ненужности.

Мужик этот, новый и первый министр строительства, вообще зачетный! И я предпочту оставить вне прессы информацию, что он сидел по малолетке за драку и разбой. С поножовщиной, и почти что трупом. Он и до учреждения министерства, бегал по всем стройкам страны, как в жопу ужаленный, да покруче меня. И так, всё старался контролировать и строить как надо, а не как получится, везде, до куда только мог дотянуться.

Ну а теперь, у него появились на это все законные права и основания, а не просто «слышь, ты, урод моральный! Я тебя здесь стоять столбом поставлю, под этим долбаным мостом, когда по нему тонар поедет! Будешь у нас Гераклом, поддерживающим свод, когда вот эта вот кривая балка тебе на плечи рухнет!»

И за полгода он уже подмял под себя половину трестов, учредил свой собственный внутриминистерский бюджет, на который теперь все и строится. И даже умудрился выйти на почти полную автономии, без заползания в общегосударственный карман.

Исключением являются только всероссийские стройки, по типу того же завода дронов, где бабок нужно поистине не меряно, чтобы все быстро и качественно отгрохать, а не сделать «так сойдет». Ну и обратные ситуации, по типу тех же пустых элеваторов, на обслуживание которых нужно тратится из бюджета, хотя бы на электричество и отопление, и что должно быть явно не в их введенье.

Остальное же строительство, в том числе и масштабное, по типу идущей прямо сейчас перестройки узловых и подъездных путей новых станций, или стройки «городов с нуля» в Байконурской области, весит исключительно и целиком на бюджете самого министерства.

Они, строят квартиры, словно детские замки из песка, только из бетона, продают их, и в ус не дуют, закупааясь на вырученные деньги всем необходимым, пусть и не всегда по рыночной цене. Зачем этот рыночек, в общении меж разными министерствами одного государства?

Так что им по итогу хватает средств даже на школы и детские сады, больницы и иные государственные учреждений, за исключением парков и скверов, что дело уже министерства Просвещения, и за исключением асфальта дорог, ибо это работа министерства транспорта. Ведь всё дорогоуправление, строительство и обслуживание, всё, что так или иначе завязано на асфальт — исключительно их прерогатива. ДРСУ, так или иначе находятся в ведомстве транспорта, и повиливать ими министр строительства не в праве. Не его вотчина.

Как не занимают строители и сложным медицинским или научным оборудованием, ведь это тоже не их забота и прерогатива, а тех, на чей баланс они переводят свои свежо состряпанные здания. Некоторые от этого, кстати, не в восторге. В частности, та же «минестресса» от образования, потому как она и со старыми то косяками и школами разобраться не может, а ей тут новые и новые суют, бери, принимай, расписывайся! И еще и народ потом ходит, жалуется, что детсад построить построили, а открыть не открыли!

А вот деятель от здравоохранения, уже, наверное, лапки стер от удовольствия, и каждый раз выглядит аки кот после литра сметаны, когда ему в хваталки попадает очередная новая больница или клиника. Ведь он, хитер и мудр, и он, еще пока строили эти медицинские комплексы, уже все обсудил с коллегой, и туда, в эти еще строящиеся здания, уже внесли как проектные правки, так и нужное и тяжеленное, и негабаритное оборудование.

Так что он принимает не просто домики с покраской и простой мебелью, а готовые к использованию мед центры, которым он в мгновение ока, буквально рождает, иначе и не скажешь, весь нужный персонал.

Я не знаю, из какой опы он вынимает нужных людей, но сгоняв пару раз на ревизию в пару только открытых клиник, не нашел к чему придраться. Может у нас не все столь плохо с образованием как говорят? Может медицина особенная? Но факт, как говорится, налицо! А еще эти двое, министр здравоохранения и строительства, уже явно неслабо так спелись.

Один льет пенобетон под давлением, по спец технологии, да армобетон со стекло наполнителем, и что-то мне подсказывает, что все любители нажиться на чужом в его конторах где-то там и теряются, в этих заливках. Уж больно стремительно отрасль очищается от ненужных элементов. А другой... правит кости всем рукожопам, что аж жопы от стресса золотом покрываются, и руки выпрямляются.

Эти двое... достойны уважения, и своих постов, как никто. Что я на их фоне, начинаю чувствовать себя маленькой глупенькой девочкой. Девочкой, бросающейся от проблемы к проблеме, ничего толком не доделывая. И визжащий постоянно бессмысленно и беспощадно, словно режут. И страдающий эмоциональными припадками, словно в течке. И

орущю без устали на все, как в свою первую ночь, да без предварительной ласки.

Глава 23 — Фермер

— Докладывает флот. Вышли в точку randevu. Готовы к бою — произнесла моя рация, и отключилась

Значит, началось! Значит, они решили принять бой. И я искренни надеюсь, что это не будет самонадеянным ходом, а напротив, продуктом взвешенного расчета и холодной логики. И результат будет соответствовать ожиданиям.

— Говорит ЦУП, спутники слежения и связи начали перегруппировку. Они планируют увеличить плотность наблюдения за тихим океаном в несколько десятков раз. Возможна так же попытка заблокировать наши средства связи.

Так, американцы поняли, что их караваны снабжения потерялись вовсе не в шторме или в бермудском треугольнике. И что посланные на зачистку корабли, так же могут «потеряться» в этих бескрайних просторах океана.

— Говорит штаб. Второй тихоокеанский флот США по-прежнему на рейде в Якогаме. Кажется, у них какие-то проблемы с флагманом. Даю добро на проведение операции!

— Принято!

— Говорит верховный главнокомандующий. — прозвучал голос президента, и я удивился, что он тоже в этой сети — ЦУП! Обеспечите прикрытие наших с неба. Чтобы им там ничего на голову не падало!

— Сделаем всё возможное, командующий. — мгновенно отозвался ЦУП.

— Флот... доброй охоты, парни.

— Так точно! — отозвались моряки, и тут же добавили — Флот, уходим в режим радиомолчания.

И рация замолкла, погрузив меня в гнетущую тишину. Хотя... брешу! Ведь где я? Не там, где они... я... посреди коровника! Где мычат коровы, булькает где-то навоз... да и сам я, как мотовоз. И местный фермер, уже смотрит на меня косо-косо, и боится, что зря он писал письмо президенту с просьбой помочь.

Что... великосвецкая леди, приехавшая к нему с ревизией, дабы понять целесообразность вложения государственных средств, сейчас вот, возьмёт, разревется... за навоз, что уже перепачкал её белые тапочки. За корову, что уже пожевала её волосы за место сена. За запах! Которым она, наверное, уже пропиталась насквозь. Как, впрочем, и все работники данного молочного предприятия.

— Эээ... может молочка... парного? — пролепетал он, сложив ладошки вместе, в примирительном жесте.

Я осмотрел его руки. Мозолистые, жилистые... на одежду, что уж точно пропиталась запахом скотины до самой последней ворсинки. Приметил и дырку на сапоге, делающим обувь плохой защитой от грязи и коровьего внутреннего мира. И общию худобу человека заметил, и синяки под глазами от недосыпа, ведь встать на дойку надо в четыре утра, и потом не факт, что опять уснешь. Фермер...

— Первое, — заговорил я наконец, закончив осмотр хозяйства — у вас грязно. — и бедняга фермер кажется подписал завещание, хоть и виду не подал — В коровнике должен быть порядок. Всегда. Второе, у вас до ужаса мало коров! — скорчил я гримасу отвращения, и фермер так и не понял, о чем это я и к чему — Двадцать штук? — обвел я окружающее пространство руками — Да вы издеваетесь!/? — и моя моська стала суровой — Третье, вы че,

весь навоз руками честите?! — кивнул я на стоящие в углу у входа в коровник лопаты.

— Н-ну... да. — пролепетал хозяин буренок.

— Значит так... — схватился я за лоб.

— У нас еще телята есть... — перебил он ход моих мыслей — хотите посмотреть? — но под моим взглядом из-под прикрывшей лоб руки, быстро передумал куда-либо меня вести.

— Так. В общем, двадцать шгук, количество, которое даже не стоит внимания в масштабе государство. — начал я свою речь, уже не смотря на мужичка, ведя подсчеты и планирования в уме — Но раз уж я сюда приехала, то просто так уехать не могу. Поэтому делаю вам единственное предложение, на которые вы либо соглашаетесь, либо я просто уезжаю и ничего не меняется. Вы хотите его услышать? — поднял я на него глаза.

И мужчина, немного помешкав, борясь с сомнениями, кивнул, видать решил, что хуже точно не будет. А я же, прежде чем начать говорить, развернулся к нему спиной, моськой к буренке, что вновь решила, что мои волосы — это вообще-то такое сено!

— Первое: вы увеличиваете число коров как минимум до двух сотен. — кажется я только что слышал звук выпавшей челюсти — Минимум! Это значит, что чем больше, тем лучше. Да, понимаю, это непросто справиться с таким количеством... — корова, вытянув морду, захватила мою руку языком, как крюком, и потащила к себе поближе — а потому, государство предоставит вам пять тракторов «Т-50», два «Т-30» и один «Т-110». Так же мы предоставим косилки и иное навесное оборудование. — буренке моя конечность явно пришлась по вкусу, и она принялась её и так и сяк нализываться как лизунец, своим шершавым языком — Оборудование для переработки молока советующей мощности так же будет предоставлено в безвозмездное пользование хозяйству, как и будут улажены все юридические перепоны с молокозаводом. Так же... — скотине явно надоело лизать, и она решила мою ручку пожевать.

Я замолчал, ведя беседу с нужными людьми по рации.

— Да, вы правы. — ответила мне рация на мой запрос — Земля к югу от фермы действительно принадлежала колхозу, как и руины вдоль трассы. Сейчас она принадлежит... принадлежала! — поправился собеседник на том конце «телефона» — заграничному фонду. Так что сейчас она свободна, и может быть передана фермерскому хозяйству.

— Так же, земля, к югу от вас в размере...

— Площадь участка две тысячи четыреста Га. — «подказала» мне рация.

— Двух тысяч гектар... — буренке походу, просто водрузить мою руку себе в рот показалось мало, и она, отчаянно пуча глаза, начала пытаться её проглотить, уже пропихав себе в глотку аж до локтя — но вы же понимаете, что при таких вложениях, ваша ферма перестанет быть вашей? — обернулся я к стоящему за спиной человеку.

И увидел картину — статуя. А корова в это время решила сделать последний рывок, и силясь выдавить собственные глаза из собственной морды, пропихнула мою руку внутрь себя по самое плечо.

— Эй, вы в порядке? — проговорил я, глядя на человека.

— «Чпок!» — извлек я руку из неправильной коровы.

— Эй! — вновь прикрикнул, похлопав по лицу человека обслюнявленной конечностью.

— А, да... простите... что вы говорили?

— Я говорю о том, — вновь встал я полу боком к человеку, и моя рука вновь оказалась во власти языка пучеглазой скотины — что раз вы сумели развить свой бизнес до текущего уровня без всякой помощи и поддержки, государство готово вложить в него хоть сто

миллионов, хоть двести. Но вы же понимаете, — вернул я мужчине своё внимание — что при таких вложения, ваша доля в предприятии будет не более пяти процентов?

Ведь у фермы, по сути, ничего и нет! Земля под коровником и домом, и только. Покос и выпас — аренда. Техника — пара старых тракторов, да такой же старый грузовик. К ним всем сейчас и запчастей то не найти! Хотя и выпуск этих моделей продолжается и по сей день. Но там, у них, внутри, все переделано, так что проще новое купить, чем эту старую рухлядь чинить. А потому цена на этот хлам — копейки.

Оборудование для перегонки молока? Ну, доилка у них есть. И даже две. Еще есть бочка, прицепная, «нержа», молочная. Большой промышленный холодильник. И... всё. Даже работников и то смешное количество — муж, жена, сын, и один наёмный тракторист. Фактически голы как соколы.

А учитывая, что молокозавод отказался кочегарить в такую даль за молоком от двадцати коров — они обречены. Ведь за все платить надо! За солярку, за землю... а откуда будут деньги, если не будет сбыта? И молокозавод этот я понять хорошо могу! Уж слишком даль дальняя, хоть и дорога до сюда хорошая, асфальт.

А перерабатывать же самим, и продавать уже к примеру, сыр, ну или там — творог, у фермы нету денег. Осень, уже сама по себе тяжелая пора для таких вот фермеров. Ведь надо купить корма, заготовить сено, подготовить коровники к зиме. Зато, это самая выгодная пора для покупки новых коров по дешману, одна из которых уже опять заглотила мою руку по самое плечо.

— «Чпок!»

И собственно, из-за попадания вот в такую западню, этот человек и обратился напрямую к президенту. А тот, уведя в заявочке и без того большую тему нехватки молока, с неброским заголовком «закрытие молочной фермы — помогите!», решил послать кого-то разобраться. И я не вызывался! Просто был поблизости, буквально пролетая в тот момент над этим местом.

И я конечно могу, тупо попросить молокозавод не рвать поставки — молока то и так, и сяк, ведь не хватает! Но... тема с инвестицией в молочку выглядит мне куда более интересной. Тем более что государство при этих колоссальных вложениях вообще ничего не теряет. Для страны. Это просто пшик и смех.

— Ну так что скажите? — сказал я, видя, что человек опять молчит, в то время как корова... да шут с ней, с коровой!

— Вы не шутите, да?

— Нет. — улыбнулся я в ответ, и задумался над тем, что и правда, странно, чего это молокозавод решил отказаться, пусть и от такого маленького, но поставщика.

Ведь молоко реально в дефиците! А даже если в конкретно данном районе его валом — всегда можно начать «вещать» на соседние! И даже если скоропортящийся продукт тащить неприемлемо далеко, всегда можно начать гнать тот же творог или сыр! Они не портятся! Не так быстро, не при тех условиях, что как молоко.

— «Чпок!»

— Мне надо посоветоваться с женой. — проговорил человек, взгляну в сторону выхода — Вы не против?

— Нет конечно. Можете думать сколько душе угодно. — улыбнулся я, и пошел прочь из коровника, «набирая» двести пятого, что должен был быть как раз в том самом городе с молокозаводом, ввиду отсутствия в самолете второго парашюта.

Вообще, конечно представлю степень их офигивания, когда они только три дня назад написали письмо самому верховному, как тут в озеро подле их дома, падает нечто из снизившегося на опасную высоту самолета. А потом это нечто, выйдя из озера по дну — моё тело, не плавает! — говорит, что оно, прибыло решить их проблемы по поручению правительства. А вода с одежды и тела, высыхает прямо на глазах, поднимая столб пара на десятки метров.

И что бы до конца всех во всем убедить, военный борт, заложил на второй круг над поселением. В общем, не оставив и тени на сомнения, что я просто заблудившаяся девка. И мне похоже придется задержаться тут на некоторое время, пока за мной кого-нибудь, да не пришлют. Самолет, вертолёт, или машину. — и с этими мыслями я запрыгнул на крышу коровника где с комфортом развалился, любясь прекрасным небом... осени.

На дворе вообще-то октябрь! И хоть и снега еще нет, и температура плюсовая, но этот плюс, почти что минус! А крыша над буренками, вообще-то сталью крытая! И я её либо прожгу, либо замерзну. Так что лучше бы мне перебраться в сено. Там теплее, и комфортней.

А может и не придется перебираться — усмехнулся я, услышав вдали шум винтов вертолета — это сто процентов за мной. После того случая с аэропортом, меня буквально опекают по транспортному вопросу, да бы я не лез более в гражданские терминалы. Никогда.

Ладно хоть от группы спецназа в прикрытие удалось отбрехаться.

— Ну так что, вы подумали? — поинтересовался я, когда шум работы двигателя выгнал на улицу всё небольшое население не только фермы, но и деревни подле неё — А то за мной уже... прибыли — указал я на садящуюся неподалёку вертушку. — к которой уже с визгом летит местная ребятня, не знающая страха или совести.

Для них это вообще... шоу! Которое можно увидеть лишь раз в жизни! Как, впрочем, и для всех деревенских, что с открытыми ртами пялятся на это чудо-юдо, необылицу инженерной мысли. Вещь, которую они видели исключительно на картинке, да в небе, где-то высоко.

— Мы со... — отрыл рот муж, но жена дернула его под руку, типо шепча «че ты творишь, козел!? Заткнись!».

И тут же выпалила сама:

— Мы согласны! — улыбаясь во всю ширь.

И что это было мгновение назад, вообще не понятно. Стоит такая, улыбается как дура... муж на неё пялится, ничего не понимая, и вот уже тоже улыбается, а их сынишка, ровесник моего братишки, тупо пучит глаз как та корова, да с открытым ртом, на уже севшую, но продолжающую крутить винтом махину вдалеке.

— Чтож, тогда думаю, кому-то из вас стоит проехать с нами до мэрии, дабы обсудить детали. — кивком головы указал я на вертолет, от которого к нам уже движутся люди — Так же вам стоит уже сейчас озаботиться поиском новых работников и расширением штата. Ну и коровок подоить не забудьте — улыбнулся я под конец, и супружеская пара стала перешёптываться, споря, кому лучше ехать.

Потому что ни один из них, не хочет ехать к мэру, но оба хотят прокатиться на вертолете.

— Зачем ехать к мэру, когда я и так уже здесь? — улыбнулся один из подошедших к нам людей — Правда не вашего города... — улыбнулся он, и кивнул в мою сторону — Министр.

— Мэр, — улыбнулся я ему в ответ — какими судьбами?

— В придачу с вертолетом — усмехнулся он — сказали отберут, если за вами не

залечу. — произнес он явно в шутку, но мне она что-то не понравилась. — Так в чем вопрос, что аж сам министр сюда прибыла собственной персоной, да столь спешно, что аж свой транспорт где-то потеряла?

— Да...а... — хотел что-то сказать бедняга фермер, но осекся, и я заметил как вся чета, стала красная, аки спелый томат.

— Вопрос считай решенный, будем наращивать производство молока. — ответил за красных я.

— Добрая весть.

— А вообще, надо подумать о увеличении программ поддержки молочного бизнеса, и фермерства вообще.

— Да программ то полно! — ответил на это мэр — Да видите в чем дело — государство деньги ИНВЕСТИРУЕТ, а не просто кидает кому-то в лицо. А значит — ждет отдачу. А значит — контроль, ну и так далее — покрутил он в воздухе рукой — не все готовы жить под колпаком, но даже не это главное — государство, как и любой инвестор, не может вкладывать деньги в предприятия, не имея хотя бы каких-то гарантий. Вот в вашем случае... — покрутил он головой вокруг — у вас же молочная ферма, я правильно понял, да? — фермеры кивнули — Ну... — протянул он, глядя на коровник, прикидывая количество размещенных внутри коров — в вашем случае, я бы больше десяти миллионов лет на десять не дал. — кивнул он сам своим мыслям, озвучив только заголовок от них.

— Десяти? — немного впали в ступор фермеры, и взглянули на меня.

Я пожал плечам — я щедрый, чё!

— А у нас двадцать коров! — пропищала супруга, «найдя» что сказать.

— Ну тогда пять. — скис мэр, явно ожидая, что в видимом им, большом здании коровника, буренок будет всяко по более чем два десятка.

— И трактора есть! — новый выкрик, что мэр вообще проигнорировал.

Трактора? Вы вообще, о чем?!?! Они у всех есть!

— И земля! — привела жена последний аргумент, и скисла окончательно — В аренде.

— Ну тогда и два... побоялся бы дать. — взглянул мужчина в дорогой одежде на меня, с неммым вопросом «что я вообще тут делаю!?!», непонятно только он или я.

— Думаю, в этом и проблема. — подал я свой тонкий голосок — Животные — сложный бизнес. Они могут заболеть, умереть. Технику в поле уж слишком просто ушатать. Так что вкладывая деньги, в случае банкротства, не получится вернуть даже части из вложенного. Но я готова пойти на риск. — взглянул я на пару бледных граждан — Дать на веру, и честность наших граждан.

Выразительно посверлил взглядом эту парочку, всем видом намекая, что я вам верю, но и вы должны меня не посрамить. И переключился на человека с вертолётном.

— А вообще, господин мэр, думаю стоит подумать об воссоздании колхозов. По крайней мере лично я не вижу иного пути выхода из сложившегося молочного кризиса. И не знаю, как вам, но мне не по вкусу пластиковый сыр.

— Ох, если бы всё было так просто. — простонал он в ответ — Люди, животные, место в конце концов! — начал он загибать пальцы — Всё это не так просто.

— У нас!.. — вклинялся в наш разговор мистер фермер — У нас хорошее место!

— А персонал? Где людей набирать будете? — вернул я ему своё внимание — В деревне вон, — кивнул я на столпившуюся вокруг вертушке толпу — одни старики да младенцы!

— Из го... — начал он произносить что-то смешное, но тут вновь опомнилась жена.

— В Митропаловке, соседней деревни, полно народу на вахты работать ездит! Если предложить зарплату даже в трое меньше, но рядом с домом, они без вопросов согласятся никуда не ездить!

— Животные? — подал голос мэр, разогнув еще один пальчик.

— У нас среди телят этого года, больше половины телочки. — краснея, и отводя взор, проговорил фермер, и мер разогнул еще один палец.

Взглянул на меня, я вновь пожал плечами, тип — а я то тут причём? Хмыкнул, произнес.

— Ну ладно, убедили, перспектива есть.

А у меня зазвонил телефон. Обычный, мобильный, который мне тут выдали ради обычной связи. С которым я по причине занятости, еще и близко не освоился. И который высветил мне сейчас *«Неизвестный номер»*.

Хм, странно!

— Да.

— Это начальник станции вас беспокоит. — проговорил голос пожилого мужчины с того конца аппарата, — Мне дали ваш номер, сказали поможете. — и я, отведя телефон от уха, взглянул на него с презрением.

А дальше что?! Меня будут беспокоить старшие ассенизаторы?! Или вообще — высшие трубочисты?!?!

Серьёзно? Мне эту трубку только день назад вручили! Я её в руки второй раз беру! А из номеров в ней... президент, да один из генералов ФСБ. И то, их я туда не я сам забил, а мне уже дали с такими контактами.

А собеседник тем временем продолжил говорить:

— У меня тут в отстои стоит целый эшелон техники. Уже месяц стоит, как неприкаемый! Делать с ним не знаю, что... — проговорил он, чуть не плача, вызвав у меня тяжелый вздох. — И так уже загнали в самый дальний тупик, да он, длиннющий, все равно торчит-мешается!

Так... стоп! Длинный эшелон техники...

— А это не эшелон «Б-117» случаем? — припомнил я, одну дружескую просьбу.

— Сейчас, секунду... он! Он родимый!

Нашлась пропажа! — вздохнул я, и посмотрел на окружающих меня людей, внимательно за мною наблюдающих. И слушающих. Но моё «птичье пение», им не подслушать. А потому я, продолжая говорить в трубку телефона голосом, сообщая, что эшелону не долго осталось торчать на запыльных путях, сообщил через рацию потерявшему состав, в результате сбоя при смене систем, человеку, что пропажа нашлась, и он может забирать — мешается!

И выслушав раздавшийся из телефона троекратное спасибо, все же решил поинтересоваться моментом, интересующим меня сейчас больше всего:

— А откуда у вас мой номер?

— Так это... дали. — ответил этот некий «начальник станции».

— Где?

— Так это... в министерстве!

— В каком! — прикрикнул я, понимая, что из этого хрыча все приходится тянуть клещами.

— Особых вопросов. — так и не понял от чего я злюсь старичок.

Ага, значит у моих клерков уже есть мой номер, а я его сам еще не знаю, да? Весело! Ну я им задам!

— В следующий раз звоните в министерство транспорта. И представляетесь по нормальному, кто, откуда, какая станция. — проговорил я максимально хладнокровно, и положил трубку, переключив внимание на мэра — У вас найдется пара печатей, и бумага с собой? У фермеров такая жизнь, что думаю не стоит их дергать в город без особой на то причины.

— Хотите составить договор? Прямо здесь? — выпучил глаза уважаемый человек, смотря на меня видом, что типо его дергать в такую глушь можно, а этих оборванцев в город — нет?!

— Предварительный вариант в общих чертах. — улыбнулся я лукаво — А потом мы с вами по дороге побеседуем о планах дальнейшего развития региона.

— Похоже я так скоро буду буквально жить в самолете — задумчиво проговорил я, глядя на облака через иллюминатор авиалайнера.

Ведь за последние три недели я реально провел времени в воздухе больше, чем на земле! Мотаясь по стране словно челнок ткацкого станка!словно посыльный... с огромными полномочиями, решая проблемы то тут, то там. Что почему-то на отрез отказываются решаться тупо по телефону.

Ввязался же я в это сельской хозяйство! Вот так. С разбега. С наскока! Как в... Как в коровью лепёшку носом! Зато вроде дело сдвинулось с мертвой точки. И... госхозы, начали появляться тут и там. Пока правда все больше на бумаге. Зато технику из потерявшегося эшелона пристроили уже вполне реально.

Её банально стало невыгодно, нецелесообразно гнать туда, куда она предназначалась. Ведь забрела она в края далёкий, что от завода изготовителя до пункта назначения теперь путь раза в три короче. Не мудрено, что её в этом захолустье никто и не думал искать, обнаружив потерю при неприбытие состава вовремя в пункт назначения.

— Только не вздумайте опять прыгать с самолета. — подошел ко мне человек, принесся стакан воды, и иные люди, так же летящие с нами первым классом, немного косо на него посмотрели.

— Переживаешь? — принял я стакан.

— Переживаю. И не только я. — сел данный кадр напротив меня.

Он вообще-то мой человек! Вот до мозга костей мой... но, это не значит, что на него нет влияния у других. И после моего того прыжка... ну, высказались мне о моём неподобающем поведении для министра довольно немало уважаемых людей. И вообще, порекомендовали больше использовать для этих целей помощников да представителей, ну и телефон, а не бегать самому по грязи, как девочка-посыльная. Не к лицу.

— Лучше смени мне номер. — протянул я помощнику свой телефон, в выключенном состоянии.

— Номер? — принял он из моих рук телефончик последней модели.

Навороченный! С влагозащитной! А иначе бы уже сдох он в том озере. С большущим экраном! Непонятно зачем там нужным — хрупкий ведь! С ножами в одну складку не положишь. Да и с лимонкам тоже.

— Ага. А то его, похоже, уже каждый бомж с улице знает. — вздохнул я, и отвернулся обратно к иллюминатору.

Мужчина же включил телефон... что, лишь с небольшой задержкой после, начал трезвонить напропалую, несмотря на высоту полета. Подцепился видимо к бортовой сети связи, паразит он эдакий!

— Ало... — поднял трубку мой помощник.

И через минуту, не сказав ни слова, положил.

— Что там? — поинтересовался я, хотя прекрасно слышал, о чем там говорили.

— Интересуются, когда отопление дадут на улице Соломенной, в городе Ростове. — отрешенно ответил мне человек — Говорят, в больнице рядом уже во всю топят, а у них словно лед перекачивают.

— Ну... — вздохнул я — больницы, школы, детские сады, это особый случай. У них

отопление всегда включают раньше.

Но меня кажется проигнорировали.

— Даже звук говорят от батарей идет, будь то внутри что-то похрустывает и звякает... — проговорил он словно бы под гипнозом, и замер как робот исполнивший программу — брр! — встряхнулся — Да, посмотрим, что можно сделать! Со сменой номера. — пояснил, и отключил телефон как раз в тот момент, как тот начал звонить.

— Эй! Двухсотая! — через миг заговорила моя рация раздраженным голосом одного очень известного генерала ФСБ — Что за дела?! Сначала телефон вечно вне сети держишь, а теперь вообще трубку сбрасываешь?! Мы тебе что, просто так телефон покупали?! Совсем оку... берега не видишь.

— Вы вообще-то в общем канале, — подал голос, как ни странно, его начальник, — следите за речью.

— Да и... ой, простите. Бес попутал. — осознал сей кадр, кого только что хотел послать. — Двухсотая, ответь семьдесят девятому. — произнес он уже как положено правилами, и я с неохотой оказался вынужден ответить.

— Двухсотая на проводе — ответил я, но ни как того требует программа, отвечающая за создание приватного канала.

У неё вообще, с родами туго, и она меня иначе как Двухсотый не признает. Хотя при этом распознает кучу слов, имен, позывных и вообще — отличная вещь! Уже проверенная временем, с еще предыдущей версией наушников, и позволяющая обходится исключительно голосовым управлением. Без ручной «игре по каналам».

Правда в пред идущей версии не было физической поддержки многоканального режима, тогда, когда создавались те наушники еще и не догадывались, что так вообще возможно. Да и голосового управления в тех наушниках физически тоже не было! Но там был костыль, сервер, обрабатывающий данные и щелкающий каналы по запросу, которые в строй ввели уже давно, позволяя моей устаревшей сети вклиниться в новую, обновлённую. Ну а после его часть впили в мои новые наушники-рацию.

Но все же. Косяки распознавания речи у данной системы были и есть, как и у любой иной системы, созданной человеком. И я давно изучил их, и использую себе на благо. Как например сейчас, не вывел наш разговор с общей линии. Позволяя другим участникам эфира нас подслушивать.

Впрочем, генерал хоть и груб, но явно не лыком шит, и почуял неладное, не став пороть горячку. Вежливо поинтересовался, что у меня с телефоном, на что я так же вежливо ответил, что мой номер явно ушел гулять по рукам, и мне без конца и края звонят какие-то неизвестные люди с мелкими или даже незначительными проблемами.

На что генерал в свою очередь, предложил мне новый номер в обмен на текущий, но при условии, что я не буду и его давать каким-то непроверенным людям, от которых он может утечь на руки неизвестным гражданам. И что подобное вообще-то моя проблема. На что я в свою очередь ответил, что вообще не знаю какой у меня номер, и не мог его физически никому дать.

— Так как же... я лично передал его твоим секретаршам! — пояснил за это генерал, подтвердив мою догадку, и окончательно убедив во мнении, что их надо срочно менять.

На чем наша беседа завершилась, а я взглянул на своего помощника, так же смотрящего в иллюминатор, как и я, с задумчивым видом. Телефон он из рук не выпустил, и я решил поинтересоваться.

— Слушай, а как вообще это происходит? Смена номера?

— М... а... вы не... — заговорил он в ответ, но тут же осекся — ну, это точно, не то, чем стоит заниматься вам самим лично.

— Да? Ну ладно. — вздохнул я, и взглянул на сидящего в кресле у противоположного борта самолета очень скверно симпатичную даму.

Вернее, она конечно красивая, но эта красота так и говорит — стерва! Причем от мозга до пят, о чем говорят и её хищные острые каблуки, немногим недотягивающим до звания холодного оружия, и длинные, хорошо заточенные когти, что уже можно считать клинками. Да и зашуганный мальчик, уже который раз бегающий к стюардам за чем-нибудь для своей мадам, и их уже до печени доставших, тому очередное подтверждение.

И она, пусть и делает вид, что на меня совсем не смотрит, читая то газетку, то пялясь в телефон, той же модели что и у меня, то подражая нам — в иллюминатор, но все же, далеко не редко, её взгляд падает на мою персону. И этот взгляд... полон презрения.

Вот и сейчас, когда мой помощник сказал о том, что номер мне сменят и без меня, она одарила мою тушку таким взором исподлобья... что я не удержался, и взглянул на неё в ответ милым и ничего не значащим взглядом ребенка. Что выбисело её еще больше, и пар кипящего чайника даже потек наружу через шипение.

— Виски! Я сказала принеси мне виски! — заорала она на своего бедного компаньона, начав в него тыкать... пинать! Своими угрожающего вида туфлями.

— Но мисс... — пролепетал бедняга, но это его не спасло.

— ЖИВО!

Вот только стюардессы его тоже обругали, сказав, что они уже говорили, что данный алкоголь уже весь закончился.

— Да что у вас тут вообще есть! — заорала взбешенная женщина, предварительно хорошенько отпинав своего слугу, иначе его и не назвать.

— Шнапс, бурбон, ром, вино, коктейли семи видов, и три вида водки. Это если из алкоголя. — с вежливой улыбкой ответила стюардесса — А если из безалкогольных, то есть кола, тархун, эль-варишь, дюшес, соки яблока...

— Да срать мне на ваши соки! — не поняла хорошего отношения женщина, и взглянув на меня, скрипнула зубами — Я хочу виски! При...

— Успокойтесь пожалуйста. — проговорил сидящий за ней мужчина в деловом костюме — Вы вообще-то тут не одни.

— Первый класс называется — проговорил тот, что сидит за моей спиной.

— Шалоповка — сказала женщина, сидящая за спиной моего помощника.

— Что сказала?! — быканула дама, совсем как не дама, а «пацанчик с района» и похоже пошла разбираться в соответственном стиле «дЭвЯностиЕ».

И встретила мордой с ковром пола, так как я аккуратненько подставил ей подножку.

— Ах ты!.. — соскочила на ноги, и кинулась почему-то на ошалевшего от подобного моего помощника — Я же тебя... закопаю! — плюнула ему в лицо, но все же не решилась начать драку.

Вернулась на своё место, сложила руки на груди в замок, ногу положила на ногу, и начала нервно ею дергать, с раздраженным видом глядя в окошко авиалайнера.

— Слушай, разужай-ка о ней все что можно. — проговорил я своему помощнику, причем довольно громким шёпотом, зная, что он это умеет, и что мадам меня услышит.

— Да-да, разужай. — поддакнула дамочка, смотря на нас не скрывая ехидства.

Через пол часа я узнал, что сия леди, оказывается! Владелица крупного холдинга, кучи заводов, газет, пароходов, ну и так далее. Транспортной компании, занимающиеся перевозкой скоропортящихся грузов — фрукты, овощи, молочка, яйца и т. д. Сети магазинов, все это реализующие. Ну и собственно, основа её бизнеса — целая сеть мясокомбинатов и молокозаводов, с огромными доходами, и товарооборотом.

— Между прочем, единоправная владелица! — поправила моего ассистента дама, вознеся палец к небесам.

А женщина, сидящая за спиной у моего товарища, на это очень громко фыркнула.

— Ты че там шуршишь, курица? — тут же сагрилась на это агрессивная дамочка.

— Да, единоправная. — произнес мой человек, пялясь в свой ноутбук, до того, как дама за его спиной успела ответить и во всеуслышание — Все три её мужа давно мертвы. От одного из них ей достались магазины, от второго — заводы, а третий вот, подогнал перевозчиков.

Салон первого класса погрузился в минуту молчания.

— Да они же... — заговорила борзая тетка, чуть менее борзым голосом чем до этого, поняв куда склонился разговор — они же... эти все фирмы, и гроша ломанного не стоили, когда я их получила! И я их сама! Вот этими вот руками! — вознесла она к небу руки со своими когтями, которым и ручку то для росписи держать тяжело.

— Черная вдова — высказался на это пассажир за спиной девицы.

— Похоже — подтвердил другой пассажир, взгляну на даму поверх газеты, что читал.

На что она, почему-то даже не стала отвечать. Вообще сдулась, махнула рукой, отвернулась обратно к иллюминатору, нервно покусывая свою нижнюю губу.

— Хм... — проговорил тем временем мой помощник, все так же пялясь в ноутбук — Интересно... согласно налоговым данным, после смерти мужей, все фирмы чуть ли не на грань банкротства падали.

— А вы как хотели! Конечно было тяжело! Траур, обрывы контактов! Все летит в тар-тара-ры! — вновь завелась с пол оборота эта сраная женщина, хотя на этот раз слова были произнесены явно не на публику, и даже весьма тихо.

— Да заткнёшься же ты уже наконец?! — возмутился один из пассажиров, сминая газету — эй! Стюардессы! У нас тут вообще-то первый класс как никак! Мы заплатили деньги за тишину!

И стюардессы действительно решили уладить ситуацию, и успокоить разбушевавшуюся мадам... но эффект вышел в корне иной — женщина совсем разошлась, начав крыть всех на свете матом, орать, размахивать кулаками и ногами... и даже вышедший на шум помощник капитана судна, на неё не смог произвести эффекта и успокоить.

Скорее опять-таки, завел и разозлил еще больше, оказавшись ни с того не с сего «тупым козлиной безбородым». Что естественно не добавило комфорта остальным пассажирам, и даже не только первого класса. И персоналу пришлось пойти на крайние меры — вколоть даме успокоительного.

Но и это не дало эффекта — она словно бы опьянела, и продолжила буянить. Стюардессы сменили препарат и увеличили дозу, и женщина... быстро затихла.

— Ой, только бы не передос! Только бы не передос! — взмолилась стюардесса, делавшая повторный укол, маленьким шприцом, прячущимся между пальчиков.

— Не волнуйтесь, она просто спит. — улыбнулся я ей, решив успокоить хотя бы её.

— А вы... — проговорила девушка в ответ, непонимающе смотря на меня — откуда

знаете?

— Я врач. — улыбнулся я, а мой помощник чуть не подавился воздухом. — Видите? Дыхание ровное и глубокое, веки плотно закрыты, это просто сон, не более.

— Тут такие цифры в отчетах... — проговорил мой человек, старясь замять «это дело» данными на экране — что выходит какая-то бессмыслица.

— Бессмыслица говоришь? Что ж, значит стоит зайти к ним с проверкой. — улыбнулся я своим мыслям о бедующем, а парнишка-помощник буйной женщины, что всё время её буйства и не пытался что-то предпринять, стал вдруг бледным аки смерть.

Значит там у них точно, что-то давненько, и без поворотно, сдохло.

— О как! — воскликнул я, заходя в свою приёмную.

Одна машинистка ногти красит, другая секретутка, поедая пончик с аппетитом, модный журнал листает, у которого почему-то на обложке, изображен я, с заголовком «что скрывается под юбкой у особой мисс?», ну а третья... пасьянс раскладывает! Но хотя бы вид делает, что работает! Уткнувшись в экран монитора.

И это трио... даже не смутилось, когда я к ним зашел! Ногти всё так же красятся, журнал — читается, а а пасьянс еще не до конца разложен.

— У нас обед! — пояснила мне та, что с журналом.

— И до сколько? — поинтересовался я басом.

— До трех!

Нехило так! — усмехнулся я, — Они себе его продлили. С полдвенадцатого, когда у них по распорядку начинается получасовой перерывчик... до четырех! Ведь время уже как бы пятый час.

— Ого! Ты прикинь! — заголосила курица с журналом, дергая за рукав, ту, что с лаком — Ой — и все же заметила, кто листает документы на её столе.

— Привет. — улыбнулся я ей, и переключил взор на ту, что быстренько свернуло окно пасьянса, скрыв его от моих глаз.

Вот только я уже все видел, в отражении её очков. Так что зря она открывает текстовый редактор с каким-то древним приказом, делая вид что работает. Ой зря.

— Пиши, — сказал я ей, вытаскивая из стоп бумаг на столе любительницы когтей пачку чистых листов бумаги — приказ, а то бумага — помахал я пачкой пред носом сестриц сплетниц — кончилась.

И отправились дамы, дружным коллективом, на все концы страны. Туда, от куда они трое, по сути дела, и были родом, до того, как приехали в Москву, и умудрились угодить «в струю» с набором машинисток для правительства.

— Институт благородных девиц, блин. — прошипел я, листая рекламную брошюрку института, что и протолкнул пол выпуска «идеальных работниц», на очень теплые места подле больших дядей. — Двести пятый, ответ двухсотому! — проговорил свой запрос в рацию, но так и не услышал ответа бойца.

Который раз проговорил! И если так подумать, он давно уже не отвечает. С того времени, как собирался лично провести ревизию на одном молокозаводе, вокруг которого какие-то мутки, и который отчаянно желал уйти от проверки, путем подсовывания нам никак не связанных с этим проблем. Ладно, проблемы не он нам конечно подсовывал, они сами как-то вылазили, однако, с того момента как он боец отчитался, что лично все

проверит уже на месте, прошло больше недели! А я так замотался, что и не заметил.

— Двести двадцать восьмой, ответ двухсотому! — произнес я иной позывной в рацию, и так же не получил ответа — Двести двадцать восьмой, ответ двухсотому! — и вновь услышал лишь тишину, заставившую меня сжать покрепче булки.

А ведь двадцать восьмой должен был прикрывать пятого, на случай непредвиденных обстоятельств!

— Внимание первым, — вывел на связь я лидеров групп внутри двухсотого канала — кто видел двести пятого в ближайшее время?

И получил в ответ отчет, что его уже реально давно не видели.

— Двести тридцать второй — вызвал я своего помощника, летевшего со мной сегодня в самолете, и что как раз должен был закончить кормить налоговой их же отчеты — у фирмы той тети, случаев нету молокозавода в городе Усть-Луга?

— Минутку, двухсотый — отозвался помощник с небольшой задержкой — Да, есть заводик, база и пять магазинов.

— Внимание девяткам! — вывел я на связь ребят из ФСБ — мне нужна боевая группа в Усть-Луге. Местных не привлекать! Хоть десант туда сбрасывайте, но что бы молокозавод в том городе уже через четыре часа, — взглянул я на часы, прикидывая время на сборы и полет самолета с ближайшего аэродрома — территория молокозавода города была отцеплена и вылизана.

— Ну ты и загибаешь — пробурчал в эфире глава ФСБ, в то время как его коллеги рангом пониже, отчитались, что десант уже на взлетной полосе. — Впрочем, как знаешь — вздохнул он, и отключился.

— Говорит подполковник Кудрявцев! — заговорила рация спустя томительные три часа ожидания — территория завода зачищена, потерь нет, но много раненых. — и мои волосы на затылки, зашевелились сами собой — Ликвидировано двенадцать боевиков, трое попытались сбежать — преследуем. И еще... на смежном предприятии был найден труп молодой женщины.

— Что за предприятие? — прошептал я в наушник, в принципе догадываюсь, помня, какими заводами занималась та мадам.

— Мясокомбинат. — почти сплюнул подполковник — И сдается мне там перерабатывалась не только говядина со свининой.

— Принято, полковник — вздохнул я, и все же решил поинтересоваться — Вы там моих людей случаев не находили?

— Боюсь, их теперь никто уже не найдет.

— Я найду. — буркнул я, но в слух, не в рацию, и сорвавшись со своего места, пулей вылетев в коридор.

— Министр... — проговорил мой помощник-полный тезка, что как раз принес мне новую порцию бумаг, и которого я лишь чудом не задел открывшейся дверью.

— Самолет мне! Живо! — крикнул я ему, уже связавшись с вертолетной площадкой кремля, и порадовавшись, что вертушка на которой я сюда прилетел пять часов назад по-прежнему там, словно бы меня дожидаясь.

Двести пятый... он мне был вторым отцом! И я прекрасно осознаю, что от него там уже и костей не осталось. Но... хотя бы уж похоронить его по-человечески то я должен! Да и стоит мне все же самому взглянуть на это молочко и колбаску.

— Да как такие предприятия вообще существуют в нашей стране... — проговорил подполковник десанта за моей спиной, в то время как я... долго и печально разглядывал огромный чан с полу варёным паштетом.

Конина, свинина, говядина, мясо крысы, сурка, суслика, оленя, собачатина, немножко кошатины, и человечина. Адский букет, где всё вперемешку, и щедро приправлено крахмалом и соевым белком. Как вообще правильно охарактеризовать подобную «вещь»? Мясная-белковая масса? Паштет из всего? Или что? И, наверное, именно здесь, нашел свой покой мой верный боец.

Хотя, он объёмный малый! — окинул я взглядом цех, где подобный чан был далеко не единственным, не считая уже готовых колбас, и смежного цеха первичной обработки — но с другой стороны — он шел сюда не один. А целой группой. И все они, похоже где-то здесь — вновь взглянул я на чан.

— Боюсь... мы еще годами будем чистить страну от подобной падали — проговорил я в ответ на вопрос десантника, не отрывая взгляда от «мяска» в чане.

Как вообще, могли столь опытных бойцов, вот так вот, застать врасплох какие-то полуграмотные упырики?! Настолько жалкие, что даже срочников из десанта на учениях, оказалось вполне достаточно, для их полной ликвидации без потерь. Они ж прошли со мной... так много. И были такими...

— Шрет! — прошипел я, и стукнул по чану сжатым до хруста кулаком, оставив в металле бортика неслабую вмятину.

Попытался выправить — получилось не очень. Всё равно видно, что было мято. И оборудование для замешивания может теперь на этом месте сбоить. В переплавку нафиг... мои ребята...

Здесь конечно уже все истоптали. Как ни крути, рота бойцов прошагала, куча работников тут тоже была, сами мафики, да и время...но я всё равно прекрасно чувствую, что след моих ребят, обрывается где-то в этих стенах. Они зашли сюда все вместе, не ожидая подянки. А ни вышел... никто.

А теперь мне все это расхлёбывать. И надо начать с того, что зачистить все иные заводы и заводики, и торговый точки этой проклятой фирмы.

— Говорит двухсотый. Мне понравилась акция с десантом, желаю повторить! И в больше масштабе!

А подполковник все так же стоит рядом, смотрит на меня печальным взглядом, и молчит. Он... все понимает. Каким-то своим, звериным чувством... знает, что здесь творился ужас и мрак. Что здесь... погибали люди, и здесь же прятали их тела.

— Скормить это все нафиг свиньям — пробормотал я оборачиваясь к нему, закончив беседу по рации, и стискивая зубы — мы не имеем право позволить такому количеству продукта пропасть. — человек напротив кивнул, соглашаясь в том числе и со сказанным мною между строк, что мы так же и не можем позволить ЭТОМУ попасть на стол людям. — И еще — вы отлично поработали — улыбнулся я ему, и похлопал по плечу.

— Для меня честь — улыбнулся он в ответ, поправив висящий через плечо автомат, и решил все же уточнить — А что делать с трупом в подвале?

— Его опознали?

— Пока нет. Но есть предположение, что это местная журналистка.

— Ясно. Тогда передайте её в морг, там разберутся.

А мне надо навеститься в одну конторку. И нет, не в офис этой мелкой региональной фирмы! С неё уже фактически все кончено, и её сейчас разнесут, и по делом. Войсковые рейды по всем её точкам я уже организовал — будем обстреливать ребят на своей территории. Тут по крайней мере бальничка рядом — заштопают! Если сразу не сдохнешь. Да и сопротивление все равно не то.

А вот в роспотребнадзор мне точно нужно зайти! Ведь как я сейчас понял, чуть ли не весь корень наших проблем с продовольствием и молоком, кроится именно в нем. Они, дают лицензии вот таким вот шарашкиным конторам как эта, закрывая глаза на все их пакости и человечину в мясе, попутно зажимая тех, кто хочет работать. Отчаянно ища всякие палочки в коровьем молоке, свободно выпуская на рынок молоко, где нет ни грамма от коровы.

Так что теперь именно я, приду к ним с неожиданной проверкой, и снисходительностью я владеть не буду, пусть они там хоть трижды пупы планеты. Хватит, терпение моё лопнуло. Мои бойцы стоят того, что бы за них мстить. В том числе и тому, кто якобы не уследил.

— Двухсотая! Что ты опять творишь!? — разразилась рация на моей шее, в тот момент, когда я с автоматом наперевес, несся по коридорам регионального центра роспотребнадзора.

— Что именно? — проговорил я, заскакивая в один из кабинетов, в то время как зашедшие за мной следом бойцы, загогорланели во всю глотку:

— Всем лежать, работает спецназ!

Раздался визг, а я, метнул нож, извлеченный из кобуры на запястье, одной дамочке в руку. Затем подскочив к ней, отодвинул от компа подальше вместе с креслом на колесиках, и взглянул на табличку на экране монитора.

— Хм... как интересно! — провозгласил я, оборачиваясь к даме — И чего это вы такие данные, хотели удалить? — закрыл я окошечко с надписью «удалить данные?». — Это ж не пасьянс! — и дама попыталась носком туфли достать до кнопки выключения.

Но получив прикладом под колено быстро успокоилась.

— Всем отойти от компьютеров! Лежать не двигаться! — заголосил один из бойцов, а я выскочил прочь оттуда, метнувшись дальше по коридору.

Сопротивления мы здесь не встречаем, что и не удивительно — еще бы наши бюрократы по нашему спецназу стрелять начали! Тогда бы мир совсем бы не стоил моих усилий. Но все же стоит действовать быстро и быть внимательными, дабы сохранить для следствия такие вот данные, как те, что я только что видел.

Они вели бухгалтерию по взяткам! Педантичные какие... Жесть! Совсем от рук отбились! Надо бы еще и в налоговую заглянуть по этому поводу! Чтобы и они, встряску получили! А то ведь если есть бухгалтерия по незапланированным доходам...

А девяносто девятый все это время вещал мне о том, чем я тут вообще-то занимаюсь.

— Ну если вы и так все знаете, то зачем тогда спрашиваете?! — удивился я его логике, обнюхивая стены кабинета начальника отдела.

Ведь если есть «официальные» взятки, то должны быть и левые! Не установленные! Не видно он оказался честным, и со всем делился — тайников в стенах я так и не обнаружил.

— Двухсотая, ты... — проговорил глава мощнейшего силового ведомства страны — Ты себя вообще не жалеешь. Какого фига ты опять впереди всех, и опять бегаешь с солдатней в

одном ряду, с автоматом на перевес?

Я взглянул свой автомат, с видом — а че такого то, а? Красивая игрушка! «АК — 10М» Ему всего три года, а его уже успели модернизировать. Говорят, к пятнадцатому новый выпускают, но... я не вижу в этом никакого смысла. Разве что придумают как еще уменьшить отдачу, и принципиально сильно нарастить пробитие на высокой дальности? Но я в это не верю. Так что на мой взгляд, надо просто пустить эмку в массу, и не маяться дурью.

— Двухсотая, ты же понимаешь, что человеку твоего ранга не престало так себя вести?

Он мне что, решил батьку заменить своей опекой? — усмехнулся я, услышав его последние слова, и немного скис — Не надо! Хватит! Я уже потерял двоих.

Ну и гнойник же я ковырнул в очередной раз. Казалось бы, ну подсыпают люди в молоко соевый порошок, ну что такого? Ну пускают трупы людей на мясо для сосисок и колбасы... ну плохо, но не смертельно же? Мяско там варёно-копченое... ну с налогами минируют — ну кто вообще этим не занимается? Че так реагировать, а? Так нет. Все на проверку оказалось еще веселее! Хотя казалось бы уже больше некуда.

Оказалось, что основная прибыль с заводов-пароходов, идет на поддержку терроризма и организованной преступности. Хотя, даже не так — деньги идут на спонсирования ин агентом, действующих на территории нашей страны. Ведь доллары, иены и марки, у нас, пусть до сих пор считаются, ценной валютой, но применения им, помимо хранения под матрасом сложно найти.

Купить что-то в магазине? Смешно! Никто не примет, никто не продаст! Заплатить при личном расчете? Вообще-то тоже — никто не примет, и не продаст. Как отличить доллар оригинальный от подделки никто не знает, а подделки по стране вообще ходит много, да и куда потом тратить, даже убедившись в подлинности?

Сгонять на курорт за границу, отдохнуть и там потратить? Эхе! Не, никто никого не держи — валите куда хотите! Если вы конечно не носитель государственных секретов или их ближайшие родственники — тогда звиняйте, вы сами бумажки подписывали, никто вас не заставлял.

Вот только вернуться назад из-за бугра будет не так просто — двух недельный обязательный карантин, полный шмон, и проверка личности. Не самая приятная процедура, надо сказать. Да еще и если этих «туристов» там, за бугром, кто-нибудь похитит — что явление частое, спасти их тоже никто не будет.

Западное правительство и органы правопорядка, если сами в этом не замешаны, то будет визжать от радости, что это случится. Порой даже не скрывая это перед прессой. Так что покидать страну не самая удачная затея, как и пересылать кому-то средства, что бы он там что-то купил и прислал сюда. Как говоря в сети интернет, существует уже целая сеть мошенников, предлагающий такие услуги по отъёму денег у населения.

Обменники конечно существуют, вот только их мало, и в них обязательно спросят, зачем вам ин валюта? И откуда она у вас взялась. Что, так или иначе может впоследствии привлечь компетентные органы.

С золотом и драгоценностями, тоже не все так просто, хотя это все же ближе к нормальному варианту. Но они почему-то решили так не делать. Почему-то решили, не инвестировать нашу страну чем-то материальным, даже с расчётом что все вернут после её развала.

А поскольку финансовые транзакции между нашей страной и иными странами мира с недавних пор прекратились совсем — только бартер, а своих агентов на нашей земле им надо финансировать по-прежнему в полном объеме и с оплатой сверхпрочных, они начали искать иные пути получения дохода, и добычи российской валюты.

Пытались взломать банковую сеть — расшиблась лобешником об стену. По слухам, мы им в качестве ответной меры чуть всю фондовую биржу не уронили, но я не в курсе деталей — не мой профиль. Пытались разкрутить на бабки преступность — большинство откровенной мафии страны и так на них работает еще с времен оккупации — получили классный выпил банд формирования силами отечественного ОМОНа.

Все же, одно дело, когда бандюги тихо сидят, живут по понятиям и особо не рыпаются, и совсем иное, когда у них в глазах начинают гореть «бабки, бабки! БАБКИ!», и они теряют берега, начиная борзеть и пытаться «поставить на счетчик» всех, до кого только дотянутся. Таких быстро отправляют если не на тот свет, то на лесоповал.

Хотя я увы, не могу сказать, чтобы с мафии все проходило вот прямо совсем гадко, и до меня доходили слухи, что некие крупные шайки брали в заложники или даже вообще в рабство, целые поселки в тайге. Заставляли людей батрачить на незаконных золотых приисках, или на том же лесоповале реликтовых деревьях.

Таких гаденьшей давно истребили! Но сам факт, что они были, уже пугает, и настораживает. К счастью, не меня одного, заставляя МВД шевелить булками активнее, не позволяя набрать лишний жир.

И вот, после провала с мафией... вернее, одновременно с ней, как альтернатива и вложения на будущее, они решили организовать фирмы со сверх прибылью. Где эта сверх прибыль в конечном итоге и должна была пойти на спонсирования подрывной деятельности в нашей стране.

Идея по истине гениальная! И исполнение нельзя сказать, что плохое, если рассуждать об этом отстраненно. Так сказать, как о чисто математической модели в выдуманном мире.

Они находят человека, готового на все ради денег и власти. Конкретно в данном случае им стала одна очень истеричная дама. Они дают человеку деньги и находят толковых людей в подчиненные, дабы человек организовал фирму, что в последствии начнет приносить прибыль. Инвестируют, так сказать.

Конкретно в этом случае им даже инвестировать не пришлось. Они просто нашли красивой женщине одинокого, работающего и с фирмой. Плюс женатого, падкого до клубнички. Плюс вообще, человека, что остался один, стремя детьми после смерти жены при трагичных, и загадочных, обстоятельствах. А потом убрали всех троих, подарив своей ставленнице целую империю! Пусть и в масштабах одного региона.

И если говорить о теории, можно подумать — а зачем человеку эти мутные люди и их темные деньги? Можно же взять ссуду у государства и все сделать самому! Тот же кредит, что и от любых инвесторов!

Да только в комплекте к деньгам не идет прораб, хороший, умный, бодро развернувшего производство как будто то всегда этим занимался, а после доведения процесса до автоматизма, куда-то потерявшегося. И кадровика там нет, способного подобрать персонал, что будет работать, а не в носу ковырять или бухать, но зато по знакомству. И место с инвестицией не придет просто так! Которое, еще и по слухам, держит за собой мафии, что вдруг не высказало ни единой претензии.

И вообще, деньги, не решат все проблемы с надзорными службами, подсказав кому

именно нужно дать взятку, чем и в каком размере. Деньги от государства — это просто деньги! Ведь мы их для того и выделяем частникам, чтобы они избавили нас от забот организации, а не напротив, для того, чтобы нам за нас счет еще и навешивали свои проблемы. Перевалив их с себя на государство, с криком «мама покорми!», «мама покажи!», «мама! Я обгадился! Попу подотри!».

Ведь у России и без проблем отдельно взятого человека забот полон рот! Зато у наших «друзей», тратящего огромные ресурсы на подрывную деятельность внутри наших территорий, время для этого некоего «Пупкина» вполне найдется. А ресурсы целой страны, её аналитиков, психологов, и тайных агентов — никогда не сравнятся с ресурсами одного человека. Вот потому этому человеку и нужна эта помощь от этих темных личностей.

Но зачем им тогда вообще этот Пупкин? Ширма! Темная лошадка. Обычный человек, за которым можно спрятаться всей толпой, и дергать из тени за веревочки, управляя всем, пока он думает, что добился этого всего сам, и убеждает своей наивной простотой в этом окружающих. В том числе — и проверяющих, которых не удалось подкупить.

И в ситуации с молокозаводами, все могло бы быть прекрасно! Для них, не для нас. Молочка — сама по себе бизнес сверх прибыльный! Даже без многочисленных дотаций от государства ввиду дефицита. Основная проблема у которой — надзорные службы. Уж больно они любят искать палочки... Но им показалось мало добываемых миллионов! Захотелось большего! Решили, что так будет проще...

Впрочем, все же их выдал не порошок в молоке, а не самая удачная бухгалтерия. Деньги, большие суммы, не свойственные балансирующему на грани банкротство холдингу, поступающие на их счета от реализации их продукции. И почти эти же суммы, якобы тратившиеся на... что-то. На что можно тратить СТОЛЬКО и стало непонятно моему помощнику, что обратил внимание на это налоговиков, не обращавшие на это внимание ранее... а потом я психанул.

И в итоге совместными силами разных служб, разковырялся новый фурункул на теле страны. Соевое молоко, колбаса из человечины — отличный способ избавиться от тел! Магазины, торгующие из-под полы палёной водкой, самогоном, просроченными продуктами и хер знает, чем еще, с полного одобрения начальства... да у них целые залы с «особым товаром» обнаружили! И фирма-перевозчик, чьи машины уже ранее мелькали в не самых «свежих» историях, и за которыми уже вели слежку, дабы распутать весь клубок поставщиков и заказчиков.

И все это не считая целой сети шпионов-диверсантов, которую удалось неслабо проредить благодаря оперативному расследования финансового отдела компании силами ФСБ, склад незаконного оружия, в том числе и тяжелого, несостоявшиеся теракты, и хер знает, что еще!

И хоть это все, произошло в масштабах всего лишь одного жалкого, пусть и большого по площади, но малого по населению, региона — гудела страна вся целиком! Чистки прокатились по всем городам и службам. Летели погоны, головы, горели и ломались кресла тут и там, а народ судачил в непонимании, и я даже украдкой думал, как бы нас по итогу, за такую шумиху, самих на вилы не подняли. Уж больно... громким вышло это дело.

Но итог из него мы все же вынесли. Многое подверглось переоценки, и многое пришлось поменять в жизни страны, и его государственного аппарата. И главная идея на повестки дня на сегодня — возобновление прямой торговли от лица государства, без посредников в лице частного.

Лично я думаю, что это может плохо кончиться. Что если, и торговец и проверяющий, так или иначе — одно лицо, то... ну сам себя не проверишь! Сам себе можно и простить, уступить, помиловать... Но — я человек от всего этого далёкий. Моё дело... по подворотням с автоматом бегать! Да вон... навоз месить в коровниках, ногами в туфельках. Посмотрим, как все пойдет.

Глава 26 — Любовь

— Слышала, в Братске молоко из порошка под видом обычного продавали! — проговорила одна бабка другой, сидя на лавке у подъезда, к которому я прибыл по работе.

— Да ты что! Правда, что ли!? — ответила ей вторая, на счастье пока меня не замечая.

— Ага — кивнула первая, на меня уже в открытую пялась, но продолжая вещать — Там еще говорят журналистку убили, что про это пронюхала. Молодая еще совсем была...

— Ну у них такое было, а у нас в магазинах уж никакого не достать! — покачала старушка головой — А девку жалко. — и тут, наконец, проследила за взглядом товарки, и тоже уставилась на меня.

— Здасте — поздоровался я с улыбкой.

— М? — сощурила глазки старушка — Ты че так вырядилась то?

— И не холодно ль тебе? — проскрежетала вторая, разводя руками, показывая на снег, и мои коротенькие-коротенькие шортики.

Голые ляжки, торчащие из-под зимней меховой куртки.

— На блядки чтоль?

— Ай, видно, что шлюха!

— Постой... ты это...

— Тц! — прижал я палец к губам, и чутка нагнулся к ним поближе — Вы тетку с третьего этажа сего подъезда знаете? Таковую... — показал я на свои голые ножки.

— Иш ты, «сего!» — воскликнула одна, глядя на соседку по лавке.

— Таковую чтоль, всю вечно занятую? — проговорила вторая — Не здоровается с нами еще никогда? Вечно вся в делах... да моду взяла ставить свой драндулет на газоне!

— А! Так ты про ту нахалку! — воскликнула первая, поймав осознания, и вернула взгляд на меня — Да мы её имени то даже не знаем!

— Одна живет?

— Одна, одна! К хахалям к ним на квартиры ездите!

— Часто?

— Очень! — закивали бабуси разом — Она у них бывает больше, чем дома!

— Ясно...

— А что она, шпионка щтоли?

— В том то и дело, что да. — вздохнул я печально. — Вы родные, посидите пока тут, домой не ходите... — и сделал шаг по направлению к дому, но замер, и обернулся — В подъезде сейчас еще много людей? Особенно на третьем?

Старушки вновь переглянулись, и та, что поактивнее ответила:

— На третьем никого. Да и внизу вроде тоже. — взглянула она на товарку, что закивала в такт — На четвертом...

— Мальчик маленький, на пятом один сейчас. Меня Фомична присмотреть за ним еще в случае чего просила. — сказала старушка, и решила подняться с насиженного места, дабы проверить пацана.

Однако общими усилиями меня и второй бабки, нам удалось заставить её посидеть на воздухе еще немного. А проверить пацана я предложил за неё.

— Так как... — проговорила старушка на это, распахивая по шире свои старческие веки.

Я в ответ, лукаво улыбнулся, скинул куртку, оставшись в одной легонькой футболочке, и

без особого усилия запрыгнул сначала на козырек над подъездом, затем на бетонную плиту балкона третьего этажа. Прыжок вверх, в полете помогаю себе руками подлететь еще выше, отталкиваясь от плиты этажа четвертого, и вот я уже стою напротив окна пятого, выходящего на балкон. Бабки в ужасе, а я показываю им, что мальчик играет в приставку, самозабвенно и высунув язык.

Я не спрашивал, где живет мальчик. Мне не нужно, учитывая, что окно на плохо остекленный балкон приоткрыто, а пацанчик кажется любителем гороха. Но залез я сюда не совсем ради него, просто, попутно, так сказать. Мне все равно нужно было оказаться на этаже четвертого, ведь сверху, уж больно удобно заглядывать за стекло балкона ниже, квартиры моей цели.

Веревочки, лимоночка... классика! Мы потеряли троих на таких растяжках! Шпионы, поняв, что их раскрыли, спешно смотали удочки, экстренно сменив аэропорт на запястной. Сменили место жительства, документы, прочие... ищи свищи теперь ветра в поле! Но мы найдем! Пусть на это и потребуется время.

Другое дело, что в их старых обиталищах нас всегда ждет сюрприз. Это не всегда столь грубая классика, как банальная лимонка. Там может быть и газ, и самодельная взрывчатка. И даже что-то из химического, или бактериологического оружия — после визита в один из домов такого вот шпиона, все оперативники, там работавшие оказались в больнице.

Мы пока не знаем, чем их отравили, но точно уверены, что яд попал в тело через кожу — все прочие, не заболевшие, сотрудники использовали перчатки или ничего в помещении не трогали. Самое вещество на стенах жилища уже распалось, и анализу не подлежит.

Так что здесь все довольно банально. Однако, я тут не потому, что решил заменить собой бригаду сапёров. Просто данная дама, тут обитающая, место жительства не поменяла. И не ясно, толи она не чует слезки и полностью уверена в своей безопасности, толи это, всё одна сплошная западня.

Ладно — шепчу я сам себе, и немного нагреваю стекло радиацией. Материал становится мягким, податливым, теряет форму и выпадает из рамки — извлекаю, прилепляю к бетону плиты, на которой стою. Запрыгиваю вовнутрь, на всякий случай пригибаясь от греха. Сижу, прямо возле лимонки на веревочке, что фиксирует собой все створки деревянного остекления балкона. Классика! Но надежно.

Принюхиваюсь к двери балкона — удивительно, но там нет лимонки! Даже более того, дверь частенько открывают! Видимо, для проверки защиты из веревочек — на всякий случай обезвреживаю ловушку. И заглядываю в комнату, силясь хоть что-то разглядеть сквозь плотную ткань шторы.

Ничегошеньки невидно! Но с другой стороны — это и плюс! Меня ведь тоже не видно! — проделываю трюк со стеклом и тут — вновь принюхиваясь и прислушиваясь, оценивая обстановку. Чтож, могу смело сообщить, что в комнате кто-то есть. А еще есть работающая техника, и много. Неожиданно.

Сообщаю своим уже и без того заждавшимся вестей сообщникам. Они радуют меня тем, что дама как раз на подходе. Времени нет! Заскакиваю внутрь помещения, и вдоль шторы, плавными движениями в такт ветра, прохожу к углу стену.

— Пчи! — чихает кто-то, что-то пьет, ежится... видимо холод почувал!

А я тихонько выглядываю из-за шторы, двигаясь исключительно плавно, и вдоль стены.

Пацан, лет тринадцать. Сопляк штаны на лямках! Но в данном случае — на бедолаге лишь трусы. Дохленький, замороженный, но вид важный-важный! Куда с добром. Что-то там

делает с компьютером. Вокруг него целая куча мониторов, и он в этом всё буквально утопает, и этим всем он полностью поглощён, так что меня ему не заметить ни в жизнь.

А вот холод заметит запросто — в комнате то как бы неслабо жарко! Было. И этот же косяк, заметит и та мадам, что как раз подъехала на своей машине прямо к подъезду вместе со своим ухажёром. Впрочем, её возьму сразу же, как она войдет в квартиру. А хахаля — как отъедет от подъезда.

Вот только если она заметит отсутствие стекла... пронесло! Бабки, отвлекли, начав на неё, и мужика её, орать, вдвоём в три горла, за то, что опять заехали на клумбу. Так что дамочка в спешке юркнула в подъезд, так и не взглянув на свой балкон.

А значит — стоит переиграть нашу пьесу! Мне тупо любопытно, что это за малолетний программист, набивающий строки кода одну за одной со скоростью печатной машинки, и что их связывает, с майором центрального разведывательного управления соединённых штатов Америки. Ну не постельные же интрижка, в самом то деле?

К тому же, думаю, мальчик не знает о килограмме взрывчатке в своём компьютере, как и не догадывается о лимонке, у себя под попой. Кстати, стоило бы обезвредить! Риск? Да! Но он стоит свеч, пока дама не успела подняться.

Плавный рывок, подобный морской волне, перетекающей от стенки к стенке. Ползком добераюсь до корпуса мощного компьютера с водяным охлаждением. Куча трубок, и где-то взрывчатка внутри... сложная задача! Тут же наверняка защита от вскрытия! И от взлома системы компьютера тоже, наверное, есть! И от переноски его. И, возможно, даже от выключения! Не зря же тут стоит блок бесперебойного питания!

Сложно! А дама уже в одном пролете от этажа! А я не минёр... и не программист! Но... компьютер явно недавно вскрывали. Есть куча свежих отпечатков. И запах... нужно просто восстановить правильную последовательность открытия. Нужно... а вдруг, бомба отключается программно?

— Шелк! — шелкает ключ в замочной скважине.

Отбрось сомнения! — и я выполняю нужную последовательность защелок компьютера, снимая закрывающее её требуху нутро, попутно жмурясь, и группируясь, готовясь принять килограмм пластида лицом, и надеясь, что после этого от меня еще хоть что-то останется.

Взрыва не случилось, а входная дверь открылась, и хозяйка вошла в хату.

Чтож, проще, и сложнее — взглянул я на пакетик взрывчатки, опутанный кучей проводов и засунутый в самое сердца системника меж охлаждающих трубок. И взрыватель, дорогой, импортный, с блоком противоизвлечения и собственной батареейкой для невозможности отключения от питания. И провода все одного цвета. И запаха тут давно никакого нет!

А тетка тем временем не торопясь идет к нам.

С другой стороны — блок у взрывателя электронный! И я могу спалить его нафиг ко всем дворовым собакам мира! Вот только смогу ли я до него дотянуться? Он ведь в самой глубине! Хватит ли у меня сил? И не вызовет ли плавление мозгов детонации? Хотя бы от температуры...

— Угадай кто? — пролепетала женщина, голосом полным страсти и желания.

— Аннет! Ты вернулась! — отозвался пацанчик, и... они славно засосались.

ЧТО!? РЕАЛЬНО ЧЕРЕЗ ПОСТЕЛЬ?! — взвыл я в душе, и решил более не мешкать — меня, прячущегося под столом у них в ногах, вот-вот, с мгновение на мгновение, запалят... заметят прохладу в комнате! Лопнет терпение у моих бойцов... метеорит на головы упадет!

Пришельцы... — и я тяну пальчик к детонатору сквозь трубки.

Аннет воркует, что в комнате прохладно, на мальчик слишком горяч, что бы это заметить. Мальчик говорит, что хочет её прямо сейчас. Она, добавив немного в строгости голосом интересуется, закончил ли он работу, он отвечает, что почти. В комнате начинает пахнуть сгоревшей проводкой от сгоревшей схемы взрывателя, женщина говорит, что кекс будет, как только кое кто закончит свою работу и идет к окну, как видно проверить что с ним приключилось.

— Ну... Аннет! Я хочу сейчас! — мямлит пацан, зажимая промежность от нетерпения, и боли, от возбуждения.

— Потерпи — шепчет голосом полным страсти тетка, заводя юный организм еще сильнее, и касается шторки, чтобы приоткрыть и посмотреть...

Получает от меня пяткой по затылку, падая мордой в пустую раму, а пацан же в это же мгновение получает от меня королевский щелбан в лобешник.

— Ааай! Ааа! — стонет он, катаясь по полу, тетка признаков жизни не падает, но вроде жива.

Заламываю мальчику руки, но не нахожу чем связать — надо взять за правило носить с собой наручники! Хотя правильнее сказать — надо взять за правило не лезть вперед бабки в такие жопные места! Я же чуть не уссался пока разминировал! Ну их... правильно мне говорят — не моё это, не моё! Мне и без того острых ощущений хватает.

Бросаю пацана лежать мордой в ковер, на всякий случай приложив его еще разок об пол под ковром, и иду на разведку помещения.

Кухня, и вторая комната. На кухне чисто, и ничего примечательно. Ну, за исключением заколоченного окна, и спрятанной между рамами еще одной растяжки. Вторая комната интересней — туда из ванной тянутся трубки водоснабжения, и кстати туда же тянулись трубки охлаждения компьютера мальчика. Ну а дверь комнаты — естественно тоже заминирована. Параноидальная любовь к лимонкам!

Как и входная дверь, естественно, тоже имеет лимоночку, да на веревочке, поперек прохода — когда только успела повесить? Хотя, снимается она действительно легко.

— Говорит двухсотый. — заговорил я в рацию, осматривая помещения, проверяя безопасность периметра и наличие иных сюрпризов или живых существ поблизости — Чисто! Тащите минеров, пару наручников, и программиста.

— Принято. — отозвалась рация согласно уставу, однако через мгновение своевольно добавила — А программист то зачем?

— Да, лучше сразу хакера. — покивал я сам себе — Хотя и программиста тоже тащите. И сексолога. Одну штучечку. — улыбнулся «хорошей шутке», и вернулся в комнату с любовниками.

— Принято. — ошарашенно отозвалась рация, а дама «сердца» в этот миг очнулась, словно бы включили питание в серверной.

Встряхнула головой, и тут же хотела действовать... но получила от меня прямой в лоб, и отправилась обратно в пустую раму.

— Ай, ай!... — за стонал в этот миг пацан.

А группа захвата, что уже напугала бабок у подъезда своим брутальным видом, влетела в заботливо оставленную мною открытой дверь. Уложила хотевшего подняться мальчика обратно на пол, и выдернула девку из окна.

— Ё... — проговорил командир группы, зайдя через некоторое время в помещение. —

Что тут...

— Стояк! — приподнял я брови, кивком головы указывая на трусы мальчика, из которые кое что торчит.

Командир, шутку не оценил. Непонимающе уставился на меня, потом все-таки взглянул на мальчика, прижатого к полу сапогами мордой вверх.

— Да он извращенец! — проговорил он, поняв наконец, о чем это я.

— Ага. Ключнул на такую старую тетку — сморщился я как от лимона, глядя на накрашенную старую гримзу, лет сорока, лежащую рядом с ним, чуть ли не в обнимку.

— Ну... — протянул боец, но решил оставить своё мнение при себе.

— Вколите ей что-нибудь — попросил я подошедшего бойца-медика — А то я более чем уверен, что у этой самки койота еще немало тузов в рукаве.

Медик понятливо кивнул, раскрывая свой походный чемодан хирурга, а я вновь вернул внимание начальнику группы:

— И где программист?

— В пути.

— А сексолог?

— Э... я думал вы шутите!

— Так и есть! — усмехнулся я, понимая, что меня немного потряхивает от напряжения, что мне, как бы, не к лицу, и надо взять себя в лапки.

А потому я отправился к саперам у второй двери, и узнал, что у них проблемы. И вскрытие займет немало времени.

— Я зайду через окно — махнул я им рукой, вышел через балкон, вошел через окно где тоже была лимонка. Осмотрел холодильную установку и кучу неясного оборудования, проводов, антенн, и хрен знает, чего еще. Снял лимончку с двери, что была на одной веревочке с еще одним детонатором где-то в глубине холодильной установки... в последний миг, сообразил, что просто так это не разминировать, и если отпущу нить — все взлетит на воздух! Как и если натяну её, а потому так и застыл, словно памятник самому себе.

— Заходите. — проговорил я обреченно, обращаясь к людям за дверью — Тут еще килограмма два — на всех хватит!

— Ну как ты дочка? — поинтересовались бабки, все так же сидящие у подъезда, когда я оттуда наконец вышел. — Живая? — и заботливо накинули мне на плечи мою куртку.

— Ага. — улыбнулся я в ответ, с теплотой приняв их заботу.

— Говорят, шалава эта, мальчика в заложниках удерживала! — просветила меня одна из них.

А я вздохнул — уже пронюхали! Вот... кто сболтнул?!

— И заминировала всё!

— Откуда знаете? — улыбнулся я им.

— Так это! — вознесла бабка палец к небесам — Саперы ж проходили!

Логично!

— А мальчика на носилках мимо пронесли — поддакнула ей вторая.

А я взглянул на окружающее нас отцепление — ну да. Баки не мешают. Видимо решили, что они в теме, раз я с ними так долго у подъезда общался. Или и вовсе — они на меня и сослались, сказали, что я велел им себя тут ждать! И они и с места не сойдут без моего приказа.

— Да вам в КГБ надо было работать, бабуся! — улыбнулся я наблюдательным старушкам.

— Так и так! — вытянулась во фронт одна из них — Первый отдел! — и козырнула, вполне по уставу, несмотря на дряхлые кости.

— А я инженером была — улыбнулась вторая, и обе засмеяли.

По-доброму, по-семейному. Показывая бесконечную преданность своей дружбы, пронесенную сквозь года.

— Так что там писал, этот наш малолетний программист? — решил поинтересовался я через два дня, связавшись с человеком, ведущим это дело.

— Ну... скажем так, они хотели хакнуть наши наземные линии связи. Запустить туда троян, чтобы мы потом еще месяц его отлавливали, сидев всей страной без связи.

— Такое возможно? — поинтересовался я, читая новости, о поимке еще одной банды мошенников, скрывающей доходы и уходящей от налогов.

А по факту — спонсирующей вражескую разведку.

— Ну... страну — это они явно загнули. Но вот город или даже регион — вполне реально. Все же мальчик явно гений! И жаль, что этот гений оказался столь политически не верным.

— Подложите под него другую девку, — сморщился я, как от кислого — делов-то?!

Собеседник замолчал в ответ.

— Что?! Не уж то не найдешь у себя подходящей кандидатки?

— Но он же ре... ладно, понял!

— Вот и славно — улыбнулся я, и отложил листок с новостями, взяв иной.

Наш флот вернулся из похода. С победой вернулся! Пусть и без триумфа. Ведь триумфальное возвращение подразумевает празднование! Пир, гулянки, чествование! А это возвращение... тихой, скромное, неторопливое. Лодка за лодкой, корабль за кораблем, с большими разрывами во времени, они возвращаются, получаю мелкий ремонт, меняют экипаж, и вновь уходят в плаванье.

В патрулирование, в рейды... ну или на стапеля и сухие доки, если полученные повреждения серьезные. Поход вышел успешным! Но это совсем не значит, что мы обошлись без потерь. Напротив...

Мы потеряли четыре подводных крейсера! Столько же малых лодок, судно радиолокационной борьбы, и судно прорытия. Что в сумме, весьма чувствительная потеря для наших вооруженных сил.

Но в размен на это, наши корабли отправили на встречу с посейдоном целый флот амерекосов! В полном составе! И еще обезглавили второй, потопив оба авианосца его возглавляющее. И это действительно достойно триумфа и всяких похвал! Вод только лодочка, провернувшая столь дерзкий трюк, обезглавив вражеский флот, и сделавшая операцию столь успешной, потопила эти два корабля ценой своей жизни.

Она ушла на дно морской вместе с авианосцами. У них не было шанса спастись, и они знали это! Знали, с самого начала! Когда шли на смертный бой, на эту авантюрную выходку... награждать некого. Праздновать — тоже. Они герои, но увы — посмертно.

И их семьи должны ими гордиться! Вот только узнают они об этом не раньше, чем через год. Мы должны... обязаны! Соблюдать секретность, а потому для всех — лодка цела, и просто где-то в рейде. Патрулирует воды тихого океана, атлантики, или же вовсе — прячется подо льдами северного ледовитого океана.

— А это еще что такое? — увидел я дрона-снегоуборщика, что чистив дорогу, заехал одним колесом на бордюр обочины, и так и застыл на несколько часов, судя по насыпавшемуся на корпус свежему снегу.

Я тут конечно не ради этой машины, но все же и не случайно тут оказался. Просто в противоположной от беспилотника стороне, пакуют в милицейские бобики нового образца десятков молодых людей, что особо и не сопротивляются, прибывая по-прежнему в новогоднем настроении.

Эти парни занимались преимущественно отмывом денег и скупкой краденного. Имели у себя в арсенале мастерскую по разборки техники на запчасти, лавку старьевщика, и заводик в миниатюре, где можно было переплавить золото и драгоценности, сделав из них иные изделия из ценного металла.

А еще, они делали то, что обычно никто не делает — завышали указанные в декларациях доходы от своих бизнесов! В частности, тех, что по программе поддержке молодых предпринимателей и инженерных технологий, налогами и не облагались. Получали какие-то конские доходы, и спускали их до последней крошки в каких-то стреманных клубах. Причем, не забывая брать за услуги чеки.

В общем и целом — мелочевка какая-то! Со шпионами и диверсантами на прямую и не

связанная. Тянущая максимум на уловку за мошенничество, ну и конфискацию, за пособничество в ограблениях. Может быть ребята постарше, им и впаяли бы что-то солидно, но они почти студенты! Вернее, были бы студентами, если бы не бросили учебу даже не начав.

Фигня полная! И зазря потерянное время. Что даже застрявшая на бордюре машинка и то более интересное зрелище чем они. Кстати, о тачке! — нагнулся я, заглянул ей меж колес — клиренс у неё высокий, подвеска хорошая. Физически — она не застряла! Тогда почему ж этот дрон застыл здесь, когда дорога не дочищена? И он к тому же — мешает.

— На что смотришь? — подошел ко мне ФСБешник, так же, как и я, скучающий на этом деле, что должно было стать громким, а вышло пшиком из пустого баллона.

— Да вот... думаю — какого фига? — указал я на агрегат, поднимаясь.

— А..., наверное, спутники — задрал он голову к небу, и я последовал его примеру — Их там совсем мало осталось. Вот и сбоят техника, не знает куда ехать.

— Нда? — проговорил я, и подбежав к агрегату, с трудом столкнул его упирающуюся тушку, с обочины обратно на асфальт.

Машина никуда не поехала. Огоньки, сигнализирующее, что питание включено, как и положено горят, но двигатель молчит, и желтый огонек мигает, говоря о какой-то ошибке.

— И что теперь? — вернулся я обратно к человеку, глядя на по-прежнему «мертвую» технику — Пока не нарастим обратно группировку спутников, эта штука так и будет тут стоять?

Сказал я, как бы намекая, что, при условии продолжающейся войны за господство в космосе, мы былое орбитальное величие никогда не возродим.

— Нет конечно! Коммунальщики уже наверняка получили сигнал о сбое, приедут, заберут. — просветил меня человек, но я лишь нахмурился.

— Да я не об этом! — махнул я рукой — Просто, что? И все? Кончилось наше счастливое время? И года не отработали, опять дворники с метелкой?

— Да нет, почему же! Есть ведь и пилотируемые версии! — воскликнул человек, но понял по моему лицу, что этот вариант, меня тоже не устраивает — А еще могут переделать ПО, улучшить сенсорную систему и гироскопы, загрузить карту в память, и расставить по городу маяки-ориентиры. Да много что можно придумать и без спутников! Тем более в границах города. Просто погоди маленько, и все снова заработает как раньше — утешил меня человек, в то время как последний мелкий преступник, как раз занял свое место в новом милицейском узике.

Но уже вечером этого же дня, этот же ФСБешник, пришел убеждать меня, что он был не прав.

— Я был не прав! — начал он с порога.

— И в чем же? — улыбнулся я, отрываясь от отчета по сегодняшнему, новогоднему, рейду, на котором всё равно не приключилось ничего интересного.

И в отчетах, кроме сухих цифр, количества пойманных, отпущенных, опрошенных да допрошенных, ничегошеньки и нет. Почти что будничные рейды, несмотря на масштаб, и новый, две тысячи пятнадцатый, год.

— В том, что говорил сегодня днем! — воскликнул человек, а я поднял бровь — О снегоборщиках! Проблема не в спутниках! Вернее, — замялся он — не в их количестве. Сегодня нашу коммунальную сеть пытались взломать через наши же спутники.

— Что?! — поднял я уже обе брови, удивляясь, и напрягаясь.

Похоже, не я один решил поработать усиленно в выходной! И похоже не у одного меня сегодня лишь цифры на уме!

— К счастью, хаку подверглись только старые спутники, работающие еще на Си... такая среда программирования, — пояснил он, видя, что я не понимаю — на английском. На орбите их не так уж много осталось, но почти все из них отвечают, как раз-таки за навигацию или связь. Так что контакт с автоматическими уборщиками, и даже проходящими испытания полностью беспилотными локомотивами, они имели. Не волнуйтесь! — поднял он руки, видя. Что я собрался сорваться и действовать — поезда даже этого не заметили. У них просто выскочила ошибка контакта с орбитой, и не более того. Они даже скорость не сбросили, продолжив плановое движение до ближайшей крупной станции, где их уже встретили техники и все проверили. Их система построена так, что данные с орбиты лишь резервный канал, который задействуется в случае проблем с основным. При проблемы с ним они делают запрос по наземной связи, получают...

— Ох, ладно! — опомнился он, поняв, что ушел от темы, а моё лицо все еще хмурое — В общем, дроны, запрограммированы на языке Ди... это тоже такая среда программирования, только на русском. И напрямую общаться со своими братьями, построенными на старых системах, не могут. Причем на аппаратном уровне! На уровне железа... в общем, им нужен переводчик, что будет переводить один язык на другой. Собственно, этот переводчик и удалось взломать нашим заокеанским «друзьям». Вернее, даже не весь, а только ту часть, что...

— Спутники, переводчики, — начал я загибать пальчики, перебив собеседника — поезд...

— Там тоже был переводчик.

— Неважно. — помотал я головой — Нас, как ты сказал, хакнули! И вполне могут попытаться уронить нам же на голову наши же спутники.

— Это, к сожалению, возможно — погрустнел ФСБешник.

— Ответку уже кинули?

— Работаем.

— Работайте — покивал головой я — я в вас верю. И выкиньте эти «заводчики» из поездов. Они, насколько я знаю, и без спутников прекрасно ездят. — усмехнулся я, вспоминая как работает система навигации в данном транспорте, а мужчина, кивнув, направился на выход.

Перед самой дверью застыл, и обернулся.

— Они вообще-то и снегоуборщикам оказывается не нужны. Просто программа была построена таким образом, что при потере контакта с орбитой, машина должна запарковаться и ждать прибытия эвакуатора. Уже правят. — правильно истолковал он мою моську — Скоро выпустят обновленную прошивку и дроны вновь вернуться на дороги. За пару дней нового года ничего страшного не произойдет.

Вот только уже в эту ночь Москву буквально завалило снегом, и осадки даже и не думали прекращать идти. Коммунальщики вновь, как в старые, и не добрые, времена, оказались не готовы к такому явлению стихии. Техники оказалось недостаточно, людей — тем более, и город встал, обратившись в один сплошной непролазный сугроб.

И люди, уже успевшие за полтора сезона эксплуатации дронов позабыть о том, что такое засыпанная снегом дорога, не говоря уже о сугробах на обочинах, оказались недовольны. И сильно! Но все же не настолько сильно, что бы в открытую возмущаться, ведь

все же — выходной! Праздники! Да и вообще... ребятня — довольна. На работу — не надо! А тому, кому надо — есть метро. Да и снег — это же словно сказка! Так что поворчали, поворчали... а к пятому числу уже и прогу обновили, и дроны, за три дня, все расчистили и разгребли.

Сугробы по обочинам конечно еще были какое-то время, не говоря уже о дворах, куда автономная техника никогда не ездил из-за сложности «рельефа» припаркованных машин, но это уже все мелочи и детали. Город вернулся в свой привычный ритм, будь то ничего этого и не было.

А вот у американцев чуть не случилась революция, когда на утро после рождества, они обнаружили ровные нули по всем индексам на Нью-йоркской фондовой бирже. Кто-то просто тупо стер все данные, что хранились на серверах данного заведения, и теперь никто не знает, кто, кому, и сколько должен.

И, будучи и так все на иголках из-за пропавшего в неизвестности целого флота, и неизвестной подлодки, потопившей сразу два авианосца на глубине, что даже не позволяет нормально изучить останки, их страна, пусть на время, лишилась всякой боеспособности.

Ответная реакция на нашу выходку все же тоже была — нам попытались уронить на наши головы наши спутники, вернуть контроль над которыми мы так и не смогли. Мы их успешно сбили, подарив стране красивый звездопад в ясном морозном небе старого нового года. Но в итоге, остались совершенно голыми со стороны этого звездного неба, лишенные хоть сколько-то внятной группировки орбитальных объектов.

Там, конечно, что-то все-таки осталось. Но это что-то, не позволяет ни то, что вести навигацию, будучи на земле, или разведку, путем съемкой объектов из космоса, установку связи с объектами где-то за горизонтом, или наблюдение за космическими аномалиями, но даже внятное наблюдение за циклонами и погодой, теперь стало невозможным. Прогноз погоды стал похожим на гадание гадалки с вокзала, ведь входящих данных для расчета просто, нет.

Хм! А интересный этот «язык» — «Ди», однако! Впрочем — да ну его! Я все равно ничего не понимаю в программировании — отложил я книжку-учебник по программированию с заголовком «ПО на русском» в сторону, и взялся за папку со свежими новостями.

Политика... где-то волнения, где-то восстания... ну это все тоже не мой профиль! Так, что еще... экономика вообще лесом! Как и медицина... О! Вооружение! Американцы откладывают морские испытания своей новой сверх скоростной и дальнобойной пушки с чудовищной разрушительной силой — хорошая весть! Однако спуск на воду корпуса нового авианосца, с новой системой катапульта на электромагнитной тяге, пойдет по плану несмотря на недавние потери флота — не хорошая весть.

Ведь хоть мы и прибрались на тихоокеанском направлении весь лишний мусор, избавив американцев от лишних корабликов, и они вообще, всю зиму тряслись, и даже сухогрузы в Японию не гоняя совсем, от новых кораблей врага всегда стоит ждать новые проблемы. Тем более от авианосцев! Несмотря на то, что мы показали им, их несостоятельность.

Ведь новая катапульта, в отличии от ныне стоящей на вооружении паровой, позволит им эксплуатировать судно даже в северных широтах. Там, где всегда господствовал именно наш флот. Сумеем ли мы отстоять свои рубежи? Все зависит от того, насколько успешным

выйдет данный проект. И насколько ядреным, будет на него наш ответ.

Вот только как бы заставить их и далее думать, что мы всем флотом сидим под водами тихого, так и ожидая их корабликов и флата? При этом не рискуя своими судами, и вообще — туда толком не плавая. А то уж больно красиво вышло! Наш флот ушел оттуда сразу после боя осенью, уже весна, а они все думают, что мы их там ждем-не дождемся родимых. Лишь только сейчас начав патрулировать океан противолодочной авиацией, раскидывать поисковые буи, и делать робкие попытки прорваться.

А то эффект от хака их фондовой биржи пусть и был, но какой-то... странненький. Сначала они конечно пересрались все, но потом... вывернули все себе на пользу. Вернули данные, вбив их от балды, но исключительно в свою пользу. Там конечно до сих пор котел бурлит, но сильного эффекта на экономику и политику это не имело. Просто бедные стали еще беднее, а богатые — богаче!

Так, что еще? Венгры сделали лазерный танк... ну это я уже видел, баян так что. Шведы сделали «стеклянный» танк... а это еще что такое? О! выглядит круто! И опасно. Наверное. Надо бы загрузить наших головастика темой как бороться с этим... хотя, думаю они и без меня сами этим займутся.

Что еще? Новая броня на основе экзоскелета? Ну, наверное, круто, но указанные тут характеристики, с моей точки зрения, выглядят ущербна. Но я — не человек, так что возможно я не прав. И возможно это страшная вещь.

А вот донесение о разработках врага в области биоинженерии, вирусологии и биооружия, действительно пугают. Новый вид мух, что вывели эти утырки, питается исключительно кровью человека-европейца, благодаря чему, индусам, что их там у себя выводят, ничего не угрожает. Правда угрожает американцам, индусов курирующих, но видимо у них есть какие-то средства защиты.

И вот эта муха, мало того, что жизни не знает, кого-нибудь не укусив, после чего спешит отложить яички, где-нибудь, в том числе и под кожу человека, что и служил ей кормом — аки муха Цеце! Только разработанная под более холодный климат. Да еще и умеющая пролетать большие расстояния в погоне за своей жертвой, не теряя её из виду даже на расстоянии нескольких километров.

Мало всего этого, эта муха еще и переносит на лапках и хоботке новый вид вирусной инфекции! Пока не известно какой, но ясно точно — жопа будет всем, мимо кого эта тварь пролетит. И нужно уже сейчас думать над средствами защиты против... этой напасти. Естественно не забывая о «предсказанной» некой гадалкой из ген ассамблеи, нашествии саранчи на юг Руси. Землетрясениях, ураганов, и наводнениях.

Как говорится — ни дня без приключений!

Глава 28 — Огородники

Закрытые города... забор, колючка, КПП. Пропускной режим, дяди, тети на входе, «ущемляющие права и свободы». Место, где даже за воздухом и то следят! Следят за его качеством. Особые поставки всего необходимого, и население, что вечно считает, что им кто-то что-то должен, и вообще — они птички в клетке!

Вечно думающие, что где-то там, все получше, а их тут, бедных, все зажимают. Думают, что стоит вырваться из-за стен, и вот она — настоящая жизнь! Только вот беда в том, что это «настоящее» обычно окрашено кровью, потом и гнилью. А их клетка не просто золотая, но еще свободно открывается изнутри — большинство населения таких городов внутри них никто не держит.

Но они, эти люди, проживая жизнь как у Христа за пазухой, в дали от всей политики и мафии, не понимают каким счастьем обладают. Они не видели жизни! Они словно дети. По крайней мере в тех городах, что были закрытыми еще со времен союза. Те же, что стали таковыми совсем недавно, это совсем иная песня. Такие города, словно военные городки при части, где все знают устав, как и друг друга.

И вот я приперся в один такой городишко, что стоит таким «неприкосновенным» еще со времен последней мировой войны. Город атомщиков, и ядерного оружия. Меня тут... не особо ждут! Но мне сюда НАДО! А еще, несмотря на то, что я успел уже столь крупно зазвездится на ТВ, никто все равно не ждет супер звезду, за голову которой назначено уже десять миллиардов долларов, вот так просто, посреди улице.

Без охраны, без спецназа... да даже без военной формы! Вообще в деловом костюме с закосом под мальчика. Так что топаю я по тротуару от проходной до нужного мне цеха-лаборатории, вместе с иными, праздношатающимися, горожанами. И им всем, нет до меня дела, как и мне до них.

Хотя, нет! Вот этому кадру... что прошел мимо меня мгновение назад, до меня явно дело появилось. Остановился, пристальным взглядом сверлит мой затылок. Ну, чтож — оглянись!

Ааа! Так это... один из ученых! Знакомый кадр! — и он меня тоже узнал, и ему это осознание не принесло счастья. Задергался, словно что-то украл. Решил бежать, но тут же замер. Достал телефон, начал набирать... сбросил, сплюнул, вновь задергался.

Перебежал улицу прямо перед машиной, чуть под неё не угодив. Водила там, наверное, посидел! Даже вон, из машины ради матерной тирады, не высовывается. А профессор то... бежит! Ну ей богу, как мальчишка! И как понимаю — к себе в лабораторию.

Но мне туда не надо! Так что пусть бежит. Я иду... немножко в другую сторону. Хотя, раз уж так все вышло, и меня уже спалили, и пол улицы чешет репу «почему столь уважаемый человек, в очках, костюме и с портфелем, бежал аки школьник на урок?», думаю, загляну в еще одно местечко. Там для меня... припасён «пирог».

— Ну, чем порадуете? — сказал я, съев свой «пирог», из всякой дряни питательной, и придя в лабораторию, которую шел изначально.

— Боюсь, что радовать нам вас нечем — вздохнул доктор наук, ответвлённый за отдел, которому я и поручил своё важное задание — Результаты курам на смех.

— А именно? — все же поинтересовался я, разглядывая его, скрытую под специальной

маской, бороду.

ШИКАРНАЯ!

— Нам так и не удалось разобраться в причинах мутации. — подал он мне папку с какими-то научными выкладками, мне ничего не говорящими, и словно написанными на неизвестном языке — Даже просто скопировать установку, оказалось для нас непосильной задачей. Похоже, на успех мутации влияет не только изотоп радионуклида, состав «охладителя», и даже материал трубок и капсулы, но и еще и тип самого магмойда.

— То есть?

— Знаете, раньше мы не задавались вопросом, а если ли принципиальная разница между теми, что ходят на двух ногах, и теми, что пользуются на шести. Делали разницу лишь в их размере, и в размере камней с них получаемых.

Да, это так. Некоторые магмойды, вырастая, обзаводятся сразу пачкой сердец, вместо генерации одного большого. Таких сложнее убить, если ты вооружен лишь мечом. Для оружия типа нового «шершня», огнемета последнего поколения, что плюётся капсулами с термитом, разницы особой не стоит.

Однако, все же такие магмойды не самый удачный трофей. Ведь чем больше сердце — тем оно ценнее! И даже сотня сердец по сантиметру диаметром не покроют стоимости одного в десять.

— В общем, никто особо не заморачивался с тварями и какой-либо классификации не проводил — продолжил профессор свою речь — Ведь камни с них всех падают одинаковые, а их размер зависит только от размера и силы твари. Но последние исследования говорят, что разница все же есть, — он протянул мне еще одну папку с бумагами, в которой оказались фотки магмойдов. И описания особенности конкретно этого вида — Например вот тип «Б» — указал он на того, что собственно был на первой странице — вы, думаю, с ним знакомы. Его часто используют для опытов ввиду малых размеров.

— Ага — усмехнулся я, глядя на эдакого коротышку, человечка из лавы, да без головы. — А в эксперименте с крысами использовался тип «Н» — попросил он жестом перевернуть страницу — шестиногий бычок. Точнее, правильнее сказать, многоногий. Ведь данный вид при развитии наращивает число ног и длину тела, обращаясь в некую гусеницу. Собственно, данный вид известен своей любовью создавать множество сердец в теле размером с горох, и считается довольно бесполезным. Однако, — вознес палец к небесам профессор, пока я пытался понять, что там за странные «иероглифы» в описании этой твари, сразу после того как кончается описания его внешнего вида, что я и без того прекрасно знаю — именно изучение данной твари, в сочетании с радиацией, способно созданию жизнеспособного вида.

— Жизнеспособного? — поднял я взгляд на собеседника.

— Ну... относительно. — замялся хозяин здешних стен.

— Скорее похожего на зомби, — встрял в разговор стоящий неподалёку лаборант, разливающий что-то по пробиркам — тех, что жили в подzemелье Москвы. Со свойством размножаться почкованием.

— Почкованием? — переспросил я, глядя на более серьезного дядьку, а не на жалкого лаборанта — Так они еще и плодятся могут?!

— Вообще-то это сложно назвать именно почкование. — замялся профф — Но иного термина мы подобрать не смогли. Данный вид, как и предполагалась ранее, действительно больше не может размножаться обычным, половым образом. Зато каждая особь может

создавать клонов самой себя.

— Писец — представил я ситуацию, как армия этих размножившихся живучих агрессивных тварей заполоняет город, подобно тому, как было в Сочи.

Где из-за радиации от остатков тел существ, пришлось делать холмы могильники на месте тех домов, где тварей жгли. Ну а то, что улетело в атмосферу... точных данных нет, но там довольно смешные цифры. Как ни странно, большая часть радионуклидов осталось в сухих тканях, угольках и трупиках, а не испарилось в атмосферу. Видимо тяжелы они что ли, или что — не знаю! Но это все никак не отменяет факт легкой паники и не желание общественности более отдыхать на данном курорте.

— Жуткое зрелища, я вам скажу! — продолжал тем временем говорить ученый — Нажравшись вволю, тварь, теряет форму, а потом из неясной субстанции, образуются сразу несколько одинаковых существ. К счастью, они не омолаживаются, и в конечном итоге все равно погибают от накопленных проблем, болезней и старости.

Так вот куда делись все мутокрысы подземки! — воскликнул я про себя, облегченно вздыхая — просто вымерли со временем! А я то думал...

— То есть... — проговорил я с намеком.

— Да. После создания, у них есть не более двух лет на существование и размножение.

— Идеальное оружие. — сказал другой «яйцоголовый», сидя через стол и за своим, рассматривая что-то в микроскоп — Выпускаешь — они уничтожают инфраструктуру противника, он отступает, ты приходишь — территория уже стерильна, и её не нужно чистить от своих поделок.

— Да, — подтвердил глава лаборатории — наши коллеги, — сказал он это таким тоном, что всем стало ясно, что он думает о таких «коллегах», и именно, в каких позах и чем тяжелым он бы их за такое «колегство» поимел — за океаном, не зря свой хлеб едят.

— Ясно... а что с теми, из Сочи? — поинтересовался я продвижением работ по этому направлению, и собеседник отрицательно помотал головой — Еще что интересное? — решил я полистать журнальчик с магмойдами, обращая особое внимание на вид «Ж», злостная жаба, умеющая прикидываться камнем, и «В», наверное, самая распространенная тварь из всех существующих — ящерица.

— Разве что магмойд группы «А», зачастую самые здоровые на момент приземления, и их же сердца нередко самые крупные — указал он пальцем на журнал в моих руках, и я открыл первую страницу, где был хорошо знакомый мне великан.

И я не смог сдержать гримасу отвращения! Мы звали их «колоссами», и это самый мерзкий тип на моей памяти! Исполинских размеров гиганты! Высящиеся на десятки метров над огненным морем врагов... любили швыряться своими «братьями» во все стороны, разбрасывая «семена» разрушения на сотни, а то и тысячи метров вокруг.

К ним невозможно подобраться! Их всегда охраняют! И кольцо отчуждения зачастую слишком велико, чтобы применить какую-нибудь дальнобойную магию. Они огромные, и их «нервный узел» всегда где-то высоко. А не устранив их, вторжение даже не замедлишь, сколько не уничтожай мелочь. Один мой знакомый даже подумывал создать «дальнобойную пушку Силы» для борьбы с этой напастью.

Но здесь, в этом мире, данные индивидуумы — лишь шикарные мишени! И источник ценнейшего высококлассного сырья.

— А еще, у нас теперь есть карта всех высадок, — пошевелил усами профессор — с примерным пониманием их закономерности.

— Хех! А говорите нечем порадовать! — улыбнулся я в ответ.

— Так это ж не наш труд то! — развел руками он в ответ — А вон, коллеги — указал он на человека с микроскопом, говоря о нем, как о брате.

Ученый, на которого указал глава лаборатории, оторвал на мгновение взор от аппарата и помахал рукой, тип не надо комплементов, после чего вновь вернулся к своему занятию.

— А карта вообще труд ИКАЯ.

— Чегось? — не понял я, этого «икая»

— Научно Исследовательский Институт Изучения Космических Аномалий и Явлений — НИИ ИКАиЯ.

— Но все его зовут икая — вновь в встрял в беседу болтливый лаборант, зачем-то гоняя воду из пробирки в пробирку. — Или вообще икотой.

— Ага. — кивнул профессор, поглаживая бороду, скрытую тканью — Это именно они, позаботились отечественным вариантом системы оповещения о вторжениях, когда американцы отключили нас от своей. И вообще, всё что связано с предсказанием их появления и расчетом мест приземления — это все к ним! Они на этом деле собаку съели.

— Скорее целую стаю. — буркнул все тот же лаборант, зачем-то нюхая прозрачную жидкость из пробирки — И не собак — волков!

— Они вообще считают, что твари очень чувствительны к магнитному полю, радиосигналам. Считают, что существует определенные виды излучений, способные как приманить тварей, так и отпугнуть... Кстати, насчет этого! — вдруг всполошился профессор — Всё же кое чем я смогу вас сегодня порадовать — и метнувшись к стеллажу, нашел там ещё одну, издававшую виды, папку.

Заполненную кучей листков бумаги, разно размерных и разновидных, от а-четыре, до тех, что клеят на холодильники, и все исписанные ручкой от руки, мелким, корявым, непонятным, но хотя бы не медицинским подчерком.

— Мы выяснили, что магмойды, пусть и слабо, но все же восприимчивы к радиации! — продолжал тем временем вещать оживившийся ученый муж — Определенный вид и частота, способны как угнетать тварей, так и повышать их активность. Что-то даже приводит в бешенство!

— Такой себе был эксперимент — мы чуть не лишились оборудования и лаборатории! — проговорил вновь отвлекшийся от микроскопа ученый — сидевшая до этого довольно смирно Бешка, вдруг оживилась словно... словно... — начал он пытаться подобрать слова, осматривая стены и углы комнаты, и тут его взгляд «вцепился» в меня, словно это я во всем виноват — словно бы увидел вас!

Я указал себе на грудь:

— Меня?

— Ага. — улыбнулся человек в ответ — Они же всегда звереют, когда вы приходите. — и вновь вернулся к своему обожаемому микроскопу.

— Ну... думаю, — задумался я над сказанным — озверин тварям явно ни к чему. А вот успокоительное — и взглянул на хозяина лаборатории.

— Боюсь, в полевых условиях данные знания не применимы — вздохнул он в ответ — Даже направленное излучения данных видов слишком быстро теряется в пространстве. Разве что в условиях вакуума, в космосе... — задумался он, начав разглядывать потолок.

А лаборант тем временем, зачем-то залпом выдул содержимое пробирки.

Так! Стоп! Там что... да нет — сделал я вывод, принявшись — обычная вода. Была.

Зачем он тогда её туда-сюда переливал? И пить таким вод образом зачем? А... — понял я и улыбнулся, а лаборант тем временем, подхватив поднос с целой кипой таких склянок заполненных чем-то прозраченьким, и неторопливо пошел прочь из помещения.

— Какой праздник то сегодня, а? — крикнул я ему в след, и мужчина замер, стоя на одной ножке.

— Эээ... — потерял он вдруг весь свой «боевой» настрой.

И даже своего основного дара — повышенной болтливости! И то лишился, бедненький.

— Юбилей у них сегодня с женой. День рождение. — ответил за него, владелец роскошной бороды.

— Ясно... — покивал я — а что тогда сам не пьешь? — взглянул я на все так же стоящего истуканом человека, думающего что я не видел, как он сделал целый шаг поближе к двери. — А?

— Да язва у него. — ответил за него другой ученый, не отрываясь от микроскопа — Не может он.

— Ага... — кивнул я вновь, украдкой заметив, как этот хитрец сделав еще шаг, вновь застыл на месте — А спаивать коллег он значит может? — взглянул на профессора с бородой — В общем так... — сказал, но понял, что главная виновная жопа сейчас тупо сбежит, и пришлось вернуть всё внимание ему — Еще шаг, и все пробирки, без их содержимого, окажутся у тебя внутри! Через задний проход!

Лаборантик тут же замер, и, на этот раз, без всякого спектакля, а по-настоящему. И до меня донёлся запах страха, вместе с запахом пота. Проняло!

— В общем, так. — вздохнул я, вновь взглянув на бородача — время уже позднее, рабочий день кончается. Так что я не буду вмешиваться, тем более что вы — уже храпнули — усмехнулся я лукаво, а профессор сглотнул комок — В общем — ваше право. Но завтра рабочий день, середина недели. И я приду снова. И если я учую перегар... хотя бы от одного! — крикнул я тому телу у двери, что кажется тайный владелец лишней пары яиц — Я заставлю вас вспомнить, что это вообще-то военный институт. И вы должны быть всё в форме, а у вас там стадион одуванчиками зарос. Пропалывать заставлю! — прикрикнул я с улыбкой.

Но понял, что не проняло, огородники хреновы! Видимо каждые выходные на даче! И не вылезают из грядок, копаясь в удовольствие! Ненормальные... А потому добавил:

— Сапогами!

Придя с утра пораньше в этот же закрытый институт в закрытом городе... я еще на подходе ощутил стойки запах перегара. Как видно, они вчера круто покутили! Или правильнее сказать, сегодня? Ведь на клумбе у самого входа, еще теплый след чьего-то тела! И сомневаюсь, что это тело, ушло отсюда на своих двоих, как и в том, что лежало тут с самого вечера. Март пусть и выдался на редкость теплым, но все же не до такой степени, чтобы спать на улице, даже будучи вусмерть пьяным.

Ладно. Обещание нужно исполнять! Считаем трезвенников... один, два, три... десять, двенадцать, двадцать четыре... не так уж мало, если подумать! Но «кислолицых», страдающих от того, что вчера им было хорошо, гораздо больше! А ведь еще и трети тупо нету...

Но как ни странно, спойвший всех лаборант, тоже, «стеклышко»! А не огурчик. Спойл всех, а сам ни-ни, гад последний! И хоть половина охраны комплекса, тоже, того, и их начальник, ходит хмурый, как и я. И точно так же вынюхивает, кто и насколько, но пока говорит «потом с вами разберусь!» и прячет подопечных, от моего взора. Хитрый какой!

— Я предупреждал? — сказал я, ввалившись в лабораторию к держащемуся за лоб бородачу.

И некий, вчера отсутствующий здесь человек в очках, вдруг вздрогнул, и поспешил отбежать от меня подальше.

— Предупреждала. — обвел я всех суровым взглядом, и вытащил за ворот лаборанта-диверсанта из-под стола — Стройтесь за корпусом. Все! А кто стоять не может, потом отбудет своё в двойном размере. — и потащил брыкающегося паренька для приватной беседы.

Он, конечно же против подобного! Вон, чуть стол с собой не утащил, и чуть косяк не поцарапал... к счастью, пальчики его разжались все же раньше, чем лопнула ткань халата или он додумался расстегнуть сурового вида пуговички. А то бы пришлось тащить бедолагу за его отросшие волосы. Хиппи недоделанный.

— Итак, что мне бы с тобой сделать... — проговорил я, глядя на «трезвенника и язвенника», запихнув его в кладовку со всяким «спорт инвентарем» по типу ведер и швабр, и зайдя следом, захлопнув за собой дверь.

— Простить и отпустить? — проговорил он, с невинным видом.

Но понял — со мной не проканаает, и решил давить «по фактам»:

— Но я же не пил! Вот! Ху! Совсем!

— Зато другим наливал, а это еще хуже — проговорил я, звереющим голосом.

— Но ведь... я же их не заставлял... — он осекся, так как я достал из-под юбки нож.

— Не, резать тебя, наверное, будет не очень интересно. — начал я приговаривать в слуг, рассматривая лезвие армейского «орудия труда» — Нож большой, острый... раны будут неоправданно огромными к не самой острой боли. Вот если бы у меня были бы иглы... — сделал я задумчивую мордашу — или хотя бы древесная щепка... — перевел я взор на стоящую подле проштрафившегося человека метелку, с деревянной ручкой — можно было бы загнать их под ногти. Урон маленький, а бо...

— Не надо под ногти! — взмолился человек — Мы же не в сорок первом! А вы ведь не агент гестапо!

— Слушай сюда... — сказал я предельно суровым голосом, будь то реально агент гестапо, но, кажется, у данного индивидуума вновь прорезалась лишняя пара бубенчиков!

— И правда ведь, мы живем в двадцать первом веке! А пугаете такими вещами. Пытки, избиение! Пфф! Вы хоть думаете, о чем говорите? Это же противоза...

— Ясно, значит НАТОвский шпион. — сказал я достаточно резко, что бы его хоть чуть-чуть, но проняло — А раз ты шпион, то не являешься гражданином Российской Федерации. А раз не являешься гражданином нашей страны, то конституция на тебя не распространяется. А значит — я могу сделать с тобой всё, что захочу. Даже убить могу, без суда и следствия.

— А как же... — все же начал он что-то соображать, пока лишние шарики, растворяются в небытие — Права человека? А военнопле...

— Для наличие военнопленных, требуется состояние войны. — начал я спокойно пояснять ситуацию — А права человека — смотри пункт о гражданстве. Ни одно государство, не признает шпиона своим гражданином, а значит — я растянул свою улыбку от уха до уха и потянулся за шваброй, вместо метелки.

Он, заметил моё движение, но, яйца вновь материализовались. Видимо и правда решил, что законы мировой политики, сильнее законов мира, и что все мои слова — лишь блеф! Попытка запугать, и держать в рамках. Что он истина в последней инстанции, и право имеющий, а я, тварь дрожащая, и законом скованный.

В рамках системы и прочего, а он тут свободный гражданин. И пользуясь тем, что я подался немного в бок, решил проскользнуть мимо меня на выход из узкой комнатки. Не вышло, моя рука преградила ему путь. Для него это оказалось явно чем-то неожиданным и на его лице так и отразилось неоспоримое «а что, так можно было что ли?! Просто взять и преградить путь!». А я тем временем взял швабру второй рукой.

Он, заметил это, и решил под ручку поднырнуть — я вновь пресёк попытку побега. Тогда он пошел на крайние меры, начал орать о неимении права и прочем, попутно пытаюсь прорваться силой, любым путем обходя преграду, или пытаюсь её продавить грудью. Начал брыкаться, звать на помощь, и вообще — блажить как потерпевший на пожаре.

За дверью донеслись шаги, она открылась, и заглянувшему на огонек начальнику охраны закрытого НИИ, предстала картина репина: я со шваброй в одной руке, и щуплым лаборантом в другой, удерживая его за грудки от попытки сбежать, и этот самый лаборант, отпихивающийся от меня обеими руками и даже одной ногой, зависший в попытке выскользнуть.

— Извините — проговорил ответственный за охрану человек, среагировав на ситуацию быстрее, чем кто-либо.

— Стой! Спаси меня! Она меня убьет! Стой! — заорал проштрафившийся, поняв, что спасительная нить уходит — ААА! УБИВАЮТ! УБИВАЮТ! — заорал он в тот миг, как дверь закрылась.

Я — почесал ему висок кончиком рукояти инструмента для уборки пола, застав на минут замереть, на этот раз уже в позиции «все четыре ноги» не касаются пола, а упираются в «мучителя». Он, взглянул на меня, убирая руки с моей моськи и ставя ноги на пол. И даже приводя себя в какой-то более-менее цивилизный вид! Вид нормального, белого, человека. Даже вон одежду одернул, что бы не топорщилась! Красавиц!

— Так, вы меня отпустите или как? — проговорил он, серьёзно смотря на меня, и на мою руку, по-прежнему удерживающую его халат вместе с одеждой под ним.

Деловой разговор! — улыбнулся я, и отпустил человека, но сам встал у самой двери, преграждая собой путь отхода. А он же... как раз в эту дверь в этот миг ломанулся, на меня налетев.

— Я ударю! — проговорил он, набычившись.

Аки петушок нахохлившись! — подумал я, глядя на него, а он повторил угрозу, распушив грудку еще сильнее. Ну а я, подумал, что он прямо как баба! Еи богу! В те самые дни, когда кровь меж ног течет. И ему, как мужику, не помешало бы занять внутри себя стержень! Хотя бы в виде этой ручки инструмента поломойки! Что у меня в руках.

— Я ударю! — нахохлившись совсем уже круче некуда, вставая на цыпочки, чтобы казаться выше, еще выше! Смотря на меня, как на дите, и голосом, так и подразумевающим продолжение «а то проснется зверь во мне!».

Что я аж не смог сдержать вылезшей на лицо улыбки, думая о продолжении для продолжения, в виде моего ответа «а я хомячков не боюсь! Петушков тем более!». Но в слух сказал естественно иное, пряча улыбку:

— Ну ударь.

Он — сдулся. Кажется, хотел сказать что-то в стиле «может все миром решим, а?», но вновь выпрыгнувшая из тела третья пара яичков не дала ему этого сделать, взяв контроль на себя, и его правая рука, описав полукруг по комнате, едва-едва разойдясь со стеной и хозинвентарём тут находящимся, впилась в моё ухо.

Ухо, единственная часть моего тела, что хоть сколько то живая! И хоть я убрал оттуда почти все нервные окончания распределив их по всему остальному телу, и несмотря на ужасающе слабый удар маленькой девочки от этого вполне рослого мужика, «звон» от оплеухи я все же ощутил. Но виду, естественно, не подал.

— А теперь я ударю — сказал я, глядя на его слегка ошалелую физиономию, одновременно понимающею и не понимающею что сейчас произошло.

Я схватил его правую руку за запястье и подтянул к себе. Ногтём из дерева швабры подцепил волокно, и выдрал оттуда небольшой кусочек щепы. Этакую лучину, на минималках. Мужчина тем временем, похоже совсем офигел, и заехал мне по второму уху, для проформы.

— Ой, ай, ой... — проговорил я, получив этот удар, и с улыбкой взглянул на него.

— Я просто защищался! Вы меня похитили! И удерживаете против воли! — начал он верещать, что-то совсем невпопад, глядя на меня, пытаясь вырвать руку из моей железной хватки — Помогите! — вновь повторил свой призыв, крича куда-то через моё плечо, и я, уже без каких-либо сожалений, что в принципе у меня совсем пропали еще после первого удара, загнал добытую из швабры полоску дерева ему под ноготь среднего пальца. — Помо... — проговорил он, уже после того, как дерево зашло в плоть до середины ногтя, еще не осознав, что тело сообщает мозгу

Взглянул на свою руку, на щепу, что я покачал туда-сюда, раздеребенивая рану, на то, как она медленно входит еще глубже....

— ААААА! — взвыл, аки пожарная сирена, падая предо мной на колени, держась второй рукой за первую. — ААААА!

Начал визжать как девчонка, и биться по полу, несмотря на то, что его рука по-прежнему зафиксирована моей на уровне груди. Плеваться, делать какие-то рвотные позывы, даже ходить под себя. В общем — слабак, у которого «железная воля», просыпается лишь иногда, и ради какой-то мелкой и крупной пакости.

— Как меня по голове бить, — сказал я, в тот миг, когда дверь за спиной вновь открылась — так значит герой и яйца есть. — дверь за спиной закрылась, и любопытный начальник охраны вновь свалил в неизвестность — А как расплату получать, так сразу «помогите», «помогите».

Но лаборант, бывший лаборант, уже кажись, подобные сложные слова, воспринять не в состоянии. И я, поняв, что в таком случае дальнейшая пытка бессмысленна, добавил ему коленом по животу, что бы уж точно не уполз никуда, и покинул кладовую. Обнаружил лабораторию пустую, и, как ни странно, весь персонал института, пытающийся изобразить построение на потрескавшемся асфальте плаца за корпусом. А по факту — просто кучкуясь по интересам, на заросшем полигоне.

Отправился туда, поймав по дороге и пресловутого главу охраны. Хмурого, аки туча.

— Ваши там же? — произнес я, мельком взглянув на него.

— Сейчас будут — коротко отрапортовал он, и спешно удалился.

А я, спустившись на первый этаж, заметил у выхода знакомого профессора с бородой, что в нерешительности мял свою шикарную растительность, явно кого-то дожидаясь.

— Этот ваш лаборант, он насколько ценен? — поинтересовался у него, мельком бросив взгляд на «ряды» за пределами дверей.

— Ну... — протянул он, и показал рукой «ни то ни се».

— Не рыба не мясо, значит?

— Ну... он не плохой малый! — воскликнул он, и почесал бороду — И я хорошо знаю его родителей — отличные ученые! Жена... красавица, умница...

— Я не спрашивала про его семью. — улыбнулся я, вполне дружелюбно, но плечи профессора повисли.

А мимо нас «за маршировали» ребята из охраны.

— Стоп! — скомандовал я им, и они покорно подчинились — Трезвые — остаются. Так, сказать, в награду за стойкость. — улыбнулся я им — А то смотрю решили совсем объект без охраны оставить. — и тут же сорвал улыбку со своего лица — Я сказал ТРЕЗВЫМ! А не тем, кто на ногах стоять не может! Вы что... совсем слов не сечете?! Мн что, каждого обнюхивать!?! — начал я звереть, и волосы на моей голове зашевелились сами собой — Или вам надоело тёплое местечко в тесном закрытом городке, и вы так и жаждите познакомится с бескрайними степями Байконура?

— А что, звучит неплохо. — проговорил один из еле ноги волочащих.

И я прямо воистину услышал звук закипающего чайника в своей голове. Но, вместо крика, взрыва, бума, или даже резни и избиения, успокоил свои волосы, и спокойным голосом обратился к начальнику всей этой банды, что умудрился стать еще мрачнее.

— Этого, и всю его гоп компанию, от наказание освобождаю. — и ребятки «с района» аж заулыбались — Пусть сдадут оружие, посты, пропуска. И чтобы, — взглянул я для эффекта, на запястье, на котором не было часов — уже через три дня, ни их, ни духу их, на территории города не было и в помине. — и улыбки ребятишек, начали потихоньку таять, пусть пока еще хоть как-то удерживая форму — У кого есть квартиры — выдайте бабки по средней рыночной. Имущество своё пусть с собой тащат, хоть в Магадан, хоть в Анадырь, или вообще — в Париж. — и морды все же стали обвисать, а сами люди переглядываться. И кажется, даже трезветь — У кого семьи — их проблемы. Внесите их всех в черный список. — и махнув рукой, подхватив бородатого профессора под локоток, вывел его на улицу, игнорируя крики в стиле «простите нас» и «да пошла ты! Ишь рекомендовалась,

птица важная!»).

Неровные кучки строя, при виде нас, зашевелились, пытаясь строй все же изобразить. Тут нет тех, кто прям стоять не может, они остались дома! Отлёживаются... с расчетом что потом, отработают прогул в субботу. Тут только те, кто вроде как трезв, лишь малость мается головкой. Как и идущий рядом бородач, что явно уже десять раз пожалел, о вчерашних возлияниях.

— В общем, наказывать я вас сильно не буду. — сказал я ему как бы по секрету — Вы как бы особо то и не виноваты. Но так, сказать — чтобы было уроком на будущие и впредь. Если пьете — знайте меру. — профессор согласно кивнул, хмыкнув некое подобие «уху» себе в бороду, похоже искренне соглашаясь с моим изречением — Но ваш лаборант больше у вас не работает. Он же не брал работу на дом? — остановился я, на пол дороги от корпуса до строя.

И получив кивок от собеседника, остановившегося рядом, развернувшись ко мне лицом, продолжил говорить:

— Отлично. Больше вы его не увидите.

— Что с ним будет? — поинтересовался он, как-то отстраненно.

— Тоже, что и с ними. — с улыбкой кивнул я в сторону входа, где двух охранников пришлось скручивать четверем остальным, так как они простую речь, и просьбы успокоится, понимать уже не хотели.

Работа то тут, не бей лежачего! Охраны много, делать ей нечего... и надо, наверное, пересмотреть политику охраны подобных объектов. И надо бы... вообще, пересмотреть саму концепцию закрытых городов. Вернутся, так сказать, к истоком. Почистить малость «генофонд».

— Но... — проговорил профессор нерешительно.

— Что? — улыбнулся я уголками губ — Семья? Друзья? Собственность? И что? Вь похоже все забыли, что значит «закрытый город». Частные лавочки, фирмочки... а ведь еще кто-то мечтает о возрождении союза. Будет вам союз, будет. Не факт, что рады будете. — усмехнулся я под конец, и приметив вышедшего под свет божий начальника охраны, оставил бородача в покое, отправившись к нему.

— Командуйте! — улыбнулся я служивому, и тот, подойдя к подобию толпы, заголосил как профессиональный прапор на параде.

— **РОВНЯЙСЬ! СМІРНО!** Ну что головастики, допрыгались? До праздновались? В думали вам всё ни почему? Что вы, незаменимы! Неподсудны... что живёте у мамочки под юбкой, что вас от всех бед мира защитит. Ну вот она, пришла ваша мамочка! — крикнул он с особым цинизмом, взмахом руки указывая на меня — И юбка у неё что надо! — усмехнулся он лукаво, а я поправил свою пышную одежонку, пусть и заляпанную одним козлом ногатым, и в складках которой у меня целый арсенал припрятан.

А из толпы народу послышались смешки. Прямо весло им! Хотя я тоже, стою глядя на них, загадочно улыбаясь.

— Попробуйте подлезть! — рывкнул «прапор», и я в этот момент громко захрустел костяками, разминаясь — Что, желающих нет, да? А как устав нарушать, так сразу вагон! — обвел он всю толпу, взглядом полным искреннего призрения, играя жвалками на лице — Что, забыли, что вы все военнообязанные и работаете в военном институте? Так я напоминаю! Только что-то не слышу радости. Или вы что, считали, что вам доплата к зарплате капает просто за то, что вы такие красивые есть? По праву рождения, да? Так даже

принцам работать приходится всю свою жизнь! А вы как думали. В общем, шутки кончились, господа. — закончил свою речь мужчина, и еще раз окинув суровым взором стоящий пред ним бардак, сделал три шага назад, как бы намекая, что следующее слово за мной.

— Ну что, мужи ученые, — усмехнулся я, глядя на стоящих предо мной — и дамы — заметил стоящих в глубине толпы женщин, тоже явно возливавших вчера вечером, и не слабо так причем — Стадион совсем зарос. Ухода никакого, — и кажется, оказался не так понят.

Из толпы послышались выкрики в стили «а, так уборка!», «так просто субботник намечается...», «ну так бы сразу и сказали!». От чего мне даже стало малость не по себе — да что у них за любовь к земле то такая? Они что, по юности спутали институты? Хотели в аграрный, а поступили в ядерный? Так что ли, а?! Или это последствие «долгой зимы» так проявляются?!

— В общем так, товарищи — взглянул я на немалых размеров стадион, беговую дорожку окружающую полноразмерное футбольное поле.

Хорошую такую дорожку! С асфальтом! Усеянный паутиной трещин, из которых растут свежие одуванчики, и оставшиеся тут еще с осини здоровые кусты репейника, чей рост порой больше моего. На футбольное поле... у одних из ворот которого уже торчит дерево выше ворот! На плачевную физическую данность ученых — они сюда явно лет сорок не ходили! С рождения!

— В общем так, — повторил я вновь — три круга любым видом бега, какой только потяните, и вы свободны. А те же, кого сейчас тут нет, побегут семь, так что передайте, чтобы не радовались. — улыбнулся я наконец, и вновь передал бразды правления человеку более опытному.

Безопасник вновь попытался их хоть как-то построить, пообещал повторение сегодняшнего в случае повторения вчерашнего, скомандовал направо, и сам побежал впереди толпы. За что я ему тут же нарисовал плюстик к пятерке в качестве оценки. Пусть он и не уследил за своими орлами вчера, зато сегодня, отдувается наравне со всеми.

Сам же, отошел обратно к зданию, где меня уже довольно долго дожидается один не человек.

— Андрей, какими судьбами? — поздоровался я со знакомым бессмертным.

— Да, вот, понадобилось головастикам — кивнул он в сторону «неровно убегаящих» людей — одну тему потестить. И понадобился им пользователь Силы. В общем, им «выписали» меня, для этих «экспериментов».

— Ясно — улыбнулся я, в теории представляя, что они будут проверять, но уверенности в этом не имея.

У этих мозгоклюев... фиг разберет! У них на уме такой бардак, что... но пускай — авось пригодится.

— А я гляжу ты тут неплохо время проводишь — улыбнулся он, вновь кивнул на растянувшуюся на пол стадиона строй.

— Ага, развлекаюсь — поежился я, и нырнув в здание, найдя там ближайшего трезвенника из охраны, попросил его найти лаборанта из кладовки, и вышвырнуть нафиг на улицу его тушку.

Хотелось еще и попросить его раздеть! Что бы уж совсем, что бы уж... но решил не быть извращенцем. И не уверен даже, что поступил бы так, будь я в своём, нормальном, мужском

теле, а на его месте была бы какая-нибудь красивая баба, чьё тело достойно любованию аки произведение искусства. Все же подобное, немножко аморально.

— Пряма таки таю от веселья — вернулся я обратно к другу с кислой мордой, а он при этом стал лишь веселее.

— Понятно... — протянул он, уже откровенно угорая.

Гады! Они все от власти открестились! Сидят себе, в ус не дуют! Устраивают публичные выступления, в шоу охотников, испытателей, и в «шоу людей, которые обманывают пули». Снимаются в кино, исполняя трюки без страховки и каскадёров, и вообще! Живут полной жизнью! В то время как я... ломаю голову о том, где, как и что добыть, построить, организовать, и как по пути не сдохнуть самому. И не дать сдохнуть другим. ЗАВИДУЮ!

А ведь, кстати, не все из них «ушли в армию»! Я знаю немало вечных, что захотело мирной жизни в мирном мире, а не вот это вот всё, в боях людей меж собой. Знаю и тех, кто воюет только с магмойдами, и не с кем более. Знаю человек пять как минимум, что решило двигают науку. Один из них вообще, работает в этом самом институте! Скрывая ото всех, что он бессмертный. И прознав, что я приеду, симулировал болезнь. Лежит в больницы, с расстройством желудка.

Хитрый гад! Но это глупо! Пол института его силой пронизано. Он её плохо скрывает! Да и вообще! Наш брат просто понимающий, и даже чуя собрата в лаборанте или профессоре, не спешит кричать на всю округу «смотрите, смотрите, он такой же как я!».

— Слухай! — посетила меня вдруг «гениальная идея» — А мы ведь с тобой давно силушкой не мерились!

— Ты мне не ровня — скривил недовольную гримасу Андрей — Вот вообще, уж извини.

— Да знаю я! — отмахнулся я от этого — Я не о той Силе, а просто... кулаками помахать! Без магии, так сказать.

— Хм. — задумался он — Это можно!

— Пойдём... на стадион! — заулыбался я, кивнув на центр круга среди бегущих — Почистим от деревьев.

Итак, что мы имеем — задумался я, глядя на вставшего напротив меня, и обнажившегося по пояс Андрея из бессмертных. — с точки зрения Силы, я на его фоне — как младенец на фоне взрослого. Но мы договорились «просто кулаками помахать»! А значит — да у меня преимущество! — я тоже «обнажился», выложив в сторонку весь свой арсенал, тупо скинув верхнюю часть платья, оставшись в одном «поддоспешнике», специальной подкладке под основную часть с силовым каркасом внутри, что принимает на себя весь вес хранящихся в «карманах» вещей. Ну и в трусах естественно тоже. Радуюсь, что не забыл их надеть на свою опу.

Сближаемся, делаем пробные замахи для оценки скорости удара и реакции друг друга. Прощупываем оборону, делаем пару пробных ударов, с желанием попасть по лицу. Оцениваем силу удара друг друга, не уходя от столкновения, и принимая на блок.

Что ж, с точки зрения чистой силы без Силы — всё, как я и думал. Мы равны. Вернее, за счёт больше плотности, композиту под кожей, и меньшему росту и размеру тела, у меня есть нехилое преимущество! Но у него тоже есть свои — большая длина рук, итоговая большая масса, пусть и не на много, и Сила, которая даже без осознанного использования все равно помогает, ускоряя мышления.

Реакция у него должна быть лучше моей! Но вот воспользоваться ей без задеиствия

«допинга» он должен быть не в состоянии. Инерция тела — страшная штука! Из-за чего, даже видя удар прямо в глаз, он всё равно не сможет его избежать. Физические законы может попирать только Сила.

Делаю удар с правой ему в нос, он делает тоже самое, отклоняясь от моего, я тоже ухожу от атаки, второй рукой бью ему в живот, он совершает пол шага в сторону, уклоняясь и от этого, и можно сказать сам, спотыкается об мою ногу, делающею подсечку.

Пользовался бы он Силой, удержал бы равновесие, скользнув по воздуху в сторону, но так заваливается, получая заодно с правой по печени, впрочем как и я, от его колена. Приземляется на руку, пытается еще разок меня пнуть, я ловлю его ногу, роняю на землю окончательно, делаю попытку захвата на болевой. Получаю пяткой второй ноги в темя, мщу за это ударом локтя по почкам.

Он перекачивается, вырывая ногу из захвата, и еще раз пытается меня пнуть. Я отскакиваю в сторону, он соскакивает на ноги, вновь стоим напротив друг друга. Вновь сходимся, новая серия ударов. Прощупка блока лица, пропуск пары ударов по локтям, что у меня захрустело углеродное волокно в правой руке. Зато я ловлю момент, и, скрутив тело в пружину, подлавливаю его самого на очередном сближении удара. Заряжаю смачный апперкот в челюсть! Выпуская в кость всю силу мышц своего далеко не слабого тела.

Удар он почувствовал! Оценил! Поправил пострадавшую челюсть. Попер буром вновь — получил прямой тычок в нос, потому как я, вновь успел скрутить все тело для одного сочного удара с левой.

— Мыж без Силы! — пробормотал он, зажимая кровавую кашку вместо дышала.

— Так я и без Силы. — улыбнулся я в ответ, отходя в сторону, немного прихрамывая, и позволяя ему встать — Ты же чувствуешь!

Он, прислушался к свои ощущением. Втянул кровь в себя, вздохнул, и принял стойку, став серьёзным. И приказал вновь нападать. А меня дважды звать не надо! Подскакиваю к нему, с надеждой повторить удар в челюсть снизу-вверх, пользуясь своим маленьким ростом, и довольно далеко отставленными от лица руками блока оппонента. Но вместо «красивого апперкота», сам получаю коленом в икру, слегка разворачивающим моё тело в сторону, локтем по уху, и промахиваюсь хуком мимо его плеча, ловя растяжение связок из-за выпущенной в пустоту энергии.

Чуть не пропускаю удар в спину! Вовремя отмахиваясь от вздумавшего подло напасть оппонента сзади. Разворачиваюсь, получаю хук в бровь, и глаз тут же, заливает кровь. Словно из лопнувшего шарика! И я не могу её остановить! В этой жидкости, что течет по моим венам, крови то толком и нет! Так что вынужденно приостанавливаю бой, разрывая дистанцию, и зажимая рукой рану, сращиваю ткани.

— Один-один — сказал он, видя, что я теперь окровавлен как и он.

И мы вновь сходимся для драки. Опять пробные удары, опять прощупка обороны. Я делаю вполне красивый удар по его солнечному сплетению, в ответ получаю лбом по темени. Берегу ноги от пинков, сам наношу боковой удар голенью по печени врага, допуская ту же ошибку, что и он когда-то — оппонент ловит мою ногу в захват.

Проворачиваю тело вокруг своей ноги, и заряжаю оппоненту в его вновь начавший кровоточить нос. Но это ничего не дало! Из захвата он меня не выпустил! Поэтому я продолжаю изворачиваться, седлая этого жеребца сверху и начинаю душить ногами. В ответ на это, он обхватывает меня одной рукой за лопатки, вторую подкладывает мне под живот, и по сути, ломает меня по палам!

Сломал бы, если бы я не убрал захват, и не оказался сброшен на землю, придавлен сверху, и оказался полностью обезврежен.

— Два один — проговаривает он мне шёпотом на моё длинное ушко, красное и высунувшееся из волос.

Отпускает, и мы вновь сходимся в драке. Однако, на этот раз я, не успев даже нанести и жалкой пары ударов, тут же вновь попадая в его захват в стили «обнимашки». Получил удар коленом в живот, по легким и почкам с рук, не упустил возможность приложить по почкам и оппонента, получил подсечку итак вися «на ручках» кулем, после чего был отпущен... и получил еще один догонный в свой носик.

Несильно так, но достаточно, чтобы меня уронить. Позорно! О счете лучше и не думать! Но мы продолжаем! Поднялся, собрался, вновь разошлись, сошлись... пара тройка ударов без особого смысла. Уход из-под новой попытки меня поймать поперек тушки, неудачная попытка свалить оппонента в ответ. Новая связка ударов... наконец, обманываю его, и заражаю предельно серьёзный удар ему в живот, вновь сосредотачивая в этом выброске физической мощи все мышцы тела, передовая энергию при помощи вшитых в тело синтетических жил, заменивших мне настоящие ткани человека. И пользуясь тем, что он сложился, развиваю успех, начиная накидывать ему по ребрам.

И получаю в ответ апперкот в челюсть. Слишком поздно осознаю, что это вовсе не простой удар, который я бы нормально пережил. Позвоночник издаёт противный хруст, ведь голова уже начала движение, а тело еще стоит на месте! Связующие мышцы, начинают рваться, не выдерживая нагрузки, и голова стремительно отделяется от тела.

Использую Силу, дабы уменьшить инерцию! И вообще, отталкиваюсь от земли сам ногами, от отправляюсь в полет, до того, как усиленный Силой апперкот оппонента оторвал мне голову. Свечкой взлетаю в небеса, от чего и без того уже особо не бегущие «зеваки» вконец потеряли совесть и с открытыми ртами пялятся на мой полет.

Пролетаю пол стадиона, начиная падать башкой вниз. Разворачиваюсь в воздухе, приземляюсь на все четыре, проезжая по грунту задом наперед еще с пяток метров, целуя оказавшуюся ровно позади меня перекладину ворот своей попой. С засосом булками!

— Эй! Мы же договорились без Силы! — проорал я во всю глотку, принимая вертикальное положение.

Хотя в этом не было нужды, ведь Андрей уже стоит рядом.

— Прости. — пробормотал он поникшим голосом.

Я, скорчил обиженную гримасу, и надавив себе на голову руками, с хрустов вернул позвонки на родину.

— Ты меня чуть не прибил — пробормотал я, тряся губешкой, и скинув эту маску, махнул рукой — Проехали. Но на сегодня думаю достаточно.

— Да, пожалуй — улыбнулся он, а я взглянул на толпу не бегущих.

— Чё встали?

—левой!левой! — заголосил кто-то из толпы, и они вновь возобновили... «бег», ведь половина уже вообще еле ноги переставляет.

— Вообще формы никакой. — вздохнул я печально, глядя на них.

— Ну... они же как маги. — улыбнулся на это бессмертный, и пожал плечами.

А из толпы тем временем донеслось:

— Ты видел, видел да? Я вот никогда...

— Да ты че удивляешься то?

— Да это они еще чтот слабенко. Я вот по ТВ видел... там вообще, подкидывали камень, и пока он не упадет, друг друга дубасят. Там вообще ничего не видно! Только потом, в замедление, понятно кто кого и куда, да сколько раз!

— Да ну!

— Серьёзно тебе говорю!

— Да это же ТВ!

— Да ребят, это же...

— А вы последний удар видели?

— Его никто не видел! Она просто полетела...

— Интересно, что он сделал?

— Пойдем, что ли, тоже пробежимся? — обратился я к Андрею в этот момент —
Покажем дохлякам, как это надо делать.

— Без Силы? — скривился он в ответ.

— Без Силы — вздохнул я, понимая, что вообще-то для нас это не совсем правда.

Ведь мы оба все равно ею буквально с ног до головы пропитаны.

— Вы кто? — пробормотал человек, он же «тайный бессмертный», весь сжимаясь в струну на своей кровати, готовый в любой момент прыгнуть и бежать.

Ведь я все же решил его навестить! Найдя его тупо по «запаху». И он мой «дух» тоже почуял, как только я вошел, а потому и сжался весь так, готовый бежать хоть через окно, хоть через стену.

— А, я... дверью ошиблась! — пропищал я невинным голоском, сделав смущенное лицо, и заморгав почаще для убедительности.

И, проканалю! Мужчина с «больным животом», подрасслабился, купившись на такой банальнейший обман.

— Но все же я бы хотела сказать, — продолжил я вещать все тем невинным голоском, жамкая ручонками подол платяца, уже отчищенного от следов чужих рук и ног — чтобы вы не скрывали правду о том, кто вы есть, — взглянул я на бессмертного, от чего тот начал вновь группироваться для побега — никто вас из-за этого с вашей работы не выгонит, новую не навяжет, а так будет сто процентов лучше и для вас, и для ваших коллег. — улыбнулся на прощанье, и выпорхнул из палаты.

— И че это было? — заговорил еще один пациент, делящий одно помещение с симулянтом, в момент моего прихода к ним, глотавший таблетки — Какую правду то, а?

— Ненормальная какая-то. — прошептал другой пациент, лежащий на кровати бревном, будучи только после операции. — Но красивая.

— Молодые все красивые. — проговорил на этот то, с таблетками — А как повзрослеют... слушай! А она мне кого-то напоминает!

— Кого?

— Не знаю даже... но я точно где-то видел её лицо! Точно! Телик! — воскликнул мужчина, стукнув кулаком по ладони.

— Да ну тебя... — прохрипел лежащий, а мой «клиент», так и продолжил молча изображать смертельно больного на своей кровати.

Дальнейшее я не уже не слушал, отправившись прочь из больницы, по своим делам.

— Да, двести шестнадцатый тебя прикроет. Да. Конец связи — проговорил я в свои наушники, и переключился на новый канал, радуясь, что такая функция в новой версии ушей доступна без всяких костылей — Девятисотый, ответь двухсотому.

— Девятисотый слушает. — мгновенно отозвалась рация.

— Как там погода? — улыбнулся я, порадовавшись столь быстрому ответу.

И протолкался сквозь толпу терминала аэропорта «Самара», вышел к очереди в досмотровую зону. Сунул руку себе в юбки... нашел гранату осколочную противопехотную. Три штуки! Гранату противотанковую — две штуки, пистолет-пулемет отечественный, и патроны к нему. Малую саперную лопатку, примус, бутылку зажигательной смеси. Подарочный набор для бритья и бесчисленное количество ножей.

— Вы об испытаниях? — продолжила тем временем вещать рация ровным голосом человека, что сейчас должен за этими испытаниями наблюдать — Пока без проблем. Серозных нареканий нет.

— А не серьёзные? — улыбнулся я, и наконец найдя в этом ужасе вещей, нужное мне —

билет на самолет.

Обычно я, таким не пользуюсь. С гражданскими не летаю. Но тут мне малость... захотелось. Надо, так сказать, проверить сервис... а если по правде, то просто военных бортов тут сейчас нет, да и гнать пустой лайнер ради меня одного — глупо. А уж присылать сюда что-то от куда-то — еще глупее! Ждать гражданский рейс до Москвы долго не надо, места там есть считай всегда, так что я просто купил себе билет, и решил лететь.

— Ну, думаю невозможность почесать жопу об противоскользящее покрытие сидения можно не считать недостатком вообще. — продолжала тем временем вещать рации — А среди остального... задержка отклика на поворотах, и медленный набор тяги, из-за чего могут быть вообще провалы высоты, за место набора. Особенно если делать подобное при маневрировании, если... — сказал докладчик как бы с намеком на продолжение фразы словами «если при этом еще и пытаться почесать жопу об сиденье».

— Провалы тяги вообще-то проблема серьезная — сказал я, подавая билет контролёру, и проходя через рамку сенсора.

— ПИИИИП! — заорал тот в этот момент.

— Пожалуйста, выложите все металлические предметы, и пройдите через рамку металло детектора еще раз. — сказал охранник с металлоискателем, стоя рядом с рамкой.

А что у меня металлического? — подумал я, а в рацию тем временем сказал:

— К тому же, подобная проблема должна решаться тупо перепрошивкой контроллера.

— Ключи, телефон, зажигалка... — пояснил тем временем охранник, видя, что я не тороплюсь что-либо выкладывать.

Точно, ключи есть! — и я достал ключи из «внутренних карманов» юбок.

— Думаю, дело сложнее, чем просто программный сбой. Возможно даже присутствует нехватка мощности. Либо двигателей, либо источника питания, что даже вероятнее.

— ПИИИИП! — пропищала рамка не хуже прежнего, и охранник нахмурился, но все же натянул на своё лицо дежурную улыбку.

— Наушники то хоть снимите.

— Конденсаторы поставить? Или через колебательный контур? Воткнуть в конце концов дополнительное ядро специально для маневров! Ведь вся идея... — и тут для меня дошло, что от меня только что потребовал охранник.

— Что?!

— Да, понимаю. Но это только первый прототипы и только первые испытания.

— Наушники говорю снимите. — пояснил он, хмурясь, и включая свой ручной металлоискатель — и пройдите через рамку снова — и подошел ко мне, проведя свой палкой вдоль шеи.

— Пии. — палка запищала, но так, слабенько, и пошла с непрерывным писком от шеи ниже.

— Испытание может и первые, да это не означает, что нужно все спускать на «итак сойдет». Подопни ученых, зря что ли они свои бабки получают?

— Понял.

— ПИИИИИИИИП! — разродилась эта шайтан машина на весь зал, дойдя до юбки.

— Что у вас там? — проговорил охранник, став совсем серьезным.

Я достал оттуда подарочный набор для бритья. Первое, что опалось под руку.

— ПИИИИИИИЭЭП! — продолжила орать палка, став, наверное, только злее.

— Пройдемте в комнату досмотра — нарисовался сзади еще один мужчина из охраны.

— Э... куда? — непонимающе приподнял я бровь.

— Пойдемте — нарисовалась тут еще и женщина из охраны, нагло взяв меня под ручку.

А толпа людей из очереди позади меня, начала переговариваться чуть более активно чем до этого.

— Аа... — взглянул я в сторону контролёра, у которого были мои билеты и документы.

Один из охранников забрал их оттуда, передал мне, я их взял, сунул в свои бездонные складки... понял, что все бы документы стоило хранить вместе! А значит нож там лишний. И его стоит переложить туда, где раньше лежали билеты...

В одно мгновение вокруг меня образовалась трехметровая зона отчуждения, где не осталось ни души.

— А... — протянул я, продолжая невдуплять в происходящее, однако примечая, что кое кто уже куда-то позвонил.

И понял, что стоило бы показать им свою корочку! Вынул папку с документами... и пол зала легло, так как это оказались не документы, а знаменитый израильский УЗИ, в блистерной, подарочной! Упаковке.

— Девочка... отдай игрушку — подошел ко мне один смелый, протягивая руку к подарку чертовых евреев.

— Пожалуйста — передал я ему эту вещь — У меня еще есть — достал я пистолет пулемет отечественной разработки из другой складки. — Ий, минутку! — тут же спохватился, немного вытащив магазин, и оттянув затвор, выщелкнул патрон из патронника — В таком виде не хранят, я знаю — вздохнул уныло, катая пулю между пальцев.

И в этот миг, мне на спину прыгнуло два мужика, выкручивая руки. Потом их стало пять, они меня повалили... и только в этот миг я понял, какую ересь натворил. Полнейшею... неопишумую... привык я все же. Жить по армейским законам, где нож, он же зубочистка, он же для консервы открывалка, а автоматы, стоят в углу палатки, и патроны, в ящиках под койкой.

— Нда... — протянул начальник службы безопасности, глядя на список в своих руках, и разложенный по полу на коврике мой арсенал — Я удивлён, что тут нет ПЗРК! — взглянул он на меня, и усмехнулся.

— Он бы там, — махнул я головой в сторону висящего на крючке платья, так же разобранного на составные части и с извлеченным из ткани титановым скелетом — не поместился.

— А это все значит поместилось? — мотнул он головой на арсенал — и как ты с этим всем ходила?! — я промолчал в ответ, а мужчина продолжил читать список.

Я вляпался я конечно... по-глупому. И теперь даже связаться ни с кем не могу — наушники у меня, естественно, тоже отобрали. И конечно я могу, порвать наручники которыми меня к стулу приковали, или даже вместе со стулом убежать, вырвав его из пола. Раскидать охрану, угнать самолет, но... вообще-то это моя страна! И они все, можно сказать — мои люди. Так что подобные действия — неразумны.

А потому сижу, морожу попу. Ведь я тут голенький совсем, лишь накрытый сверху простыночкой во имя приличия.

— Боже! Да у тебя даже в трусах нашли ножи! — воскликнул безопасник, дойдя видимо до последних строк, и взглянул на висящие рядом с платьем труханы. — Трусах! Ужас! В эти... да как вообще — взглянул он на меня, я пожал плечами.

— Нормально.

— Да как ты вообще ходила с этим!? Это же... неподъёмный вес!

— А вы попросите меня взвешать — ехидно улыбнулся я.

— Что, хочешь сказать, что внутри у тебя столько же? — пробормотал мужчина, а стоящая рядом женщина, подошла ко мне с металлоискателем наперевес.

Агрегат тихонько запищал. Она поводила им так, сяк... выкинула простыню, схватила меня за подбородок, развернув лицом к себе, заглядывая мне в глаза.

— Ну, и что ты там проглотила? — фактически прошипела она мне в лицо. — Молчишь? Дрань такая! — пожелала она приложить меня металлоискателем, но пожелала прибор.

— Боже. — схватился её начальник за лицо.

— А вы там мои документы находили? — улыбнулся я, косясь на него, и тетка наконец отпустила мою челюсть.

А мужчина встал со своего места, дошел до арсенала, и подобрал папку с бумагам. Секретного там нет, так, всякая мишура, в основном подарочная, все же, незадолго до того, как попасть в этот аэропорт, я был на почти благотворительной встрече. Где израильская делегация, приперла с собой на своем самолете, целую тонну оружия в качестве подарков и промо-представления своей продукции.

Я был вне себя от злости! От того, сколь цинично они пользовались своим правом дипломатической неприкосновенности и отсутствием досмотра. Мне хотелось бы их там же и закопать! Но лучше, отобрать у них нафиг всякое право являться к нам вот так вот, на своих машинах, без шмона.

Глава службы безопасности аэропорта наконец нашел среди всяких прочих бумаг и корочку министра. Нахмурился. Бросил мельком взгляд на меня, пошел к телефону.

— В ФСБ звоните? — улыбнулся я, и получил славную затрещину, как могла бы подумать та, кто её мне выписала.

Но на деле я просто сделал вид, что что-то ощутил, а она, отбила руку, и сейчас трясет «ошпаренной» ладошкой.

— Да тут у нас не только террористка, но и явная подделка документов имеется — проговорил тот, тыкая по клавишам — Это ж надо подумать, министр!

— Ладно, пусть всё будет по протоколу — вздохнул я, и закинул ногу на ногу.

За что тут же получил сначала в плечо, а потом и каблуком, да чуть выше колена. И не будь у меня под кожей брони, способной остановить пулю из ПМа, и будь я действительно хрупкой девушкой из плоти и крови, её острая шпилька пробила бы мне кожу до самой кости. А так... ну поцарапала! Не более.

— Да что такая агрессивная? — взглянул на даму, уже третий раз меня ударившую.

— Заткнись! — дала она мне еще и оплеуху, отбив себе еще и вторую руку.

И пнула каблуком по икре в отместку, чтоб неповадно было. И надо признать, ногами лягаться у дамы получается куда лучше, чем руками затрещины выдавать! И у неё для этого есть даже специально созданное оружие — её остроносые тонкошпилечные туфли! Прямо очень устрашающего вида, и так и напрашиваются на наличие разрешение на ношение, как холодное оружие.

А безопастник тем временем, связался с местным ФСБешником, что, почему-то, до сих пор не проверил мои данные, и просит подождать.

И я бы подождал! Да рация перешла в аварийный режим, начав петь в хорошо слышном

диапазоне «помоги мне! Сердце гибнет», что означает, что меня там уже потеряли, и ждут ответа.

— Ладно ребята, мне пора идти. — улыбнулся я, со звоном цепей разрывая наручники, и вставая в полный рост, разминая запястья.

У ответственного за безопасность человека отвисла челюсть, а дама... решила преподать мне хороший урок, приложив по ребрам, кастетом, что надела на пальцы еще до того, как я поднялся.

— Сними, — порекомендовал я — а-то оторву вместе с пальцами. — кивнул я на кастет, а безопастник быстро набрал новый номер телефона.

Я выразительно на него посмотрел, перехватил кулак странной дамочки, и стукнул ей самой разочек по ребрам, заставив согнуться по палам, практически повиснув на собственной руке, по-прежнему мной удерживаемой за кастет. Убедился, что стрелять в меня тут пока никто не собирается, ибо некому, и принявшись разъяснить дальнейшие действия:

— Я сейчас оденусь. Это все останется тут, — обвел я взглядом свой арсенал — и мы свами, спокойно, без нервов и кулаков, — взглянул я суровым взглядом на даму с железом на пальцах, потихоньку приходящее в чувство и возвращающее себе нормальное, а не рыбье, дыхание, и кажется соображалку тоже — сидим, пьем чай, разговариваем на темы насущные. Ждем ребят из ФСБ. — а нет, не возвращает, сверкает на меня злобным взглядом, полным желания убить и стереть в порошок, пусть и понимает, что она мне не ровня, и её руку с металлом я так и не отпустил.

В телефоне главного по кабинету, заговорил голос ближайшего отдела милиции. На что безопастник, коротко буркнул в аппарат «аэропорт Самара, проблемы», положив следом трубку. Натянул невероятно дружелюбную улыбку! И заговорил приторно-слащавым голосом, попутно нажав еще и тревожную кнопку под столом, что должен был нажать вперед всего, как только я сорвал оковы. Видимо, надеялся на свою помощницу, наивный.

— Чай с бергамотом, или с лимоном? — проворковал он, улыбаясь притворно, но зато на пол лица.

— Пожалуй, с лимоном — улыбнулся вполне искренне, и отпустив наконец руку почти что пришедшей в себя тетки, пошел к вешалке с одеждой.

Натянул трусы, платье. Поднял с пола, чуть не заставив боса охраны какать, а психованную даму стрелять из моего же оружия, уже сменившие мелодию на иную наушники, и выгрузил на шею. Пояснил потерявшим меня ребятам что все в норме, так же не забыв ответить на их вопросы. Уточнил как там дела у группы захвата, узнав, что они еще только едут.

Убедился, что я ничего не пропустил и все идет плюс минус по плану, даже если все уже давно идет не по плану.

Чай... оказался такой себе. Да и сложно пить, когда тебя хочет убить одна взбалмошная дама, что уже и так, и эдак, а тянется к моему арсеналу. Останавливает её только регулярные покачивания головой от шефа. Но не думаю, что она долго продержится — псих! И как её только не уволили до сих пор?!

Наконец, ожидание закончилось, и зазвонивший телефон, принес благую весть. Подсевшим голосом, штатный ФСБешник сообщил, что документы, похоже, настоящие. И ему уже велели меня отпустить, и пригласить к телефону.

— Она похоже и правда... — проговорила наконец трубка телефонная.

— Я и сам уже это понял — проговорил в ответ глава безопасности, а я, с выражением

взглянул на по-прежнему ничего не понимающую даму с кастетом. — И все же.

— Всяко бывает. — сказал я, отставив чай в сторонку.

— Госпожа министр — по приветствовал меня человек в форме, когда я вышел на взлётно-посадочную полосу, где, как мне сказали, меня уже ждут, хотя мой рейс давно уже улетел.

Я, заглянул за спину встречающего меня человека, увидев, что меня реально ждут, и на полосе стоит военный борт. Нахмурился — все-таки прислали! Расточительство!

— Вы лучше сообщайте нам, когда вам куда-то надо. — заметил мою хмурость человек.

— Моя жопа не настолько тяжела... — начал было я, но оказался перебит.

— Лучше так, — махнул он на самолет — чем поднимать на уши пол страны — махнул на аэропорт — да и к тому же вы, далеко не последний человек в России. А страна у нас большая.

Мне точно нужен свой маленький личный самолет... — вздохнул я, и поперся к лайнеру, с призывающей опущенной лесенкой трапа. — или же завязывать с переноской колюще-режущего, стреляющего, при себе да на себе. Ведь всё равно в случае тотального атаса, мне это все никак не поможет.

Бессмертные научились уворачиваться от пуль даже из довольно скорострельных пушек, а люди научились убивать нас, их не применяя. Взрывчатка, огонь с нескольких направлений из обычных автоматов, кассетные боеприпасы, специально созданные ракеты с разделяющими боеголовками, и объёмные взрывы, делающие много МЯСА.

— Александра Николаевна? — поинтересовался охранник на входе уже московского аэропорта.

— Да, это я. — улыбнулся я в ответ.

— А чем докажете? Что вы это вы. — сказал он, и я выпучил глаза.

— А разве только севшего ту двести четырнадцать армии России недостаточно?

— Достаточно. — улыбнулся мужчина, но продолжил преграждать мне путь.

Хочется ругаться! Но... вместо этого я лишь тяжело вздохнул.

— Сейчас подойдет мой саквояж, и покажет вам все необходимые документы — взглянул я в сторону идущих в нашу сторону мужчин, несущих мои вещи в чемоданах.

Ведь моё платье с ОГРОМНЫМИ карманами, безнадежно и варварски испортили извлекая из ткани каркас, принимающий на себя вес корсет. А потому... это теперь просто обычная одежда, в которой ничего не спрячешь, а все вещи едут отдельно.

— Не надо. — поднял руку охранник, и я захлопал глазами от непонимания — Вы же ведь из этих, бессмертных? — взглянул он на меня, с какой-то даже отцовской любовью.

Хотя, скорее сказать, с любовью дедушки на внуку, и жаждой увидеть её новый номер школьного репертуара, как мировое достижение. На это и возраст человека указывает, да и... вообще, он явно мне тут не угрожать-препятствовать стоит, почему я даже и не бешусь. Просто старичку любопытно. Утешить, что ли?

— Хотите чуда? — улыбнулся я, и мужчина покивал как болванчик — Ладно — и я поднял его под подмышку словно пушинку.

— Эээ... — простонал бедолага, пуча глаза.

— Так пойдет?

— Проблемы? — подошли наконец мои люди, и я вернул человека обратно на планету.

— Все нормально — улыбнулся я своим, а мужчина-охранник, смахнул с глаз слезинку, не то радости, не то боли.

Пельмени купил, пельмени купил, пельмени купил — сверился я со списком в своей голове, проверяя, всё ли нужное для брата я купил — И пельмени тоже купил. Всё отлично значит! Можно топать к брату! Он соскучился по мне поди!

— Привет мелочь! — улыбаясь ввалился я к нему в квартиру, и брат, отбросив книгу, что читал, кинулся ко мне в объятия. — Как поживаешь, книжный червь?

Брат не ответил, молча уткнувшись мне в грудь, теряясь лицом о платье, и прижимаясь так, словно бы я птица, и вот-вот упорхну. И словно бы я мягкий нежный котик, а не тверды камень ледяной.

— Братишка, — с улыбкой погладил я его по волосам — подрос, подрос бродяга. — и он поднял на меня свои глаза — Скоро выше сестренки будешь, да?

— Ага. — тихонько кивнул он, и вновь уткнулся в ткань одежды.

— Будь то прям так давно не виделись! — усмехнулся, глядя в даль. — Ведь я... приходила к тебе сюда всего то две недели назад!

— Я соскучился — проговорил он, поворачивая голову прочь от моего тела, всё еще прижимаясь ко мне, и я понял, что врет.

— Что случилось? — беспокоился тут же, напрягаясь.

— Сон плохой приснился. — и вот это, как бы странно не звучало, но прозвучало похожим на правду — Я видел... — он запнулся, и вновь уткнулся мне носом в грудь.

— Расскажи — поднял я его на руки, и отнес вглубь комнаты.

Сел в кресло, посадив мальчугана себе на колени.

— Рассказывай, смелее! Легче станет!

— Я видел... — замялся он, стискивая руки в кулаки — как орды каких-то тварей, нападают на город. Много тварей, и они рвут людей на части и сжигают их тела.

— Магмойды? — наклонил я голову на бок, припоминая только одних существ в этом мире, способных на такое.

Мальчик помотал голов, и потянувшись к столику меж креслом и диваном, взяв оттуда самую верхнюю книгу, с одной из расположившихся там стоп. «*Бестиарий магмойдов*» — гласит надпись с обложки книги, что он мне тут же и продемонстрировал. Свежий томик, пахнувший типографской краской, что я притащил с собой в прошлую нашу встречу, посчитав, что одна лишь математика — это перебор. Пусть мальчик и гений, но ему всё равно нужно знать, что в мире творится!

Похоже я ошибся, и подобное ему ни к чему. И маленькому ребенку с нежной, и к тому же и без того травмированной психикой, подобное знать не нужно. И его... теперь одолевают кошмары! И книгу я, унесу с собой, как только наше «свидание» разлученных закончится.

— Вот, я читал... — тем временем заговорил мальчик, начав листать книжонку — тут нет таких тварей, что я видел в своём сне! Они... другие. — опустил он голову, и передал мне книгу, которую я тут же спрятал под себя, за неимением карманов в юбках в текущем платье.

Мальчик тем временем, подавив свое, явно сильное, желание заплакать «как ребенок», улёгся на меня, положив голову на грудь под мой подбородок, начав водить пальчиком по ключице.

— А еще самое страшное, — проговорил он, как-то отстраненно — что я был с тварями! Я был одним из них! Понимаешь! — поднял он на мое лицо свои глаза.

И я наклонив голову, глядя глаза в глаза, произнес с нежной улыбкой на лице:

— Это просто дурной сон. Не переживай.

— Но всё было так реалистично. — помотал он головой — И в тоже время так туманно — и вновь лег на меня — А я еще я... — и он вновь чуть не заплакал.

— Не бери в голову. Это просто сон. О! Кстати! Пельмени растают! — спохватился я о своей ноше, и не отпуская пацана, продолжая удерживать его прижатым к себе одной рукой, ломанулся ко входу.

И так и удерживая братца, что явно решил для себя меня сегодня вообще не отпускать ни на миг, растолкал свои гостинцы по холодильникам, поставил воду для варки, и даже немного прибрался, убрав книги с прохода.

Разумеется, отчитал мальчика за бардак, ибо так реально нельзя, ну и врубил воду в ванной, что бы сполоснуться. Просто в иных местах, кроме как здесь, у меня обычно нет времени нормально помыться. Все бегом, а быть грязнулей не прельщает! Статус не тот.

И да, я не потею, не так как люди, и много что еще у меня не происходит, и как это говорят «грязь не прилипает», но я порой становлюсь не столько грязным, сколько пыльным! Как какая-то замшелая статуя! И это — неприятно! Причем конкретно так. И даже более некомфортно для тела, чем просто, быть грязным.

— Мыща бушь? — указал я мальчугану на полную ванну, уже после того, как запустил пельмени в кипящую воду.

Мальчишка, не слезая с рук, пощупал воду.

— Уррх! Горячая! — отдернул пальчики, вновь положив их мне на плечи.

— Зато согреешься! — улыбнулся я, и приняв запах подспевающих пельменей — Иди тогда кушай, а я пока сполоснуть.

— Не хочу! — прижался он ко мне, пуце прежнего, словно клещ, что и не отодрать!

— Эй! — возмутился я — Пельмени! Еда! — указал на кухню — Горячая вода — указал на ванну, но он в ответ прижался так, что его руки затряслись от напряжения. — Ну дай то хоть раздеться то!

И он все-таки отцепился, недовольно сполз на пол, а я понял, что пельмени там сейчас убегут. Метнулся на кухню, вырубил газ. Слил воду. Выложил пельмени, с тоской поглядел на полное отсутствие какого-либо масла. И не только тут, в доме, но и в магазинах, несмотря на то, что подсолнечник в этом году все же садили в более-менее внятных объемах.

Просто этого всё равно недостаточно, а запад решил нам устроить «масленную блокаду», и с импортом этого продукта совсем швах. Так что семечки этого года, в большинстве своем пошли на посевной материал для следующего, и масла в стране этой зимой, в тотальном дефиците.

Вернулся в ванну — парнишка добавил в купель холодной воды, и теперь уже без такого явного страха и покраснения кожи, водит пальчиками по водной гладе. Я помотал головой, и скинул с себя платье. Обнаружил, что нож, хранимый в трусах, проделал в ткани дырку, и почти выпал наружу. И болтается, словно... вялая сосиска.

Выдернул непотребство, окончательно порвав ткань. Скинул лохмотья, припоминая, что в этом доме, запасных труханов как бы и не водится. Залез в холодную, для меня, водичку, с наслаждением принимая даже подобные воды.

— Хорошо... — растянулся в улыбке, наблюдая как мои волосы прилипли к стенкам

ванны, не планируя погружаться в воду.

Но под моим чутким взором, эти противники мытья, а по-простому — намагниченные трубки, не имеющие к настоящим волосам никакого отношения, перестали сопротивляться неминуемому, и намочили кончики. Затем поднялись над поверхностью водной глади, левитируя, потом взмыли вверх, просто потому, что я так захотел, соорудили у меня на голове причёску «воронье гнездо», и даже заплелись в косу самостоятельно. Идеальный контроль! Хоть в них и нету толком ничего живого. Так, три клетки, растянутые на километр.

Эти волосы, по большей части продукт синтетического синтеза! Произведенные в одной из лабораторий. Реально живая ткань в них все же есть, но её там катастрофически мало. А выделяю подобные фокусы с шевелюрой, трюки, недоступные мне даже с обычными органическими, своими, живыми, волосами, я при помощи генерации электромагнитных полей. А генерировать мне его помогает контролируемый бета распад особого радиоактивного вещества в теле.

В общем, я рад, что физики-ядерщики, знают обо мне только каждый свой кусок! А то бы уже давно добились бы того, чтобы я был разобран на запчасти как особо ценный и редкий образец! Взять хотя бы ту же рацию, что болтается сейчас на крючке у входа в ванную — я же уже даже сам себя обманываю, с её контролем! И еще во время жизни прошлого образца, я уже начал управлять ею не голосом! Ведь микрофон на птичий скрежет там утратил чувствительность даже вперед обычного.

И я, насилую систему! Генерировал привычное мне «пение», и речь, но не в звуковой волне, а в электромагнитной. И колебательный контур внутри приемника принимал это как сигнал магнита мембраны микрофона, и расшифровывал, зашифровывал, и передавал по каналу связи.

Я, не знаю точно, как это там работает! Но работает! И я сам, не сразу понял, что уже давно не рву связки, пытаюсь говорить какими-то неясными щелчками, а просто «говорю», да так, что и сам не слышу, при всем моём остром слухе. Впрочем, с недавних пор, я стал слышать даже то, что звуком точно не является.

Ванька же, пока я думаю предавался, да волосами игрался, разделся, и уже потянул ногу в ванную ко мне. Нащупал меж ног мои дно железное, поставил туда свою конечность, и забрался внутрь целиком. Поёжился от жара, и начал аккуратно опускаться ниже в «кипяток». И лишь через минуты две, привык, и опустился целиком, улегшись на меня сверху, как на шикарную подставку.

— Тебе не горячо? — прошептал я ему на ушко, и тот помотал головой — А я могу подбавить жару! — усмехнулся я, чутка напрягая вокруг себя электромагнитное поле, заставляя металл ванны, накаляться, как и нагреваться саму воду.

И парень вздрогнул, замотав головой усиление.

— Ну ладно, — улыбнулся я на это — тогда ныряем! — и сполз по стенке ванной вниз, погружая голову под воду.

Волосы то надо ведь помыть! А теперь еще и брата тоже.

Так! Не понял?! Это что?! — захлопал я глазами, глядя на «припарковавшийся» посреди тротуара, на противоположной стороне улицы, грузовик.

Точнее, на самом тротуаре там только кабина, а сам он торчит посреди заснеженного сквера! По диагонали, и так, что морда сейчас смотрит в лицо возможного потока. И это

сложно представить! Чтобы машина на пустынной улице, вдруг решила просто так улететь на обочину через две-три полосы разом, проперевшись буром поперек, через весь четырехполосный проспект.

И не похоже, чтобы это произошло по вине гололеда! Погода конечно, к концу апреля умудрилась испортится в хлам, и уже вылезшие из-под снега одуваны и подснежники, снегом и засыпало, что не балуй, но улицы то убираются! Убираются!

Дронами убираются! Что не допускают гололёда ни в жизнь! Слишком оперативно работают, хитрюги. Они ведь и соль сыпать умеют, и пескосмесь, на такие вот случаи, с непредвиденными заморозками и ледяными дождями. Да и снег этот был позавчера, а сегодня погода морозная, и ясная! И валить на неё как-то сложно, однако. Не из-за дороги камазик тут застрял, не и-за неё точно! И следа заноса я тоже не вижу.

И вот что, он так и будет там теперь стоять? И никто никому ничего не скажет, да? — рыкнул я в душе, и пользуясь полным и тотальным отсутствием машин на дороге, перебежал улицу в нарушение всяких правил, перемахнув через заборчик.

Всё дело в том, что сейчас утро! Но не раннее, а такое... бычьё. Девять, десятый утра, время, когда люди на работу уже уехали, а те, что хотят празднично пошататься да по магазинам походить, еще только отлипают от кроватей. А потому, на улице сейчас, почти что никого! Пустынно, тихо... и возможно именно поэтому, этот грузовик тут так и стоит.

Судя по следам — он заехал туда нарочно! Судя по пустой кабине и отсутствию номера — конкретно так нарочно! Судя по едва уловимому теплу от быстро остывающего капота — еще и недавно.

Однако груза в кузове нет, колеса целы и утащить не проблема, взрывчатки тоже не чувствую, а значит... звонить? Кому! У меня в «телефоне» одни только большие шишки заседают! Министры там всякие, да генералы! Самые мелкие клерки оканчиваются на главах городов и частей, а своих ребята из своей спецурсы, я беспокоить по такому вопросу вообще не вижу смысла.

Это работа местной милиции! И местных служб. Просто угнанный КАМАЗ, который бросили — что тут такого? Им никого не сбили, нет следов, нет запаха, но видимо угонщик, пересрался возмездия. Или... хотя если подумать, в чем смысл привлекать столько внимание?

Так по-идиотски парковаться! — зачесал я репу, глядя на пустое место для номера — Его не монтировкой отодрали, а именно открутили. Это довольно долгий процесс, и не то, что делают с психа.

Тут же рядом есть будка телефонная! — взглянул я на аппарат, расположившийся как по заказу, совсем неподалёку — Надо просто сообщить в ноль два! — повернулся я обратно к драндулету на газоне — Сообщить, что у них тут машина без номеров валяется — и в этот миг, мою шею что-то быстрое царапнуло.

На секунду, захотелось просто почесаться. Прибить назойливо шершня, что так нагло впился в мой хребет! Гадкое насекомое-переросток, посмевшее на меня напасть! Захотелось, ровно до того момента, как пришло осознание, что «шершень» продырявил мою шею на вылет. И позвоночник, и глотку, и гортань. И почти что беспрепятственно пройдя это все, впился в радиатор стоящей предо мной машины.

Из него вон даже уже тосол льётся! Красненький! А мне в грудь со спины, прилетают еще два снаряда, так же прошивая насквозь и дырявя бампер. И я падаю на капот, неторопливо сползаю по решётке, перебирая грани металла пальчиками. Бессильной куклой и

на землю... точнее, я делаю вид, что так происходит, в процессе еще и не забывая развернуться лицом в сторону стрелка, и сделать взгляд «стеклянным».

Лежу, смотрю в никуда. Мое прикрытие уже отработало? Снайпер, уже ликвидирован? Я ведь уже в той местности, где не скрываюсь, а хожу в открытую! И мне девятка говорил, что они вообще уже всех переловили! Не уж-то расслабились? Или это гений какой особый попался? Не уследили? Бывает, нормально! У вас теперь есть время — работайте парни! Я полежу.

Хотя нет, лежать вот так просто на холодной земле скучно! Надо бы пото...

— А это и правда она? — подошли ко мне два каких-то типа, увидеть которых я тем ни мене не могу, из-за «стеклянных глаз», смотрящих куда-то в пустоту, хотя на самом деле в даль.

Туда, где вероятнее всего сидит снайпер! Одной из лучших мест для стрельбы по мне, находящемуся в этой точке! Туда, куда ведет траектория полета попавших в меня пуль! И уши мои, чьи кончики сейчас торчат из-под волос, тоже направлены туда. Почему я и не услышал шаги подкрадывающихся людей.

— Она, она. — ответил второй, нагибаясь ко мне.

— А может... — засомневался первый, и в мое поле зрения попал рукав его красной куртки, и какой-то странный меховой шарф, болтающийся у него на плече — просто ошиблись? Опять? Девчонка... и наводка...

— Она! — надавил человек, и откинул прядь волос с моих длинных локаторов — Смотри какие уши!

Второй нагнулся, и мне в поле зрения попал какой-то странный мех место его лица. Это что еще за махнатолице люди?!

— Точно! — стукнул кулаком по ладони первый, утратив всякую неуверенность, а в моем поле зрения мелькнул мясницкий топор — Значит наводка...

— Самый легкий миллиард из возможных! — проговорил, как видно сам осознавший, что он прав, второй, дернув меня за кончик остроконечного уха — Вообще изи!

— Да вообще не говори... — проговорил его собеседник, не столь быстро впадая в эйфорию от осознания случившегося, как соучастник.

— Ладно! Руби голову! И валим! Валим!

Человек тут же замахнулся на меня топором, я перехватил оружие за древко, отводя топор в сторону, вставая на ноги, отталкиваюсь от радиатора машины своей спиной. Попутно с этим, смещаюсь в сторону, прячась за телом человека с топором от возможных новых выстрелов снайпера, ну и пробивая ему нравоучительный удар в его мохнатый нос.

Эти двое, надели маскарадные маски зверей на свои головы! И выглядят как... какие-то животные! Вставшие на две ноги и надевшие обычную одежду! А то, что я принял за шарф, это непонятно для чего приделанная к маске «лапа» бедной животины, что любитель маскарада изображает из себя.

И шерсть его не спасла. А я оказался прав, озаботившись укрытием за мясным щитом, и снайпер, прострелил тушку «зверелищего», да так, что даже мне доставалось на излете. Но на этот раз, подкожная броня уже сработала как надо, и пуля, застряла у меня в груди и животе, не пробив кожу, и не повредив органы.

Но человек с топором — уже мертв. И я, ныряю под КАМАЗ, по пути хватая руку второго гражданина, в маске львенка, сидящего у бампера на картах, и еще ничего толком не осознавшего. Вот я лежал пред ним мертвым, вот он щупал моё нечеловеческое ухо, вот я

исчез, вот я стою пред ним. А тут я уже затащил его руку под машину вслед за собой, стукнув его головой о бампер машины. И он тоже получил свои две пули от снайпера.

— Двести сорок девятый, вы там вообще работаете? — проговорил я в рацию, хоть и не использовал звуковые волны, ввиду отсутствия возможности хоть как-то дышать.

Кости, хрящи, все в моем горле перемешалось, создав отвратительную кашу. И всё это дело теперь там, не дает ничему пройти ни туда, ни сюда, встав одним неприятным комом. И хирургам придется повозиться, чтобы разобраться в этом заду! Ибо я сам не сумею восстановить всё как надо, и даже не буду пытаться. Мне для этого не хватит и месяца! А даже я не протяну столько без дыхания. Да и дырочки в легких, не помешало бы обработать зеленкой.

И мне еще дико повезло, что пуля, не повредила мышечный каркас шеи! И даже, по истине феноменальному стечению обстоятельств, раскрошив и разлома сразу два позвонка шейного отдела позвоночника, эта особо хитрая пуля, умудрилась не задеть спинной мозг, и не дать ему быть задетым острыми осколками, выпихнув их все, дальше, к гортани.

— Работаем. А что? — отозвался голос работника федеральной безопасности в моей, чудом не пострадавшей рации, которой разве что душку немного помял, прошедший чуть выше болид.

— Да меня тут убивают как бы! — возмутился я, высунув ладошку из-под тени автомобиля, и едва успев её отдернуть до того, как в землю под ней, впиалась новая пуля от снайпера.

— Тфу! Блит! — послышался мат в эфире, который я старательно постарался пропустить мимо ушей.

— У него винтовка с глушителем — пошевелил я ушами, так и не сумев найти в шуме города нужный звук хлопка выстрела — Двадцатипятиэтажка на... э... Кировской! Не знаю номер! Подъезд тоже! А я под КАМАЗом, на Никольской — сказал, а сам в тоже время пополз под брюхом авто к проезжей части.

И в этот миг, у дороги подле зада грузовика, припарковалось сразу два авто. И из них вывалились люди, но я сразу понял, что это не моё прикрытие, не спецназ и не ФСБ — никто из них не приходит на «разборку» с битами! И судя по тому, что сюда мчатся еще две машины откуда-то издалека и явно нарушая правила, дрифтуют на поворотах с надобностью и без, скоро тут будет конкретный замес. А рация уже докладывает, что на некоем форуме панков, вполне мирного движения в наше время, поступила странная информация, с предложением поработать за уж очень выгодный барыш.

— Ясно. Ищите зачинщиков! — ответил я, устраиваясь под ведущими колесами грузовика поудобнее — А я пока побуду тут. Да не отвлекайтесь вы на этих панков! — усмехнулся, услышав вдалеке вой множества серен — Сейчас сами разбегутся.

И они действительно, увидев, и ощупав трупы, и заметив меня, изображающего труп под колесами, с визгами и писканиями «меня жизнь к такому не готовила!», «мы так не договаривались!» убежали прочь, побросав биты, кастеты и прочие. И в большинстве своем, убежали пешком, а не на машине. Так сказать, получили урок.

Глава 32 — Предатели

Ай, яй, яй, яяй! — прорычал я в душе, морщась в реале, пока врач, ковыряется грязными, в крови и ошметках плоти, руками, в моей шее.

— Терпи! — проговорил он, продолжая это делать, выковыривая оттуда еще кусочек вполне настоящей кости.

Хребет у меня не углепластиковый! Был... Теперь не будет. Точнее, будет, но не весь! А только четыре шейных позвонка. И они уже готовы! Их, казалось б, целую вечность делали! А в реальности то, всего-то полторы недели. И все это время, я дышал через трубку и аппарат. И все это время, врачи, словно бы на досуге и от нечего делать, ковырялись в моих ранах, что-нибудь еще свеженького оттуда выковыривая. Но на самом деле они просто боялись к ним подступиться.

Ведь для них, не ясно, в какой момент абсолютно стабильная пациентка, сидящая перед ними как ни в чем небывало с пробитым позвоночником, вдруг откинет копыта! В какой именно миг, и после какой манипуляции с её телом, после извлечения какой части осколков, и где те нервы и сосуды, что нельзя задевать.

И они даже от части правы! Ведь несмотря на то, что пуля раздробил мне два позвонка, а еще один у меня уже до этого был поврежден, спинной мозг, остался невредимым! А ведь он хрупкий! Даже у меня! Очень нежное волокно, что каким-то немислимым чудом, увернулось от дробящей кости смерти. И задень его врач хотя бы краем осколка... и все. Я потеряю былую подвижность. Навсегда.

Инвалидом я не стану, но двигаться начну медленнее, что меня не устраивает! Так что я, не против всех тех манипуляции, с многочисленными рентгенами, томографиями и УЗИ. Пусть делают! Пусть работают как знают! Нужно десять операций — пусть будет! Я не гоню! Пусть и ограничил свои личные контакты со всем кроме врачей, с которых потребовал клятву врачебной тайны, и общаюсь со всем нужными людьми по рации. Не нужно, что бы меня видели таким. Не нужно, что бы кто-то знал меня беспомощным и жалким.

И я даже сейчас! Веду переговоры в неслышимом никому фоне! И только томография... меня чуть не убила, так что предпочту не повторять. Магнит со мной теперь не сочетается, и либо я его, либо он меня. И скорее всего второе — он больше! А мне еще рано уходить.

Ну а сегодня ответственный день — последняя операция с хребтом, после чего с гортанью и пищеводом, уже не будет проблем. И их легко сошьют, ноу-хау медицины, паяльным лазером, что как раз тестируют в данном институте.

— Позвоночник готов? — поинтересовался врач, обращаясь к ассистенту.

И тот вздрогнул, но подкатил нужное поближе к кушетке с сидящем на ней мной.

— Это вообще-то не хребет, а только четыре... — пробормотал ассистент тихонько.

— Да знаю я! — усмехнулся врач, взглянул мне в глаза, извлекая из раны руки. — разворачивайся спиной и ложись. — и я тут же исполнил его указания, одновременно чувствуя что-то не ладное.

— Удивительно, однако, как ты всё-таки можешь столь долго удерживать голову на вису силой одних только мышц — проговорил врач, наклоняясь надо мной, а мое ухо, встав торчком, слышала звук, который мне совсем не понравилось.

И я пнул ногой столик с ошметками мой плоти, что забрякал по полу, чуть ли не подпрыгивая.

— Что? — отвлекся врач, еще не успевший начать операцию, глядя в сторону брякающий металлам тележечки.

А я соскочил с кушетки, и перехватил руку. Руку лаборанта, со шприцом, что хотел его вонзить не то мне, не то своему начальнику.

Сжал её покрепче, заставляя человека со стоном опуститься на колени, и пинком ноги, разбил притаившиеся на запястье второй руки ампулы. В очень специфическом браслете. Операционную заволок запах редкостной дряни, что может убить даже бессмертного, даже если её просто подмешать в пищу или вылить на глаза.

— А я уж боялась, что мы во всей этой истории ни кого живым так и не возьмем — усмехнулся я, и переживая, что яд из ампул на запястьях попадет в кровь и убьет и этого «свидетеля», сдавил ему и вторую руку покрепче, до посинения, но уже у плеча. — Доктор! Будь-то добры, позовите охрану.

Уууу! Как все запутанно! — проговорил я, закончив изучать предоставленные мне документы с грифом «совершенно секретно» и захлопнул неприметную папку, где они хранятся. — Обе ноги переломаешь, в этом разбираясь! — усмехнулся, похлопав папку ручкой сверху — И я даже не буду пытаться это делать, есть для этого компетентные люди.

И пусть, до конца дела, еще как до луны рачком, кое что они уже собрали-накопали, и уже от этого голова кругом. Дело то, с покушением на мою тушку, запутанное! А не просто какой-то псих, на десять миллиардов польстившийся.

Такие, все же тоже есть — те два утырка, в масках зверей и с топориками. Не ясно, что их с остальными связывает, но судя по всему, они просто люди с улицы, которым пообещали много денек за доставку моей головы от тела до точки отхода. Как понимаю, после, их планировали убрать, что бы не было свидетелей.

Снайпер... о, веселы кадр! Бывший работник КГБ, бывший работник ФСБ, большой чир — в начальниках был! Где-то там, на средней руке. А ныне вольная птичка, гастролирующая по миру киллером. Неуловим, опытен, бесстрашен! И он за мной давно гонялся! Да все ни как удобного места случая не находил. Я все его в какие-то уголки закоулки с его винтовкой загонял, от куда ему потом не уйти. А он с таким не согласен!

Он, не простой гражданин, а бывшая спецура! Наша спецура! Он знает, как работают НАШИ люди, а потому своих бывших коллег чует за версту, и понимает, где они его легко примут, а где он от них может уйти. Да и связи у него кое какие сохранились! С, не очень ответственными, и глупыми, но довольно высокоранговыми, людьми.

И он и в этот раз ускользнул от спецуры! Не смотря на все старанья! Настолько он кадр скользкий. Но его поймали позже, раскрутив всю цепочку до него, несмотря на максимально качественное заметание следов. Все-таки, структура с его увольнения в марте две тысячи второго сильно поменялась за эти прошедшие двенадцать лет. Очень сильно, и это уже совсем иная организация, что вычислила опытейшего агента и снайпера, и подвесила за яйки в каземате, потратив на это всего-то две недели работы.

И данный престарелый опытный змей-убийца, не единственны ФСБшник в этом деле. Есть и еще один! **ДЕЙСТВУЮЩИ!** Сыгравший большую роль во всем случившимся. То представитель спецуры, что отвечал за безопасность аэропорта города Самара. Работник ФСБ, работавший не на ФСБ.

И он спалился вовсе не на том, что долго там меня проверял, хотя он именно тогда и замыслил мою ликвидацию, отчаянно ища способ шлепнуть меня прямо в аэропорту, узнав,

какая дорогая птичка к ним залетела. Не, его так же поймали и вычислили, только после того, как раскрутили всю цепочку. Начав крутить от печки, обнюхивая с лупой всех, кто так или иначе интересовался моей персоной.

И данный аэродромный спец, в данном запутанном деле, второй мозг, второй координационный центр. Это он, предложил панкам награду за моё избиение. Не знаю даже, что им там наплетя на этом «форуме», ведь они потом всем сообществом каялись, что «бес попутал!». Причем задолго до того, как в их сторону хоть кто-то косо посмотрел. Фактически, мгновенно, спустя час, как обнаружили трупы.

А еще «неФСБешник» слил сразу нескольким группам убийц, за мной охотящихся, всю наличествующую, и доступную ему, информацию обо мне, среди которой была, и информация о моих опознавательных признаках, что бы не напутали свои. И даже «карта» маршрутов моего движения по городу, тоже была, хоть и фальшивая.

Большая часть всей этой информации, предназначена как раз для того, чтобы вычислять шпионов и предателей. Особенно та часть инфы, что рассказывает о моей любви к мороженому, и кружевным трусилам. И поэтому этого предателя, повязали в тот же день, когда в меня стреляли. И он даже не понял, на чем прокололся.

Но забавно тут то, что взамен всей этой информации, этот утырок-перевертыш, попросил у «киллерского сообщества», какую-то поистине жалкую награду, в пятьдесят миллионов долларов и билет на самолет в Америку.

Он много сделал, что бы меня ликвидировали! И я даже не догадываюсь, зачем ему это было нужно? Обида за то, что десять миллиардов долларов вот так вот улетела из рук? Когда он уже почти их себе в карман положил. Обида за то, что сам не смог? Или что? Что-то личное?

Впрочем, он уже арестован, и это все так или иначе из него вытянут, ведь не только мне интересно, что же им двигало, когда он ступил на такую темную дорогу. Совершенно не ясно, в отличи от старого любителя убийств из далека, которого интересовали только деньги, деньги и деньги, и именно из-за них он и ушел когда-то из органов, с самым начале того далёкого года. И что-то мне подсказывает, что даже когда он там работал, его эти деньги тоже интересовали вперед всего, и ушел он из службы вовсе не от большого желания «вольной жизни».

Ну а последний фигурант, из мне известных, он же — самый интересный! Ассистент оперирующего меня хирурга. Его, чуть-чуть, но все же можно пожалеть, так как у него есть младшая сестра, шестнадцатилетнего возраста, больная онкологией. И ему, бедняге, запудрили мозги, что с деньгами, и за бугром, ей точно помогут, спасут и вылечат. Но там... тяжелый случай, что спасать уже нечего.

Рак мозга, и она уже мертва фактически, да и реально тоже. Жизнь в ней поддерживает аппаратура, и ничего кроме неё. И по идее, с таким мозгом, её тело уже должны были пустить на органы, чтобы спасти других детей, чьи родные органы уже на грани.

И он, в отличии от этих двоих ФСБешников, в данной круговерти, лишний винтик. Он так сказать, часть иного заговора, который, как считалось, уже раскрыт, но как понимаю, это еще и близко не так. И эти люди, просто решили действовать, прознав, что слабый волей человек, уже вторую неделю регулярно присутствует подле беспомощного меня, оперируемого после неудачного покушения.

Провели обработку слабого сознание, выдали яд, и сказали вколоть мне в ногу, пока врач будет работать с моей шеей. И все, более ничего не нужно, и он может хватать сестру в

охапку и мчатся в аэропорт. Там их уже встретят, за бугор проводят, а там уже их ждет готовая операционная, и супер-пупер доктор, что вот сто процентов поможет, и все сделает в миг, и как по волшебству.

И я даже не знаю, на каком бы этапе этого всего, всё бы для него пошло наперекосяк. Убили бы его в аэропорту, или где-то по дороге. Или все же повезли бы к кисельным берегам? Ведь в Шереметева в то время, как раз стоял английский борт с дипломатической миссией! И гады, успели свалить до того, как мы раскрутили ассистента!

А если довезли бы, то что дальше? Убили? Не! Наверное, в этом случае операция бы просто была бы не успешной. А девчулю втихаря, распилили бы на органы. Ну а парня бы... использовали бы еще как-нибудь где-нибудь! Нашли бы! Придумали! Они те еще выдумщики! Эти, англичане. Ну или — те же органы, вполне пойдут и с парня, для рынка Альбиона.

А в целом — я их не понимаю! Этих, любителей зеленых бумажек! Не только киллеров, но и вообще, взяточников, и прочих, нехороших людей — зачем они им? Эта несчастные доллары?! Словно культ какой-то! Секта! Иначе и не скажешь!

Потратить некуда, бежать — некуда, хоть и никто не держит, под матрасом хранить глупо и тупо — золото надежнее! А само золото за доллары не купить, да еще и подделок зеленив нашей стране за последние полгода развелось столько... что скоро доллары начнут продавать в магазинах за место туалетной бумаги! Причем с одобрения правительства и совершенно легально, потому что все равно фиг кто разберет, где подлинник, а где нет.

Ведь мало того, что валюта эта нашему человеку в принципе не знакома, и даже годы оккупации ничего с этим не сделали, ведь даже в самые смутные годы, доллар, был валютой небожителей, а не средством расчета обычных горожан. Так еще и ни милиция, ни госзнак, никто, никак не отслеживает валютный обмен фальшивых зеленых бумажек, и вообще, все структуры болт ложили на данную проблему.

А пойдешь жаловаться — окажешься вне закона. Ведь уже боле полугода как, принят законопроект, аналогичный американскому, запрещающий денежный обмен на территории страны, любыми госзнаками, кроме банкнот самой страны. То есть любой расчет в долларах — вне закона. И жаловаться на фальшивку и проверять её просто нигде.

Обменники конечно работают, но там всегда спросят «откуда баксы парнишка?», и для чего они тебе, при обратном обмене. А значит, человек, махинирующих с валютой, так или иначе, опадет в поле зрения ФСБ. И даже если это не вор-взяточник, а вполне честный гражданин, получивших баксы в расчет за какую-то работу, при честном частном расчете, ему такое внимание будет все равно поперек горла.

А с заграницей сейчас вообще жопа, даже по части туристических поездок, и без всяких там под ковёрных смыслов самих туристов. И мало того, что там, за бугром, наши люди уж больно часто пропадают в неизвестности, и давно, особенно молодые и здоровые, так еще и... их там до безобразия часто берут в заложники! Но не в том смысле, что террористы, а в политическом. И некоторые страны практически открытым текстом говорят, что ваши туристы посидят «в гостях еще», пока Россия не сделаете то-то и то-то.

Пока мы не подгоним им целый грузовик камней магмойдов по доллару за штуку, не отдадим все свои разработки по новым беспилотным системам, не прекратим самостоятельное производство машин такой-то марки, а будим покупать у такой-то фирмы, за дорого! Ну или в конце концов, просто не нальем пару танкеров нефти по безналичному расчету.

В общем, на фантазию они не жалуются, что на предлоги, что на требования. И МИД России уже объявил, что более не будут вытаскивать наших граждан из заграницы, попавших там в беду. Это требует слишком много ресурсов от государства! Организовывать эвакуацию очередным, обманутым, туристам из какого-нибудь Египта или Парижа, что застряли без денег виз и всего прочего, после какого-то фантастически неудачного стечения обстоятельств.

Эти дурацкие переговоры, и последующие уступки, с мыслью «мы же не можем их там бросить!», достали уже и их и до печени, и они, что называется, умыли руки, открестившись от ответственности.

Ведь порой эта эвакуация из-за бугра, несмотря на всё, на все уступки, всё равно походит на какую-то спец операцию армейского спецназа, где наших наивных туристиков, выводят чуть ли не под пулеметным огнем. И мы в одной такой «вылазке» даже потеряли бессмертного! Слишком дорого нам обходится организация доставки дурачков на родину.

Так что теперь, страна, по сути официально запретило нашим людям ездить-кататься куда либо за пределы наших территорий. Но не физически запретила — самолеты как летали, так и летают, и даже юридически — граждан никто в стране не держит, не запирает, и визы с загранпаспортами, как выдавали, так и выдают, а морально запретили всякий выезд. Очень громко заявив, что выезжая за рубеж, люди делают это на свой страх и риск. И государство более не гарантирует их безопасность.

Было уже несколько случаев, и с расстрелами на камеру, и много с чем еще, призывающих наших людей на бунт, а правительство на действие. Но в итоге все поняли, что МИД в своём решении тверд как скала, и слово держит. И по итогу проблем с нашими людьми за бугром, стало меньше чем было, а фирмы, предоставляющие «туры одного билета», с расчетом на помощь государства в обратной доставке, лопнули, словно воздушные шарики. Но кататься за бугор на отдых, стало очень мало людей, и подобная же ситуация наблюдается и с миграцией.

В последний год из страны уехало на ПМЖ, настолько низкое число, что его можно смело приравнять к нулю, настолько оно ничтожно, в масштабах страны. Люди уже... вволю насмотрелись, как там живут, зато мы теперь принимаем мигрантов с Европы, и даже из США.

И если с Европой все ясно — там сейчас маленько хаос и война, крупные страны укрупняются, мелкие исчезают с карт. То вот зачем к нам плывут люди из северной Америки, не ясно совсем. Ведь оттуда, тем более к нам, сбежать крайне тяжело! На грани с нереальным. Но они всё равно ползут, выдумывая все новые окольные пути, и я даже не могу назвать их диверсантами. Вполне нормальные люди, жаждущие манны небесной!

Примерно это же самое, можно сказать и про беженцев с Европы. Им почему-то вдруг кажется, что у нас тут всё стабильно как на скале посреди бушующего океана. Безопасно, как в самом глубоком бункере мира, и что даже в случае глобальной войны, где-нибудь в сердце России, всё равно это всё будет не ощущаемо.

Они убеждены в этом, до какого-то абсурда! При том, что их СМИ, отчаянно навязывают своим людям совсем иную идею! Что у нас тут голод, разруха, чума, ну и так далее. Что преступность гуляет по городам с оружием на перевес, и ездит по полям на броневиках с пулеметами.

И по части голода, они даже правы! На прилавках далеко не всегда можно найти что-то помимо хлеба, макарон, да ячки с сечкой. Разве что пельмени, почему-то, тоже почти всегда

присутствуют, в отличие от чего-то молоко содержащего, что по привозу сразу исчезает с полка. И разве что «продукт молокозамещающий» можно найти, и то не всегда — с посевами сои тоже не все столь гладко, как хотелось бы.

А вот насчет безопасности — лож наглая! Ведь западные СМИ, утверждают, что у нас тут такой террор и беспредел, что нам удастся сдерживать ситуацию, только благодаря вводу танков на собственные улицы. И в качестве доказательств приводят видео с броневиками на улицах Сочи, снятые во время ликвидации крысиной угрозы.

И многие люди, приезжающие к нам из Европы, чуть ли не первым делом интересуются, где у нас тут можно купить свой первый броневик для безопасности семьи, и как заработать на пулемет, для установки безопасного периметра дома. Не забывая поинтересоваться заодно, о наличии в продаже мешков для трупов.

Конечно, всех этих странных граждан, нельзя вот так сразу впускать в страну без подготовки! И дело даже не в незнании языка, ведь наш человек понятлив, и даже не бельмеса не понимая, вывернется ужом, чтобы понять собеседника, что ему нужно, и жестами и пантомимой, объяснив куда ему с такими вопросами идти.

И не в том, что мигранты будут отчаянно искать магазины оружия, где торгуют ППШахами как у них хот догами, нарываясь на теневой мир страны, мафию и прочий криминал. Да на вражеских агентов, готовых исполнить любой каприз по доставке оружия, если это позволить хоть как-то нагадить нашей стране.

А в том, что они просто и в целом, неадаптированные к жизни у нас! Они не понимают... что такое минус сорок. Не понимают, что за призыв к демократии, можно получить в морду от просто мимо проходящего чела, что вышедшая на улицу полуголая женщина, будет априори воспринята как малость больная, пусть и не ясно — психически? Физически? Страдая «бешенством матки». Или же финансово.

А потому для мигрантов были выделены некоторые города, специально предназначенные для адаптации. С временно предоставленным бесплатным жильем, и временно предоставленной продовольственной карточкой, позволяющей быть сытым даже без денег.

Да, это резервация! Но — а что еще поделывать?! Наплывы беженцев случаются волнами, не редко с прибытием какого-нибудь странного сухогруза с «зерном» в один из наших портов, забитым до отказа вовсе не зерном. И пограничники со службой миграции, в такие моменты и так зашиваются, не зная, как с подобным быть, и как с такими людьми беседовать и себя вести.

Всех проверить до последнего волоса нельзя и некогда, и резервации, подобно карантинной зоне, позволяют вычислить совсем уж ненормальных, стране не нужных и даром. И плохих шпионов, что даже в закрытой среде, стремятся подорвать какой-нибудь мост, или узнать секрет бубушкиного пирога, на котором она уже сделал «свой первый миллиард».

— Вы предлагаете МНЕ... выступить на первомайском банкете? — проговорил я, опуская руку с планом мероприятия, находясь в гостях у президента — А он у нас что, будет что ли? Серьёзно? — скорчил я гримасу, что-то не припоминая подобного события в ежегодном расписании.

— Будет, будет — закивал президент, не отрываясь от изучения каких-то своих документов.

У него в гостях, это кстати у него дома. Живет он правда там же где и работает — в кремле. Просто помещение это жилое с кроватью, а не рабочий кабинет. Правда сейчас эта кровать... похожа на рабочий стол.

— А парад как же? На девятое число?

— Парад будет по графику.

— Э... без меня? — сделал я щенячьи глазки, но мистер глава страны на меня даже не взглянул!

— С тобой, почему это без тебя?

— Да у меня же дел полный вагон! Пахота, мафия, разборки с...

— На параде, ты, будешь. — проговорил он, спокойным голосом, но чеканя каждое слово, показывая степень их важности — Это не обсуждается. И на банкет...

— Я отказываюсь! — тут же выпалил я, не дав ему договорить.

— Почему? — поинтересовался начальник спокойно, наконец оторвав взгляд от изучения каких-то документов, коих в избытке тут, «дома».

— Не моё это. — положил я на столик бумажки — Без меня справитесь. — сказал я, как бы намекая на зимне-осенние мои выступления.

Когда я навел шумиху на всю страну! Когда все гудели еще долго! Тем более что реально, снег уже окончательно стаял, и земля уже тоже, совсем оттаяла, да высыхать начала, а мне приходят доклад за докладом о том, что, блин, никто еще и не начинал посевную! Вот вообще! Даже пшеницу и то еще не сеяли! Разве что рож, да озими, взошли где садили.

Все сидят с ленцой, и непонятно чего ждут. Пинка наверное! Пинка! И я должен им егс обеспечить! А не выступать на этих, х, непонятных мне банкетах. Не моё это, не моё.

— Если это все, то я пойду. — и я взял курс на выход из помещения.

— Стой. — вздохнул Федор-президент.

— М?

— Ты не можешь вот так просто уйти.

— Почему? — удивился я такому повороту.

— Хотя бы потому, что разве не ты ли громче всех требовала, чтобы мы наконец избавились от наших либеральных «звезд»?

— Не помню такого. — задумался я об конкретике — Но если бы меня спросили — я бы потребовала. И да, я искренне рада, что этот сорняк был извлечен. Но я же вроде как уже отплясало за это своё!

— Не, не отплясала. — приподнял бровь начальник — И на эстраде теперь место болтается бесхозным.

— Эм... а разве вакуум возможен при наличии атмосферы? И разве пустующие места

«звездного ожерелья» уже не заполнились новыми лицами?

— Заполнились. — покивал президент — И ты знаешь кто теперь занял место примадонны страны? — и он достал из-под кипы серьёзных бумажек девчачий модный журнал.

Свеженький! Новеньки! Выпуск... посвящённый предстоящему празднику. С веселеньким мной, на обложке.

— Arrrr! — прорычал я, и сощурил глазки, внимательно рассматривая девушку на фотографии, пытаюсь понять, это монтаж или вообще не я?

Ведь я никогда в жизни не одевал костюм «пионерки из порно журнала»! Вот ни разу! Вот... даже в страшном сне бы не надел!

— Между прочем... — взглянул начальник на картинку, и порывшись в бумагах, нашел еще один журнал, за октябрь, что тоже «возглавляет» моя персона. — Это уже второй такой, где ты на первой полосе.

— Вообще-то не я. — понял я, что и та девушка, что октябрь, и эта, что май, все не я, а просто качественная подделка и не более. — Лишь грим и хорошая игра.

А еще, работа костюмера, что сумел скопировать моё «платье с карманами», правда карманов в нём, похоже нет. Такую тонкость, как-то, что это не просто одежда, а боевое облачение, он явно не учел.

— Неважно. — положил он журналы на столик — Люди думают, что ты.

— Пусть думают.

— Александра!

— Я!

— Прими ответственность.

— ЧтоОоо!?

— Ты создала из себя символ, героя! Люди верят тебе, люди надеяться на тебя, не разочаровывай их.

— Не разочаровывать, значит не лажать, а не выступать по ТВ аки шоумен. Да и символ создал не я, а ваши пираасы. — с нажимом проговорил я, и уставился в глаза президенту.

Он в ответ — уставился на меня. И так мы просидели, играя в детскую забаву под название «гляделки», минуты две, наверное. Я бы конечно и более, просидел, про пялился... но вот глаза человека напротив уже высохли, и я сжалился над несчастным.

— ЛаааааднО! — протянул я, схватив со столика план мероприятия — Но только еще один раз! — и тихонько шипя, отправился на выход — И что бы в случае, если все пойдет по одному месту — меня не обвиняли!

— Давай без этого! — крикнул президент, но я уже ушел.

— С тобой вообще невозможно работать! — отбросила в сторону расчёску, туда же, куда отбросила мгновение назад кисточку для теней, одна «мисс красота», что должна была подготовить меня для выхода в свет, да сразу в прямой эфир.

Ведь «банкет» то в этом году будет особенным! Не на пленке записанным, а трансляцией на всю страну! И для кого-то он будет с утра, за место парада, или что там должно быть? Не знаю! А для кого-то в это время уже будет вечер, и люди будут пить чай пред ТВ, и пялятся на меня, вместо... ч его там? Я вообще не в курсе что это за праздник!

Сколько знаю себя в этом мире, его вообще ни разу не праздновали! Все просто дружно перли буром на картофан и огороды, а кто подобными заботами не обременен — на отдых в

парк! Ну или на худой конец — к телевизору!

И праздник был для всех рабочих граждан просто халявным выходным! А тут... «звездный банкет» какой-то, и не знаю даже, чего от него ждать. Как и не понимаю, кому он там вообще понадобился, кроме президента. И даже ему, непонятно для чего он нужен, ведь верховного на банкете не будет! У него, как говорится, свои проблемы, которые нужно решить, и как можно скорее. Там турки, опять что-то в нашу сторону писю трясут.

Понятия не имею зачем и для чего, но моё дело маленькое! Отсидеть своё, и свалить, отправившись гонять недоколхозников, что решили, что раз колхоз, дело добровольное! Хочешь работай, а нет — и так накормят. И это «супер рейтинговое шоу», мне поперек горла! Хотя бы от того, что его будут смотреть за место того, что бы картошку садить.

— Нет, это ни в какие рамки! — проговорила тем временем женщина, глядя на моё отражение в зеркале — Вообще невозможно работать! Ты же... идеальна! — воскликнула она, показывая обеими руками на мир зазеркалья — Глаза, щеки, рот, нос, подбородок, причёска... тут вообще нечего делать! — и развернула кресло вместе со мной лицом к себе — Вставай.

Я — покорно подчинился, а женщина подкатила поближе стойку с платьем. Моим любимым, с карманами! И вообще то, эта женщина его и создала. Она, вообще-то, больше дизайнер одежды, чем визажист. Но поскольку мне и не нужен макияж — её вполне достаточно, чтобы моя моська выглядела красиво. Насколько сильно... мне все равно не понять.

Зато у данной дамы есть всё для этого! И вкус в одежде, и вкус к мордашке и фигуре... и вообще! Она один из ведущих модельеров страны! И под её началом проектируется и выпускается в свет, тонны различной одежды уже много лет. Причем работа под её крылом идет в самых различных сферах, от показа мод и шоу красоты, до парадной формы военнослужащих некоторых видов войск.

Она очень талантливая женщина! Умеющая как в организацию труда, так и в работу руками. Владеющая врожденным чувством стиля и вкуса, в сочетании с богатым опытом работы с одеждой людей, тянущейся еще со школьной скамьи. Ведь она еще тогда, будучи обычной школьницей, уже начала проектировать, и шить.

А еще ей уже сорок с хвостиком лет, двадцать с хвостиком лет в браке, имеет двух сыновей — близнецов, сейчас как раз оканчивающих срочную службу на границе с, пока еще Китаем, и планирующих остаться на контракт. Офицеры, хваткие, талантливые.

А вот какой-то явной красотой или хотя бы правильной пропорцией тела данная мать двух бойцов никогда похвастаться не могла. Дурнушкой её тоже назвать никто не осмелился бы, как и серой мышкой. Просто милая хорошо одетая женщина, ростком чуть повыше меня, с легкой полнотой и без явно видимых форм, что бросались бы в глаза.

— Другим моделям, — заговорила она, сдувая с представленной одежды несуществующую пыль, пока я скидывал с себя текущую одежду, задумчиво думая, оставить трусы? Или наряд Евы? — необходима подгонка платья под фигуру — пода она мне черные кружева, но я отрицательно помотал головой — А ты подгоняешь фигуру под платье. — и подала мне трусы с мишкой во всё седалище.

— Надеюсь это не означает, что платье сделано не по моим размерам? — проговорил я, взяв с вешалки самые обычные белые труханы без излишеств, попутно думая над тем «а нафига тут вообще такая коллекция?»

Трусов тут вообще штук пятнадцать, не меньше! От вульгарных, до детских! От

махровых панталон, до безумно откровенных... веревочек. ЗАЧЕМ!? Особенно с учетом того, что под юбкой платья с карманами, вообще нифига не разглядеть! Особенно если бельё белое, как и внутренние юбочки.

Кстати, насчет платья... тут их естественно не один единственный вид! Они все, те самые, с карманами, но вот выглядят все три по-разному. Одно, такое же, как-то, что пало в бою с досмотром, черненькое, но словно милированное. Второе, явный продукт переработки обрезков ткани, оставшейся от пошива военной формы цвета хаки. И может оно и выглядит прикольно, но... сейчас зима! Надо было брать камуфляж «снег»! Или «мел», а не это!

Ну а третья же... военная форма-платье? Я не знаю, как она это сделала, но... взглянешь на верхнюю часть — китель! Даже пагоны есть! Полковник...

— Что-то не помню я повышения... — пробормотал я, и задумался над тем, чья же это форма.

Пагоны пехотные, но сама форма... похожа на пехотную, но все же что-то не то.

— Это новый дизайн. — улыбнулась модельер — С лета пустят в производство.

— Значит и до них добрались. — пробормотал, припоминая, что мы особо солдатскую одежду не теребили, в виду того, что на складах одежды еще было валом.

Но видимо, это «валом», уже кончилось, и пришла пора обновить гардероб.

— Аа... — протянул я, глядя на то, как китель внизу как бы раскрывается, и из-под него, максимально вульгарно, и даже похабно, торчат внутренние юбки с «карманами», из белой парашютной ткани.

Причем, даже на том варианте, из камуфляжи, это не выглядит столь вызывающе и пошло как здесь!

— Надеюсь, данная юбка не входит в комплект к новой женской форме? — вздохнул я глядя на это безобразие, сунув руки в складки, желая проверить эти самые «карманы».

Извлек из складок пулемет. ДА КАК ОНИ ЕГО ТУДА ВПЕХНУЛИ?!

— Нет дорогая, — помотала головой автор одежды — такую тяжесть на себе носить и спиной не страдать можешь только ты.

Ну да, это платьице пустым вешает четыре кило. Что уже, делает существующее внутри пространство бесполезным, ведь туда уже ничего не положишь из-за через мерной нагрузки на хрупкий женский хребет. Разве что использовать это вместо ранца! Но тогда это уж точно не парадная форма.

А пулемет, огромный печенег, но без вставленной в него ленты, оказался фальшивым, и складным. И мне пусть и интересно КАК он устроен, но я, пожалуй, пока оставлю этот вопрос без ответа.

— И все же, это перебор. — потыкал я пальчиком в звездочку на пагонах. — Слишком вызывающе, и похабно. Это не плохо, — указал на платье-камуфляж — Но у нас тут тема банкета почему-то зима, по крайней мере, как мне сказали, и меня просили нарядится в белое, так что расцветка должна быть «снег», а не «хаки».

— Блин. — скорчила недовольную гримасу модельер — Так и знала, что ты это скажешь! — а я в этот миг решил проверить «карманы» и этой юбки, а то вдруг и там пулемет, и настоящий — Вот только «снег» будет слишком слабо контрастировать с парашютной тканью складок! Будет сливаться и вообще!

— А разве это плохо? — второго пулемета не нашлось, и я снял одежду «хаки» с вешалки, принявшись разбирать на составные части для одевания.

«Поддоспешник», «корсет», эдакий ранец, который и принимает на себя весь от платья

и его начинки, ну и само платье собственно единым модулем.

— Ну и не хорошо — продолжала вещать дизайнер, помогая мне одеться — Как нехорошо бы выглядели и внутренние юбки иных цветов.

Кстати, эта женщина со мной работает уже давно. Она «наряжает» меня с тех времен, как я толь-только стал министром и публичной персоной. Очень крупный персональный модельер для очень крупной персоны.

— А если сделать всю юбку из ткани камуфляжной?

— Хм! А ведь не плохая идея! — произнесла она, почувствовав прилив свежих идей — Жаль только, что пришла она тебе столь поздно — тебе через пол часа надо быть на сцене.

— Полчаса? Времени вагон! — усмехнулся я, накинув на себя последний кусок пазла одежки.

Почувствовал легкую свободу в области груди.

— Но не для пошива нового изделия. Тем более такого уровня сложности! — поправила она на мне наряд своей разработки, а я показал руками провалы ткани в области груди — Ты хоть знаешь, сколько времени уходит на пошив одного такого вот платья?

— И тем ни менее, вы сделали его не в размер — скорчил я недовольную гримасу, продолжив «сиси мять», вернее, обвисшую ткань в этой области.

— Так и должно быть. — пояснила тетя, подтягивая какие-то тайные ниточки, что бы одежда легла вот прямо совсем идеально на моей персоне — Платье и не должно быть пустым в этом месте.

— Но оно пусто! — воскликнул я, а дама выразительно, очень выразительно, на меня посмотрела — Ладно... — вздохнул я на это, и пустота за минуту наполнилась плотной плотью, натянувшей ткань в два бугорка выразительные, примерно второго размера.

— Всегда поражалась как ты это делаешь — проговорила она, решив помять мои сиси за меня — Там же воздух, да?

— Да — решил не скрывать я очевидного.

— А на ощупь и не скажешь... — продолжила она свой массаж — как настоящие! И даже не силикон.

Пояснять этот вопрос я уже не стал. Ведь воздух там, не находится в состоянии «большого пузыря», а заперт в мембранах клеток, словно в порах утеплителя. Оттого и выглядит это все, ну очень естественно.

— Любая бы модель за такую способность готова убить, без преувеличения. И это не говоря про отельное — отпустила она мою грудь, и отошла на два метра, придирчиво осмотрев меня со стороны — идеальна! Лицо, прическа, глаза, грудь, талия, ноги! Все идеально! В тебе нет вообще ни капли жира — ущипнула она меня за бедро, подойдя поближе и присев на корточки — Или силикона — провела рукой по ноге, нежно поглаживая, и снова отходя в сторонку — Просто... куколка! С большими глазами, бледной кожей, и нежно румяными щечками! — воскликнула она, разводя руками — и почему мужики стадионами за тобой не бегают? — задумалась она вдруг — Разве что женщины ненавидят до глубины души за твою красоту.

— Так! Ладно! — хлопнула она в ладоши, спустя двухминутную паузу в беседе, которую она провела в максимально глубокой задумчивости, а я просто стоял как истукан перед ней, изображая живой манекен — Обувь! — и подкатила ко мне огромную стойку с обувью, прятавшуюся в тени угла помещения — Не моя сильная сторона. Так что выбирай сама что нравится.

Я взглянул на стойку... пятнадцать трусов много? А как насчет сто пятидесяти пар с обуви?!

— Ну уж извини — вздохнула дизайнер одежды, поняв все, по-моему, лицу — Я же правда в этом не сильная! Обувь — не мой конек.

— Эх... — вдохнул я, рассматривая...

Хрустальные туфельки золушки, армейские берцы, обычные, и на высоком каблуке. Сапоги по самую жопу — не знаю, как такое вообще можно носить! Еще два десятка туфелек... балетные чешки! Кстати, неплохи! Нечто из ленточек, деревянные... ходули? Туфли-ботиночки в стиле «кошачьи лапки», тоже не знаю, как их носить.

Мокасины! Валенки! Да... ладно! Настоящие ходули! Ладно, не буду голову ломать, надену самую простую туфлю что найду, и пойду уже готовится к выходу. Только надо бы пулемет обратно сложить, и в юбку запрятать.

— Он не настоящий, но стрелять может. — пояснила мне какую-то дичь мадам, увидев, что я, сложив пулемет, сую его в складки надетой на мне юбки — Вот патроны — подала мне три штуки — этот, просто хлопок, этот с конфити, а у этого внутри флажок с надписью «ну всё!».

— Этого нет в сценарии — улыбнулся я уголками губ, принимая патроны, и пряча их там же, в глубинах юбки.

Мисс дизайнер в ответ, лукаво улыбнулась.

— Прямой эфир! Надо импровизировать!

Свое мнение о том, что в прямо эфире надо напротив, действовать строгого по сценарию, максимально минимизировав любые случайности, я решил оставить при себе. Как говорится — будь что будет.

Время — пол четвертого по Москве. Начавшись в второго по Москве, шоу идет уже два часа. Они уже там отпраздновали и по Кемерову, и по Омску, и прямо какой-то новогодний огонек у них уже вышел ненароком! Что я начинаю серьезно так подозревать, что это реально он, и это перенос празднования с нового года сюда, ввиду сложной обстановки в звездном фоне в период новогодних празднований.

Они ведь тут реально уже чокнулись и готовятся к празднованию по уральскому времени! Готовятся распить за... не знаю даже что! И именно сейчас должен буду выйти на сцену я, и проторчать там, в зале, аж до семи вечера. В куче гостей, новоиспеченных звезд, и фиг знает кого еще.

Половина из гостей еще не прибыла, так как шоу еще и половины своего времени не продлилось. В зале еще полным-полно свободных мест, и вообще просторно. Но это все не имеет значение, ведь в сценарии для меня расписано ВСЁ! К кому за столик подсесть, с кем и о чем говорить, когда делать реплики, а когда молчать... буквально ВСЁ!

Но я естественно не буду этому следовать. Но не потому, что бунтарство в попе заиграло, а потому, что они позвали меня сюда как особого гостя, так почему же я должен следовать их правилам? К тому же, мне не особо нравятся такие мероприятия, и я не горю желанием стать неотъемлемой частью сего увеселения.

К тому же поля не паханы, и я планирую это поправить в ближайшее время, не откладывая в долгие ящики. Даже если ради этого мне придется отказаться в участии в другом, более важном мероприятии, чем этот недобанкет, недоогонек.

В общем, позорится я не планирую, но плясать — тоже. Посижу, покрасуюсь, и свалю

ближе к часикам пяти, случайно потеряв у выхода одну туфлю — такой мой план действий! Ну а как уж там пойдет — покажет время.

О! Меня уже приглашают! Выхожу... свет софитов, сцена залетая светом, музыка... всё, как я НЕ люблю! Куча камер, куча народу, техники за рядами столиков тихо переговаривающиеся меж собой через беспроводную гарнитуру, обслуживающие всю аппаратуру, и ведущие эфир всероссийского «новогоднего шоу», всего с десяти секундно задержкой.

А что бы никто по ту сторону экрана ничего не заподозрил, часы у всех здесь присутствующих переведены на эти секунды вперед. До которых, в прочем, мало кому есть дело, да и подобную задержку все равно можно считать прямым эфиром.

Подобный вид трансляции, уж очень понравился зрителям, ведь за эти секундочки подправить что-то серьёзное кране сложно! И ляпы случаются, радуя публику. Ведь ни о каких лишних дублях и «красивых вылизанных кадрах» не может идти и речи! Чистая настоящая игра, и живые, настоящие, люди.

А эти десять секунд, нужны чисто для отсмотрера материала, и выбора наиболее удачного ракурса, с приключением эфира на нужную камеру. Ну и заодно таким путем убираются те косяки, что никому в действительности не нужны. Ведь все мы люди! Кто-то мог начать кашлять, кто-то подавится, а в эфир это попасть не должно! А вот если споткнутся при выходе на сцену — тут уже ничто не спасет.

Но я, естественно, не споткнулся. Спокойно вышел, поприветствовал всех, мило улыбаясь, выслушал речь ведущего, рассказывающего о моих заслугах и достижениях, ответил на пару его вопросов, продолжая стоять манекеном... красивым и нарядным. Немного кокетничая с зрителями и ведущим, хотя не уверен, что у меня это получилось — в репетиции я не участвовал, как, впрочем, и половина гостей. Тут мало реальных «звезд», скорее просто, видные деятели науки и иных сфер жизни.

Сделал все, согласно представленному мне сценарию. До одного каверзного вопроса, на который я не должен был ни чего отвечать. Должен был лишь улыбнуться, как написано в сценарии «в стиле Моно Лизы, загадочно и не принуждённо» и пройти в зал, заняв место за столиком дам. Что должны были налить мне бокал игристого, и сказать для эфира, что у всех женщин свои секреты.

Однако...

— Еще один вопрос, нас тут всех интересует, — проговорил диктор, глядя больше в камеру и на зал, чем на меня — Что скрывается под юбкой? — произнес он цитату из заголовка одного модного журнала, чьи продажи за тот месяц побили все возможные рекорды.

А фраза ушла в народ и массы.

— Что скрывается под юбкой? — захлопал я глазками, уже начав игру не по сценарию, но диктор сохранил хладнокровие и лицо, всем своим видом показывая, что все идет по плану — Вы правда хотите это знать? — коснулся я своего подола.

— Конечно! — воскликнул мужчина, как бы говоря между строк «мы же все тут только для этого и собрались!».

— Ну... слегка нагнулся я, делая вид, будь то собираюсь сейчас задрать подол, обнажая скрывающуюся за ним правду — Пулемет! — выхватил я из складок оружие, сделав это максимально ловким и быстрым движением, что бы никто не понял откуда именно я его достал.

Откуда явился миру этот огромный печенег, нехилого калибра, и что бы казалось всем, что единственная возможность спрятать ЭТО, это именно под юбкой, а не в ней.

— А... — диктор все же немного растерялся, видя, как я одной рукой удерживаю на весу огромное оружие в две трети своего роста — Это... неожиданно! — проговорил он, взяв себя в руки и взглянув в камеру, а техники за пределами освещенной зоны «сцены» уже машут нам руками, что бы сворачивали этот балаган.

— Кстати, отличное оружие, — вытащил я, словно из неоткуда, патрон к нему, на всякий случай еще разок проверив «пулю» и убедившись, что она не настоящая — Жаль, патронов мало — проговорил, с щелчком оттягивая затвор, и вставляя боеприпас в глубины оружия, удивляясь, что этот механизм, в отличии от всего остального, действительно похож на реальный боевой аналог даже в работе, а не только издалека.

Кажется, диктор все же истратил самообладание, с приоткрытым ртом пялясь на меня. И на его лице, прямо так и написано «что происходит? Откуда пулемет? Что собирается с ним делать эта сумасшедшая? ПОМАГИТЕ!», а зал тем временем застыл в напряженной тишине.

— Пау! — направив пулемет в сторону людей, но чуть выше их, от греха, сделал шуточный выстрел, и зал разразился дружным хохотом, словно и не было того напряженного молчания.

И даже техники перестали там маячить, размахивая руками. Быстра разбредаясь по своим местам, считая, что получившаяся сценка тоже достойна эфира. А я поднял пулемет дулом еще чуть выше, направив его куда-то в потолок, и нажал на гашетку.

Прозвучал хлопок. Слабенький! На уровне петарды в мусорном ведре. Пушка в моих руках, треснула в двух местах, но все же свою работу выполнила, и из её ствола на зал полетело конфети, а из дула стали торчать разноцветные ленты.

Но присутствовавшие в зале зрители, этого всего не увидели. Они попадали на пол, запрыгнули под столы, застыли истуканами с открытыми ртами, а порой и лужами под собой обзавелись. И вообще, сидят, дрожат. Даже находящийся рядом со мной диктор, оказавшийся все же с яйцами, и тот упал на попу от близкого хлопка.

— Испугались? — улыбнулся я, поглаживая пулемет словно котенка.

— Обосрались. — проговорил диктор тихонько, и поднялся на ноги в одно мгновение, словно не падал вовсе — Как понимаю, у армейцев юмор свой, особый. — улыбнулся он в камеру, специально для того, чтобы монтерам были что вставить в этот момент времени за место еще не поднявшегося на ноги зала.

— А то! — улыбнулся я, заметив отряд охраны ввалившийся в помещение с оружием наперевес.

Кивком головы приказал им свалить, пока в кадр не влезли, и они послушно удалились. Я тут хоть и не командующий охраны, но меня здешняя группа уж слишком хорошо знает, чтобы не подчинится.

— Кстати, — взглянул я на диктора, что ответил мне тем же — если что, у меня там еще есть огнемёт. — и я достал «из неоткуда» еще пару патронов, театрально медленно примеряя их к затвору.

— Пожалуй, мы предпочтем, чтобы он там и остался. — ответил он на это, косясь на боеприпасы — Ведь мы уже поняли, что же скрывается у данной мисс под юбкой. АРСЕНАЛ! Иначе ведь и не скажешь. — улыбнулся он в камеру, что прячется на краю сцены меж шторкой и стенкой. — и думаю, там найдется еще много чего интересного, а не только

огнемёт.

— А ядерной ракеты там нет?! — раздался громогласный выкрик из зала, и кажется, не от участников программы, а от техников, в тот самый миг, что я хотел сказать «да не так уж и много там спрятанно».

— Есть. — улыбнулся я, глядя все же не за приделы линии столов — Но думаю я все же откажусь её показывать — мужик, которого я смотрел, выбрав целью, взбледнул, а техник за сценой, что это выкрикнул, едва сдержал смех.

И я откланявшись, прошел в глубину зала, за один из пустых столиков, выбирая маршрут движения таким образом, чтобы в кадр сопровождающий меня камеры не попали люди, не успевшие подняться с пола.

— Чтож, а мы продолжаем! — продолжил тем временем диктор, как ни в чем ни бывало. — Наш следующий гость, не столь экстраординарный как предыдущий, но тем не менее, он вам всем хорошо знаком! Встречайте! Ведущий хирург стары! Игорь Павлов! Автор множество работ по транспонталогии и хирургии, доктор медицинских наук, и просто хороший доктор!

Вышедший на сцену мужик, тоже решил действовать не по сценарию. Ведь из-за того, что я пробыл на сцене дольше планируемого, весь график сдвинулся, и он решил это исправить. А потому, вместо длинной и заумной речи, просто пожелал всем здоровья, и сказав «ну я пойду», двинулся в зал, тем самым вернув порядок выхода-ухода гостей обратно в русло, минута в минуту.

Только вот зачем-то этот кадр подсел ко мне за пустой стол, и даже протянул руку для пожатия.

— Игорь — представился он, видя, что я особо не реагирую.

— Саша — протянул я свою пятерню в ответ, пожав его руку

— Приятно познакомится.

— Взаимно. — улыбнулся я, все так же не понимая, к чему все это.

— Неслабое вы представление устроили — усмехнулся он, глядя на покоящийся на моих коленях складной пулемет с серпантинном — Но все же, — лучше такое больше не делать — опасно для сердца. — постучал он по своей груди, туда, где бьется его «птичка за ребрами» — А мы в данной науке еще не столь сильны, чтобы подобные проблемы стоили даже хорошей шутки.

Ага! Понял! — улыбнулся я самому себе и зрителям, ведь на нас сейчас смотрит камера! И наш разговор — часть эфира! Что, есть в сценарии, но разговор должен были писать с иного столика! Что еще не пришел в себя и не готов для беседы на камеру. Как говорится — сам заварил, сам и расхлёбывай!

— Да, вы правы — с улыбкой проговорил я, начав с любовью поглаживать оружие по его почти фальшивому металлу — Шутка малость... не удалась.

— Напротив — она очень даже удалась! — не согласился собеседник — Но в этом то и вся проблема!

— Эх... — вздохнул я, зарядил в ствол еще один патрон, вознес автомат повыше, и, убедившись, что все это видели и все готовы, старательно зажимая рукой трещину в корпусе оружия, нажал на спуск.

С громким хлопком, из ствола выскочил флажок с веселенькой надписью «ну всё!» и смущающейся рожицей в уголке.

Глава 34 — Изобретение

Эх, весна, пахота... а я снова живу в самолете! Летая по стране как мячик бадминтона по столу, и готов порой, самолично сесть в кабину трактора. Ибо... бардак! То масла нет — на что пустили? То топливо куда-то дели — выпили чтоль? Иных объяснения просто нет! То у трактора кардан с трещинной! И это при том, что данному образцу кардан вообще, как собаки пятое колесо, и для пашни передний мост вообще не нужен. А то и этого кардана в конструкции вообще нет. В общем — всё как всегда!

И это при том, что стране надоело питаться одним лишь хлебом! Овсянкой закусывая. Хотят гречки, риса, масла в конце концов! Подсолнечного! Его хотя бы! Не говоря уже о сливочном, что теперь ждать придется долго, хоть начало и положено.

Надо восстанавливать виноградники, яблоневые сады, организовывать защитные лесополосы в степи, причем не только в бывшем Казахстане! Дел на этот сезон столько... что хоть вешайся! И баклуши бить некогда даже во сне.

Все запасы продовольствия из казавшихся безразмерными складов выгребли в эту зиму и в эту весну. Закупки кушанья за бугром не планируется, да и нам никто не продаст, даже если мы захотим купить. Ведь сморенный голодом народ менее боеспособен. А ртов в стране за год прошедший, вообще-то только прибавилось.

Беженцы, возросшая рождаемость, падение смертности... плюс растущие аппетиты встающей на ноги страны, чьё население уже не просто хочет кушать, и готова наслаждаться одним хлебом с водой, а хочет делать это с изыском. А значит — иметь разнообразное меню, и возможность не вылизывать тарелку после каждого приёма пищи «дабы крошки не пропали!».

А ведь при всем при этом, американцы нам пообещали жуткие неурожаи в этом году! Наводнения, засуху, холодное лето и саранчу! И я не знаю, как они это всё провернут, но лучше быть готовыми! И иметь в расчете урожай побольше, что бы в конечном итоге хоть что-то осталось.

Вот только поскольку весна выдалась холодная и затяжная, народ на поля выбираться не спешит и не торопится. По-прежнему прибывая в сладкой зимней дреме.

Да я их на бую вертел с ихней ленью! Хоть его у меня и нет! А НУ ЖИВС РАБОТАТЬ! — именно такие мысли стали ежедневным оттиском на моём лице, застыв там словно глиняная маска. И по долетевшим до меня слухам я «прилетаю, налетаю, пинаю, улетаю, и если по прилету обратно через час, обнаруживаю что пнутые мной люди до сих пор в воздухе, застряли на облаке, даю пендель уже в полете, впечатываю мордой в землю».

Наверное, лицом они лучше пашут чем плугом, раз обо мне так говорят. И я точно хочу себе персональный маленький самолет, желательно с возможностью вертикального взлета. Наверное, пора наведаться в один наукоград, как только посева закончатся.

— Хочу себе самолет — все же наведалься я в самолетостроительное КБ, пусть и уже в ИЮЛЕ месяце. — Маленький, быстрый, экономичный, с большим запасом хода, и обязательно с возможностью взлета с вертолетной площадке. — высказал я все свои хотелки генеральному конструктору.

— Конвертоплан чтоли? — ответил он, на мой веселенький запрос.

— Э... это что?

— Самолет с вертикальным взлетом, неплохими полетными данными, винтовой и экономичный.

— Дальность хода? — тут же оживился я, совершенно не ожидая, что мой, явно фантастический набор требований, друг другу противоречащих, вдруг окажется вот так вот просто исполнен в одночасье.

— Восемьсот километров.

— Мау! — пропищал я, услышав цифру, совершенно не отвечающую моим ожиданиям.

— И скорость тоже невелика. Но это лучшее из того, что может ответить требованию «самолет», «вертикальный взлет» и «большая дальность полета». Остальное все, даже истребители, этому не отвечает.

— А это что тогда? — не понял я, почему-то думая, что мне «истребитель» и предлагают — Какой тип борта?

— Это транспортный, или скорее десантный самолет. У американцев, кстати, давно такой есть. Теперь и у нас будет, прототипы как раз прошли последние государственные испытания.

— А! — сообразил я наконец, что это за леталочки такие.

Я же их только что принимал! Пусть и не один, а в составе комиссии! Среди мужчин которой видно и затерялся, что ген конструктор меня и не узнал. Я же здесь в форме, в брюках, не выделяюсь, так сказать, принимая изделия в серию, для нужд армии и правительства.

Хорошие машины вышли, пусть и на добрую долю слизаны у амеров. Фюзеляж так вообще, почти полная копия! Конструкторы не стали с ним ни как заворачиваться, просто используя уже готовые чертежи щедро «подаренные» нам друзьями из-за океана.

А вот двигатели полностью отечественная разработка. Да, в них конечно есть отдельные элементы или даже узлы, заимствованные у «друзей», но в целом — сходства крайне мало. И получившийся образец, с одной стороны, проще конструктивно и в обслуживании, а с другой — надежнее, по крайней мере в теории, и кушает меньше, сохранив при этом тяговые характеристики.

Правда, по итогу, движок вышел сильно тяжелее аналога по собственной массе. Что как следствие потащило за собой увеличения прочности несущих конструкций самолета, без изменения обтекателя, что в свою очередь, по итогу скушало весь возможный рост дальности полета самолета возникшего в результате установки более экономного двигателя. Так что по чистым характеристикам, наш самолет полная копия американского, только дешевле.

Зато в планах у КБ сделать на основе этих двигателей четырехмоторную версию конвектоплана, уже своей разработки, ну и сделать еще более маленький планер для таких нужд как у меня, на основе одного из уже существующих моторов. Чтобы летать маленькой компанией как на самолете, пусть и на относительно небольшие расстояния, садясь по вертолетному,

Но это все вопросы будущего! А сейчас же...

— А по шустрее ничего нет? — поинтересовался я

Конструктор помотал головой.

— У нас сейчас в приоритете скорее рабочие лошади, чем быстрые скакуны. Так что за «быстрее» — это не к нам. Попробуйте побеспокоить этим вопросом КБ Сухово, или же

Микояна. Может у них что будет, из подходящего.

— Ясно, понятно, попробую. — вздохнул, и пожав руку конструктору, направившись в сторону выхода, у самой двери добавил — Мы там, кстати, у вас заказали немало этих планеров, — улыбнулся я коварно — так что пощупаем.

И покинув КБ, отправился в иное кб, искать себе леталочку.

Нашел. Немножко не то, что ожидал! Аэроцикл! Или — летающий мотоцикл... да, я помню, когда шли его испытания, и помню жалобы на невозможность почесать об нескользкий материал зад, но... не думал, что сам решусь на ЭТОМ взмыть в небо.

— А ведь идея то не такая уж и плохая. — провёл я пальчиками по покрытию сидения, и запрыгнул сверху.

Приветствуем — высветилось надпись на дисплее, как только я запрыгнул — *Подготовка первого запуска. Внимание! Обнаружен новый пилот! Выберите тип управления — Новичок — Опытный — Профи.*

Я естественно нажал новичок, не пылая иллюзий насчет своих навыков пилотирования данного агрегата. Тем более, что тут нет ни руля, ни штурвала, и вообще, все управление осуществляется при помощи ног, и, кхм, задницы.

Зафиксируйте ноги в креплениях — посоветовала надпись, после чего ушла на второй план, уступив место картинке, показывающей как это сделать. Просто вставить ботинки в специальные крепления на специальной подножке.

Ясно — мне нужны эти специальные сапоги! Потому как мои берцы ни где ту не фиксируются! — подумал я, и отправился искать нужную мне обувь. Нашел, с горем пополам, так как тридцать девятый размер тут вообще-то редкость. Выполнил заново все требования заводу данного аппарата, в том числе и выбор типа управления «новичок».

Нужные ботинки сразу же защелкнулись в креплении, а системный экран мотоцикла объяснил, как их можно отстегнуть самому в случае непредвиденной ситуации. Затем посоветовал мне не мусорить и не нагибаться, дабы не угодить под лопасть винта. Их тут четыре, два справ и два слева, расположенных довольно близко друг к другу, почти в упор, и делающих «мотоцикл» крайне компактным.

Прочел еще кучу объяснений инструкций, каждая из которых требовала либо выполнить какое либо действие по настройке, либо просто нажатия кнопки «понимаю» на панели ниже экрана. И только после этого, агрегат начал плавно раскручивать винты, попутно объясняя, что в данном режиме, мощность двигателя, как и максимальная полётная высота и вес пассажира ограничены. Нельзя взлететь выше полусотни метров, и нельзя быть толще ста двадцати килограмм. Последнее нужно для того, чтобы нельзя было катать кого-то еще пассажиром.

Экран так же поведал мне, что я не могу выполнять резких манёвров даже если захочу, и система вообще будет игнорировать любые мои резкие движения, так как это будет расценено как попытка выпасть из седа. Что вообще-то явный плюс, для новичка! Резкое движение тела которого, говорит скорее о потере контроля, чем попытки что-то сделать осознанно. Не говоря уже о том, что даже сделав сей финт с желанием его сделать, он может и правда выпасть, несмотря на то, что прикован подобием лыжных сапог к аэроциклу.

И вот, наконец, эта штука оторвалась от земли, зависну в небе... на высоте один метр! Так сказать, что бы не упал. И это тоже правильно! Тот, кто струсит уже сейчас... должен сойти с борта данного судна! Тут даже высветилась кнопка «нет, я хочу сесть!» и как раз это

та самая кнопка, что обычно выполняла функцию кнопки «да, понимаю». Защита от дурака!

А ведь даже на высоте этого жалкого метра, на этой штуке... пусть винты сверху и прикрыты сеткой, чтобы в лопасть не угодить, и вообще все предусмотрено, у кого-то, с боязнью высоты, могут возникнуть проблемы. И серьёзные! У кого-то, вечно земного, ногами ходящего, по земле ползающего, такого, как например, Я!!!

Хотя я совсем небось высоты, в самолете... я чувствую себя немного некомфортно. Уязвимым, не прикрытым, на виду. И пусть, я уже привык к этом чувству, и более не обращаю на него внимание при перелетах, сейчас же... понимание, что я прикован ногами к неподвижной мишени зависшей в воздухе спокойствия не добавляет.

Но да ладно! Что там дальше? Как этой шайтан машиной управлять? Ага, ясно — ногами! Носок сапога вниз — набор тяги. Что, в режиме «новичка», не совсем верно, а скорее является примымым приказом к набору высоты, а не просто тяги. Пятка вниз — соответственно снижение высоты и тяги, что опять-таки имеет зависимость и ограничение по резкости исполнения и скорости взлет-падения из-за выбранного мной режима.

Наклоняя одну из ног, отклоняя колено в сторону от корпуса, или лишь саму стопу наклоняя в бок, можно заставить машину крутиться на месте. Давя на педальку одной из ног, переводя на неё вес своего тела — заваливаться, выполняя маневр «крен». Причем угол завала естественно тоже ограничен. Как и отключена функция полета боком — только вперед, и торможение.

Собственно, для торможения или ускорение, нужно подвигать ногу вместе с педалью на которой она зафиксирована вперед или назад. Причем, перед — торможение, назад — ускорение. И кажется на первый взгляд, что это нелогично и неправильно, однако при наклоне корпуса вперед, нога как раз-таки и уходит назад сама собой. А при распрямлении — наоборот.

Так что все удобно, просто и понятно. И даже интуитивно, что очень быстро привыкаешь, переставая отдавать себе отчёт о действий конечности, начиная воспринимать лишь результат. А управление ногами полностью освобождает руки! Позволяя взять в них, ну, к примеру, автомат. ПЗРК, пулемет, или что-либо еще. Что пока не придумали, для этой самой настоящей кавалерии нового времени.

И разобравшись в управлении и маленько привыкнув к нему, я понял, что пока что самого полета то и не видел. Это штука может развивать скорость до трех сотен километров в час! По прямой, но без форсажа. А я... катаюсь на детской карусели уровня «ясельная группа». На том самом микропаровозике, для дошколят.

Горочка, спуск, поворот... тфу! Я видел запись с испытания! Там испытатель ТАКОЕ вытворял на этом аэроцикле! Ууух! Он даже заложенную конструкторами скорость превзошёл, причем не в вертикальном падении! И я тоже, хочу БОЛЬШЕГО!

Тем более, что испытания еще идут, и где-то в дали, тенью мелькнувший подобный аппарат, наглядно показал мне, что это всё не плод киноиндустрии. А вполне реальность, надо только набраться смелости, и сменить режим работы на более хардкорный.

И я, закончив сеанс, аккуратно посадив аппарат на полянку и сойдя с него погулять, вновь выгрузил свою попу на противоскользящую ткань, и на вновь возникший вопрос, ввиду того, что аппарат его в тестовом режиме задает каждый раз, никого не узнавая, врубил сразу, не думая, режим *профи*.

— ВААААХА! — просвистел мой голос где-то, там, далеко, внизу, так как, стоило мне подтвердить свое решение, техника, вдавив мою тушку в седушку, отправила покарать небеса

с совсем не детской скоростью.

Триста? ЛОЖ! Кто-то занижает цифры! Нагло! В хлам!

Ну а попытка «затормозить» привела к началу падения, что я даже струхнул, что вот он! Мой конец! Прощай сей сложный мир... ведь даже приведя ступню в горизонталь, падение не прекратилось, чисто из-за силы инерции и нехватки тяги.

Где-то там. Уже у земли, прощаясь с жизнью, пришла мудрость, тяги все же добавить... думаю, будь у меня исправен организм хотя бы на половину, я бы обделался от такого стресса. А агрегат, начал неторопливый набор высоты, все больше и больше разгоняясь, желая отправить меня обратно к облакам.

Пришлось мудрить, добавляя «газу», нажимая и отпуская «гашетку», следя за показаниями тяги на панели приборов, что больше не отображает никаких подсказок. Только данные, только хардкор.

Тяга, температура, внешняя, внутренняя, двигателя и обмоток ядра. Скорость по трем осям, акселерометр, показывающий горизонт, и перечеркнутый значок спутника, показывающий отсутствие связи с орбитой. Что и не мудрено.

Показания от датчиков на теле пилота. Где сердце, вообще не бьется, кислород в крови показывает какую-то куйню, а вот весы взвешивают мою массу вполне правильно — сто два килограмма.

Чтож, пора объездить эту лошадку! Я уже маленько разобрался в управлении, понял, как летать боком и задом наперёд, ведь самое сложное тут как раз-таки регулировка тяги, и получив добро от полигона со словами «все небо ваше, министр», погнал искать приделы скорости этого небесного пегаса.

Разбил его в хлам! Вообще в хламину! Просто плюхнувшись как куль, как... я? Уже налетавшись в волю и досыта. Я просто напутал газ и тормоз! А система, защищающего от подобного, просто слишком поздно поняла, что я задумал что-то не то, и debil! Она, бедная, видимо подумала, что включение мною реверса двигателей, требует текущая ситуация!

Что я в опасности, ухажу от столкновения, и так далее и тому подобное! И никак не могла осознать, что я, видя, как земля стремительно приближается, жму «на тормоза» просто от того, что думаю, что это газ. И все, что электроника успела сделать, это пискнуть, об опасном сближении, обрубить реверс, и врубить на мгновение тягу. Но было уже поздно — гравитация оказалась сильнее.

Впрочем, никто из живых не пострадал — отделались лишь офигиванием. Я так вообще, просто встал ногами на грунт, после того как все, что было меж ними и поверхностью, просто разлетелось. Даже, собственно то, что было под попой, превратилось в мешанину пластика и стали, не говоря уже о том, что осталось от электропривода винтов.

Что, впрочем, свою роль сыграло на все сто, благодаря чему, я и сам отделался лишь испугом, и все тем же офигиванием.

— В общем... — сказал я, отходя от груды мусора подальше, на всякий случай — Принимается! Отличный агрегат! Только я бы рекомендовал вам увеличить количество режимов хотя бы еще на два. — задумался я, разглядывая даже не начавшую дымиться кучку, пока остальные люди все еще прибывали в ступоре — Новичок уж слишком скучные, ему скорее имя «ясли» или «в первый раз». А профи... слишком профи! — взглянул я на главного конструктора агрегата, встряхнув пацана, что как бы ровесник моему текущему телу, если строго посудить.

Встряхнул его, приводя в чувства. А заодно встряхнул его ассистента — старичка, что,

наверное, Ленина живым видел! А если не его, то Сталина так точно! Старичок, боровичок, сморщенный, и полу слепой... что собственно выполнил всю работу по математическому расчету и сопромату за пацана. Сопляк же, помимо самой идеи, еще и представил на суд комиссии по новым разработкам и спец спонсированию, сразу три радиоуправляемых прототипа, собранные буквально на коленке, но зато рабочие!

Получил грант, организовал сначала КБ, а потом и производство. Серии правда пока нет, образцы дорабатываются, но большинство испытаний уже пройдены, так что это уже вопрос времени. Уже есть заказы от армии, что-то там от милиции и пожарных, в качестве «пощупать» и теперь вот от меня, будет. И не мало! Так что эту странную парочку ждет еще не мало работы.

— Вы в порядке, юная леди? — проговорил собственно этот самый старичок, придя наконец в чувства, держась за сердце, и шаря по карманам в поисках таблеток.

— В полном — улыбнулся я — Сапоги только — показал я то, что от них осталось.

— Углепластик! — воскликнул пацан, с ужасом глядя на это и нагибаясь — Он же... — взглянул он на меня.

— Крепки. — улыбнулся я — А еще внутри набивка хорошая. Потому собственно проблем и не возникло. Они, — вновь показал я «сапоги» — приняли на себя удар. Хотя думаю, — взглянул я на все же пустившую дымок кучу — никто бы из смертных такого бы всё равно не пережил.

— Это уж точно — проглотив таблетку даже без воды, проскрежетал ученый-старший.

— Так вот поэтому я и говорю: реверс тяги — это вообще какой-то треш. Может и есть ситуации, когда это нужно, но это требует уж слишком большого навыка пилота.

— А я тебе говорил! — прошептал старик молодому.

— Но ведь... — проговорил тот в ответ.

— Испытатели — не люди. — пояснил я, лицезря, как где-то далеко на небе, такой же «байк», на полном ходу, практически замер на месте, встав на дыбы вертикально, и тут же понесся в обратную сторону. — Регулирование тяги, за место высоты, это вообще отдельная тема, и думаю подобное должно быть отдельным пунктом в настройках, а не частью одного из режимов управления. И заверните мне уже штук десять этих агрегатов! Беру все и сегодня!

— Простите... но это все образцы, что у нас есть на сегодняшний день! — воскликнул ген конструктор на моё последнее заявление — Считая ваш, разбитый.

— Так что же вы до сих пор стоите?! Их должно быть сотни! Тысячи! И уже вчера! — выпучил я глаза, и понял, что мне придется немного попинать очень много народу, чтобы в кратчайшие сроки, наладить серийное производства данных леталок.

Но это необходимо, не только ради меня, и возможности спрыгивать из самолета без парашюта и озера, но и для нашей армии, и десанта. К тому же, данный продукт, лучшее из возможных применений сердца магмойда. Лучше телефонов, машин, и кофемолок. Лучше всего, что мне только не предлагали.

Но все же пару образца с испытаний я свистнул уже сейчас. Один — для себя, второй — про запас. Сомневаюсь, что я не разобью первый уже в ближайшее время. И, для массового потребителя, конструкторам все же стоило бы улучшить свою систему предотвращения столкновений, и сделать невозможным выбор режима профи абы кому.

Так что в аэропорт я отправился уже на своём байке, уже в пути узнав, что я, оказывается, «вобла сушеная!», так как не выписал для себя эшелон у службы управления

полетами. В ответ на что я порекомендовал им как-нибудь улучшить свою систему координации с воздушными судами, а то нынешняя... сильно устарела и вообще ни в какие рамки-ворота не лезет. Уж больно много бумаг выходит! Пусть и для меня лично это все не имеет значения, ведь я — закон!

Узнал от службы управления полетами, что с такими вопросами не к ним, а в министерство, собственно куда я и направляюсь. А еще узнал от них, что я могу засунуть свой закон себе же между ног да поглубже... только я совсем не представляю как это можно сделать! О чем я им и сообщил, через встроенную в шлем аэроцикла гарнитуру связи. Шлем, шел в «комплекте поставки» вместе с самим байком и новыми сапогами к нему.

А еще, уже подлетая к взлётно-посадочной полосе, и продолжая слушать брань в эфире, связался с полигоном и конструкторами, попросив их подумать и о системе предотвращения столкновения не только с поверхностью планеты, но и иными небесными телами, особенно высокоманевренными и скоростными.

Ведь все же аэродромные служащие правы — я могу с кем-то столкнуться! Не имея выделенной высоты и направления. Уже сейчас могу! Не говоря уже о том времени, когда таких штук в небе станет больше. И уж не говоря о высадке десанта на таких вот «мопедах», где в получившейся каше из людей и «коней» может в итоге погибнуть больше, чем от оружия врага.

Узнал от представителей КБ, что подобные программы уже разрабатываются, порадовался. И наконец сел на асфальт. Узнал, что мне всё равно придется тут ждать, пока фургон со вторым байком до сюда доберется, а мой самолёт заправят и подготовят к взлету. Расстроился, но не опечалился, пошел развлекаться! Ведь аэропортные служащие уже заинтересовались моей персоной, а байк бы стоило от них где-то спрятать, во избежание преждевременной утечки информации.

Впрочем — поздно пить боржоме. Почкам кердык. Ведь данный агрегат изначально ни на что не претендовал — в него никто не верил! Все считали — игрушка! Максимум — спорт! Ито сомнительны. А так, если и полетит — то чисто как баловство для богатых. Не более.

Так что его все видели, его везде показывали, его никто не скрывал! Просто игрушка! Что в итоге, взяла и стала стратегическим оружием, сравнимым с танками, времен, когда они только появились. Вещь, способная переломать течение битвы грозным ударом об колено! А то и вообще — войны. Ведь эти леталки, крайне мало заметны, быстры, маневренны, и по факту — просты в управлении.

Единственный недостаток — их собственная цена. Но это, частично решается массовым производством. А камней магмойдов, основного и главного компонента, сердца аэроцикла, его источника энергии, у нас на текущий момент валом. И их всё равно нужно куда-то применять.

— Так... — проговорил я, оглядывая свой агрегат, стоящий в грузовом отсеке транспортного самолета.

Отсек большой! Тут танк поместится! И мои два байка, стоят посреди него довольно сиротливо. Точнее, уже один — второй уже извлекли и повезли на склад, а вот на том, на котором я уже летал, я и полечу «домой», до кремля! ПВО и организацию небесного движения уже оповестили — меня не собьют! Хотя и стоило бы проверить их работу, и степень незаметности моего нового приобретения.

— Так — повторил я, доставая из складок юбок ключ, так называемую, «таблетку», запакованную в пластиковую упаковку.

В бюро сказали, чтобы, как только долечу, сразу же активировал данный идентификатор, для перевода байка в рабочий режим из тестового и предотвращения угона. А для активации таблетку нужно извлечь и приложить к приборной панели. Тут есть для ключа специальное местечко!

Обнаружен идентификатор пользователя! — засветился экран в тот же момент, как я приложил к нему ключ — *Желаете активировать аэроцикл данным ключом? Внимание! Тестовый режим перестанет функционировать! Вы больше не сможете управлять байком без данного ключа! Обратитесь в центр поддержки пользователей, если у вас возникли вопросы.*

Ну чтож — улыбнулся я, и нажал «активировать». Экран тут же погас, и загорелся вновь уже через миг. *Приветствуем вас мисс министр!* — провозгласила новая надпись, и я задумался о том, когда это те двою успели моё «прозвище» в этот ключ вшить? Они же вроде только при мне его изготовили, и сразу выдали. А главное — почему «мисс министр», а не как-то иначе?!

Выберите режим работы аэроцикла. Данный режим будет автоматически активироваться каждый раз при эксплуатации аэроцикла. Сменить его вы сможете в меню настроек. — провозгласила следующая надпись и я выбрал режим опытный, из трех предложенный. Профи все же не мой уровень, а новичок — явный детский сад!

Активация прошла успешна! — порадовала меня последняя надпись, и исчезла, оставив меня любоваться на приборную панель со сплошными нулями. Правда и она исчезла через миг, и экран утратил всякую активность.

Не заработал он и когда я залез на байк, не захотел он и фиксировать мои полетные сапоги, и вообще — просто железка! Ведь ключ после активации, нужно вставить в специальный карман на сапоге! Оттуда правда его потом фиг извлечёшь, но зато это удобно! Тупо сел — и машина тебя опознала.

Приветствуем вас мисс министр! — порадовала меня надпись, как только я сел снова, вставив таблетку ключа туда, где ей и положено быть. А экран уже через мгновение огорошил:

ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ МЕРТВ! — и машина естественно отказалась куда либо лететь.

Пришлось звонить обратно в КБ. Пришлось оттуда лететь человеку. Пришлось везти обратно туда и байк, и ключ и сапоги... а все потому, что у меня не бьется сердце, температура моего тела слишком низкая, а встроенный в ботинок датчик кислорода в крови, вообще показывает какую-то акунею.

Как итог — сапоги мне заменили, вшив во встроенный в них уже иной идентификатор, и специальный эмулятор, что во время полета непрерывно сообщает байку, что у меня все в норме, я жив, здоров, и дышу нормально. Так что я теперь могу летать где хочу, как хочу, и на любой высоте.

Но все это отняло у ребят кучу времени и сил, и все это время я был вынужден передвигаться ногами. А ведь всего за один полет да аэропорта, я так привык к данной машине, что уже серьёзно думаю, заказать у КБ улучшенную версию, с большей мощностью двигателей и горизонтальной скоростью, и отказаться от самолетных перелетах на дальности, до пары тысяч километров.

Но увы — это все мечты, мечты. У конструкторов данной машины, и так сейчас забот полон рот. Я их конкретно так загрузил задачей выхода на серию, а не этой отверточной сборки в полу гаражной мастерской.

Впрочем, у меня тоже забот полон рот. И мне необходимо обеспечить поддержку как им, так и нашим южным регионам, подвергшимся нападкам самых разных стихий природы. Американцы сдержали обещание.

— Ну что там еще? — вздохнул в слух, не желая пускать свои чувства в эфир, слушая очередной доклад о... землетрясении!

Наводнения — были. Ураганы — были. Теперь вот землетрясение! Ну ладно, полям подсолнечника, риса и помидор — пофиг на подобное. Привыкли они там, что ли? А как там дела на ново построенных элеваторах? Стоят? Дядь Вася ногу подвернул, пока спускался по лестнице с самого верхнего яруса во время тряски... ясно. Значит всё нормального.

Что-что лопнуло? Стена в сельской школе? Так лето же сейчас! Почините до сезона! Проще новую построить, так как лопнула школа поперек себя? Ну так стройте! Я то тут причем! Хотите заодно пустырь застроить? Застраивайте! И больничку там заодно отгрохайте! Граница рядом! Добро.

— Фух... — вздохнул, мотая головой — все семь кар египетских прямо!

Чума уже была — выгнали метлой поганой, благо были готовы к подобному «заходу». Наводнение, и землетрясение вот, тоже, «прилетели». И я не знаю, как они это все провернули, но я уже не верю в природность этих всех «катаклизмов!». Нам их обещали! И таких совпадений в природе просто не бывает.

Как говорят, один раз — случайность, два — совпадения, три — закономерность! А у нас тут уже все десять! И разве что саранчи пока не видно, но я уже не сомневаюсь, что будет. Всё, как и говорили в ген ассамблее ООН, на юг Руси, на самые главные хлебные поля страны, пало тридцать три несчастья.

Сначала долгая весна. Вернее, уже пришедшая весна, вдруг обернулась снежной зимой, укрыв и заморозив все, что садилось озимой, и успело начать рост. Все всходы... оказались вновь под снегом. Но рожь живучая попалась! И мы все равно получили урожай данной культуры, несмотря на предоставленные ей условия, и потери половину ростков всходов.

Да, убрали меньше, сильно меньше, чем могли и рассчитывали, но садили мы данной культуры ОЧЕНЬ много, так что норму урожая года закрыли с превышением в два раза. Черный хлебушек на столах наших граждан будет, и с гарантией.

Затем, долгая весна, «усыпила» колхозников, что оочень долго раскачивалась, никак не решались начать сев. Да и вообще, у нас сельское хозяйство только прошлой осенью-летом, начало хоть как-то шевелится, а не изображать из себя уже подгнивший трупик.

Мы только в прошлом году, получили хоть какие-то внятные урожаи хоть на что-то претендующие, и впервые получили динамику роста собираемого, в первый раз за прошедшую пятилетку. Но тогда, уж очень много свежо убранного, осталось на сев, чтобы в этом году можно было не экономить с продовольствием. Что бы было что садить! Так что зиму и год, мы тупо подъедали запасы прошлых лет.

То, что уцелело в девяностые. То, что лежало на складах еще с далеких времён и давно превысило все сроки хранения. А главное то, чем удалось запоститься во времена, когда мы еще могли себе позволить покупать еду за границей. Когда нам они еду еще продавали! А не меняли зерно на газ в соотношении масс один к одному. Или вообще — на золото с такой же пропорцией.

Продовольственная блокада оказалась болезненной! И я искренне радуюсь, что нам её не объявили раньше, и мы успели сделать хоть какие-то запасы, а главное — провести собственные селекционные работы, и запастись посевным материалом. А иначе бы... склады, как показал этот год, были пусты уже давно, годов этак с восьмидесятых. И то, что там оставалось, просто то, что забыто, или тогдашние несуну посчитали неинтересным товаром.

И я даже удивлён, что нам, в этот, весьма далёкий от понятия «сытый», даже по меркам предыдущих лет, год, удалось сохранить семена на посадку! Что их не съели те, кто должен был их охранять, не украли, или не испортили «голодные» диссиденты. Ведь все же, у нас только с хлебом все эти годы не было проблем, а тут... греча мимо протекает! И кушать не дают! А если отчерпнуть?..

А если отчерпнуть, будет суд! Впрочем, и какое-то понимание и даже совесть, у людей тоже проклюнулось. Так что если не считать то, что колхозники ну очень долго опасались повторного выпадения снега, и чуть не упустили момент мокрой землей, идеальной для посева, то посевная компания прошла более чем успешно.

И землю хорошо обработали, и удобрили, и все как надо пошло! Да и погода, не подкачала. И всходы пошли... а потом, эта самая погода, решила всех нагло утопить, не то что там с подсолнечником, но даже с банальной пшеницей! Что бы у нас в этом году не то что масла и гречи не было, но и даже банального хлеба!

Три урагана, с силой ветра, способным закинуть легковушку на крышу девятиэтажки, а из порта в Геленджике, упереть строительные леса, и отправить их «погулять» в далёкие поля с кукурузой под Краснодаром. Тайфун, особых разрушений не принеся, но напугавший немало людишек, и торнадо, что засветился сразу в нескольких регионах, в нарушении всех законов природы.

Не было условий для него! Не было! Оно вообще, появлялось просто, где придется! В ясную и почти безветренную погоду! Как из пустоты. В любой точки карты наугад! В степях, полях, и даже разок среди леса! И учитывая, что и все пред идущее, нам обещали, точно так же как это торнадо, как и обещали землетрясения, я уже сейчас не сомневаюсь, что у запада, есть какой-то приборчик, позволяющий контролировать погоду.

Но вот какой?! Где он находится?! Как его уничтожить, или чем законрить?! В этом я не бум-бум. И вообще бессилён! Рад только, что судя по всему, саранчи на юг Руси ждать не стоит. Ну не погонят же они их через земли турок и поляк? Да и как мне тут доложили, у турок от этого землетрясения на дне черного моря, повреждений больше, чем у нас. Да и цунами, что наших к слову тоже напугало, у них тоже побесилось, что как бы намекает, на невозможность повторения такого «банкета».

Но это все не ко мне! Я... даже с возобновлением поставок оружия и боеприпасов, напололам с продовольствием, в дальневосточную республику ничего поделать не могу! Хитрые закеанцы, стали гнать караваны своих кораблей вдоль берегов, и чуть ли не через южный полюс! И их там сложно достать... но в прочем, флот уже отбыл, и они поймают гадёнышей где-нибудь подле курил.

И вот вроде бы я не против этой республики — пускай себе живут! Даже бы не так сильно был бы против и жесток, если бы они не просто там сидели, а мечтали бы завоевать мир, или нас. Но то, что происходит ТАМ — мне совсем не нравится! Эту «страну» можно смело назвать другим именем — страна заключенных и убийц, существующей ради одной единственной цели — уничтожить Россию.

Потому что это правда! Потому что туда теперь, со всего мира разом, сгоняют зеков, раздают им оружия, и говорят, убьете десять русских, и сможете вновь вернуться в цивилизованный мир как белые люди.

Естественно возвращать никто никого никуда не планирует! Ну а мы... не можем себе позволить возвращение подобного нарыва на бывших наших же землях. Поэтому эти корабли, что с оружием, что с зерном или такими вот «людьми», должны уйти под воду океана. Должны быть уничтожены, без всякой жалости.

Да, я жесток! Возможно аморален, но когда идет война на истребление...

— Эхе, эхе-ке... — закашлялся я, при попытке сделать вдох, и выплюнул кусок кровавой плоти, что так и не долетев до земли, испарилась в воздухе.

А мне немного осталось, и Сила, уже призывает в иномирье, но я не должен бросать всё не доделанным. Не сейчас, не в этот миг... надо доделать то, что начал, и спокойно уйти, с чистой совестью и душой. Осенью, после сбора урожая.

Книги, книги, книги, книги... — прошел я из одной комнаты в другую — и... книги! — квартирки, в которой поселил своего брата.

И я конечно просил охрану к нему приставленному, что должна была братца защищать, и приносить всё необходимое, исполнять любую прихоть Ваньки в еде и жажде знаний, в рамках разумного конечно! Приносить ему все что он попросит, кроме сверх дорогих вещей, людей и животных, но... не думал, что братец будет заказывать себе ТОЛЬКО КНИГИ! И пельмени.

Кошмар! В библиотеке столько томиков по математике не сыщешь! И он это все прочел? И как только не ослеп?! От такого занудства, можно же...

— Сестрица? — выплыл из-за стеллажа сонный братик, к которому всё сложнее и сложнее подобраться не заметным, даже когда он спит глубокой ночью.

— Да, родной. — улыбнулся я, раскрывая объятья.

— Сестрица! Ты вернулась! — запрыгнул он мне на шею, обняв и прижавшись — Ты быстро! А то я уже думал опять, на год пропадешь — прошептал он мне на ухо.

— Нет, на этот раз без обострений. — погладил я его по волосам, и спустил обратно на пол — Как тут у тебя, дела? Как поживаешь?

— Прочел пару новых книг...

— О чем? — улыбнулся я, и найдя свободное от книг кресло, присел туда, усадив уже неслабо выросшего, но все еще мальчишку на колени.

— Ну... в общем...

Через час я понял, что братец мой, вообще-то гений! По крайней мере в части математики. Ему девять! А он освоил мат анализ, и теорию вероятности. И пусть, до предсказание будущего ему по-прежнему как до луны на раке, всякие там логарифмы, и многоуровневые уравнения, щелкает словно семки гопник нулевых, порой даже не ведя записей. Чисто, в уме.

МОНСТР!

Но вот с письмом у него дела полный швах. Подчерк не просто корявы, он отвратительный! Буквы все... сами на себя не похожи, как у пьяного хирурга! Однако тот хоть это делает со скоростью машинки, а братец мой... три строки за три часа не выведет. От того собственно он и решает все в уме, что писать ему и лень, и тяжело.

И я даже не знаю, как на это реагировать. Радоваться, что он гений. Или злиться, что он фиг кому докажет свою гениальность без персональной машинки. А еще меня беспокоит то, что он уже два года сидит тут взаперти. Бегает по беговой дорожке, дышит воздухом на балконе, питается пельменями, да витаминами в банке.

И не сказать, чтобы у него плохая фигура, он все же себя в тонусе держит, несмотря на буквоедство, но... не всю же жизнь ему прожить взаперти? К тому же, министерство образование все же, поднапрягшись, да с пинка, провела реформы, направленные не на разрушение, а на улучшение, и новый учебный год обещает быть интересным.

Впрочем, прошлый год тоже был, весьма специфическим. Тогда под новый год, госпожа министр от образования осознала наконец, что её поезд идет под откос по дороге культуры, и что её, уже через миг, действительно сошлют в одну из сельских школ учителем... и что приказ об этом, если не подписан, то лежит на подписи... и рука у нас не дрогнет! И развила бурную деятельность невьебических масштабов.

На самом деле вся эта деятельность — да кто бы сомневался! — В итоге бы опять-таки сделало хуже. Но поскольку за ней и так уже внимательно следили все смежные министерства, я, президент, и все ФСБ разом... мы помогли. Разрулили. Так что новый, две тысячи пятнадцатый-шестнадцатый учебный год, действительно обещает быть интересным.

— Слушай, братец... — заговорил я, спустя кучу болтовни и обменом впечатлений — а тебе не надоело здесь сидеть?

Брат, непонимающе взглянул на меня, и помотал головой.

— Нет, меня всё устраивает, сестра.

— А... пообщаться со сверстниками там? С девчонками познакомится...

— К чему ты клонишь, сестра? — взял быка за рога мальчуган.

— Тебе бы все же следовало хотя бы немного поучиться в обычной школе.

— Пфф! — прыснул он, чуть не подавившись со смеху — Да там же сейчас только квадратичные уравнения проходить начали! Что за смех!

— Ну ладно, не в обычной школе. — улыбнулся я.

— А чем она лучше обычной?

— Э... ну да, и правда. — потер я пальчиком свою щеку — Но все же, тебе не повредило общение с другими ребятами. Навыки коммуникации тоже очень важны.

— Наверное. — прижался он ко мне покрепче — Наверное.

Да... определенно придется что-то менять! Иначе у меня вырастит гениальный асоциальный брат. Хотя... может это не так уж и плохо?

А не плохо так! — улыбнулся я, снижаясь пониже, и любуюсь бескрайней ленточкой поля свеклы. Сахарной свеклы! Хотя что-то ботва у неё великовата... неужели надули? Или я поле перепутал? Или чего-то не понимаю? Или там...

Зависаю над полем на высоте пары сотен метров, наклонив голову на бок, пропускаю просвистевшую мимо чумную чайку, что, похоже, перлась в кильватере моего агрегата аж от самого Арала. И для которой, моя резкая остановка, оказалась полной неожиданностью.

Нахожу проезд меж полями, и чуть не устроив покос ботвы главного ингредиента борща, совершаю посадку на грунт дороги. Наслаждаюсь тем, что не дышать я могу по пол дня, и поднятая с дороги пыль мне не мешает, а глаза можно и закрыть на время. Ну и топаю к полю зеленому! Ботвой по пояс заросшему! Как понимаю, свекла там...

Да не, тут не только ботва большая! — с горем пополам выдернул я клубень, что оказался размером чуть меньше, чем моя голова. — А это точно сахарная свекла? — тыкаю пальчиком в плод, висящий в моей руке словно пойманный за уши заяц — Или я всё же полем ошибся? Она же, вроде, мелкой должна быть! А тут... ведро! И корень тянущийся в глубь, толщиной с мою руку. — приложил я свою руку к корневищу, что реально с руку размером.

Это что вообще за мутант? — покрутил я растение руках, даже невольно ожидая, что оно, как в мирах с переизбытком магии, вдруг оживет, и захочет меня самого, в пищу употребить. Ну или как минимум укусить, или корнями оплести, как в одном азиатском мультике.

Но ничего из этого не случилось, разве что от свеколки пошел приятный и положенный данному растению запах. Сладковаты такой... что захотелось тут же вцепиться зубами в эту кожуру! Но увы, у меня нынче из кишок, есть только одна, прямая, да и та, как бы уже намекает, что скоро и ей придет пора, а я начну питаться через капельницу. Так что ни о какой свекле не может быть и речи! Это угода смертных, а я просто, постою, понаблюдаю.

Отличный урожай нас ждет! Не знаю кто придумал, засеять будущим сахаром бывшее пастбище под Кустанаем, но он гений! И достоин премией. Не знаю, сработал ли эффект от долго простоя земли «под паром», конский навоз, или трехкратная вспашка, плугами на большую глубину, и с проходом потом еще и фрезами, но результат, как вижу — налицо! Свекла отменная! И разочаровывает только то, что посаженная с двух сторон от поля защитная лесополоса, представляет из себя жалкое зрелище. Жиденькую «оградку», из тоненьких маленьких деревьев, которым до леса еще как мне до луны, расти и расти...

Но и этому стоит радоваться! В других местах и этого нет! Все же не так то это просто, нарастить столько саженцев! Все же в былые годы у нас все было слишком туго по колхозу. И лишь этот год, от части — образцовый! Ну а мне — пора. Пора лететь дальше. Я тут как бы проездом, просто решил проинспектировать творящееся в степях стройки с высоты, не имея возможности осмотреть все вблизи, из-за нехватки времени.

Просто решил пролететь всю территорию бывшего Казахстана поперек, обкатывая свою новую игрушку, ведь пусть аэроцикл и медленный в сравнении с самолетом, но триста километров в час, это триста километров в час.

И прихватив с собой свеколку, я вновь взмыл в воздух — ляпота! Кажется, я скоро уже и жизни смыслить не буду без этого транспорта! Я к нему уже привык! И наслаждаюсь им!

Наслаждаюсь видом с высоты, скоростью, возможностями! Все же иметь свой личный «самолет» у себя под попой, способный лететь, когда угодно, куда угодно и сколько надо — это кайф! И неоспоримое преимущество перед мною же самим, до того, как я этим транспортом овладел.

И именно поэтому, что я данным средством перемещения овладел, я сейчас пружу на границу с Китаем. Саранча, последняя из обещанных кар, все же объявилась. Но не на юге, что и не удивительно, учитывая, что ей там просто не откуда взяться. Но от того нам не легче.

Ведь на «юге» страны, в краснодарском крае, Ростове, или где-то там еще, на границе с турками и поляками, стоит наша армия, и им там, немного скучно уже стало, ввиду отсутствия какого-либо внятного движения врага у границы в последнее время. И можно было бы провести классные стрельбы! И хрен бы кто потом что сказал! А так... так подобное не провернешь. Армию, что там стоит, оттуда убирать нельзя.

Но обещание цыганок ООН, о том, что и эта напасть к нам придет, все же не была пропущена мимо ушей, еще когда оно было озвучено осенью прошлого года. И мы подготовились! Мы ждали эту саранчу, и разрабатывали контр меры, по предотвращению нашествия на наши поля. Начав особо плотную подготовку еще с весны этого года. Особенно когда вдруг после «лета» в марте, повалил снег в апреле.

Мы готовились, и понимали изначально, что если эта напасть к нам и явится, то только откуда-то из Азии. Из Узбекистана, Кыргызстана, Монголии или Китая. И у последних она и обнаружилась — единственный оставшийся на орбите зрячий спутник зафиксировал орду насекомых, разделившуюся на два неравных лагеря, движущихся сюда, и на алтайский край.

Алтаю меньше всех досталось других бед! И там у нас больше всего пшеницы насажено! И теперь туда движется ЭТО. Очевидно, понятно, ожидаемо — нас хотят лишить хлебushка! И огнеметные полки вместе с системами залпового огня уже выстраиваются вдоль условно обозначенной границы, за которую пускать тварей нельзя ни в коем случае.

Да, мы немного ослабили наши иные границы, но — соседям там сейчас явно не до нас. Поляки разбираются с последствиями ураганов, цепанувших и их, а у турок посклыдывались домики в городах, и «немножко» нестабильная политическая ситуация и настроения масс. Они их там быстро всех к ногтю поставят, но это быстро — даст нам шанс и время.

Китайцы в Манчжурии дружно падают под натиском корейцев, и у них там своя атмосфера. Ну а дальневосточники... они еще пока не получили своих поставок нужного, для начала вторжения. Они пока, только готовятся начинать наступление. Танки без сожженной за прошедшую зиму в буржуйках солярки ехать отказываются.

Однако люди у нас, лишь вторая линия обороны от насекомых! Люди, будут действовать только если первую линию прорвут! А первая линия же... гуси. Пятьдесят миллионов белых птиц, что представляют из себя настоящее гогочущее море — вот наш ответ армии саранчи!

Они её просто сожрут! Мы их не кормили уже сутки и еще столько же они будут сидеть на том, что найду среди поля, пока будут ждать прихода вторжения. И гуси конечно хорошо живут и на травке зеленой, а травка на местности, где они будут держать оборону как раз молодая и сочная, но гусей у нас, слишком много! И травы этой им не хватит, а вот мяска насекомых... страна будет обеспечена гусятиной года на два. Не меньше!

И ведь мы, заводя такую армаду гусей, по сути — ничем не рисковали! Хотя и начав тотальный развод данной птице где только могли, на всех птицефабриках страны, за место курей и бройлеров, в частных хозяйствах, платя ооочень прилично за гусенка, и даже

использовав для инкубации помещения сушки на элеваторах.

И если бы саранча так и не пришла... мы бы все равно не получили бы убытков! Все равно бы съели бы этих гусей! Просто их откорм был бы не столь выгодным, как на халявном мясе саранчи, да бескрайних полях степи, куда мы их всех привезли. Просто запаса хлебного зерна у нас бы стало немного меньше, одарив в обмен на диетическое мясо.

И единственная проблема во всей этой акции — доставка! Она же — главная растрата! Мы не могли заранее согнуть гагачий своим ходом к месту проведения боя с насекомым, так как не знали, откуда те придут. Мы могли лишь гадать, а потому сейчас, как только информация наконец поступила, гусей приходится экстренно перебрасывать самолетами, набивая птицей до отказа транспортные борта армии России. Достойной идеи, как заставить птицу лететь к месту проведения операции самой, на «своих двоих», так и не нашлось.

— Гать! — донеслось снизу, как только зеленое море подо мной, сменилось белым.

— Гать! Гать! Гать! ГАааааа! — за вторили первому выкрику последующие, и весь этот белый океан ожил, начав орать, словно бы в истерике.

А я, скинул им вниз притащенную с собой свеклу. И овощ, как показалось, был разорван в клочья еще в полете. Саранча — срать мы на неё хотели! У нас тут голодная «гать-гать» армия! И она готова съесть любого, кто к ней приблизится!

Только как теперь эту орущую голодную публику, заставить вытянутся в линию, а не толпится бескрайним океаном? Не спускаться же туда самому... Ах, да! У меня же есть кнут!

— А ну пошли! Живо! — заорал внизу какой-то мужик благим матом на всю округу, и шмальнул из ружа в воздух, и всё бескрайнее море подомной, пришло в движение.

Возмущаясь, гогоча, но двигаясь! Двигаясь! И возможно даже куда надо! — вдалеке прозвучал еще один выстрел, и «море» взяло уже по-настоящему нужный курс.

А ведь здесь, в этом стаде, всего-то двести тысяч! То, что разгрузили именно тут, а не в других узловых точках «оборонного периметра». И ими уже, без ружья, управлять фактически нереально! И что творится там, где основное поле бое — в Алтае, сложно даже представить. Ведь сюда, на нашу свеколку, претя лишь малая часть насекомых, а основная — на хлебные поля! И основной бой будет именно там.

Может мне попробовать их пошугать своим драндулетом? Или кнутом, для гусей и прихваченным... ну собственно, я для того и здесь! Что бы гусей гонять! Как один из немногих действующих кавалеристов нового времени.

Изобретатели аэроцикла, после моего визита к ним на полигон, наконец-таки поняли, что их машинка, определённо не баловство. И прекратили эту тупую фигню с ручной сборкой штучных экземпляров, начав наконец какое-то подобие производства серии уже проверенных агрегатов.

И на таких агрегатах пасти гусей действительно одно удовольствие! Но вот беда — пилотов нет. Все же, при всей электронной начинке аэроцикла, и интуитивно понятном управлении ногами и телом, посадить на него абы кого, нельзя, ни при каких обстоятельствах. Разобьется! Даже если человек этот не абы кто, а опытный пилот обычной авиации.

Нужна практика! А, как говорится — уже слишком поздно. Поэтому, для помощи в контроле стада, сюда, в приграничные земли, были стянуты все уже действующие пилоты данных аппаратов, способные хоть как-то внятно держатся в воздухе. Даже я.

Все же, гусей у нас реально много! А вот расставить позади них, как загран отряд, по

человеку с ружьем на каждые десять метров периметра — будет трудно. Возможно, но трудно, но даже с ними, есть нехилый риск, что гуси тупо разбегутся, или наоборот скучкуются в «лужу», за место линии, создав брешь в «обороне». А разгонять эту тучку, и снова выстраивать... то еще удовольствие, особенно когда саранча, облепляет человека с ружьем с ног до головы.

А вот выпас верхом на лошади, как и на летающей лошади... так что помимо гусей и аэроциклов, мы для выпаса птичек будем использовать кавалерию. И туда, в алтайский край, вместе с гусями и огнеметными полками, уже прибыла вся конница, какую мы только собрали по стране. Все казачьи полки, конная милиция, и вообще любые люди, что умеют сидеть в седле, махать кнутом, сидя на коне, и желают поучаствовать в «га-га шоу», не боясь быть съеденным насекомыми, или самими гусями.

Так что авиация оказалась загружена под завязку, таская то коней, то гусей, особенно туда, к хлебным полям. А на этот фронт, собрались пастухи из степи, порой пригнав и свою скотину, что бы тоже, пожрало дармовой белок. Так что тут сборная солянка, из пастухов на летающих драндулетов, пасущих гусей, и пастухов верхом на лошадях, пасущих лошадей. Им мы выделили дальний фланг, где плотность вторжение не должна быть слишком большой.

— Гать-гать-гать-гать-гать! — заорали птички подомной, когда прозвучавший новый выстрел, заставил их вновь сменить направление движение, и двигаться туда куда надо, а не куда придется.

Где-то в тихом океане.

— Шум винтов прямо по курсу... — проговорил акустик, один из многих, едва слышным шёпотом и как бы для самого себя — Полный ход, даже на приделе возможного. Как у них там двигатель еще не сгорел? Как минимум десять человек в экипаже... суетятся. Полупустой трюм... что эхо гуляет... но загруженным идет! — воскликнул слухачь, отстраняясь от наушника и обращаясь сразу к капитану, стоящему посреди рубки прямо позади него — Даже с перевесом! В нем явно не зерно!

— Вот ты и попался... — проговорил капитан себе в усы, одновременно чувствуя какое-то странное напряжение, что почему-то неожиданно возникло, когда слухачи наконец, нашли цель.

Они долго выслеживали это судно! Везущее снаряды к танкам и установкам залпового огня под видом зерна. И не сказать, чтобы целью их лодки было именно найти это судно, ведь задача обозначена как просто полный обрыв всех морских перевозок в тихом океане. Но топить уродов, снабжающих врага боеприпасами всегда приятнее, чем просто обычных работяг, везущих что-либо куда-либо, там, где их быть не должно.

Это судно достойная цель! Даже, возможно, более достойная, чем большой противолодочный корабль сил самообороны Японских, что их лодки тут выслеживал на днях недавно, и что они с радостью опустили на дно неподалёку. Ведь там, по сути, всего-то один корабль! А здесь, по сути, снабжение для целой армии!

Но все же, что-то беспокоит капитана. Какое-то странное предчувствие. Судно это, с боеприпасами в зерне, какое-то... не правильное! У него нет прикрытия, оно не прячется на мелководье, не выбирает маршрут, и чешет к Камчатке почти что напрямик, и вообще —

странное какое-то!

Именно поэтому они, пристроились чуть в стороне от судна, но тем же курсом, дали возможность послушать море лучшему слухачу на флоте. Человеку, что может посчитать людей на борту вражеского судна по топоту их ног по палубам. Правда для этого нужно, что бы на самой лодке, была идеальная тишина.

И они её создали! Экипаж лодки даже дышать боится, чтобы не помешать акустику в его работе! Что бы он... послушал, что творится там, в трех милях от них. И он подтвердил, что преследуемое лодкой судно — их первоочередная цель.

— Сбросить ход. — проговорил шёпотом капитан, будучи уверенным, что его услышат — Отстаем от цели, держим дистанцию десять миль!

И все же, что-то не дает покоя сердцу капитана. Ловушка? С неба наблюдают? Не, их так не поймать! Фиг их кто разглядит на трех сотнях метрах под водой! Это вообще, придельная глубина для многих лодок! Слушают воду? Ну-ну, пусть послушают, а мы поржем. Сканируют буями? И тоже мимо! Не против их Гагарина.

Лодка проекта девятьсот девяносто один, уникальная и неповторимая. Атомоход, с бесшумностью и незаметностью которого не могут соперничать даже маленькие «призраки» с дизелями и аккумуляторами! В добавок к этому большая скорость и маневренность, даже на больших глубинах.

«Гагарин», как и все океанские лодки, для снижения шумности и заметности, обтянут толстым слоем резины по корпусу. И даже близкое сканирование акустическим бумом, даст по итогу данные, похожие на кита. А просто услышать лодку вообще нереально.

У девятисот девяносто первой всё бесшумно настолько, что люди, экипаж, просто ходя по палубам, топают гораздо громче, чем шумят системы корабля. Начиная от вентиляции отсеков, где конструкторы по-настоящему извратились, умудрившись заставить работать систему без вентиляторов вообще, самотёком, и заканчивая главной шумной частью любого атомохода — насосами охлаждения реактора. Возможно, потому что их там тоже нет, и охлаждение тоже работает самотеком.

Ректор тут вообще уникален! Единственный в мире, без всяких там но. Сложный, необычный, и даже сам капитан, толком не понимает, как он работает. Знает только то, что жрет эта машина, за место обычного уранового топлива, жрёт его смесь с плутонием, делая установку крайне опасной, и безумно дорогой.

Цена в деньгах, главная ахиллесова пята данного корабля. Если попробовать посчитать по рыночному хотя бы половину узлов и агрегатов судна... выйдет, что построить на эти деньги десять других лодок, других проектов, и то дешевле.

К тому же, при всей своей невидимости в звуковом плане, лодку все равно можно найти, пусть никто пока и не думает искать в данном спектре. В лодке, все электрическое, и она оставляет за собой крайне четкий след наэлектризованной воды. В этом виноват двигатель, в котором нет винтов! И именно эта причина, а не деньги, сделала лодку просто игрушкой, единственным построенным прототипом, уникальным, первым и последним.

— Дистанция восемь тысяч. — отчитался штурман, а капитан вновь напрягся, думая о том, что же его все-таки беспокоит.

Найти их не смогут, даже если охотятся именно за их лодкой. Да и не знают амеры, что у русских есть такое чудо, думая, что тут работает целая стая дизелей, а не один высокоскоростной атомоход. Но тогда что-же не так с этим кораблем, что они желают торпедировать? Что они там везут?

Что-то взрывающееся? Так это очевидно! Потому они и отошли подальше, на всякий случай! Тут их уже точно не достанет ни что, да и в случае шухера, всегда можно уйти на глубину, еще глубже чем сейчас, на недоступную никому. Ведь максимальная глубина погружения данной лодки — девятьсот метров! Хотя на испытаниях, её закидывали и глубже.

Полностью титановый двойной корпус, толстый слой резины сверху. И много что еще... и капитану не хочется думать о том, сколько трудов, сил и средств, стоило народу страны это посудино. Он прекрасно понимает, что его «атомоход-охотник», особо дорогая игрушка, с большим количеством торпедных аппаратов уникальной конструкции, и всего то четырьмя ракетами на борту. Ракеты тоже необычные, тоже дорогие, но единственный их плюс пред любыми иными, это возможность запуска с очень большой глубины.

Его «Гагарин» игрушка, но его капитану, его экипажу, всем, от матроса до старпома, корабль давно стал родным домом! И они второй год подряд доказывают, насколько сильно может быть эффективен данный проект, и данная лодка.

— Аппараты со второго по шестой готовь! — откинул капитан всякие сомнения, нахмутив брови.

И подлодка, на которой до этого даже дышать старались через раз, стала готовится к бою.

Нет, никто не забегал, и суетится не начал, и ходят тут и то на цепочках! С «балетными чешками» на ногах, чтобы создавать как можно меньше шума даже внутри лодки. Максимальная скрытность! Даже несмотря на то, что в этом море, сейчас есть только они, и этот сухогруз, в десяти милях впереди.

— Аппараты готовы! — доложил старпом о готовности боевого отделения.

Переборки открыты, торпеды уже взведены на боевой. Остался лишь приказ, один приказ, и... и люди, занявшие порт, что так дорог сердцу капитана, и как память, и как символ, не получат свои танки и снаряды! Не пойдут войной на Россию, потому что нечем им будет воевать. Не смогут повторить то, что они сделали с когда-то главной гаванью тихоокеанского флота на камчатке. Пара торпед, и этот сухогруз, никогда уже не дойдет до оккупированной гавани.

Но что-то все равно не даёт покоя сердцу капитана! Что-то... заставляет его думать, в различных плоскостях. Об увеличении числа «рыбешек»? Заходе с другого бока, дальнейшего наблюдения в кильватере... Но нет! Позиция идеальна! А четырех торпед хватит, чтобы отправить на встречу с морским царем любое судно! Хватит и двух, если половина промажет.

— Капитан? — произнес старпом, видя, что начальник о чем-то глубоко задумался и медлит.

— Аппарат пли! — встряхнул головой командир судно, окончательно гоня прочь всякие сомненья.

И торпеды, рванули к своей цели. Они электрические, и пуск их такой же. Они невидимки, как и сама лодка, и имеют в себе датчик металла и систему распознавания шума винтов — они не промахиваются! Никогда! Уж точно не тогда, когда цель — неповоротливый балкер.

***

— Ееееху! — проорал я, и щелкнул в воздухе кнутом, закладывая вираж на своем «коне».

Крутанулся, и заложив вираж уже в другом месте и в противоположную сторону. Повторил взмах кнутом. А-ля, у-лю, гони гусей! — это по мне! Правда, по-моему, эти гуси мою «лошадку» боятся куда больше моего кнута. Она все-таки... летает!

И шумит, и воздух гонит, и вообще... на ней сидит злая, но довольная девка, что буквально визжит от восторга и происходящего. Это — куда страшнее какого-то там кнута! Так что мне достаточно просто пролететь, чтобы выровнять линию фронта. Гусиного фронта! Вставшего на защиту родины, и войну с напастью — саранчи! Что угрожает наши посевы.

Десять миллионов гусей, против неподдающейся исчислению армии насекомых. Сколько их — никто не знает, и вряд ли когда-нибудь будет считать. От горизонта до горизонта, океан тварей, и узка полоска белых существ, отделяющее болотное море, от зеленых полей. Мы пока держимся!

Гуси, правда, наедаются, теряют интерес, решают пожевать и зелени немного, а не это, «мясо». Но для этого тут и существую я! Изображая из себя загран отряд, летая за спинами наших бойцов, и не давая им пуститься в бегство, и по травку. Пока вполне успешно! И мне все это нравится!

Правда, я тут уже вторые сутки ношусь, и судя по температуре датчиков аэроцикла, еще немного, и обмотка ядра машины перегреется.

— Это двухсотый! Вызываю четыреста семнадцатого! Смени меня, у меня перегрев!

На том конце канала связи кажется кто-то подавился.

— Принято! — отозвался боец, которому я, скрипя сердцем, отдал второй увиденный с полигона агрегат.

Все же четыреста семнадцатый, будучи пилотом, лучше всех подходил на эту роль, и отлично освоился с машиной. Даже я бы сказал — прирос к ней! Что легко уделает меня в состязании, хоть на скорость, хоть на маневренность. Но не на выносливость — два дня в полете ему никак не продержатся! Выдохнется, уже часов через пять. Так что мне надо воспользоваться этим временем с умом, и не только остудить машину, но и передохнуть самому.

А вот и он! — увидел я быстро приближающуюся точку вдаль, и передав смену, сел прямо тут, в километре от фронта, дабы шум «сверчков» меня не отвлекал. Сел, под тревожное мигание экрана аэроцикла, высвечивающего предупреждение о критически высокой температуре ядра. А вот двигатели, как ни странно, вполне себе еще держатся в рабочей зоне, не уходя в перегрев.

Сел, выключил агрегат, и присев на травку прямо рядом с ним, погрузился в подобие сна на два часа. Проснувшись, понял, что четыреста семнадцатый в моей помощи пока не нуждается, весело гоня гусей и отбиваясь от жуков, так и норовящих попасть в рот.

Узнал, что температура ядра еще и близко не пришла в норму, так как отключив байк, я отключил и охлаждение! Чуть не спалив всю систему! Спасло рефрене охладителя, сырость земли, и легкий бриз над бескрайним полем. И что мне лучше посидеть на аэроцикле верхом, но никуда не лететь, и не включать двигатели.

И тут я задумался, а как собственно, устроены эти двигатели?! Эти... штуки, что двигают вентиляторы с такой безумной силой и на такой немислимой скорости.

Тут, четыре двигателя по тридцать киловатт каждый. Сто двадцать в сумме, и это чистая мощь, а не та, что любят писать на мясорубках и пылесосах алчные производители. Огромная дурь! Непонятно где помещающаяся. Ведь оси винтов пропеллера... такие тоненьки! Такие маленькие! Где двигатель!? Где он там помещается!?!? КАК!?

Похоже, что создатель данного агрегата, сделал еще одно, куда более важное изобретение, чем сам аэроцикл — он изобрел двигатель для него! Ведь это его разработка! Да он...

— Да он хитрец! — воскликнул я в слух, поняв в чем тут фишка — Сама лопасть и есть двигатель!

Вернее, четыре лопасти вита — это якорь электромотора, так как в них спрятаны магниты. А обмотка статора, спрятана в внешний ободок вокруг винта, что по идее должен был выполнять исключительную роль гасителя завихрений. Таким образом весь импеллер, и есть электродвигатель! А то, что в середине — просто ось с подшипниковым узлом! Не более! И эту штуку можно сделать еще тоньше, но в этом нет смысла — в центре винта его линейная скорость слишком мала.

Но по итогу, за счёт того, что энергоядра из камней магмойда, это катушки индуктивности, где ферромагнитный сердечник заменен как раз таким камнем извнеземной твари, и дают они в систему постоянный ток, электричество, а не что-то еще. Без надобности каких-то дальнейших преобразований.

За счет того, что силовые элементы для постоянного тока наша промышленность научилась делать хорошо, и по весу с размерами. и по качеству продукции. И за счет такой вот хитрой компоновки двигателя, тоже работающего от постоянного тока — мощь импеллеров аэроцикла можно увеличить! Сильно увеличить! Во много раз увеличить!

Сделать больше! ГОРАЗДО БОЛЬШЕ! Еще больше...

Что-то мне кажется, что у меня уже слюни потекли — подумал я, и вытер слюну рукавом — надо по меньше мечтать, да по больше летать. Мне и текущего образца за глаза хватает! Надо лишь дождаться пока остынет ядро.

И попросить в следующей модели, сделанную специально для меня, вставить семь сердец магмойдов, за место пяти. Заодно улучшив охлаждение.

А где-то в далеко от этого тихого и мирного место, где-то в далекой и бесконечной синеве, меж небом и морем, там, где сходятся горизонты, ровно в этот миг и в этот час, расцветали грибы. Ядерные, грибы.